



**САМАРСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный  
исследовательский университет  
имени академика С.П. Королёва



ISSN 2542-0445

# **ВЕСТНИК**

**САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

**ИСТОРИЯ,  
ПЕДАГОГИКА,  
ФИЛОЛОГИЯ**

**ТОМ 24 • №3 • 2018 ГОД**

Подписной индекс 78535  
ISSN 2542-0445

Subscription Index 78535  
ISSN 2542-0445

**ВЕСТНИК  
САМАРСКОГО  
УНИВЕРСИТЕТА**

**ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ**

- *История*
- *Педагогика*
- *Литературоведение*
- *Языкознание*

**VESTNIK  
OF SAMARA  
UNIVERSITY**

**HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY**

- *History*
- *Pedagogics*
- *Studies of Literature*
- *Linguistics*

**Том 24 • № 3 • 2018 ГОД**

**VOL. 24 • № 3 • 2018**

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА  
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования  
«Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)

**eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ**

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.  
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть  
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,  
на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием*

**Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год**

MAGAZINE FOUNDER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education  
«Samara National Research University» (Samara University)

**eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN**

*The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003.  
On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific  
results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,  
from 23.06.2017 with new title*

**Journal is published since 1995. It is published 4 times a year**

**Адрес редакции:**

443011, Российская Федерация, г. Самара,  
ул. Акад. Павлова, 1.  
Тел.: +7(846) 3345406, 3379954  
E-mail: dubmane@mail.ru  
www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Литературное редактирование, корректура

*Т.А. Мурзинова*

Компьютерная верстка, макет

*Л.Н. Законова*

Информация на английском языке

*М.С. Стрельников*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС 77-67842** от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Подписной индекс в каталоге**

АО Агентство «Роспечать» 78535

ISSN 2542-0445

Прежнее название –

**Вестник Самарского государственного университета,  
ISSN 1810-5378**

0+

Цена свободная

Подписано в печать 25.09.2018.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 20.

Тираж 200 экз. (первый завод – 50 экз.). Заказ №

Центр периодических изданий Самарского университета  
443086, Российская Федерация, г. Самара,  
Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Отпечатано в типографии Самарского университета  
443086, Российская Федерация, г. Самара,  
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

© Самарский университет, 2018

**Postal address of editorial office:**

1, Academician Pavlov Street,  
Samara, 443011, Russian Federation.  
Tel.: +7(846) 3345406, 3379954

E-mail: dubmane@mail.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Literatory editing, proofreading

*T.A. Murzinova*

Computer makeup, dummy

*L.N. Zakonova*

Information in English

*M.S. Strelnikov*

The Certificate on registration of means of mass-media **PI № FS 77-67842** from 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

**Subscription Index in the Agency «Rospechat»**

Catalogue 78535

ISSN 2542-0445

The former title –

**Vestnik of Samara State University,  
ISSN 1810-5378**

0+

Free price

Passed for printing 25.09.2018.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 20.

Circulation 200 copies (first printing – 50 copies). Order №

Centre of Periodical Publications of Samara University  
312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,  
Samara, 443086, Russian Federation.

Printed on the printing house of Samara University  
34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation  
www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Author's articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

© Samara University, 2018

## Редакционная коллегия

### Главный редактор

**В.А. Конев**, д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

### История

**П.С. Кабытов**, д-р ист. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

**Э.Л. Дубман**, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

**С.И. Ковальская**, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Алматы, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан)

**В.В. Кондрашин**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Москва, Институт российской истории РАН, Российская Федерация)

**Брюс У. Меннинг**, доктор истории, профессор (Лоренс, Университет Канзаса, США)

**Д.А. Редин**, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Российская Федерация)

**Андрей Знаменский**, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Теннесси, Университет Мемфиса, США)

### Педагогика

**В.П. Бездухов**, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самара, Самарский социально-гуманитарный университет, Российская Федерация)

**М.Д. Горячев**, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

**Анна Мантарова**, д-р социол. наук (София, Институт изучения обществ и знания, Болгарская академия наук, Болгария)

**Т.И. Руднева**, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

**Л.К. Раицкая**, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Москва, Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Российская Федерация)

**В.А. Капранова**, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики высшей школы и современных воспитательных технологий (Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Республика Беларусь)

### Филология

**С.И. Дубинин**, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

**Н.А. Илюхина**, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

**Игорь Клюканов**, PhD, профессор коммуникации (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

**Бенджамин Питерс**, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Талса, Колледж искусств и науки Генри Кенделла, США)

**А.А. Харьковская**, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

**Андреас Эббингхаус**, д-р филол. наук, профессор (Вюрцбург, Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Германия)

**Галина Синекопова**, PhD, профессор (Чини, Восточный Вашингтонский университет, США)

**Д.С. Храмченко**, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и межкультурной коммуникации (Тула, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого, Российская Федерация)

**Л.Б. Карпенко**, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация)

**Н.А. Тупикова**, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоград, Волгоградский государственный университет, Российская Федерация)

## Editorial board

### Chief editor

*V.A. Konev*, PhD in Philosophy, professor, honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

### History

*P.S. Kabytov*, PhD in History, professor, honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

*E.L. Dubman*, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **executive secretary**

*S.I. Kovalskaya*, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Almaty, Eurasian National University, Kazakhstan)

*V.V. Kondrashin*, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Moscow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

*Bruce W. Menning*, PhD in History, professor (Lawrence, University of Kansas, USA)

*D.A. Redin*, PhD in History, assistant professor, deputy head (Ekaterinburg, Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

*Andrei Znamenski*, PhD in History, full professor of the Faculty of History (Tennessee, University of Memphis, USA)

### Pedagogy

*V.P. Bezdukhov*, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara, Samara State University of Social Sciences and Education, Russian Federation)

*M.D. Goryachev*, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

*Anna Mantarova*, Dr. of Sociological Sciences (Sofia, Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria)

*T.I. Rudneva*, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

*L.K. Raitetskaya*, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (Moscow, MGIMO, Russian Federation)

*V.A. Kapranova*, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy of Higher School and Modern Educational Technologies (Minsk, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Belarus)

### Philology

*S.I. Dubinin*, Samara, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

*N.A. Ilyukhina*, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation) – **deputy chief editor**

*Igor Klyukanov*, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

*Bendzhamin Piters*, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Tulsa, Henry Kendall College of Arts and Sciences, USA)

*A.A. Khar'kovskaya*, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

*Andreas Ebbinghaus*, Doctor of Philological Sciences, professor (Würzburg, Julius-Maximilians University of Würzburg, Germany)

*Galina Sinekopova*, PhD, professor of Communication (Cheney, Eastern Washington University, WA, USA)

*D.S. Hramchenko*, PhD in Philology, assistant professor, professor of the Department of Translation and Intercultural Communication (Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russian Federation)

*L.B. Karpenko*, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara, Samara National Research University, Russian Federation)

*N.A. Tupikova*, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd, Volgograd State University, Russian Federation)

## СОДЕРЖАНИЕ

## ИСТОРИЯ

<b>Королев А.С.</b> Святая Ольга: незнатная псковитянка или могущественная княгиня Вышгорода?	7
<b>Леонтьева О.Б.</b> Два века императора: Александр II в зеркале исторических биографий	15
<b>Любичанковский С.В.</b> «Это было недавно, это было давно...»: детали повседневной жизни жителя российской провинции последней четверти XX века в дневниках Л.Н. Большакова	22
<b>Курятников В.Н.</b> «Мы разбудим спящие недра!» (Из истории открытия нефти в Урало-Поволжье)	28
<b>Леонов М.И.</b> Эсеры и первая революционная демонстрация XX века в Москве	36
<b>Рышков В.М.</b> Самарская городская дума vs Центральный совет кварталов: штрихи к характеристике политического режима Комитета членов Учредительного собрания	41

## ПЕДАГОГИКА

<b>Илюхина Н.А.</b> Коммуникативный аспект в профессиональной подготовке филологов-русистов	50
<b>Куруленко Э.А., Кузичкина Г.А.</b> Педагогические технологии формирования информационной компетентности студентов вузов культуры	56
<b>Кретьова И.Г.</b> Формирование универсальных компетенций студентов средствами дисциплины «Безопасность жизнедеятельности»	62
<b>Кашина Е.Г.</b> Формирование социоигрового стиля деятельности у студентов средствами иностранного языка	67
<b>Голубков С.А.</b> Формирование у студентов-филологов готовности к культурно-просветительской деятельности	71
<b>Куриленко Л.В., Вохрышева М.Г.</b> Особенности оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы	76
<b>Новоселова О.В., Соловова Н.В., Нестеренко В.М.</b> Компетентностный подход к формированию кадрового резерва образовательной организации высшего образования	83

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<b>Тютелова Л.Г.</b> Русский драматический сюжет XIX века и роль героя-плута в нем	89
<b>Хорева Л.Г.</b> Испанская картина мира и ее отражение в архетипе безумия в испанской литературе	96
<b>Сафрон Е.А., Лукашевич М.В.</b> «Дорога шамана»: мотив сна-путешествия в повестях М. Фрая	102
<b>Растягаев А.В., Сложеникина Ю.В.</b> О первом переводе «Метаморфоз» Овидия в журнале «Трудолюбивая Пчела» (1759) А.П. Сумарокова	109

## ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<b>Беспалова Е.В.</b> Самопрезентация охотников (на материале немецких охотничьих сайтов)	116
<b>Поспелова К.В.</b> Древнефризская бранная лексика в историко-культурной перспективе	122
<b>Сазонова А.В.</b> Языковые системы тестирования в Европе и в России: причины создания, цели и задачи	127
<b>Пономарева О.В., Илюхина Н.А.</b> Отражение внутреннего мира лица в измененном состоянии его сознания (на материале художественных текстов)	135
<b>Пашкова Е.А.</b> Реализация концепта «ЛЮБОВЬ» в текстах рок-композиций	143
<b>Вишнякова О.Д., Климанова М.В.</b> Концептуальные структуры «knowledge» и «education» как базовые составляющие лингводидактического дискурса и динамика их реализации в современном английском языке	147
<b>Пономаренко Е.В., Паршутина Г.А.</b> Нелинейность как системное свойство функционального пространства английского делового дискурса	156

## CONTENTS

### HISTORY

<b>Korolev A.S.</b> Saint Olga: humble inhabitant of Pskov or the powerful Princess of Vyshgorod?	7
<b>Leontieva O.B.</b> Two centuries of the Emperor: Alexander II in the mirror of historical biographies	15
<b>Lyubichankovsky S.V.</b> «It was recently, it was a long time ago...»: details of the daily life of the resident of the Russian province of the latest quarter of the XX century in the diaries of L.N. Bolshakov	22
<b>Kuryatnikov V.N.</b> «We will wake the sleeping depths of Earth up!» (From the history of oil discovery in the Ural and Volga Region)	28
<b>Leonov M.I.</b> Socialists-Revolutionaries and the first revolutionary demonstration of the XX century in Moscow	36
<b>Rynkov V.M.</b> Samara Town Council vs Central council of residential quarters: the finishing touches to the feature of political regime of Constituent Assembly committee member	41

### PEDAGOGICS

<b>Ilyukhina N.A.</b> Communicative aspect in the professional training of philologists-specialists in Russian philology	50
<b>Kurulenko E.A., Kuzichkina G.A.</b> Pedagogical technologies of formation of information competence of students of universities of culture	56
<b>Kretova I.G.</b> Formation of universal competences of students by means of the discipline «Health and safety»	62
<b>Kashina E.G.</b> Formation of the socio-game style of activity among students by means of a foreign language	67
<b>Golubkov S.A.</b> Formation at students-philologists of readiness to cultural and educational activities	71
<b>Kurilenko L.V., Vokhrysheva M.G.</b> Features of evaluation of quality of professional training of specialists of social sphere	76
<b>Novoselova O.V., Solovova N.V., Nesterenko V.M.</b> Competence-based approach to the formation of a personnel reserve of the educational organization of higher education	83

### LITERATURE STUDIES

<b>Tyutelova L.G.</b> Russian dramatic plot of the XIX century and the role of the hero-cheat in it	89
<b>Khoreva L.G.</b> Spanish view of the world and its projection in the archetype of madness of Spanish literature	96
<b>Safron E.A., Lukashevich M.V.</b> «Shaman road»: the motive of dream-travel in the novels by M. Frei	102
<b>Rastyagaev A.V., Slozhenikina Yu.V.</b> About the first translation of the «Metamorphoses» by Ovid in A.P. Sumarokov's journal «Hard-Working Bee» (1759)	109

### LINGUISTICS

<b>Bespalova E.V.</b> Hunter's self-presentation (based on German hunters' web-sites)	116
<b>Pospelova K.V.</b> Old Frisian insults in cultural-historical perspective	122
<b>Sazonova A.V.</b> Language testing systems in Europe and in Russia: reasons for creating, purposes and objectives	127
<b>Ponomareva O.V., Ilyukhina N.A.</b> Reflection of the inner world of a person in a changed condition of his consciousness (on the materials of artistic texts)	135
<b>Pashkova E.A.</b> Realization of «LOVE» concept in the texts of rock songs	143
<b>Vishnyakova O.D., Klimanova M.V.</b> Conceptual structures «knowledge» and «education» as the basic elements of linguodidactic discourse and the dynamic character of their realization in modern English	147
<b>Ponomarenko E.V., Parshutina G.A.</b> Non-linearity as systemic property of functional space of business English discourse	156

---

# ИСТОРИЯ

---

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-7-14  
УДК 94 (47)

Дата поступления статьи: 1/VIII/2018  
Дата принятия статьи: 12/IX/2018

**А.С. Королев**

## СВЯТАЯ ОЛЬГА: НЕЗНАТНАЯ ПСКОВИТЯНКА ИЛИ МОГУЩЕСТВЕННАЯ КНЯГИНЯ ВЫШГОРОДА?

---

© *Королев Александр Сергеевич* – кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь.  
E-mail: [koryuz@mail.ru](mailto:koryuz@mail.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0072-7416>

---

### АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме происхождения святой княгини Ольги. Автор отмечает противоречие в источниках, содержащих сведения по проблеме. С одной стороны, Ольге приписывается происхождение из Пскова, с другой – она представлена владелицей расположенного недалеко от Киева города Вышгорода. Следовательно, перед нами две взаимоисключающие версии места рождения Ольги.

В статье проанализирована версия псковского происхождения Ольги (как вариант, в котором Ольга принадлежит к местной знати, так и вариант ее рождения в незнатной семье). В результате делается вывод о сомнительности псковской версии. Не менее внимательно проанализированы все возможные варианты приобретения Ольгой Вышгорода. Особое внимание уделено версии о разводе Ольги и Игоря с последующей передачей Игорем Вышгорода бывшей жене. Параллельно поднимается проблема владельческих прав знатных женщин на Руси в X веке. Автор делает вывод, что Вышгород принадлежал Ольге по праву рождения. Объясняются причины появления преданий о происхождении Ольги из Пскова и участия Олега в организации ее брака с Игорем.

Учитывая, что хорошо укрепленный Вышгород вырос в 12–15 км к северу от Киева, и в X в. его территория была примерно равна территории столицы русов, установление факта происхождения княгини Ольги из семьи владельцев Вышгорода позволяет по-новому взглянуть как на причины ее утверждения в Киеве после гибели Игоря, так и на роль женщин в политической жизни Руси середины X века в целом.

**Ключевые слова:** Древняя Русь, Киев, русские князья, княгиня Ольга, Вышгород, русско-византийский договор, Олег, Псков.

**Цитирование.** Королев А.С. Святая Ольга: незнатная псковитянка или могущественная княгиня Вышгорода? // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-7-14>



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)



DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-7-14  
UDC 94 (47)

Submitted: 1/VIII/2018  
Accepted: 12/IX/2018

A.S. Korolev

## SAINT OLGA: HUMBLE INHABITANT OF PSKOV OR THE POWERFUL PRINCESS OF VYSHGOROD?

© Korolev Alexander Sergeevich – Candidate of Historical Sciences, associate professor, independent researcher.  
E-mail: koryuz@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0072-7416>

### ABSTRACT

The article is devoted to the problem of the origin of the Saint Olga. The author notes the contradiction in the sources, containing information on the issue. On the one hand, Olga is credited with the origin of Pskov, on the other – it is presented as the owner of located near Kiev of the city of Vyshgorod. The author comes to the conclusion that we have before us two conflicting versions of the place of birth of Olga.

The article analyzes the origin version of the Pskov Olga (as an option, in which Olga belongs to the local nobility, and the option when she was born in a commoner family). The result is a conclusion about the ambiguity of the Pskov version. Analysis of local legends about Olga suggests that they are not a feature of Pskov. Not less carefully analyzed all possible options of purchasing Olga in Vyshgorod. Special attention is paid to the version of the divorce of Olga and Igor, with the subsequent transfer by Igor of Vyshgorod to his ex-wife. Both this version and legends about Olga's murder of her husband are doubtful. In parallel, the issue of possessory rights of noble women in Russia in the X century is raised. The author concludes that Vyshgorod belonged to Olga by right of birth. The reasons for the emergence of legends about the origin of Olga from Pskov and participation of Oleg in arranging her marriage to Igor are explained.

We must consider both that a well-fortified Vyshgorod originated in the 12-15 km to the North from Kiev and that in the X century its territory was roughly equal to the territory of the capital of ancient Russia. The establishment of the fact of origin of Princess Olga from the family owners of Vyshgorod allows new insight as to the reasons for its approval in Kiev after the death of Igor and the role of women in the political life of Russia of the middle of the X century as a whole.

**Key words:** Ancient Russia, Kiev, Russian princes, Princess Olga, Vyshgorod, Russian treaty with Byzantium, Oleg, Pskov.

**Citation.** Korolev A.S. *Sviataia Ol'ga: neznatnaia pskovitianka ili mogushchestvennaia kniaginia Vyshgoroda?* [Saint Olga: humble inhabitant of Pskov or the powerful Princess of Vyshgorod?]. *Vestnik Samarского университета. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 7–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-7-14>.

### Введение

В «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) не-много сведений о княгине Ольге до середины X в. Первое упоминание о ней относится к 6411 (903) г.: «Игореве же възрастъшу, и хожаше по Олзѣ и слушаа его, и приведоша ему жену от Пьскова, именем Олгу» [Повесть временных лет 1996, с. 16]. В следующий раз она появляется на летописных страницах лишь через сорок с небольшим лет – в 6453 (945) г. – в истории убийства древлянами киевского князя Игоря и страшной мести Ольги за мужа. Во время гибели Игоря Ольга, как сообщает ПВЛ, «бѣше в Киевѣ съ сыномъ своимъ съ дѣтскомъ Святославомъ» [Повесть временных лет, 1996, с. 27]. Расправившись с древлянами, обустроив дани и погосты по Мсте, а оброки и дани по Луге, оставив по себе яркую память – «ловища ея суть по всей земли, знамяня и мста и повосты и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дньне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ее Олжичи и доселе» – княгиня возвратилась «къ сыну своему Киеву, и пребываше с нимъ въ любви» [Повесть временных лет 1996, с. 29]. В следующий

раз Ольга появится на страницах ПВЛ только через десятилетие – в истории посещения ею Константинополя.

Эта ранняя биография Ольги представляется простой и понятной – жена, вдова, заботливая мать, обязанная своим высоким положением удачному замужеству, которое устроил знаменитый Олег.

### Происхождение княгини Ольги

Почти все летописные упоминания об Ольге так или иначе связаны с попытками (по большей части неудачными) жениться на ней. После гибели Игоря к ней посватался древлянский князь Мал, затем – византийский император. Учитывая, что в основе летописных известий за X в. лежат в основном разнообразные народные предания, можно подумать, что в последних Ольга неизменно представляла в образе непобедимой невесты – известного фольклорного персонажа. Это особенно заметно в предании, дошедшем до нас в составе созданной в 60-х гг. XVI в. «Книги Степенной царского родословия» («Степенная книга») [Полное собрание русских летописей 1908, с. 7–8]. Здесь сообщается,

что преследовавший зверя Игорь подъехал к реке, где встретил Ольгу, которая согласилась перевезти князя на другой берег. Начавшиеся затем домогательства князя были пресечены перевозчицей, после чего очарованный Ольгой Игорь женился на строгой девушке. В этой истории все символично: и фольклорная ситуация встречи героя с суженой на охоте (князь охотился на зверя, а встретил Ольгу — как не вспомнить сказочный мотив встречи с чудесным животным (лебедью, ланью и др.), превратившимся в девушку), и поединок, пусть и моральный, героя с невестой (не случайно, подъехавший к реке князь сначала подумал, что перевозчик — мужчина). Возможно, и в истории устройства этого брака Олегом также отразился сказочный мотив «волшебного помощника» героя, который помогает ему добыть невесту. Символично и то, что Ольга перевозит Игоря на другой берег, что предопределяет судьбу князя — перевоз через реку в свадебных песнях «знаменует переход в новый род, новую семью» [Соколова 1970, с. 15–16].

Вошедшая в «Степенную книгу» история знакомства-брака Игоря и Ольги весьма напоминает повесть об отношениях другой знаменитой княжеской пары — Петра и Февронии. И тут, и там действует непростая девушка низкого происхождения, привязавшая к себе князя. В ПВЛ мотив незнатного происхождения Ольги явно не прослеживается. В «Степенной книге», напротив, на нем заострено внимание. Не случайно здесь родиной Ольги указывается даже не Псков, а некая весь (село) Выбутская под Псковом. Как известно, по сей день на село (погост) Выбутино, расположенное на берегу реки Великой в десяти километрах выше Пскова, указывают туристам как на родину Ольги. Однако И.И. Малышевский еще в конце XIX в. обратил внимание на то, что причиной перенесения родины Ольги из Пскова в Выбутино явилось сообщение жития княгини, помещенного в «Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария (30–40-е гг. XVI в.), будто во время свадьбы Игоря и Ольги Пскова (прослеживающегося археологически с VIII в.) не существовало. «Степенная книга» развивает эту мысль, рассказывая, что много позднее именно Ольга и основала Псков [Малышевский 1889а, с. 10–12]. А на то, что из всех псковских сел именно Выбутино было избрано в качестве места рождения Ольги, повлияло сообщение Никоновской летописи (также поздней, XVI в.) о каком-то селе Ольги Будутине, куда она сослала свою ключницу Малушу, мать Владимира. Это село Ольга перед смертью, якобы завещала некой Богородичной церкви [Полное собрание русских летописей 1862, с. 35]. Вероятно, И.И. Малышевский прав и в том, что сообщение о низком происхождении Ольги — также логический вывод, сделанный летописцами, теперь уже из предположения о сельском происхождении жены Игоря: «Если Ольга происходила из села, то она и была поселанка, простая сельская девушка. Такой вывод поощрялся и тем отмечаемым в житиях обстоятельством, что об именах отца и матери Ольги «нигде же писания

изъяви». Следовательно, это были люди безвестные, простые» [Малышевский 1889а, с. 12].

В первой четверти XX в. псковский краевед Е.И. Исполатов заметил, что вышеупомянутый погост Выбута (или Выбутино) близ Пскова «называется также Лыбута (или Лыбуты). Последнее название вернее, так как это есть измененное Любута. Подобных названий, происходящих от корня «люб», немало в Псковской губ.»: так, «на западном берегу Псковского озера есть местечка Лыбовка, которое жители Гдовского уезда называют Любювка. Рассказывают, что здесь какой-то князь влюбился в местную жительницу; а неподалеку отсюда, к северу, находится селение Изменка, где тот же князь изменил своей симпатии!» [Исполатов 1924, с. 47]. Таким образом, в окрестностях Пскова ходило довольно много легенд о романе некоего князя с местной девушкой. Учитывая популярность Ольги, можно предположить, что эта традиция была увязана с ней, а затем перешла и в позднее летописание.

Если фантазия составителей «Степенной книги» превратила Ольгу в крестьянку, то такая же фантазия составителя Ермолинской летописи (вторая половина XV в.) сделала ее «княгиней из Пскова» [Полное собрание русских летописей 1910, с. 4]. Более поздние летописцы охотно разделили эту точку зрения, даже приукрасив ее. Так, Типографская летопись (первая половина XVI в.), сославшись на рассказы «некоторых», признала Ольгу дочерью Олега [Типографская летопись 2000, с. 9]. Тут явно повлияло сообщение ПВЛ о том, что именно Олег привлек Ольгу к Игорю. Об Ольге как о дочери Олега сообщают Пискаревский летописец (первая четверть XVII в.) и Холмогорская летопись (вторая половина XVII в.) [Полное собрание русских летописей 1978, с. 36; Полное собрание русских летописей 1977, с. 15]. А Мазуринский летописец (80-е годы XVII в.) называет Ольгу «правнукою» легендарного Гостомысла [Полное собрание русских летописей 1968, с. 39]. Возможно, на стремлении поздних летописцев приписать Ольге знатное происхождение сказалась реакция на вольные умозаключения «Степенной книги». Однако и в этом случае мы имеем дело с фантазиями, основанием для которых послужило все то же глухое сообщение ПВЛ о приходе Ольги из Пскова.

#### **Сомнительность псковского происхождения Ольги**

Кажется, связь Ольги с Псковом не вызывает сомнений. ПВЛ сообщает, что сани княгини находятся в городе «и до сего дьне». В одном из псковских синодиков (в списке XVI в.) сообщалось даже о погребении Ольги в местном Ивановском женском монастыре [Серебрянский 1915, с. 33]. Еще в XIX в. близ Пскова показывали «Ольгин городок» (в писцовых книгах так называлось село Перино близ Снетогорского монастыря), «Ольгин дворец» (еще одна псковская деревня, известная также как Житник), «Ольгины ворота» — рукав реки Великой, «Ольгины слуды» (слуда — подводный камень) — другой рукав той же реки, но неглубокий,

с каменистым дном, «Ольгину гору», «Ольгин крест» и т. д. [Толстой 1861, с. 76, 78; Малышевский 1889b, с. 330–331]. И в XX в. приезжающим рассказывали на Псковщине предания о «сильной богатырке» Ольге, легко переносившей с места на место огромные камни [Рыдзевская 1978, с. 200]. Однако окрестности Пскова – не единственное место, где бытовали легенды, привязанные к имени Ольги. Уже ПВЛ связывает с именем княгини погосты по Мсте и Луге, «перевесища» по Днепру и Десне, какое-то село Ольжичи и всякие «ловища», «знамянья», «мѣста» и «повосты», разбросанные «по всей земли». В поздней, так называемой Витебской летописи имеется предание о посещении Ольгой Полоцкой земли и основании княгиней Витебска [Довнар-Запольский 2012, с. 70]. В XVII в. в Ярославской области показывали один большой камень на берегу Волги, близ устья Мологи, который назывался «Ольгиным» [Буслаев 2003, с. 315]. А в XIX в. крестьяне Овручского уезда (в древности – Древлянская земля) показывали проезжающим колодцы, из которых Ольга якобы пила или которые выкопали по ее приказу, водоемы, в которых княгиня купалась, после захвата Искростеня и огромные холмы, каждый из которых крестьяне ближайшего к нему села выдавали за курган, насыпанный Ольгой над могилой Игоря. А еще здесь можно было увидеть «Ольгину долину», «Игорев брод», «Ольгину ванну» (или «Ольгину купальню»), «Ольгину гору», «Ольгин колодец» и т. д. [Мамаев 1901, с. 820; Коробка 1908, с. 2–10]. Так что выделять Псковскую землю в качестве какой-то особой местности бытования топонимических легенд об Ольге было бы неправильно. Скорее, наоборот, внимание исследователей (следующих за сообщением ПВЛ) к псковским легендам об Ольге продиктовано убежденностью в том, что Псковщина и есть родина знаменитой княгини.

Исследователи неоднократно ставили под сомнение псковское происхождение Ольги. В качестве аргументов выдвигались тезисы об отдаленном положении Пскова от Киева и отсутствии между ними в то время устойчивых связей. Поэтому В.А. Пархоменко даже предположил, что Ольгин «Плесков следует искать на юго-востоке, отнюдь не смешивая со Псковом, в то время не связанным с Киевом» [Пархоменко 1924, с. 88]. Позднее Н.Н. Воронин заметил, что, несмотря на древность Пскова, «вряд ли нога Ольги ступала по его улицам. Еще в начале XI века Псков был для Киева своего рода Сибирью – местом прочной и далекой ссылки. Сюда еще в 1036 году Ярослав заточил своего младшего брата Судислава» [Воронин 1945, с. 45]. Однако эти аргументы можно было бы считать чисто умозрительными, если бы в самой ПВЛ не содержалось намека на происхождение Ольги из другого города, причем расположенного довольно близко от Киева. Как известно, после разгрома земли древлян Ольга возложила на побежденных «дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ольѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Вользинъ» [Повесть временных лет 1996, с. 29].

### Вышгород – город Ольги

Хорошо укрепленный Вышгород вырос в 12–15 км к северу от Киева, и в X в. его территория была примерно равна территории «матери городов русских» [Довженко 1949, с. 40; Толочко 1975, с. 23–24]. То, что Вышгород играл в середине X в. значительную политическую и экономическую роль, понятно из упоминания «Вусеграда» в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» в качестве одного из центров русов, откуда прибывают корабли в Константинополь [Константин Багрянородный 1991, с. 45]. Возникает вопрос: каким образом этот значительный, близко расположенный от Киева город стал «градом Ольги»? Конечно, ничего удивительного в том, что женщина в X в. могла иметь во владении город, нет. Историки неоднократно обращали внимание на упомянутых в русско-византийском договоре 944 г. княгинь, отправивших послов на переговоры с греками – Предславу, Сфандру, ту же Ольгу. Б.Д. Греков предположил, что «естественнее всего» – это «вдовы, продолжающие представлять свои знатные фамилии и после смерти мужей, подобно тому, как Ольга не потеряла своего главенствующего положения после смерти своего мужа Игоря. Это говорит об устойчивости знатных фамилий, т. е. о прочности их материальной базы» [Греков 1945, с. 43]. Политическое влияние, контроль над городом, тем более таким сильным, как Вышгород, безусловно, можно признать прочной материальной базой. Однако, судя по сообщению ПВЛ, Ольга являлась владелицей Вышгорода еще до того, как стала вдовой Игоря. Как известно, в качестве вдовы она как раз перебралась в Киев, где ее и осадили печенеги в 968 г.

Если исходить из положения о том, что Ольга была обязана своим возвышением браку с Игорем, то можно выдвинуть и другое предположение о причине, по которой киевский князь передал жене Вышгород. Напрашивается параллель с внуком Ольги Владимиром, который, охладев к Рогнеде, отправил ее на жительство в село на Лыбеди, а затем передал ей с сыном город Изяславль. Практика обеспечивать брошенных жен правителей владениями встречается не только на Руси. В исландских сагах сообщается о событиях, кажется, конца X в.: «В то время, когда Норегом правил ярл Хакон, Эйрик был конунгом в Свитьод. [...] Конунг Эйрик взял в жены Сигрид Суровую, и был их сыном Олав Свенский. Так говорят люди, что этот конунг хотел расстаться с королевой Сигрид и не хотел выносить ее вспылчивость и высокомерие, и стала она королевой над Гаутландом. А конунг потом взял в жены дочь ярла Хакона. Ему наследовал его сын Олав» [Джаксон 1993, с. 141]. Если предположить, что случай с Рогнедой не исключение, то можно предположить и передачу Ольге Вышгорода, хотя, учитывая масштаб сделанного Игорем подарка, его возможность вызывает сомнения, все-таки Вышгород – не какой-то Изяславль.

В связи с этим предположением нельзя оставить без внимания уже упомянутые устные преда-

ния об Ольге, распространенные в конце XIX в. на территории Овручского уезда. Наряду с рассказами об «Ольгиной горе», «Ольгином колодце» и т. д. фольклорист Н.И. Коробка записал в местечке Искорость предания об убийстве Ольгой своего мужа, которого рассказчики то называли Игорем, то оставляли безымянным. Например, Н.И. Коробке рассказали, будто Игорь купался в реке, Ольга проходила мимо с войском, зрелище показалось Ольге неприятным, она велела убить купальщика, а на месте его могилы насыпать огромный курган, так как Игорь был ее мужем. По другой легенде Ольга убивает мужа, не узнав его в чужой одежде (правда, он и переоделся-то, чтобы она его не узнала), а затем опознает по перстню на руке. В северной части уезда Н.И. Коробка записал в начале XX в. предание, повествующее о споре супругов, в результате которого Ольга убила мужа. Наконец, местные жители рассказывали о семилетней осаде Ольгой города, в котором укрывался от нее муж. Когда же супруг решил вырваться из города с помощью подземного хода, который прокопали до Киева, Ольга догадалась об этом, и несчастный был убит у выхода из подкопа. Н.И. Коробка отмечал, что предания о войне Игоря и Ольги и убийстве ею мужа вообще очень распространены в Овручском уезде [Коробка 1908, с. 6–10]. Ознакомившись со всем этим, можно, кажется, поверить и в возможность развода Игоря и Ольги, и даже в ее причастность к убийству бывшего мужа. По крайней мере, древность преданий о гибели Игоря и мести Ольги, распространенных на территории бывшей Древлянской земли, несомненна. Еще в 1710 г. В.Н. Татищев, продвигавшийся «из Киева с командой», осмотрел близ города Коростеня «холм весьма великий на ровном месте близ речки», который назывался местными жителями «Игровой могилой» [Татищев 1994, с. 222, 305]. Правда, совершенно непонятно, как соотносится все это с летописным повествованием об убийстве Игоря древлянами и последовавшим затем опустошением Древлянской земли Ольгой. Обращает на себя внимание и то, что Н.И. Мамаев (проезжавший через Овручский уезд в 1871 г.), Н. Вербицкий (побывавший здесь в 1854 г.) и тот же В.Н. Татищев, оставившие в своих описаниях упоминания о всевозможных топонимических легендах, связанных с именем Ольги, не знали преданий об убийстве Ольгой Игоря. И это при том, что, как пишет Н.И. Коробка, «народные предания, известные г. Вербицкому, переданы им не целиком, а в пересказе и притом так переплетены с собственными учеными домыслами и сведениями, почерпнутыми из книжных источников, что не всегда можно решить, где кончается народное сказание и где начинается домысел автора» [Коробка 1908, с. 8]. Вероятно, при таком подходе к делу, если бы Н. Вербицкий услышал что-то из записанного позднее Н.И. Коробкой, он вставил бы это в свои заметки. Также поступил бы, вероятно, и В.Н. Татищев. Выходит, или что-то изменилось в этих преданиях за время, прошедшее между поездками Н. Вербиц-

кого и Н.И. Коробки, или первый не «услышал» того, на что обратил внимание второй. Возможно, и то, что крестьяне могли «подыграть» Н.И. Коробке, заметив его интерес к местным легендам, тем более что, как получается, он был далеко не первым, кто расспрашивал их об Игоре, Ольге, Мале и т. д. Поскольку, согласно описанию Н.И. Мамаева, Овручский уезд «самый бедный, самый неплодородный во всей губернии» [Мамаев 1901, с. 819], местные рассказчики могли что-то выдумать, желая подогреть интерес слушателя к своему рассказу и надеясь на вознаграждение. Наконец, рассказывая Н.И. Коробке предания об Игоре и Ольге, они могли просто перепутать Игоря и Мала, сватавшегося к Ольге. Мал, конечно, не был мужем Ольги, но мотив поисков Ольгой мужа, охоты за ним с целью убийства также показателен. Задача спрятаться – обычное испытание жениха в сказке, а потому не стоит ударяться в фантазии и превращать Ольгу в мужеубийцу.

Что же касается вопроса о способе приобретения Ольгой Вышгорода, то окончательное его решение вряд ли возможно – мало информации. И все-таки более вероятным представляется, учитывая реалии середины X в., не то, что Игорь мог передать Ольге в управление столь значительный город, а то, что Вышгород изначально и был владением Ольги (или ее семьи), а ее брак с князем киевским Игорем был союзом двух княжеских семей Русской земли, союзом, укрепившим положение этой супружеской пары среди двух десятков русских князей, объединившихся вокруг Киева, чьи имена перечислены в русско-византийском договоре 944 г.

Относительно летописного сообщения о появлении Ольги из Пскова мы можем быть твердо уверенными лишь в том, что в псковских пределах существовала устойчивая и довольно рано сложившаяся (не позднее создания ПВЛ) традиция связывать происхождение княгини с этими местами. Возможно, причиной тому были как раз сани Ольги, хранившиеся в Пскове. Логика простая: предмет находится в каком-то месте, значит, и его владелец как-то связан с этими местами. Б.Д. Греков, правда, пытался идти от обратного, вопрошая читателей своей известной книги: «Причем тут сани? Я думаю, что сани – это вещественное доказательство (предмет материальной культуры) того, что Ольга действительно ездила по Новгородской земле» [Греков 1953, с. 301–302]. Между тем не факт, что известия об этих санях действительно свидетельствуют о пребывании княгини в Пскове. Возможно, мы имеем дело с неким аналогом позднейших легенд о каретах императрицы Екатерины II, якобы застревавших в грязи в самых разных русских городах.

Наконец, коснемся сообщения о том, что Ольгу привел Игорю Олег. На этот счет, вероятно, существовало предание, глухо отразившееся в летописном тексте. Впрочем, не исключено и другое. Летописцам, особенно поздним, было свойственно

смешивать образы Олега и Ольги – ей приписывали то, что, согласно рассказам ПВЛ, совершал он, и наоборот. Так в летописях XVII в. отразилось предание о взятии Олегом древлянского города Колец (Корец), Олегу же приписывается и упорядочение податей на Руси [Халанский 1902, с. 291–298; Халанский 1903, с. 31–32]. Однако в позднее летописание XVII в. попало предание не о путешествии, а о военном походе Ольги на Константинополь, использовании в этом походе горящих птиц, полученных в качестве дани, и т. д. [Бычков 1882, с. 154; Кирпичников, 1897, с. 61; Халанский 1903, с. 6; Серебрянский 1915, с. 76–77]. Об относительной древности этих преданий свидетельствует сообщение новгородца Добрыни Ядрейковича, посетившего Константинополь в начале XIII в. В Софийском соборе он видел «и блюдо велико злато, служебное, Ольги Руской, когда взяла дань, ходивши ко Царюграду» [Малето 2005, с. 221]. Причиной этой путаницы было, вероятно, отмеченное В.Л. Комаровичем «поразительное во всех отношениях сходство этих двух княживших в Киеве первой половины X в. лиц: созданная Олегом племенная федерация с «матерью городов» в центре расширяется и внутренне организуется походами и «уставами» Ольги; одинаково независимы у обоих отношения с Византией: оба одинаково «хитры»; оба овеяны легендарными преданиями со скандинавскими параллелями; оба носят, наконец, одно и то же имя: Ольга – форма женского рода от древней формы мужского, с глухим гласным: Ольга, Олег» [Комарович 1960, с. 91]. А.М. Ранчин, правда, обратил внимание и на различия: «...история Ольги в ПВЛ – это в отдельных деталях как бы повторение истории Олега и вместе с тем как бы снятие тех изъянов, которые были ему присущи» [Ранчин 2007, с. 151]. Так что предание о приведении Ольги к Игорю Олегом (как и позднейшее – о родстве Ольги и Олега) могло быть отражением не реальных событий, а все того же осознания сходства их образов, а следовательно, и наличия связи между этими героями.

### Заключение

Взгляд на Ольгу как на могущественную и самостоятельную княгиню Вышгорода совершенно меняет и наше восприятие этого образа, и представление о роли женщины в политической жизни Древней Руси. Становится понятным, что утверждение Ольги в Киеве в качестве правительницы после гибели Игоря от рук древлян произошло не только вследствие ее брака с убитым, но и благодаря ее происхождению и влиянию в союзе русских князей, возглавляемых киевским князем.

### Библиографический список

Буслаев Ф.И. Бытовые слои русского эпоса // Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. М.: Высшая школа, 2003. С. 302–327.

Бычков А.Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Императорской публичной библиотеки. СПб.: Типография Имп. АН, 1882. Ч. 1. 692 с.

Воронин Н.Н. Древнерусские города. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 110 с.

Греков Б.Д. Борьба Руси за создание своего государства. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 79 с.

Греков Б.Д. Киевская Русь. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. 566 с.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 года). М.: Наука, 1993. 304 с.

Довнар-Запольский М. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 176 с.

Исполатов Е.И. Три псковских легенды // Познай свой край: сборник Псковского общества краеведения. Псков: Издание Псковского общества краеведения, 1924. Вып. 1. С. 45–47.

Кирпичников А.И. К литературной истории русских летописных сказаний // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской АН. СПб.: Типография Имп. АН, 1897. Т. 2. Кн. 1. С. 54–64.

Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 16. С. 84–104.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Коробка Н.И. Сказания об урочищах Овручского уезда и былины о Вольге Святославиче. СПб.: Типография Императорской АН, 1908. 37 с.

Малето Е.И. Антология хождений русских путешественников, XII–XV века: Исследование, тексты, комментарии. М.: Наука, 2005. 438 с.

Малышевский Н.И. Происхождение русской великой княгини Ольги св. // Киевская старина. 1889а. Июль. С. 1–27.

Малышевский Н.И. Происхождение русской великой княгини Ольги св. // Киевская старина. 1889б. Август. С. 325–353.

Мамаев Н.И. Записки // Исторический вестник. 1901. Сентябрь. С. 784–827.

Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л.: Государственное изд-во, 1924. 116 с.

Повесть временных лет / подгот. текста, пер., статьи и комментарии Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1996. 669 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: в типографии Эдуарда Праца, 1862. Т. 9: VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 256 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908. Т. 21. Первая половина: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. 342 с.

Полное собрание русских летописей. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1910. Т. 23: Ермолинская летопись. 243 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. 264 с.

Полное собрание русских летописей. Л.: Наука, 1977. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. 252 с.

Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. 304 с.

Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 576 с.

Рыдзевская Е.А. К вопросу об устных преданиях в составе древнейшей русской летописи // Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования). М.: Наука, 1978. С. 159–236.

Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты (Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1915 г. Кн. 3). М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1915. 491 с.

Соколова В.К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.

Татищев В.Н. История Российская. Ч. 1. // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Ладомир, 1994. Т. 1. 500 с.

Типографская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. 24). М.: Языки русской культуры, 2000. 272 с.

Толочко П.П. Киевская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 5–56.

Толстой М.В. Святые и древности Пскова. М.: Университетская типография, 1861. 170 с.

Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Август. С. 287–356.

Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Ноябрь. С. 1–40.

Довженок В.Й. Древній Вишгород // Вісник Академії Наук УРСР. 1949. № 8. С. 40–48.

## References

Buslaev F.I. *Bytovye sloi russkogo eposa* [Household sectors of the Russian epos]. In: Buslaev F.I. *Narodnyi epos i mifologiya* [Russian epos and mythology]. М.: Vysshaya shkola, 2003, pp. 302–327 [in Russian].

Bychkov A.F. *Opisanie tserkovno-slavianskikh i russkikh rukopisnykh sbornikov Imperatorskoi publichnoi biblioteki* [Description of Church Slavonic and Russian manuscript collections of the Imperial public library]. SPb.: Tipografiya Imp. AN, 1882, Part 1, 692 p. [in Russian].

Voronin N.N. *Drevnerusskie goroda* [Cities of Ancient Russia]. М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1945, 110 p. [in Russian].

Grekov B.D. *Bor'ba Rusi za sozdanie svoego gosudarstva* [Russian fight for the creation of the state]. М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1945, 79 p. [in Russian].

Grekov B.D. *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1953, 566 p. [in Russian].

Jackson T.N. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope (s drevneishikh vremen do 1000 goda)* [The Icelandic Royal Sagas about the Eastern Europe (from ancient times up to 1000 year)]. М.: Nauka, 1993, 304 p. [in Russian].

Dovnar-Zapolskiy M. *Ocherk istorii krivichskoi i dregovichskoi zemel' do kontsa XII stoletia* [History of the krivich's and dregovich's lands until the end of the XII century]. М.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2012, 176 p. [in Russian].

Ispolatov E.I. *Tri pskovskikh legendy* [Three Pskov legends]. In: *Poznai svoi kraii. Sbornik Pskovskogo obshchestva kraevedeniia* [Learn your region. The collection of Pskov society of local history]. Pskov: Izdanie Pskovskogo obshchestva kraevedeniia, 1924, Issue 1, pp. 45–47 [in Russian].

Kirpichnikov A.I. *K literaturnoi istorii russkikh letopisnykh skazanii* [On the literary history of Russian Chronicles tales]. *Izvestiia Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi AN* [News of the branch of the Russian language and literature of the Imperial Academy of Sciences]. SPb.: Tipografiya Imp. AN, 1897, Vol. 2, Book 1, pp. 54–64 [in Russian].

Komarovich V.L. *Kul't roda i zemli v kniazheskoi srede XI–XIII vv.* [The cult of gender and land in the princely environment of the XI–XIII centuries]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR* [Proceedings of the Department of Old Russian literature (the Pushkin House) of the Academy of Sciences of USSR]. М.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960, Vol. 16, pp. 84–104 [in Russian].

Konstantin Bagryanorodny. *Ob upravlenii imperiei. Tekst, perevod, kommentarii. Pod red. G.G. Litavrina i A.P. Novosel'tseva* [Controlling the Empire. Text, translation, commentaries. G.G. Litavrin, A.P. Novosel'tsev (Eds.)]. М.: Nauka, 1991, 496 p. [in Russian].

Korobka N.I. *Skazaniia ob urochishchakh Ovruchskogo uezda i byliny o Vol'ge Sviatoslaviche* [Stories about the tracts of Ovruch district and epics of the Volga Svyatoslavich]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi AN, 1908, 37 p. [in Russian].

Maleto E.I. *Antologiya khozhenii russkikh puteshestvennikov, XII–XV veka: Issledovanie, teksty, kommentarii* [Anthology of Russian travellers' journeys, XII–XV century: Research, texts, comments]. М.: Nauka, 2005, 438 p. [in Russian].

Malyshevskiy I. *Proiskhozhdenie russkoi velikoi kniagini Ol'gi sv.* [The origin of the Russian Grand Princess Olga the Saint]. *Kievskaya starina* [Kievan antiquity], 1889a, July, pp. 1–27 [in Russian].

Malyshevskiy I. *Proiskhozhdenie russkoi velikoi kniagini Ol'gi sv.* [The origin of the Russian Grand Princess Olga the Saint]. *Kievskaya starina* [Kievan antiquity], 1889b, August, pp. 325–353 [in Russian].

Mamaev N.I. *Zapiski* [Notes]. *Istoricheskii vestnik* [Historical journal], 1901, September, pp. 784–827 [in Russian].

Parhomenko V.A. *U istokov russkoi gosudarstvennosti (VIII–XI vv.)* [The origins of the Russian state (VIII–XI centuries)]. L.: Gosudarstvennoe izd-vo, 1924, 116 p. [in Russian].

- Povest' vremennykh let. Podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Likhacheva. Pod redaktsiei V.P. Adrianovoi-Peretts* [Primary Chronicle. Preparation of the text, translation, articles and commentaries by D.S. Likhachev. V.P. Adrianova-Peretts (Ed.)]. SPb.: Nauka, 1996, 669 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. SPb.: V tipografii Eduarda Pratsa, 1862, Vol 9: VIII. Chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's annals, 256 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. SPb.: Tipografiia M.A. Aleksandrova, 1908, Vol. 21. First half: The book of Steppen's royal genealogy, Part 1, 342 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. SPb.: Tipografiia M.A. Aleksandrova, 1910, Vol. 23: Ermolin chronicle, 243 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. M.: Nauka, 1968, Vol. 31: Chroniclers of the last quarter of the XVII century, 264 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. L.: Nauka, 1977, Vol. 33: Kholmogory Chronicle. Dvina chronicler, 252 p. [in Russian].
- Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Full collection of Russian Chronicles]. M.: Nauka, 1978, Vol. 34: Postnikovskiy, Piskarevskiy, Moscow and Belskiy chroniclers, 304 p. [in Russian].
- Ranchin A.M. *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaia knizhnost' v interpretatsiiakh, razborakh i kommentariiakh* [Vertograd Zlatoslovny: Old Russian book culture in the interpretations, analysis and reviews]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007, 576 p. [in Russian].
- Rydzhevskaya E.A. *K voprosu ob ustnykh predaniyakh v sostave drevneishei russkoi letopisi* [On the issue of oral tradition in the composition of the earliest Russian chronicle]. In: Rydzhevskaya E.A. *Drevniia Rus' i Skandinaviia v IX–XIV vv. (materialy i issledovaniia)* [Ancient Rus' and Scandinavia in the IX–XIV centuries (materials and research)]. M.: Nauka, 1978, pp. 159–236 [in Russian].
- Serebryanskiy N.I. *Drevnerusskie kniazheskie zhitia. Obzor redaktsii i teksty (Chteniia v Imperatorskom obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom universitete. 1915 g. Kn. 3)* [Ancient princely life. An overview of the editions and texts (Readings in the Imperial society of History and Russian Antiquities under the Moscow University. 1915, Book 3)]. M.: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1915, 491 p. [in Russian].
- Sokolova V.K. *Russkie istoricheskie predaniia* [Russian historical legends]. M.: Nauka, 1970, 288 p. [in Russian].
- Tatischev V.N. *Istoriia Rossiiskaia. Ch. 1.* [History of Russia. Part 1]. In: *Sobranie sochinenii: v 8 t.* [Collected works issued: in 8 Vols.]. M.: Ladomir, 1994, Vol. 1, 500 p. [in Russian].
- Tipografskaia letopis'. (Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 24)* [Printing Chronicle. (Full collection of Russian Chronicles. Vol. 24)]. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, 272 p. [in Russian].
- Tolochko P.P. *Kievskaiia zemlia* [The land of Kiev]. In: *Drevnerusskie kniazhestva X–XIII vv.* [Principalities of Ancient Russia (X–XIII centuries)]. M.: Nauka, 1975, pp. 5–56 [in Russian].
- Tolstoy M.V. *Sviatyni i drevnosti Pskova* [Shrines and antiquities of Pskov]. M.: Universitetskaia tipografiia, 1861, 170 p. [in Russian].
- Khalanskiy M. *K istorii poeticheskikh skazanii ob Olege Veshchem* [On the history of poetic tales about Oleg the Prophet]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Education], 1902, August, pp. 287–356 [in Russian].
- Khalanskiy M. *K istorii poeticheskikh skazanii ob Olege Veshchem* [On the history of poetic tales about Oleg the Prophet]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Education], 1903, November, pp. 1–40 [in Russian].
- Dovzhenok V.Y. *Drevnii Vishgorod* [Ancient Vyshhorod]. *Visnik Akademii Nauk URSS* [Bulletin of the Academy of Sciences of URSS], 1949, no. 8, pp. 40–48 [in Ukrainian].

О.Б. Леонтьева

**ДВА ВЕКА ИМПЕРАТОРА: АЛЕКСАНДР II В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ БИОГРАФИЙ**

© Леонтьева Ольга Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: [oleontieva@yandex.ru](mailto:oleontieva@yandex.ru). WoS ID: B-8653-2017. ORCID: 0000-0002-4245-1358

**АННОТАЦИЯ**

Статья посвящена сравнительному изучению работ о жизни императора Александра II, создававшихся на протяжении XX – начала XXI вв. в жанре исторической биографии. Задача исследования состоит в том, чтобы проследить, как изменялись с ходом времени трактовки правления Александра II и восприятие его как личности. Работа основана на историографических источниках: трудах профессиональных историков, а также научно-популярных, беллетризованных изданиях.

В статье доказывается, что личность Александра II вызывала интерес историков и биографов-беллетристов на тех этапах истории страны, которые можно было сопоставить с эпохой Великих реформ: в эпоху модернизации империи начала XX в., в первое послереволюционное десятилетие, в годы «перестройки» и становления новой российской государственности. Биографии Александра II создавались с позиций различных идеологий: монархической, либерально-реформаторской, революционно-радикальной, с точки зрения приоритета гуманистических ценностей. Жанр исторической биографии применительно к императору оборачивался разными гранями: от торжественного панегирика до памфлета или романтической любовной истории. В массиве исторических биографий можно выявить некоторые константы, неизменные составляющие образа императора (чувствительность, сентиментальность, склонность к колебаниям), но в рамках различных дискурсов эти качества получают разную оценку.

Сделан вывод, что в современных историко-биографических работах об Александре II на смену статичным характеристикам императора приходит ситуативный анализ мотивов и инструментария принятия его решений, стремление воссоздать систему политических приоритетов императора.

**Ключевые слова:** историография истории России, историческая биография, Александр II, эпоха Великих реформ.

**Цитирование.** Леонтьева О.Б. Два века императора: Александр II в зеркале исторических биографий // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 15–21. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-15-21>.





DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-15-21  
UDC 930:001.12

Submitted: 25/VIII/2018  
Accepted: 10/IX/2018

**O.B. Leontieva**

## TWO CENTURIES OF THE EMPEROR: ALEXANDER II IN THE MIRROR OF HISTORICAL BIOGRAPHIES

---

© *Leontieva Olga Borisovna* – Doctor of Historical Sciences, associated professor, professor of Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.  
**E-mail:** [oleontieva@yandex.ru](mailto:oleontieva@yandex.ru). **WoS ID:** B-8653-2017. **ORCID:** 0000-0002-4245-1358

---

### ABSTRACT

The article contains a comparative historiographical study of the works which are devoted to the life of the Emperor Alexander II and are qualified as the examples of the genre of historical biography. The study is based on historiographical sources: works of professional historians as well as popular and fictionalized biographies. The main aim of the study is to reveal how the interpretations of Alexander's reign and the perceptions of his personality have changed over the times.

The author argues that the personality of Alexander II aroused the interest of historians, biographers, and writers in the times which could be compared with the Era of Great Reforms: in the times of imperial modernizations in the early 20<sup>th</sup> century; during the first post-revolutionary decade; at the period of the “perestroika” and the building of the new Russian state. The biographies of Alexander II were written from the perspective of different ideologies: monarchic, liberal-reformist, revolutionary-radical, as well as from the perspective of priority of humanist values. The genres of Emperor's biography were also varied from a solemn eulogy to a pamphlet or a romantic love story. However, the author draws attention to some constant, unchanging components of the image of the Emperor which can be traced through all versions of his biography: his sensitivity, sentimentality, and hesitancy; she points that these personal qualities of the Emperor were evaluated differently within the frames of different discourses.

The author reveals the tendency inherent in contemporary works about Alexander II: static descriptions of Emperor's personality give way to situational analysis of his motives and practices of decision-making, as well as to attempts to reconstruct the system of political priorities of the Emperor.

**Key words:** historiography of Russian history, historical biography, Alexander II, Era of Great reforms.

**Citation.** Leontieva O.B. *Dva veka imperatora: Aleksandr II v zerkale istoricheskikh biografii* [Two centuries of the Emperor: Alexander II in the mirror of historical biographies]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 15–21. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-15-21>.

### Введение

Судьба императора Александра II, чей 200-летний юбилей пришелся на 2018 год, неразрывно связана с одним из ключевых периодов в истории нашей страны – эпохой Великих реформ. Инициатива в деле отмены крепостного права, как и трагическая гибель от рук террористов, казалось бы, должны обеспечить императору устойчивое внимание со стороны историков и прочное место в памяти российского общества; два века – достойный срок для подведения исторических итогов. Однако, как писал в 2002 г. историк А.А. Левандовский, до недавнего времени «на месте Александра II... зияла черная дыра – и в нашей историографии, и в нашей литературе, в том числе и классической» [Левандовский 2002, с. 21]. Десятилетие спустя, в 2014 г., Е. Ростовцев и Д. Сосницкий констатировали, что «фигура этого императора по-прежнему остается периферийной в основном круге источников формирования исторической памяти», что Александр II «почти всегда выступал (да и сегодня выступает) в информационном пространстве скорее “фоновой” фигурой, фоном неизбежного исторического процесса, чем его активным деятелем» [Ростовцев, Сосницкий 2014, с. 152].

Как сложилась эта ситуация и какие усилия предпринимались с момента гибели императора до наших дней, чтобы удержать его фигуру в фокусе исторической памяти? Об этом пойдет речь в настоящей статье. Здесь не ставится задача осветить все грани образа Александра II в российской исторической памяти (например, в художественной литературе и кинематографе, в мемориальной скульптуре, в школьных учебниках и т. п.); предметом рассмотрения будут только произведения историко-биографического жанра.

### Жанр исторической биографии

Жанр исторической биографии, пользующийся неизменным интересом читателей и в немалой степени формирующий их представления об историческом процессе, находится на стыке между сферой научного знания и документальной прозой (в конкретных работах может преобладать либо научная, либо беллетристическая сторона). Стержневая задача исторической биографии – понять своего героя в контексте эпохи, в которой он жил, уделяя внимание не только событийной канве, но и эмоционально-чувственной, внутренней жизни

персонажа [Репина 2010, с. 5–6]. По сути своей жанр исторической биографии предполагает использование приемов литературного творчества: документальные изыскания соединяются в нем с творческой интуицией биографа, необходимой для воссоздания уникального душевного мира исторического персонажа [Лотман 1987, с. 13], а отбор материала и расстановка смысловых акцентов позволяют создать – как в романе или кино – целостный образ героя, найти запоминающиеся, «цепляющие» детали, выявить повторяющиеся лейтмотивы судьбы [Дмитрий Быков... 2018]. Каким получится в результате образ исторического персонажа – зависит не только от материала, но и от биографа: от норм и ценностей, присущих той эпохе, когда создается биография, от господствующих стандартов историописания, от политических пристрастий и исходных психологических установок автора.

#### **Анализ биографий Александра II в разные периоды истории**

В дореволюционный период появление биографий Александра II обычно приурочивалось к юбилейным датам; особенно много их было опубликовано в 1911 году, когда отмечался 50-летний юбилей крестьянской реформы и исполнялось 30 лет со дня смерти императора. Монархический дискурс явно доминировал в этих биографиях, в том числе в фундаментальном труде историка-дипломата С.С. Татищева. Александр II – Царь-освободитель – предстал как идеализированный правитель, неустанно заботившийся о благе своей державы и своих подданных; подчеркивались доброта, человеколюбие, кротость императора (щедрые всходы тех «семян правды и добра», которые заронил в его детскую душу воспитатель В.А. Жуковский); Александру II воздавалась хвала за заслуги в деле реформ, а ответственность за промахи и недостатки возлагалась на «советников и сотрудников императора, не всегда точных исполнителей его державной воли», а также на «неподготовленность русского общества к восприятию дарованных ему щедрою царскою рукою гражданских прав» [Татищев 2006, с. 949–950].

В свою очередь представители либерального направления русской мысли обращались к биографии Александра II в рамках больших коллективных трудов, посвященных Великим реформам; император фигурировал в этих трудах не как преобразователь-одиночка, а как лидер большой реформаторской команды. Акцентировалась «природная доброта» императора, а также его незаурядная решимость и упорство в деле проведения крестьянской реформы [Кизеветтер 1909, с. 1–6; Арсеньев 1911, с. 9; Сивков 2005, с. 139–140, 143]; но при этом отмечалось «недоверие государя к общественным сферам... и к народной массе» и «отсутствие необходимой последовательности и твердости... в вопросе об установлении в России представительного образа правления», что и стало причиной незаконченности, незавершенности реформ [Арсеньев 1911, с. 10–11, 13; Сивков 2005, с. 143, 145].

В советской историографии отношение к личности и исторической роли Александра II было обусловлено идеологической трактовкой реформ 1860–1870-х гг. – «половинчатых» и «непоследовательных», а то и прямо «грабительских» по отношению к крестьянину. Биографические очерки об Александре II, появившиеся на заре советского периода, в 1920-е гг., были выполнены в жанре памфлетов. Историк Н.Н. Фирсов, использовавший материалы дневника императора, и писатель Г.И. Чулков, создавший серию психологических портретов российских правителей, характеризовали Александра II как заурядного, сентиментального и слезливого человека, явно оказавшегося не на своем месте. «Александр не был цельным характером, – писал Фирсов, – двоился, не был в сущности ни злым, ни добрым, а мог казаться и тем, и другим, смотря по обстоятельствам и настроению – мог быть даже и образцово жестоким... От этого двойственное и отталкивающее впечатление производит и все его царствование» [Фирсов 1922, с. 127]. Чулков подчеркивал – явно в противовес дореволюционной историографии, – что проведение реформ было не личной заслугой Александра, а проявлением «фатальной диалектики» исторического процесса, что император едва ли понимал, какие «неведомые силы» вырвались в результате «из темной неволи» и чем это ему грозит [Чулков 1995, с. 373, 377]. С 1930-х гг. и вплоть до конца советской эпохи новых биографических работ об императоре Александре II не появлялось, хотя, безусловно, его фигура так или иначе присутствовала во многих фундаментальных исследованиях, посвященных реформам.

Всплеск исследовательского и читательского интереса к Александру II пришелся на годы горбачевской «перестройки» и первое постсоветское десятилетие. Тому был целый ряд причин: стремительный отход от марксистской идеологии, назревающий антропологический поворот в отечественной исторической науке, внимание к «роли личности в истории», осознание ценности приватной сферы и частной жизни, переиздания дореволюционной исторической литературы, где ход истории зачастую измерялся правлениями царей, и, наконец, идеализация в массовом сознании «России, которую мы потеряли», – все это способствовало популярности биографического жанра как такового и биографий августейших персон в частности.

Начало переосмыслению образа Александра II положила публикация двух переводов с французского: книги Мориса Палеолога «Роман императора», написанной еще в 1923 г., впервые опубликованной на русском языке в эмигрантском издательстве «Слово» в 1924 г. и вновь получившей доступ к российскому читателю в 1991 г., и беллетризованной биографии Александра II, созданной в начале 1990-х гг. Анри Труайя (под этим псевдонимом скрывался эмигрант Лев Тарасов). В обеих книгах, рассчитанных на широкий круг читателей, создавался романтизированный образ Александра II. У Палеолога император предстал

как пылкий влюбленный, чья «поздняя страсть» к княжне Долгоруковой «обратилась в главный импульс его жизни», «подавила обязанности супруга и отца» и стала подспудным двигателем последнего политического решения императора — одобрить конституционный проект Лорис-Меликова, чтобы «узаконить в глазах народа возвышение морганатической супруги в сан императрицы» [Палеолог 1991, с. 26, 91]. У Анри Труайя драматическое напряжение создавалось вокруг конфликта «отцов и детей», противопоставления деспотичного Николая I и его сына Александра Николаевича — добросердечного, но слишком послушного, чтобы противостоять железной воле отца. После смерти императора-отца сыну так и не удалось обрести полную самостоятельность: гуманные шаги Александра II Труайя объяснял его личными склонностями, жесткие решения — «пробуждением духа его отца», «вторжением тени Николая I в жизнь Александра» [Труайя 2004, с. 96, 131]. Отметим, что для Русского Зарубежья традиционно притягательным был образ Александра II — «человека на престоле», а с его именем связывалась утраченная возможность мирного, реформаторского развития России [Николаев 1986].

Симптоматично, что и в «документальном романе» об Александре II, написанном Э.С. Радзинским, одним из лейтмотивов является подспудное противопоставление двух императоров — Николая I и Александра II — и двух образов правления. При этом политические колебания Александра трактуется скорее в сатирическом ключе: для Радзинского Александр II — «двуликий Янус, одна часть головы которого старается смотреть вперед, но другая все время с тоской глядит назад», то в сторону реформ, то в сторону реакции. «Именно таким, — заключает Радзинский, — будет в России Михаил Горбачев» [Радзинский 2006, с. 143].

В этом сравнении — ключ к пониманию еще одной причины интереса к фигуре Александра II в 1990-е гг.: для периода «перестройки», перехода к рыночной экономике, формирования новой российской государственности эпоха Великих реформ — как и столыпинские реформы — выступала в качестве своеобразного «зеркала прошедшего времени». (Импульс такому «сравнению времен» дала знаменитая работа Н.Я. Эйдельмана «“Революция сверху” в России», опубликованная в 1989 г.) [Эйдельман 1989]. Вновь актуальными и востребованными оказались либеральные ценности; реформаторский путь развития Российской империи, который в советские времена оценивался не иначе как «половинчатый», теперь представлялся привлекательной альтернативой революционным потрясениям.

Интерес к эпохе Великих реформ принес богатый историографический урожай, в том числе новые документальные публикации, посвященные Александру II [Переписка императора Александра II... 1993; Александр Второй... 1995; Венчание с Россией... 1999; Переписка цесаревича Александра Николаевича... 2008].

Неоднократно обращались к биографии Александра II Л.Г. Захарова и В.Г. Чернуха; у каждой из них интерес к фигуре императора был связан с глубоким и разносторонним изучением эпохи Великих реформ, и поэтому они прежде всего стремились выявить логику принятия стратегических решений своего персонажа [Захарова 1992; Захарова 1994; Захарова 2011; Чернуха 1995]. Обе они оспаривали сложившееся в отечественной историографии представление об Александре II как о слабом политике; обе отмечали его «здравый и трезвый ум», «непоколебимую решимость» и «твердость» в деле подготовки отмены крепостного права [Захарова 1994, с. 177, 182–183], подчеркивая, что этот вроде бы «мягкий, склонный к колебаниям, легко поддающийся чужому влиянию» человек «оказался способен на длительную тяжелую работу», проявив «незаурядную способность и к маневрированию, и к твердости» [Чернуха 1995, с. 8, 17]. При этом представления исследователей о системе политических приоритетов императора различались. Согласно Л.Г. Захаровой, для Александра II приоритетным было решение внешнеполитических, имперских задач, а внутренние преобразования он понимал скорее как средство укрепления внешнего могущества страны; в этом, по ее мнению, проявилось отцовское, николаевское воспитание — Александр стал, как и желал его отец, настоящим «военным в душе» [Захарова 1994, с. 187; Захарова 2011, с. 685]. По мнению же В.Г. Чернухи, Александр скорее сохранил верность заветам своего воспитателя В.А. Жуковского — он сумел «стать человеком, по-христиански решающим проблемы политики» [Чернуха 1995, с. 15]. Захарова видела уязвимость позиции Александра II в том, что он, искренне считавший самодержавную монархию наилучшим способом правления для России, испытывал неприязнь к инакомыслию и не сумел создать либеральную «партию середины», которая стала бы залогом устойчивости реформаторского курса [Захарова 1994, с. 191–194]. Напротив, с точки зрения Чернухи, трагедия преобразователя состояла именно в том, что он выбрал «разумную, “центристскую” позицию», стремясь «сбалансировать интересы разных социальных сил», но, как многие реформаторы-центристы до и после него, оказался под огнем непрерывной критики и «справа», и «слева» и был вынужден затормозить назревшие преобразования — что в конечном итоге стоило ему жизни [Чернуха 1995, с. 26, 34–35].

Отметим, что и в работе секретаря Французской академии Элен Каррер д’Анкосс сделана попытка опровергнуть историографическую легенду об Александре II как о «бесхарактерном» человеке и слабом императоре. Французская исследовательница доказывает, что, оказавшись перед вызовом модернизации, Александр сделал нетрадиционный для российской истории выбор: проводить реформы «сверху», но не насильственным путем (как Петр Великий), а путем создания атмосферы свободы и

взаимодействия с различными слоями общества; следование этому решению потребовало от него немалой силы характера [Каррер д'Анкосс 2010].

Интересный опыт поиска лейтмотивов судьбы императора представлен в монографии Л.М. Ляшенко «Александр II, или История трех одиночеств», изданной в рамках серии «Жизнь замечательных людей» (для Л.М. Ляшенко это был не первый и не последний опыт обращения к биографии императора) [Ляшенко 1994; Ляшенко 2002; Ляшенко 2011]. В основе этой работы лежит концепция самодержавной власти как персональной ответственности царя перед Богом, разработанная в начале XX века бывшим народовольцем Львом Тихомировым; «монарший долг», как подчеркивает Ляшенко, предполагает «суровый обет постоянно заниматься важнейшими проблемами, стоящими перед государством», единоличную ответственность за принятие решений, «никаких послаблений, никакого отдыха и непрерывный самоконтроль» — и потому означает неизбежное, экзистенциальное одиночество монарха на вершине власти [Ляшенко 2002, с. 29–30, 77–79]. В случае Александра II, по мнению Ляшенко, экзистенциальное одиночество усугублялось одиночеством политическим — положением «надсловного и надпартийного третейского судьи», поддерживавшего то либералов, то консерваторов в зависимости от задач конкретного момента и потому подвергавшего жестким нападкам и с той, и с другой стороны [Ляшенко 2002, с. 100, 199–200, 206]. Роман императора с княжной Долгоруковой трактуется в монографии как отчаянная, обреченная попытка «освободить самого себя» — «разрушить... стереотип “монаршего” поведения на бытовом уровне», «превратить пост монарха в некую чиновничью должность, отправляемую человеком ежедневно, скажем, с 9.00 до 18.00 с перерывом на обед», а в свободное время вести жизнь частного лица, зажиточного обывателя; но, борясь за право на частную жизнь, Александр невольно разрушал сакральный ореол вокруг царской фигуры и тем самым готовил свою гибель [Ляшенко 2002, с. 147, 326, 328–329]. Через сто лет, прошедших со времени публикации труда С.С. Татищева «Император Александр II» правление Царя-освободителя вновь оценивалось сквозь призму монархической идеологии; но как изменилась и усложнилась с ходом времени сама эта идеология!

Особенностью современной научной культуры можно считать сознательный отказ исследователей от устоявшихся, канонических форм исторической биографии. Эта тенденция отчетливо прослеживается в недавней монографии Ю.А. Сафроновой, посвященной взаимоотношениям Александра II и Екатерины Долгоруковой и основанной на эпистолярных источниках: в центре исследования оказывается не событийный ряд, а свойственные эпохе социальные практики, эмоциональная культура и модусы поведения, особенности частной и любовной переписки с ее «языковыми играми».

Соответственно, смысловой доминантой исследования становится не государственная деятельность Александра II, а его «простое человеческое желание уйти от “предупредительности” и постоянной публичности к отношениям без этикета и заодно без монаршего долга» [Сафронова 2017, с. 252]. Можно констатировать, что отличительной чертой исследований, появившихся в начале нового, XXI века, стало преимущественное внимание не к Александру-политику, а к Александру-человеку, к личностной подоплеке его поступков и судьбоносных решений.

### Заключение

Таким образом, вокруг фигуры Александра II не сложилось непрерывной историко-биографической традиции. Скорее можно говорить о «пунктирном» пробуждении интереса к фигуре императора в те моменты истории страны, которые можно было каким-либо образом сопоставить с эпохой Великих реформ: 50-летний и 150-летний юбилей отмены крепостного права, первое послереволюционное десятилетие, «перестройка» и крушение социалистической системы. Биографии Александра II создавались с позиций различных идеологий и ценностей, и сам жанр исторической биографии применительно к императору оборачивался разными гранями: от официально-торжественного панегирика до обличительного памфлета или романтической любовной истории. Тем не менее в облаке историко-биографических текстов, окутывающих фигуру императора, определенно просматриваются некоторые константы, неизменные составляющие его образа: чувствительность и сентиментальность (что одними биографами оценивается как доброта императора, другими — как его слабость), склонность к колебаниям между разными политическими силами и стратегиями (что трактуется либо как личное свойство императора, либо как издержки его центристской позиции); подчеркивается внутреннее соответствие личных черт императора и выбранной им политической линии, характера — и судьбы.

Для воссоздания биографии Александра II существенное значение имеет вопрос, впервые поставленный историками еще в начале XX века, — о том, насколько изменились в правление Царя-освободителя условия и правила большой политической «игры». В эпоху кардинальных социальных перемен монархии приходилось действовать в непривычных условиях: отыскивать новые модели отношений власти и общества, учитывать возможную реакцию общественности на каждый следующий политический шаг, трезво оценивать глубину социально-политического раскола в стране. Поэтому представляется безусловно оправданным, что в современных историко-биографических работах об Александре II на смену статичным характеристикам императора приходит ситуативный анализ мотивов и инструментария принятия решений. Ведь именно понимание сложности конкретного исто-

рического момента, глубина проработки контекста эпохи, способность увидеть личность и судьбу человека в исторической динамике — те качества, которые поднимают историческую биографию над уровнем обычного жизнеописания.

### Библиографический список

Александр Второй: Воспоминания. Дневники / [вступ. ст., сост., примеч. и подгот. текста В.Г. Чернухи]. СПб.: Пушкин. фонд, 1995. 444 с.

Арсеньев К.К. Император Александр II // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание. Т. V. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1911. С. 1–13.

Венчание с Россией: переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I, 1837 год / публ. Л.Г. Захаровой, Л.И. Тютюник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 183 с.

Дмитрий Быков: Биография как автобиография // Год литературы. 2018. URL: <https://godliteratury.ru/events/dmitriy-bykov-biografiya-kak-avtobiog> (дата обращения: 11.08.2018).

Захарова Л.Г. Александр II // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 58–79.

Захарова Л.Г. Александр II // Российские самодержцы (1801–1917) / отв. ред. А.П. Корелин. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1994. С. 160–213.

Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 718 с.

Каррер д'Анкокс Э. Александр II. Весна России [пер. с фр. А.А. Пешкова, А.Ю. Петрова]. М.: РОССПЭН, 2010. 415 с.

Кизеветтер А.А. Император Александр II как участник в крестьянской реформе 19 февраля 1861 г. // Главные деятели освобождения крестьян / под ред. С.А. Венгерова. СПб.: Типогр. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1903. С. 1–6.

Левандовский А.А. Предисловие // Ляшенко Л.М. Александр II, или История трех одиночеств / предисл. А.А. Левандовского. М.: Мол. гвардия, 2002. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 815). С. 5–26.

Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Ляшенко Л.М. Александр II, или История трех одиночеств / предисл. А.А. Левандовского. М.: Мол. гвардия, 2002. 375 с. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 815). URL: <https://docplayer.ru/43559865-Leonid-mihaylovich-lyashenko-aleksandr-ii-ili-istoriya-treh-odinochestv.html>.

Ляшенко Л.М. Александр II: Победа и трагедия. М.: АСТ-Пресс, 2011. 232 с.

Ляшенко Л.М. Царь-освободитель: Жизнь и деяния Александра II. М.: ВЛАДОС, 1994. 240 с.

Николаев В. Александр II — человек на престоле: Историческая биография. Мюнхен: Neumanis, 1986. 630 с.

Палеолог М. Роман императора: Репринт. изд. 1924 г. М.: ЦГА СССР, 1991. 112 с.

Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем, 1857–1861. Дневник великого князя Константина Николаевича (1858–1861). М.: Изд. центр «Терра», 1993. 381 с.

Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I, 1838–1839 / под ред. Л.Г. Захаровой и С.В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 776 с.

Радзинский Э.С. Александр II: жизнь и смерть: документальный роман. М.: АСТ, 2006. 518 с.

Репина Л.П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы: сб. науч. ст. СПб.: Алетейя, 2010. С. 5–18.

Ростовцев Е., Сосницкий Д. Освободитель или жертва? // Родина. 2014. № 4. С. 150–152. URL: <https://www.academia.edu/15205627>.

Сафронова Ю.А. Екатерина Юрьевская. Роман в письмах. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 404 с.

Сивков К. Император Александр II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени [1912–1913]: в 6 т. Т. 6. М.: Юнвес, 2005. С. 132–147.

Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование [1903, 1911]. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. 1005 с.

Труайя А. Александр II. М.: ЭКСМО, 2004. 288 с.

Фирсов Н.Н. Александр Второй. Личная характеристика (Частью по неизданным царским дневникам) // Былое. 1922. № 20. С. 116–134.

Чернуха В.Г. Великий реформатор и великомученик // Александр Второй: Воспоминания. Дневники / [вступ. ст., сост., примеч. и подгот. текста В.Г. Чернухи]. СПб.: Пушкин. фонд, 1995. С. 7–40.

Чулков Г.И. Императоры: Психологические портреты. М.: Искусство, 1995. 461 с.

Эйдельман Н.Я. «Революция сверху» в России. М.: Книга, 1989. 171 с.

### References

*Aleksandr Vtoroi: Vospominaniia. Dnevnikii. [Vstup. st., sost., primech. i podgot. teksta V. G. Chernukhi]* [Alexander II: Memoirs. Diaries. [V.G. Chernukha (ed., preface and notes)]. SPb.: Pushkin. fond, 1995, 444 p. [in Russian].

Arseniev K.K. *Imperator Aleksandr II* [The Emperor Alexander II]. In: *Velikaia reforma. Russkoe obshchestvo i krest'ianskii vopros v proshlom i nastoiashchem. Iubileinoe izdanie. T. V.* [The Great reform. Russian society in the past and present. Anniversary edition. Vol. V]. M.: Izdanie T-va I.D. Sytina, 1911, pp. 1–13 [in Russian].

*Venchanie s Rossiei: perepiska velikogo kniazia Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I, 1837 god. Publ. L.G. Zakharovoi, L.I. Tiutiunik* [Wedding with Russia: correspondence of the Great Duke Alexander Nikolaevich and Emperor Nicholas I, 1837. L.G. Zakharova, L.I. Tyutyunik (Eds.)]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1999, 183 p. [in Russian].

*Dmitrii Bykov: Biografiia kak avtobiografiia* [Dmitry Bykov: Biography as autobiography]. In: *God literatury 2018* [The year of literature 2018]. Available at: <https://godliteratury.ru/events/dmitriy-bykov-biografiya-kak-avtobiog> (accessed 11.08.2018) [in Russian].

Zakharova L.G. Aleksandr II [Alexander II]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 1992, no. 6–7, pp. 58–79 [in Russian].

Zakharova L.G. *Aleksandr II* [Alexander II] In: *Rossiiskie samoderzhtsy (1801–1917). Otv. red. A.P. Korelin. 2-e izd.*

- [Russian Autocrats (1801–1917). A.P. Korelin (Ed.). 2<sup>nd</sup> edition]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1994, pp. 160–213 [in Russian].
- Zakharova L.G. *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii* [Alexander II and the abolition of serfdom in Russia]. M.: ROSSPEN, 2011, 718 p. [in Russian].
- Carrère d'Encausse, Hélène. *Aleksandr II. Vesna Rossii* [per. s fr. A.A. Peshkova, A.Yu. Petrova] [Alexander II. The spring of Russia] [transl. from French by A.A. Peshkov, A.Yu. Petrov]. M.: ROSSPEN, 2010, 415 p. [in Russian].
- Kiesewetter A.A. *Imperator Aleksandr II kak uchastnik v krest'ianskoi reforme 19 fevralia 1861 g.* [Emperor Alexander II as a participant of the Peasant reform of February 19, 1861]. In: *Glavnye deiateli osvobozhdeniia krest'ian. Pod red. S.A. Vengerova* [The main figures of the liberation of peasants. S.A. Vengerov (Ed.)]. SPb.: Tipogr. Akts. Obshch. Brokgauz-Efron, 1903, pp. 1–6 [in Russian].
- Levandovsky A.A. *Predislovie* [Preface]. In: Lyashenko L.M. *Aleksandr II, ili Istoriia trekh odinochestv. Predisl. A.A. Levandovskogo* [Alexander II, or the History of three solitudes. A.A. Levandovsky, preface]. M.: Mol. gvardiia, 2002. (Life of outstanding people: Series of biographies; Issue 815), pp. 5–26 [in Russian].
- Lotman Yu.M. *Sotvorenie Karamzina* [Creation of Karamzin]. M.: Kniga, 1987, 336 p. [in Russian].
- Lyashenko L.M. *Aleksandr II, ili Istoriia trekh odinochestv. Predisl. A.A. Levandovskogo* [Alexander II, or the History of three solitudes. A.A. Levandovsky, preface]. M.: Mol. gvardiia, 2002. (Life of outstanding people: Series of biographies; Issue 815). Available at: <https://docplayer.ru/43559865-Leonid-mihaylovich-lyashenko-aleksandr-ii-ili-istoriya-treh-odinochestv.html> [in Russian].
- Lyashenko L.M. *Aleksandr II: Pobeda i tragediia* [Alexander II: Victory and tragedy]. M.: AST-Press, 2011, 232 p. [in Russian].
- Lyashenko L.M. *Tsar'-osvoboditel': Zhizn' i deianiia Aleksandra II* [The Tsar-Liberator: Life and deeds of Alexander II]. M.: VLADOS, 1994, 240 p. [in Russian].
- Nikolaev Vs. *Aleksandr II – chelovek na prestole: Istoricheskaia biografiia* [Alexander II – the man on the throne: Historical biography]. Munich: Neumanis, 1986, 630 p. [in Russian].
- Paleologue, Maurice. *Roman imperatora: Reprint. izd. 1924 g.* [Emperor's romance: Reprint of 1924]. M.: TsGA SSSR, 1991, 112 p. [in Russian].
- Perepiska imperatora Aleksandra II s velikim kniazem Konstantinom Nikolaevichem, 1857–1861. Dnevnik velikogo kniazia Konstantina Nikolaevicha (1858–1861)* [Correspondence of Emperor Alexander II and Grand Duke Konstantin Nikolaevich, 1857–1861. The diary of Grand Duke Konstantin Nikolaevich (1858–1861)]. M.: Izd. tsentr «Terra», 1993, 381 p. [in Russian].
- Perepiska tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I, 1838–1839. Pod red. L.G. Zakharovoi i S.V. Mironenko* [Correspondence of cesarevitch Alexander Nikolaevich and Emperor Nicholas I, 1838–1839. L.G. Zakharova and S.V. Mironenko (Eds.)]. M.: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2008, 776 p. [in Russian].
- Radzinsky E.S. *Aleksandr II: zhizn' i smert': dokumental'nyi roman* [Alexander II: life and death: documentary novel]. M.: AST, 2006, 518 p. [in Russian].
- Repina L.P. *Ot istoricheskoi biografii k biograficheskoi istorii* [From historical biography to biographical history]. In: *V teni velikikh: obrazy i sud'by. Sb. nauch. statei* [In the shadow of great people: images and destinies. Collection of research papers]. SPb.: Aleteiia, 2010, pp. 5–18 [in Russian].
- Rostovtsev E., Sosnitskiy D. *Osvoboditel' ili zhertva?* [Liberator of victim?] In: *Rodina* [Motherland], 2014, no. 4, pp. 150–152. Available at: <https://www.academia.edu/15205627> [in Russian].
- Safronova Yu.A. *Ekaterina Iur'evskaia. Roman v pis'makh* [Catherine Yurievskaya. Epistolary novel]. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017, 404 p. [in Russian].
- Sivkov K. *Imperator Aleksandr II* [Emperor Alexander II] In: *Imperator Aleksandr II // Tri veka. Rossiia ot Smuty do nashego vremeni [1912–1913]: v 6 t. T. 6.* [Three centuries: Russia from the Times of Troubles till our time [1912–1913]: in 6 Vols. Vol. 6]. M.: Iunves, 2005, pp. 132–147 [in Russian].
- Tatischev S.S. *Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i tsarstvovanie [1903, 1911]* [Emperor Alexander II. His life and reign] [1903, 1911]. M.: AST: AST MOSKVA: Tranzitkniga, 2006, 1005 p. [in Russian].
- Troyat Henri. *Aleksandr II* [Emperor Alexander II]. M.: EKSMO, 2004, 288 p. [in Russian].
- Firsov N.N. *Aleksandr Vtoroi. Lichnaia kharakteristika (Chast'iu po neizdannym tsarskim dnevnikom)* [Alexander II: Personal characteristics (Partially on the base of tsar's unpublished diaries)]. *Byloe* [The Past], 1922, no. 20, pp. 116–134 [in Russian].
- Chernukha V.G. *Velikii reformator i velikomuchenik* [Great reformer and great martyr]. In: *Aleksandr Vtoroi: Vospominaniia. Dnevniki [vstup. st., sost., primech. i podgot. teksta V.G. Chernukhi]* [Alexander II. Memoirs. Diaries. V.G. Chernukha (Preface, compilation, notes and preparing of the text)]. SPb.: Pushkin. fond, 1995, pp. 7–40 [in Russian].
- Chulkov G.I. *Imperatory: Psikhologicheskie portrety* [The emperors: Psychological portraits]. M.: Iskusstvo, 1995, 461 p. [in Russian].
- Eydel'man N.Ya. «*Revoliutsiia sverkhu*» v Rossii [“Revolution from above” in Russia]. M.: Kniga, 1989, 171 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-22-27  
УДК 94 (47)

Дата поступления статьи: 20/VIII/2018  
Дата принятия статьи: 3/IX/2018

**С.В. Любичанковский**

**«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...»: ДЕТАЛИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ  
ЖИТЕЛЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА  
В ДНЕВНИКАХ Л.Н. БОЛЬШАКОВА**

© Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

E-mail: [svlubich@yandex.ru](mailto:svlubich@yandex.ru). WoS ID: M-1283-2016. Scopus ID: 56682830200. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

**АННОТАЦИЯ**

В статье дан анализ дневниковых записей почетного гражданина города Оренбурга, ученого и общественного деятеля, писателя Л.Н. Большакова. С 1984 года и вплоть до своей кончины мыслитель вел дневник, который находится сейчас в семейном архиве его дочери, Татьяны Леонидовны Большаковой. В мировой исторической науке с середины XX века осуществляется поворот от истории государств и больших социальных групп к истории отдельного человека, к истории повседневной жизни. Однако в этот же период в российском обществе традиция ведения дневника утрачивается. В связи с этим дневники Л.Н. Большакова представляют особую ценность как исторический источник.

В статье дан анализ дневников Л.Н. Большакова в той их части, которая касается специфики повседневной жизни провинциального российского интеллигента 1980–1990-х гг.: междугородняя телефонная связь, проживание в гостинице, услуги почтовой связи, покупка авиа- и железнодорожных билетов, пишущие ручки. Политический контекст повседневной жизни сознательно оставлен в стороне. Показано значение дневника и эпистолярного наследия Л.Н. Большакова как исторического источника, на основе которого можно анализировать не только аспекты биографии автора, но и особенности повседневной жизни людей его круга общения, интеллигенции поздней советской эпохи.

Сделан вывод, что дневники Л.Н. Большакова являются тем историческим источником, который способен внести важный вклад в реконструкцию жизни обычного россиянина 1980–1990-х гг. со всеми ее нюансами, временными и даже материальными затратами.

**Ключевые слова:** история повседневности, дневники, повседневная жизнь, Л.Н. Большаков.

**Цитирование.** Любичанковский С.В. «Это было недавно, это было давно...»: детали повседневной жизни жителя российской провинции последней четверти XX века в дневниках Л.Н. Большакова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 22–27. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-22-27>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-22-27  
UDC 94 (47)Submitted: 20/VIII/2018  
Accepted: 3/IX/2018

S.V. Lyubichankovsky

**«IT WAS RECENTLY, IT WAS A LONG TIME AGO ...»: DETAILS OF THE DAILY LIFE  
OF THE RESIDENT OF THE RUSSIAN PROVINCE OF THE LATEST QUARTER  
OF THE XX CENTURY IN THE DIARIES OF L.N. BOLSHAKOV**

© Lyubichankovsky Sergey Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, 19, Sovetskaya Street, Orenburg, 460014, Russian Federation.

E-mail: [svlubich@yandex.ru](mailto:svlubich@yandex.ru). WoS ID: M-1283-2016. Scopus ID: 56682830200. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8349-1359>

**ABSTRACT**

The article analyzes the diary entries of the honorary citizen of the city of Orenburg, the scientist and public figure, the writer L.N. Bolshakov. From 1984 until his death, the thinker kept a diary, which is now in the family archive of his daughter, Tatyana Leonidovna Bolshakova. In the world historical science, from the middle of the twentieth century, a turn has been made from the history of states and large social groups to the history of the individual Man, to the history of everyday life. However, in the same period in Russian society, the tradition of keeping a diary is lost. In this regard, L.N. Bolshakov's diaries have an importance value as a historical source.

The article gives an analysis of L.N. Bolshakov's diaries in that part of it that relates to the specifics of everyday life of the provincial Russian intellectual of the 1980-ies and 1990-ies: long-distance telephone communication, hotel accommodation, postal services, the purchase of air and railway tickets, and pens. The political context of everyday life is deliberately left out. The value of the diary and the epistolary heritage of L.N. Bolshakov as a historical source, on the basis of which it is possible to analyze not only the aspects of the author's biography, but also the peculiarities of the daily life of people of his circle of communication, the intelligentsia of the late Soviet era.

The conclusion is drawn that the diaries of L.N. Bolshakov is a historical source that can make an important contribution to the reconstruction of life of an ordinary Russian in the 1980-ies and 1990-ies, with all its nuances, temporary and even material costs.

**Key words:** history of everyday life, diaries, everyday life, L.N. Bolshakov.

**Citation.** Lyubichankovsky S.V. «Eto bylo nedavno, eto bylo davno...»: detali povsednevnoi zhizni zhitelia rossiiskoi provintsii poslednei chetverti XX veka v dnevnikakh L.N. Bol'shakova [«It was recently, it was a long time ago...»: details of the daily life of the resident of the Russian province of the latest quarter of the XX century in the diaries of L.N. Bolshakov]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 22–27. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-22-27>.

**Введение**

Леонид Наумович Большаков (01.01.1924 – 09.08.2004) – писатель и литературовед, академик Международной академии гуманизации образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель культуры Украины, лауреат государственной премии Украины и премии Совета министров УССР им. Павла Тычины «Чувство семьи единой», автор более 60 книг о Л.Н. Толстом, Т.Г. Шевченко, Г.С. Винском, региональных литературных энциклопедий, почетный гражданин города Оренбурга. С 1984 года и вплоть до своей кончины мыслитель вел дневник, который находится сейчас в семейном архиве его дочери, Татьяны Леонидовны Большаковой. Можно констатировать, что в российском обществе традиция ведения дневника утрачивается, и массовое для XVIII–XIX веков явление превратилось в исклю-

зив для XX века, особенно второй его половины. Можно сказать, что с дневниками произошла та же метаморфоза, что и с бумажными «длинными» письмами – в силу разнообразных причин их просто перестали писать. Трагедия ситуации заключается в том, что в этот же период в мировой исторической науке явно наметился поворот от истории государств и больших социальных групп к истории отдельного человека, к истории повседневной жизни [Пушкарева, Любичанковский 2014], то есть к тем направлениям, для которых источники личного происхождения (дневники, эпистолярное наследие, мемуары) являются особо ценным видом исторических источников. Именно поэтому дневники Л.Н. Большакова представляют особую ценность [Любичанковский 2016].

Дневники ученого и писателя Л.Н. Большакова становились предметом изучения не раз. На осно-



вании этого источника составлено жизнеописание исследователя [Большакова, Любичанковский 2012], реконструированы события ежегодного «Шевченковского марта» [Большаков 2016], рассказано об истории работы над произведениями «Быль о Тарасе» [Большакова 2013] и «Повесть о вечной жизни» [Большакова 2014]. На основе дневников были подготовлены публикации о сотрудничестве с екатеринбургским (тогда свердловским) журналом «Урал» [Большаков 2013а], с Оренбургской областной библиотекой им. Н.К. Крупской [Большаков 2013б]. Записи в дневнике также рассказали о многих корреспондентах Л.Н. Большакова [Большакова, Любичанковский 2016], позволили глазами очевидца увидеть последнюю страницу советской истории [Любичанковский 2016] и начало 1990-х гг. [Любичанковский 2018], зафиксировать ряд нюансов повседневности творческого процесса интеллигента поздней советской эпохи [Любичанковский 2017].

Но, читая дневниковые записи, отразившие двадцать лет жизни автора, можно выявить информацию не только по конкретным сюжетам жизни и деятельности интеллигента поздней советской эпохи, но и уловить то, как изменилась сама жизнь. Причем не только в плане политическом. И с этой точки зрения дневник Л.Н. Большакова становится ценнейшим источником по истории повседневности последней четверти XX века.

Дневник охватывает период с января 1984 по август 2004 г. [Семейный архив]. Казалось бы, это не столь уж отдаленный от нас период, однако многие зафиксированные в источнике детали повседневной жизни кажутся сегодня едва ли не экзотическими. Целью настоящей статьи является восстановление этих деталей по следующим направлениям: междугородняя телефонная связь, проживание в гостинице, услуги почтовой связи, покупка авиа- и железнодорожных билетов, пишущие ручки.

#### **Восстановление деталей повседневной жизни жителя российской провинции последней четверти XX века**

##### *Междугородная телефонная связь*

Нынешнему поколению, не представляющему свою жизнь без сотовой связи, трудно объяснить, что для того, чтобы сделать междугородний звонок, требовалось подчас еще накануне идти на станцию, оформлять заказ и ждать его выполнения порою много часов, а иногда и суток. При этом на разницу в часовых поясах уже внимания не обращали — радовались, если звонок раздавался...: «Ночью (в 3 ч.) был звонок из Еревана, от Нины Арутюнян<sup>1</sup>. Позвонила для того, чтобы убедиться, дошло ли письмо, и сообщить некоторые частные уточнения, не столь уж и существенные. Такие друзья, как она, — это истинный клад» (11 июня 1984 г.)

Цитируем записи, сделанные во время поездок на Украину: «Опять не удалось позвонить домой. Досадно. Из Оренбурга дозвониться проще...» (27 января 1984 г.); «Из «Прапора» (издательство в

Харькове. — С.Л.) пытался дозвониться в Оренбург и опять незадача: там Оренбург дают в определенное время...» (1 февраля 1984 г.); «Еще вечером заказал Оренбург. На семь утра... Ночью просыпался, смотрел на часы. В напряжении с раннего утра. Что там, дома? Дали около восьми. Слава Богу, все нормально» (17 ноября 1984 г.); «Позвонил — из центрального переговорного пункта — домой...» (25 ноября 1984 г.). А это запись сделана в Армении: «Милая Нина Львовна<sup>2</sup> оказала нам добрую услугу: позвонила в Оренбург... узнала, что там и как, а потом нас успокоила: оснований для тревоги нет» (25 августа 1984 г.)

Приведем еще несколько выразительных записей из дневника 1985 года: «...сделал попытку выяснить ряд вопросов в Ереване. Заказал «Нинуджан»<sup>3</sup>. Прождал восемь часов, а к вечеру ее дома не оказалось... Завтра во что бы то ни стало надо дозвониться (11 мая); «Ирина (жена. — С.Л.) хочет над тем, как я ответил на вопрос относительно того, откуда звоню, через отвратительную слышимость прокричал: «из ж...». Разговор состоялся (Л.Н. Большаков звонил из Армении. — С.Л.). Дома все в порядке — здоровы, это главное. Разговор стоил мне не только «горла», но и нервоотрепки, прежде всего ночью. То и дело просыпался, боясь проспать, хотя разговор был назначен на пять утра местного времени...» (25 июня).

Только в конце девяностых годов стало возможным делать междугородние звонки без помощи телефонисток («Гаяля обнаружила действие кода для звонков из Минска в Оренбург...» (10 апреля 1998 г.).

Кстати сказать, сотовым телефоном Леонид Наумович так и не обзавелся, а у меня он появился только в годы учебы в аспирантуре, в 2001 г.

##### *Проживание в гостинице*

Сейчас сложно поверить, но еще не так давно было непросто заселиться в гостиницу и уж тем более выбрать номер.

Вот запись, сделанная 18 июня 1984 года в Свердловске (нынешнем Екатеринбурге): «Прежде чем попал в № 412 «Большого Урала» выстоял бестолковой очередь перед окошком администратора — больше часа переминался с ноги на ногу. Порядки третьего разряда заезжего дома, да и дом не лучше — что снаружи, что внутри. Мой одноместный «блистает» неуютом и запустением. Все закопчено, потрескано, валится. На единственном столе — большой телевизор. В коридорах шумно. Четверть века тому назад я жил здесь и тогда гостиница казалась мне чуть ли не совершенной. Меняются критерии, но... не к лучшему меняется и сей гранд-отель (а лучше — дрянью-отель). С час погулял по незнакомому городу, нашел переговорный пункт, позвонил домой...».

На следующей страничке автор дневника записывает: «Для памяти»: ночной визит администраторши, делавшей, по-моему, обход, с целью извлечения из номеров посторонних. Разбудила меня

стук: у вас не заперто. Потом давала через дверь советы, как поднимать ручку, чтобы замок сработал. Кое-как с этой задачей справился. Потом некоторое время не спал. Слава богу, недолго» (19 июня 1984 г.).

#### *Услуги почтовой связи*

А вот запись, зафиксировавшая процесс отправления бандеролей:

— Понервничал с отправкой своих книг в киевско-московские адреса: почтовые девочки требуют отправки ценными бандеролями, т. к. заказные уже не гарантируют доставки. Подумать только: «не гарантируем!». А рассуждают, наверное, о чести... Еще труднее далась отсылка подарка Галине Александровне Артеменко<sup>4</sup>. Надо обшить! — Пожалуйста! — Сделайте это сами, у нас некому, и материала нет... Чтобы навести в стране порядок, надо серьезнейшее завинчивание гаек. Очень надо!» (20 марта 1985 г.)

В девяностые в процесс отправки бандеролей вмешалась политика...

— ...нелепая история. Попытался отослать в Нежин ОТЭ<sup>5</sup>, но в Доме Советов заявили, что в СНГ бандероли принимают только Главпочтамт, а на Главпочтамте — «энциклопедии не принимаются» без особого разрешения... Саратова! Ушел не солоно хлебавши. А как поступить с дарственной надписью?» (18 декабря 1997 г.); «...При всех своих стараниях... не могу отправить бандероль с ОПЭ и пр. в Нежин. Почтамт, подумать только, чинит препоны, и отсылка какой уже день не удастся. Один из образцов идиотизма российского текущего момента» (10 февраля 1999 г.). К слову сказать, из-за запрета на «пересылку особо ценных изданий» уже после кончины Л.Н. Большакова в его архиве обнаружился том «ОШЭ» с дарственной надписью Г.Д. Зленко.

Правда, через какое-то время запрет был снят, но отправка бандеролей была крайне дорога: «содрали за отсылку бандеролей 55 тыщ.» (18 декабря 1997 г.); «...Бандероли на Украину отправлены, но — Боже мой! — какая обдираловка... Задумаешься...» (3 мая 2001 г.); «Занялся решением вопроса о рассылке своего “Дневника”. Издано всего-навсего 100 экземпляров, но пока отослал (вручил) всего 15. Главная причина в том, что рассылка дорога, особенно за пределы России... (да и внутри тоже)» (15 мая 2001 г.).

#### *Покупка железнодорожных и авиабилетов*

Не может не удивить и описание «билетной эпопеи», зафиксированное в дневнике 1984 года. Оказывается, покупая железнодорожный или авиабилет, нужно было одновременно бронировать билет из пункта пересадки, так как единой системы не существовало. Июньские записи рассказывают, как это было: «В восемь утра попытался разделиться с билетами, но нет, не оказалось точного ответа насчет бронирования мест в Москве. Незадача нынче с билетами...» (6 июня), «Поостыть» трудно. Утром — к восьми — совершил пробежку в Агентство Аэро-

флота. Оказалось, что бронь на рейс в Ереван получена, причем на рейс удобный, дневной. Пошел покупать билеты, дождался очереди, но... выяснилось, что моих мест до Москвы уже нет! Можно представить себе мое состояние. Никто не знает, что с местами произошло. И куда они подевались, но факт остается фактом. <...> В Агентстве обещают... Стараюсь держать себя в руках, однако удается это с большущим трудом. Обслуживание! Будь оно неладно такое обслуживание!» (8 июня); «Я и сегодня еще без билетов — опять бегодня за ними. Но дышу поспокойнее, т. к. есть надежда, что завтра все эти бумажки, наконец, у меня в руках. Пока же не смог даже сообщить в Ереван о рейсе, дабы, по возможности, встретили — либо по официальным каналам, либо по сугубо личным» (9 июня); «Наконец-то получил билеты и смог телеграфировать в Ереван (10 июня).

Не менее сложной оказалась и «эпопея» с билетами на обратный путь:

«Утром меня оглоушили: для Лены с Антошкой (дочери и внука. — С.Л.) куплен билет только до Куйбышева (сейчас Самары. — С.Л.). Вытряхивайся из самолета в клятом Куромыче (не люблю его с первого дня существования) и... что хочешь делай — никаких обязательств перед тобой у Аэрофлота нет... Перебрал множество вариантов, но на сегодня закончилось это... «дозаказом» билета от Куйбышева до Оренбурга» (24 июня).

#### *Пишущие ручки*

Интересно, что в дневниках немало строчек о главном «рабочем инструменте» А. Большакова — ручке.

Например, в записи от 27 сентября 1984 г. читаем: «...Машинопись дочитываю, правя вот этим “японским шариком”, способным доставить удовольствие — в отличие от нашего — чаще всего гнусного. Берегу “японца” исключительно для правки. Здесь он только для сравнения. Дочитал, перенес правку во все экземпляры — готово!», а на следующий день, в скобках: «Шариковая моя ручка вдруг начала писать нормально, не заставляя нервничать». Вот еще записи из того же ежедневника 1984 г.: «Ура, нашлась моя ручка-долгостельница, простая ручка за двадцать копеек, по которой я горевал, т. к. ею написаны сотни страниц и в силу которой уверовал...» (23 октября); «Лечу (из Киева. — С.Л.) с запасом ручек одноразового пользования из Франции и ФРГ. Для меня хорошая ручка — это важный элемент хорошего творческого настроения. Последние записи делаю французской. Никак не научимся делать свои не хуже. А “чужое” до Оренбурга не доходит» (28 ноября).

#### **Заключение**

Что и говорить, за минувшие годы изменилось многое. С большим трудом удалось посмотреть хранившиеся в архиве Леонида Наумовича магнитофонную бабину с подписью-наклейкой «Андроников о Большакове» и рулон киноленты: аппара-

ты для просмотра стали музейными экспонатами (к слову, оказалось, что записанное на магнитофонную бабину заняло на аудиокассете чуть больше двух минут). Да что там говорить, если уже вышли из обращения видеомэгнитофоны, никто не пользуется дискетами, а в современных ноутбуках не предусмотрены даже дисководы. Мы уже не представляем свою жизнь без Интернета. С его помощью читаем книги и общаемся с друзьями, покупаем билеты в театр и записываемся на прием к врачу, заказываем и оплачиваем товары.

Но, говоря словами из песни Михаила Шафутинского, «чего-то нет, чего-то жаль». Жаль, что ушла в прошлое эпоха длинных бумажных писем (тем более что вместе с ней исчез один из важнейших исторических источников, который мог бы рассказать потомкам о дне сегодняшнем) и того, что сегодня непосредственное общение все чаще заменяется виртуальным. Как тут не вспомнить шуточные строки Николая Доризо: «Не мила мне с давних пор телефонизация! / Телефонный разговор — дружбы профанация».

Двадцать томов дневников Л.Н. Большакова сохранили детали повседневной жизни рубежа эпох, а значит, являются интересным документом популярной в настоящее время области исторической науки — «истории повседневности». Дневники Л.Н. Большакова являются тем историческим источником, который способен внести важный вклад в реконструкцию жизни обычного россиянина 1980–1990-х гг., со всеми ее нюансами, временными и даже материальными затратами.

### Примечания

<sup>1</sup> Арутюнян Нина Сенекеримовна — учительница ереванской школы им. Ованеса Туманяна, участница и организатор вечеров поэзии в Богдановке и Гандзе (родных местах В. Терьяна).

<sup>2</sup> Емельяникова Нина Львовна (1925–2003) — переводчик, член Союза писателей Москвы. В ее переводах вышло более 100 книг Д. Лондона, Ф. Купера, В. Скотта, Р. Стаута, А. Кристи, М. Твена, Г. Уэллса и др.

<sup>3</sup> Имеется в виду Нина Арутюнян.

<sup>4</sup> Жена Николая Михайловича Артеменко (1926–1991) — академика НАН Украины, директора Млиевской опытной станции садоводства (с 1989 г. — Млиевского института садоводства им. Л.П. Симиренко).

<sup>5</sup> ОТЭ — Оренбургская толстовская энциклопедия, ОПЭ — Оренбургская пушкинская энциклопедия, ОШЭ — Оренбургская шевченковская энциклопедия.

### Источники фактического материала

Семейный архив Т.Л. Большаковой. Дневник Л.Н. Большакова.

### Библиографический список

Большаков Л. «Сегодня снова был в “Урале”» (из дневниковых записей) // Урал. 2013. № 8. С. 198–206.

Большаков Л. Записки читателя (вступит. статья и подготовка к публ. Т. Большаковой) // По волнам нашей памяти: сб. материалов, посвящ. 125-летию обл. универ. науч. б-ки им. Н.К. Крупской (сост. Т.А. Камскова, Т.Н. Савинова. Оренбург: РИО ОУНБ им. Н.К. Крупской, 2013. С. 200–224.

Большаков Л.Н. Шевченковский март: как это было (Публ. Т.Л. Большаковой) // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сб. ст. международной научно-практич. конф. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 355–362.

Большакова Т.Л. «Быль о Тарасе» Леонида Большакова: от замысла к книге. Уфа: ИЦ Уфимского филиала МГУ им. М.А. Шолохова, 2013 г. 199 с.

Большакова Т.Л. Книга о вечной жизни: история создания и издания произведения // Тарас Шевченко снова рядом с нами / авт.-сост. Т. Большакова, Н. Науменко. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. С. 237–268.

Большакова Т.Л., Любичанковский С.В. Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. 460 с.

Большакова, Т.Л., Любичанковский С.Л. Леонид Большаков: на связи с миром и людьми. М.: ФЛИНТА, 2016. 493 с.

Любичанковский С.В. Дневник как исторический источник (на примере дневника Л.Н. Большакова) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 142–152. URL: <http://vestospu.ru/archive/2016/articles/Lyubichankovskiy4-20.html>.

Любичанковский С.В. Конец советской эпохи глазами очевидца (на материалах личного дневника Л.Н. Большакова) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 2. С. 152–162. URL: [http://vestospu.ru/archive/2017/articles/16\\_2\\_2017.html](http://vestospu.ru/archive/2017/articles/16_2_2017.html).

Любичанковский С.В. Повседневность творческого процесса в дневнике и письмах Л.Н. Большакова // История повседневности. 2017. № 2(4). С. 122–133.

Любичанковский С.В. «Такие времена не выбрал бы для себя никто из нас»: «лихие девяностые» глазами очевидцев // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 1 (25). С. 111–121. URL: [http://vestospu.ru/archive/2018/articles/11\\_1\\_2018.html](http://vestospu.ru/archive/2018/articles/11_1_2018.html).

Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. История. № 1. С. 8–22.

## References

- Bol'shakov L. «*Segodnia snova byl v «Urale» (iz dnevnikovyx zapisei)* [«Today I was back in the «Urals» (from diary notes)]. *Ural*, 2013, no. 8, pp. 198–206 [in Russian].
- Bol'shakov L. *Zapiski chitatelia (vstupit. stat'ia i podgotovka k publ. T. Bol'shakovo)* [Notes of the reader (introductory article and preparation for the publication by T. Bolshakova)]. In: *Po volnam nashei pamiati: sb. materialov, posviashch. 125-letiiu obl. univer. nauch. b-ke im. N.K. Krupskoi (sost. T.A. Kamskova, T.N. Savinova)* [On the waves of our memory: collection of materials, dedicated to the 125<sup>th</sup> anniversary of the regional universal research library named after N.K. Krupskaya (compiled by T.A. Kamskova, T.N. Savinova)]. Orenburg: RIO OUNB im. N.K. Krupskoi, 2013, pp. 200–224 [in Russian].
- Bol'shakov L.N. *Shevchenkovskii mart: kak eto bylo (Publ. T.L. Bol'shakovo)* [Shevchenkovsky March: how it was (Publication by T.L. Bolshakova)]. In: *Vos'mye Bol'shakovskie chteniia. Orenburgskii krai kak istoriko-kul'turnyi fenomen: sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The eighth Bolshakov readings. The Orenburg Region as a historical and cultural phenomenon: collection of articles of an international research and practical conference]. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2016, pp. 355–362 [in Russian].
- Bol'shakov T.L. «*Byl' o Tarase» Leonida Bol'shakova: ot zamysla k knige* [«True story about Taras» by Leonid Bolshakov: from concept to book]. Ufa: ITs Ufimskogo filiala MGGU im. M.A. Sholokhova, 2013, 199 p. [in Russian].
- Bol'shakova T.L. *Kniga o vechnoi zhizni: istoriia sozdaniia i izdaniia proizvedeniia* [A book about eternal life: the history of creation and publication of a work]. In: *Taras Shevchenko snova riadom s nami. Avtory-sostaviteli T. Bol'shakova, N. Naumenko* [Taras Shevchenko is again next to us. Authors-compilers T. Bolshakova, N. Naumenko]. Orenburg: Izdatel'skii tsentr OGAU, 2014, pp. 237–268 [in Russian].
- Bol'shakova T.L., Liubichankovskii S.V. *Leonid Bol'shakov: avtoportret na fone epokhi* [Leonid Bolshakov: self-portrait against the background of the era]. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2012, 460 p. [in Russian].
- Bol'shakova T.L., Liubichankovskii S.L. *Leonid Bol'shakov: na sviazi s mirom i liud'mi* [Leonid Bolshakov: in connection with the world and people]. M.: FLINTA, 2016, 493 p. [in Russian].
- Liubichankovskii S.V. *Dnevnik kak istoricheskii istochnik (na primere dnevnika L.N. Bol'shakova)* [Diary as a historical source (on the example of L.N. Bolshakov's diary)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. 2016, no. 4, pp. 142–152. Available at: <http://vestospu.ru/archive/2016/articles/Lyubichankovskiy4-20.html>] [in Russian].
- Liubichankovskii S.V. *Konets sovetskoj epokhi glazami ochevidtza (na materialakh lichnogo dnevnika L.N. Bol'shakova)* [The end of the Soviet era through the eyes of an eyewitness (on the materials of L.N. Bolshakov's personal diary)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. 2017, no. 2, pp. 152–162. Available at: [http://vestospu.ru/archive/2017/articles/16\\_2\\_2017.html](http://vestospu.ru/archive/2017/articles/16_2_2017.html)] [in Russian].
- Liubichankovskii S.V. *Povsednevnost' tvorcheskogo protsessa v dnevnike i pis'makh L.N. Bol'shakova* [Daily life of the creative process in the diary and letters of L.N. Bolshakov]. *Istoriia povsednevnosti*. [History of Everyday Life], 2017, no. 2(4), pp. 122–133. [in Russian].
- Liubichankovskii S.V. «*Takie vremena ne vybral by dlia sebja nikto iz nas»: «likhie devianostye» glazami ochevidtsev* [«None of us would have chosen such times»: «dashing nineties» through the eyes of eyewitnesses]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. [Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. 2018, no. 1 (25), pp. 111–121. Available at: [http://vestospu.ru/archive/2018/articles/11\\_1\\_2018.html](http://vestospu.ru/archive/2018/articles/11_1_2018.html)] [in Russian].
- Pushkareva N.L., Liubichankovskii S.V. *Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossijskoi filosofskoi shkole* [«Everyday Life History» in modern historical research: from School of the Annals to the Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], 2014, Vol. 4. History, no. 1, pp. 8–22 [in Russian].
- Semeinyi arkhiv T.L. Bol'shakovo. *Dnevnik L.N. Bol'shakova* [Family archive by T.L. Bolshakova. Diary of L.N. Bolshakov] [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-28-35  
УДК 553.982 (091)

Дата поступления статьи: 1/IX/2018  
Дата принятия статьи: 18/IX/2018

**В.Н. Курятников**

**«МЫ РАЗБУДИМ СПЯЩИЕ НЕДРА!»  
(ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ НЕФТИ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ)**

---

© Курятников Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент, профессор, кафедра социологии, политологии и истории Отечества, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

E-mail: kurjatnikov\_w@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-4415>

---

**АННОТАЦИЯ**

Статья посвящена знаковому событию в истории нефтяной промышленности России – открытию первого нефтяного месторождения на территории Пермского округа Уральской области в селе Верхнечусовские Городки. Наличие здесь нефти было установлено в 1929 году.

Задача исследования – проследить воздействие известия об открытии нефти в Прикамье на Москву и последовавшее на его основании развертывание поисковых работ на нефть на Урале и в Поволжье, которое впоследствии привело к созданию мощной новой второй нефтяной базы Советского Союза, известной как «Второе Баку». Проанализировать различные точки зрения на трактовку некоторых вопросов геологического и производственного характера, связанных с чусовской нефтью. Выяснить, какое влияние оказало открытие нефти на перспективы развития Пермского края, на выдвижение его в число важнейших индустриальных районов СССР. Детально проследить обширную программу по разработке Чусовского месторождения, выявив ее слабые и сильные стороны. Показать крупные изменения в жизни села, приведшие к развитию инфраструктуры, появлению на его территории новых производств и в конечном счете к преобразованию его в поселок городского типа.

В статье доказывается, что во взаимоотношениях с крестьянами доминировало использование административных методов изъятия земель под разработку нефтяного месторождения. Следствием нахождения нефти стало ускорение темпов коллективизации в районе, изменение социальной структуры населения, связанное с переездом сюда нефтяников из южных районов СССР.

Сделан вывод, что значение нефтяного месторождения Чусовские Городки велико не его добычей, а его ролью в истории развития нефтяной промышленности Урала и Поволжья.

**Ключевые слова:** нефть, нефтяное месторождение, разведочные работы, открытие, программа разработки, Урало-Поволжье.

**Цитирование.** Курятников В.Н. «Мы разбудим спящие недра!» (Из истории открытия нефти в Урало-Поволжье) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-28-35>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

V.N. Kuryatnikov

**«WE WILL WAKE THE SLEEPING DEPTHS OF EARTH UP!»  
(FROM THE HISTORY OF OIL DISCOVERY IN THE URAL AND VOLGA REGION)**

© *Kuryatnikov Vladimir Nikolaevitch* – Doctor of Historical Sciences, associated professor, professor, Department of Sociology, Political Science and National History, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

E-mail: kurjatnikov\_w@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4801-4415>

**ABSTRACT**

The article is devoted to the milestone event in the Russian oil industry history – discovery of the 1<sup>st</sup> oil field in the territory of the Perm district of the Ural region in the village Verkhnechusovskie Gorodki. In 1929 the oil availability in this landscape was established.

The objective of the study is to follow the effect of the report about the oil discovery in the Kama Region on Moscow and the subsequent based on this report deployment of oil prospecting works in the Ural and Volga Region, which has resulted in the foundation of the new 2<sup>nd</sup> oil base of the Soviet Union known as the “2<sup>nd</sup> Baku”. The particular aim is to analyze different points of view on the interpretation of some questions of geological and productive nature associated with tchusovskaya oil. The next aim is to find out the effect of the oil discovery on the perspectives of development of the Perm Region, on the advancement of this region to the most important industrial regions of the USSR as well. The further aim is to follow in detail the massive program for development of the Tschusovskoye oilfield with identification of its strength and weaknesses. Moreover the aim of the study is to demonstrate the sweeping changes in the village life, leading to the development of the infrastructure, to the appearance of new plants in its territory and in the final analysis to the transformation of the village in the urban settlement.

The material in the article has proved that the using of administrative methods in takeover of lands for oil-field development has dominated. The result of the oil discovery was the acceleration in the rates of the collectivization in the district relating to the resettlement of oil industry workers from the southern regions of the USSR to this region.

The author has drawn a conclusion, that the value of the oil field Tchusovskie Gorodki is great, but not due to its oil production, but rather thanks to its role in the history of the oil industry development in the Ural and Volga Regions.

**Key words:** oil, oil field, prospecting works, discovery, development plan, Ural and Volga Region.

**Citation.** Kuryatnikov V.N. «*My razbudim spiashchie nedra!*» (*Iz istorii otkrytiia nefii v Uralo-Povolzh'e*) [«We will wake the sleeping depths of Earth up!» (From the history of oil discovery in the Ural and Volga Region)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 28–35. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-28-35>.

**Введение**

22 мая 1929 года в село Верхнечусовские Городки Пермского округа Уральской области на пароходе «МОПР» (Международная организация пролетарской революции) прибыла правительственная делегация во главе с заместителем председателя президиума ВСНХ И.В. Косиором и профессором П.И. Преображенским, открывшим в 1925 году крупнейшее в мире Верхнекамское месторождение калийно-магниевых солей. На пристани состоялся митинг. На транспаранте, который был поднят над митингующими, бросался в глаза лозунг: «Мы разбудим спящие недра!» Митинг был посвящен первой нефти, обнаруженной на территории села и открывшей путь к поискам месторождений Урало-Поволжья. Скважина № 20 – первооткрывательница уральской нефти в Верхнечусовских Город-

ках, о которой говорили выступающие на митинге, – закладывалась под руководством профессора П.И. Преображенского как разведочная на оконтуривание южного окончания полосы залежей калийных солей, открытых в Соликамском районе. Искали калийные соли, а 16 апреля 1929 года нашли нефтеносные известняки.

**Первая нефть Урало-Поволжья**

В конце 20-х гг. XX столетия страна приступила к индустриализации, в ходе которой мощный рывок должна была сделать и нефтяная промышленность. Нефть – основа топливной промышленности. Ей уделялось огромное внимание, т. к. без нее не мог функционировать ВПК, предприятия-дублеры которого в преддверии предстоящего военного столкновения с потенциальными агрессор-

рами в это время закладывались на Востоке страны. Индустриализация страны настоятельно диктовала необходимость преодоления диспропорций в размещении нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей, открытия новых месторождений углеводородного сырья на Востоке страны, наращивания добычи и переработки нефти. Необходимо было создать новую географию нефтедобычи и нефтепереработки. Открытие нефти в Верхнечусовских Городках породило ожидание большой нефти на Востоке страны.

«Однозначного взгляда на обнаружение нефти в недрах Урало-Поволжья у исследователей не было. В оценке перспектив нефтеносности недр Урало-Поволжья доминировала отрицательная точка зрения, которую разделяли такие известные ученые, как К.П. Калицкий, Н.Н. Тихонович. Иных взглядов на перспективы нефтеносности Урало-Поволжья придерживались И.М. Губкин, А.Д. Архангельский, А.Н. Розанов, И.Н. Стрижов» [Курятников 2009, с. 95]. Ими была теоретически обоснована возможность обнаружения месторождений нефти в Урало-Поволжье, и они оказались правы.

16 апреля 1929 г. стало днем открытия не только пермской нефти. И.М. Губкин, давая оценку этому событию, отмечал: «Но вот в апреле 1929 г. в скважине, заложенной быв. Геолкомом совсем с другой целью – поисков на калийные соли, в этой скважине, теперь получившей название “бабушки”, была неожиданно получена нефть. Этой скважине № 20 <...> суждено было сделать исторической скважиной. <...> скважина “бабушка” положила начало развитию нефтяного района, новой нефтяной области Уральской или Урало-Волжской нефтяной области» (Российский государственный архив в г. Самаре – РГА в г. Самаре. Ф. Р-314. Оп. 2-1. Д. 6. Л. 33). Значение данного открытия, изложенное И.М. Губкиным, признает большинство современных исследователей истории нефтяной промышленности России. Так, 16 апреля 1929 г., с точки зрения М.В. Славкиной, «условно считается» днем рождения Волго-Уральской провинции, «когда впервые была доказана нефтегазоносность земель, расположенных между Волгой и Уралом» [Славкина 2007, с. 49]. О практическом открытии «нефти в Урало-Волжском регионе», когда она была обнаружена в селе Верхнечусовские Городки, пишут А.М. Шаммазов и Б.Н. Мастобаев [Шаммазов, Мастобаев 1999, с. 25]. События 16 апреля, поездка профессора П.И. Преображенского в Москву, в ВСНХ, и дальнейшие действия, связанные с буровыми работами на скважине № 20, зафиксированы в его выступлении на расширенном заседании Пермского окружного исполнительного комитета (окрисполкома) 16 мая 1929 года (Государственный общественно-политический архив Пермской области – ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 145. Л. 10–18). После обсуждения его выступления было принято решение о расширении разведочных работ на нефть в районе Верхнечусовских Городков. Подробная история скважины № 20 на докумен-

тальной основе обстоятельно изложена в статье геолога П.А. Софроницкого [Софроницкий 1964, с. 62–63]. В дальнейшем фактический материал этой публикации, относящийся в первую очередь к 1929 году, как наиболее объективный будут использовать ветераны нефтегазовой отрасли и историки [Вайнер 1991, с. 25–26; Романовская 2005, с. 354]. Значительный интерес представляет выступление П.И. Преображенского на уже упомянутом заседании Пермского окрисполкома. В своем докладе он обратил внимание присутствующих на первые признаки, свидетельствовавшие о наличии нефти: «Нефтеносные породы впервые обнаружены на глубине 330 метров» (ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 145. Л. 10). Затем, когда он в конце апреля находился в Москве, инженер Слесарев (в публикации О.А. Романовской – Слюсарев) прислал ему сведения, «что с 350 метров, всего на 20 метров ниже первичного появления признаков нефти, имеются породы, которые могут послужить коллектором нефти, т. е. известняк <...> что ее получить из этих пород уже представлялось вполне естественным, возможным и в значительном количестве». Он же сообщил П.И. Преображенскому, что послал в Москву образцы нефти, «которая была собрана ложками <...> в ничтожном количестве на поверхности воды» (ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 145. Л. 11). Эта телеграмма, полученная Преображенским 28 апреля, была доведена («я перетелеграфировал») до сведения заместителя председателя ВСНХ СССР И.В. Косиора. В тот же день «в Свердловске открылся 7-й Уральский съезд Советов. Поскольку на съезде была озвучена директивная партийная установка “решительно усилить удельный вес Урала и выдвинуть его в число важнейших индустриальных районов СССР” в течение предстоящих пяти лет, известие о появлении первой нефти стало своеобразным “подарком” для руководства области» [Романовская 2005, с. 355]. Выступление делегата от Пермского округа сопровождалось торжественным вручением съезду бутылки с нефтью и образцами горных нефтеносных пород и заверениями об открытии большого нефтяного месторождения, меняющего жизнь в регионе.

Как в центре, так и на Урале сразу же было привлечено внимание к случайно открытой в Верхнечусовских Городках нефти. 10 июня 1929 года на заседании президиума Уральского облисполкома отмечалось «особое значение обнаружения промышленной нефти в районе Горнозаводского Урала, необходимость усиления разведочных работ и наиболее быстрое и бесперебойное проведение их. Предложить всем хозяйственным и советским организациям оказывать необходимое содействие в проведении организационных и технических мероприятий, связанных с этими районами» (Государственный архив Свердловской области – ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2099. Л. 11). В конце апреля и в начале мая 1929 г. в ВСНХ обсуждался вопрос об уральской нефти. В эти дни в Москве находился и профессор П.И. Преображенский. На организацию

нефтеразведочных работ было решено выделить один миллион рублей и приступить к бурению 5 новых скважин. «Нефть в тот момент, — говорил он, вспоминая те дни, — была только в бутылочке. Я мог рассказать, что нефть получили, но какая она, это нельзя было сказать, т. к. не было еще результатов анализа» (ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 145. Л. 14).

Ситуация, складывающаяся на буровой № 20, как считал П.И. Преображенский, находясь еще в столице, была критической. Бурение необходимо было приостановить, несмотря на появившиеся признаки наличия нефтяного пласта. Современные исследователи также обращают внимание на чрезвычайное положение, сложившееся на буровой. «1 мая 1929 г. дальнейшее бурение было приостановлено, ввиду реальной возможности получения фонтана и отсутствием необходимых амбаров и емкостей для сбора нефти» [Романовская 2005, с. 355]. В данном случае видно, что это знаменательное событие произошло весной, в период половодья. Скважина, которая бурилась на калийную соль, находилась в черте села Верхнечусовские Городки, являвшегося тогда административным центром Верхнегородковского района Пермского округа Уральской области. Выбросы нефти представляли реальную опасность для жителей села, к тому же из скважины выделялся попутный газ. В случае резкого подъема воды в реке Рассошке, фонтанирования скважины и воспламенения нефти или газа большая часть села могла быть уничтожена огнем. «Распоряжением геологического комитета, — отметил в своем выступлении на расширенном заседании Пермского окрисполкома 16 мая 1929 года профессор П.И. Преображенский, — бурение было приостановлено на расстоянии 414 метров. Приостановка произведена в целях безопасности. Технические средства, условия бурения не позволяли идти дальше. <...> Ясно, что нужно было принять предосторожности, и поэтому пришлось телеграфировать на работы: приостановить бурение немедленно, потому что может произойти катастрофа. Когда телеграмма пришла в В.-Чусовской район, бурение было доведено до 414 метров» (ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 145. Л. 11). Исходя из вышесказанного, видно, что бурение скважины было прекращено исключительно в целях безопасности ведения работ, так как налицо была крайне опасная ситуация.

8 мая, на следующий день после окончания заседания ВСНХ, П.И. Преображенский выехал в Верхнечусовские Городки. Вечером 10-го, «вымазавшись, — как он вспоминал, — до такого состояния, что мною можно было ребят пугать», прибыл в село. 11-го числа, рано утром («около шести утра») он «попал к своим сотрудникам <...> и немедленно отправился на работы». Ручным тарта-нием к часу дня было добыто при помощи желонки «100 пудов нефти». На основании этого предварительно было установлено промышленное значение скважины. Налицо имелись обнадеживающие результаты, которые позволили «заявить в

ВСНХ, что нефть мы можем добывать в большом количестве» (ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 145. Л. 14, 16). На следующий день в условиях подъема воды на устье скважины была поставлена заглушка («зажата навинченной трубой с крышкой»). Опасность, грозившая селу, была снята. На повестке дня стоял вопрос о выявлении промышленного значения скважины.

В имеющейся литературе неоднозначно излагаются события, связанные с первым испытанием скважины № 20. Так, С.Ф. Николаев в краеведческом сборнике, посвященном Чусовским Городкам, называет 22 мая, когда в село прибыла правительственная делегация во главе с И.В. Косиором. Члены комиссии осмотрели буровую, заслушали обстоятельный доклад П.И. Преображенского о наличии «большой нефти». Затем «было начато испытание скважины. В течение семи минут она дала десять пудов нефти» [Николаев 2000, с. 50]. Более реальной является дата проведения первых испытаний скважины № 20 в 1929 году в первой декаде июня. «9 июня происходило испытание. Руководитель разведки проф. Преображенский открыл вентиль. В отводные трубы полилась чистая нефть» [Хазин 1930, с. 7–8]. О дебите 20-й (в дальнейшем она будет проходить под № 101) судить сложно, так как первые дни скважин Чусовского месторождения характеризовались весьма эффектными фонтанными выбросами, которые затем быстро иссякали. 15 августа 1929 года скважина была сдана в эксплуатацию, с этого времени началась добыча нефти в Пермском крае и в Волго-Уральской нефтегазодобывающей провинции.

10 июня 1929 года, на следующий день после успешно проведенных испытаний скважины, вопрос «О мероприятиях содействия развитию разведки и добычи чусовской нефти» был вынесен на заседание президиума Уральского облисполкома. В принятом постановлении отмечалось: «а) что уже количественные результаты бурения первой скважины и предварительная обработка и анализ полученной нефти указывают на несомненно промышленное значение месторождений нефти Верхнечусовских Городков и ее хорошее качество; б) что, согласно постановлению ВСНХ Союза, разведка нефти и пробная добыча проводятся непосредственно Главгортопом при консультации Геолкома и Главгортопом организовано Управление работ по разведкам и добыче нефти» (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2099. Л. 10–11). «Перед Уральским областным советом народного хозяйства (УОСНХ) и Уралпланом ставилась задача по проработке вопроса об опытно-использовании чусовской нефти на некоторых предприятиях Уральской области и Пермской железной дороги для обеспечения возможности скорейшего массового использования этой нефти в основных отраслях промышленности Урала» (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2099. Л. 10–11). Промышленность Урала с нетерпением ждала чусовскую нефть, но за пределы села она долгое время не вывозилась, шла только на внутренние нужды промысла.



Чусовская нефть, резко изменившая жизнь Верхнечусовских Городков, по цвету, запаху и вязкости отличалась от бакинской и грозненской. На расширенном заседании Пермского окрисполкома от 16 мая 1929 года ей дал сжатую характеристику И.А. Уткин: «Удельный вес 950, по удельному весу эта нефть тяжела, потому что мы привыкли, чтобы удельный вес нефти был 875» (ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 145. Л. 19). На нем же было принято решение: все химические исследования, связанные с нефтью, сосредоточить в Пермском госуниверситете. И уже 21 мая в газете «Звезда» профессор университета химик-органик Д.М. Марко сообщил о первых результатах исследования нефти. Анализ лабораторных исследований из единственной скважины № 1, проведенный профессором Сахановым позже, приведен также в докладной записке «О пятилетнем плане “Уралнефти”». В нем приводятся следующие цифры: «...бензина – 22 %, керосина – 14 %, газойля – 8–10 %, дистиллята тяж. – 20 %, асфальта – 36–34 %» (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан – ЦГИА РБ. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 46. Л. 33).

#### Ожидание большой нефти

Открытие нефтяного месторождения привело к созданию первых управленческих структур. В мае 1929 г при Главгорттопе было создано «Особое бюро – “Уралнефть”» для руководства всеми работами по разведке нефтяных и газовых месторождений Урала, которое в июне преобразовано в контору бурения «Уралнефть». В октябре того же года она получит статус разведочного треста с аналогичным названием. В организации последнего главенствующая роль принадлежала лично И.В. Сталину. Он и инициировал организационное оформление первой крупной структуры управления нефтяной промышленностью Урала. Через два месяца после открытия нефти на Урале Сталин в письме В.М. Молотову изложил видение им проблем освоения первого нефтяного месторождения Уральской области: «Обрати серьезное внимание на нефтяное дело на Урале. Решили, оказывается, поставить всего лишь 10 буровых за год. Буровые инструменты большей частью ударные, а не вращательные, т. е. проходка будет убийственно медленная. Это значит, что ВСНХ и “шефы” Уралнефти – Азнефть и Грознефть относятся к делу добычи нефти на Урале также приблизительно, как Нобель относился к Ухте. Это безобразие и преступление. Надо, по-моему: а) организовать теперь же специальный трест “Уралнефть”, освободив Урал от его “шефов”, готовых притушить нефтедобычу на Урале; б) во главе “Уралнефти” поставить опытного коммуниста-нефтяника, прогнав с Урала вредителя, Добрынского (кажется, Добрынский), данного “шефом” Грознефтью (на тебе боже, что нам негоже); в) обязать ВСНХ поставить в этом же году от 40 до 80 буровых с вращательными станками. Без таких и подобных мер дело затормозится (или даже заглухнет), и никакой реальной

разведки на Урале не будет у нас» [Сталин 1995, с. 147; Курятников 2009, с. 144]. Нефтепромысел Верхнечусовских Городков с 1930 года станет «имени тов. Сталина». Это письмо вождя «стало программным документом, положенным в основу развития Верхнечусовского (Городковского) месторождения и определившим темпы и характер нефтеразведочных работ на Урале. Им же были показаны основные направления организации управления уральской нефтяной промышленностью: создание специального треста «Уралнефть», укрепление его руководства; избавление от излишней опеки «шефов» – бакинцев и грозненцев. 30 сентября 1929 года Президиум ВСНХ утвердил представленную «Уралнефтью» программу бурения на 1929/1930 гг.» [Романовская 2005, с. 357]. Это была реализация указания Сталина «поставить в этом же году от 40 до 80 буровых». «Решение пробурить 50 скважин в Верхнечусовских Городках, – подчеркивал видный знаток истории нефтяной промышленности СССР С.М. Лисичкин, – в то время было грандиозным» [Лисичкин 1958, с. 347]. В ноябре 1929 года первым управляющим треста «Уралнефть» был назначен К.А. Румянцев.

Техническая оснащенность нефтяного района была слабой. Буровые вышки строились деревянными. При бурении первых скважин использовались в основном буровые станки американского производства «Стар» и «Ротар» и ряд других – «Сюлливан», «грозненского типа». Они приводились в действие при помощи паровых машин с котлами, работавшими на дровах, угле или нефти. В сведениях по тресту с 21 по 25 января 1930 зафиксировано, что из 5 скважин в эксплуатации была только одна – 1-я, из которой было добыто за пять дней 44,1 тонны нефти (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2211. Л. 21). В период с 21 по 25 июня 1930 года в эксплуатации числилось три скважины, фактически нефть добывалась только из двух насосным способом – из 101-й (бывшая 20-я) и 1-й. Из 28 буровых станков в рабочем состоянии находилась только половина. Добыча нефти не выходила на запланированные показатели – вместо 300 тонн было добыто всего 152,8 тонны (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2211. Л. 10). Большой нефти в Верхнечусовских Городках так и не было. Первая нормальная эксплуатационно-разведочная буровая скважина под № 1 была заложена 16 января 1930 года и закончена 16 мая 1930 г. на глубине 429 метров. Она находилась на расстоянии 30 метров от впервые вскрывшей нефть в районе скважины № 101 Геолкома. Целью ее было вскрыть всю толщу нефтеносных известняков и выявить действительную отдачу пласта, так как скважина № 101 из-за малого ее диаметра, не допуская спуска насоса на надлежащую глубину, не могла решить этой задачи. После спуска в скважину третьего насоса начальный среднесуточный дебит был определен в 50 тонн. Уже в июне 1930 года ее среднесуточный дебит упал и составил чуть более 30 тонн в сутки, что подтверждается данными о добыче. За период

с 1 по 25 июня из нее извлечено при насосном способе эксплуатации 757,5 тонны нефти (ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 2211. Л. 10). В целом дебит скважин этого месторождения был незначительный. Он колебался в пределах 10 тонн. Первые дни скважин характеризовались иногда весьма эффективными фонтанными выбросами. Так, скважина под № 63 давала в первые дни до 140 тонн нефти в сутки. Вводившиеся затем в промышленную эксплуатацию скважины отличались недолгим эксплуатационным периодом, неустойчивой и быстро снижающейся добычей. О добыче нефти в Чусовских Городках дают представление следующие цифры [Федоров 1939, с. 464] (см. таблицу).

Таблица

Годы	Добыча (тыс. тонн)	Годы	Добыча (тыс. тонн)
1931	6,2	1935	8,0
1932	6,0	1936	6,6
1933	14,4	1937	5,3
1934	13,2	1938	3,2

#### Объемы добычи нефти в Чусовских Городках

Верхнечусовское месторождение нефти за период его существования было выработано и в 1942 году закрыто (Государственной архив Пермской области – ГАПО. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 215. Л. 1).

Следует отметить, что в 1930 году трест «Уралнефть», ввиду важности поисков нефти на Востоке страны, наделили еще большими полномочиями. Постановлением правления Всесоюзного объединения нефтяной промышленности «Союзнефть» от 22 июля 1930 года ему передавались поисковые и геолого-разведочные работы на еще более обширной территории. (ЦГИА РБ. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 767. Л. 2). В 1931 г. на базе треста «Уралнефть» был создан новый мощный трест «Востокнефть», поисково-разведочные работы которого позволили открыть крупные месторождения нефти в Башкирии, а затем и в Поволжье. «За первую пятилетку по СССР в 4 раза возросло финансирование разведочных и буровых работ на новых площадях. Трест «Востокнефть» освоил капиталовложений на сумму в 465 млн рублей, в том числе по Уралу – 33 млн рублей» (РГА в г. Самаре. Ф. Р-314. Оп. 2–1. Д. 4. Л. 548).

Завышенные ожидания большой нефти на Востоке страны выразились не только в расширении полномочий треста «Уралнефть» и преобразовании его в «Востокнефть». О них можно судить и по выступлениям его руководителей. Так, в докладе на расширенном пленуме Верхне-Городковского РК ВКП(б) в марте 1930 года заместитель управляющего трестом «Уралнефть» А.Н. Севастьянов поделился с присутствующими планами на первую пятилетку. «На 1931–32 год, – подчеркивал он, – нам запроектировано 120 млн руб., а в последующий год пятилетки 150 млн руб. К концу пятилетки мы должны поставить 203 станка, 812 буровых

и пройти 449000 п. метр. проходки. <...> У нас на Урале такой темп строительства, что мы в 4-е года должны догнать бакинскую нефтяную промышленность. <...> Нам нужно 5000 рабочих. <...> Следовательно у нас на первом плане стоит строительство вышек, на втором – проходка и на третьем жилищное строительство» (ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 35. Л. 3). В докладной записке «О пятилетнем плане “Уралнефти” к концу первой пятилетки, как посчитали ее авторы, добыча нефти на Верхнечусовском месторождении должна была составить 5 млн тонн (ЦГИА РБ. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 46. Л. 32 об.). Был поднят вопрос и о привлечении промышленных предприятий Урала к обслуживанию нефтяной промышленности региона, организации соответствующих производств.

Капитальные вложения в развитие нефтяной промышленности Урала за период первой пятилетки (1929/30 – 1932/33 гг.) по утвержденному пятилетнему плану должны были составить 357 млн рублей (ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 36. Л. 48).

В составлении такого плана нашли отражение форсированные темпы освоения месторождения. Правительство уже «в 1929 году признало необходимым форсировать нефтеразведочные работы в этом районе. 6 сентября 1929 года Совет Труда и Оборона (СТО) обязал ВСНХ СССР и Госплан СССР в контрольных цифрах на 1929/30 хозяйственный год обеспечить такой темп развития «Уралнефти», который бы дал возможность с обязательным применением наиболее современных и подходящих к грунту методов бурения пройти не менее 50 буровых скважин, увеличив при этом капитальные работы по “Уралнефти” до 15 миллионов рублей» (ЦГИА РБ. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 18. Л. 182).

В кратчайшие сроки необходимо было создать работоспособные коллективы, обеспечив их всем необходимым для проведения работ. Деятельность треста неотделима от личности его первого управляющего, К.А. Румянцева. Тесно связанный с Баку, он пригласил в Верхнечусовские Городки бакинских специалистов-нефтяников, которые стали кадровым фундаментом вновь созданного треста «Уралнефть». По тресту комплектование кадрами осуществлялось исключительно высокими темпами. Так, численность рабочих за год (с 1 октября 1929 г. по 1 октября 1930 г.) увеличилась с 544 человек до 3147-ми, административно-технического персонала – с 16 человек до 203-х, служащих – с 30 до 324 человек. Соответственно, рост числа рабочих составил 578,5 %, служащих – 1239,00 %. Наиболее «высокие темпы роста за тот же период были отмечены среди рабочих бурпартий: их численность увеличилась более чем в 7 раз – с 61 чел. до 431 чел. На 1 января 1930 г. общее число рабочих и служащих треста “Уралнефть” составило 1349 человек – 3,5 % от занятых в нефтедобывающей промышленности СССР» (ЦГИА РБ. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 90. Л. 104).

### Нефтяной фактор в жизни села

«Открытие нефти на территории села Верхнечусовские Городки сразу же поставило перед властями вопрос о дальнейшей судьбе крестьян, проживавших в непосредственной близости от буровой вышки № 101, о дальнейших перспективах существования села. Эти же вопросы возникли и перед крестьянами. О том, что появилась необходимость в переселении крестьян, информировал членов бюро Пермского окружкома ВКП(б) 11.XII-1929 г. заместитель управляющего трестом «Уралнефть» Р.З. Бучацкий. Первый вопрос, который стоит перед нами, — отмечал он, — это вопрос о выселении крестьян из В.-Чусовских Городков. У нас этот вопрос идет не гладко... нужно выселить 220 дворов» (ГОПАПО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 145. Л. 76). Переезжать, получать деньги за землю крестьяне не хотели. Со стороны крестьян меры к переселению вызывали сопротивление. «Верхнечусовские Городки столкнулись с невиданным прежде наплывом приезжих, которым крестьяне по распоряжению райисполкома должны были предоставить часть жилой площади в своих домах. В первую очередь заселению подлежали дома “богатева”, т. е. кулаков. Численность населения в селе за небольшой промежуток времени (с 1929 по 1933 год) выросла в пять раз. В зону нефтеразведочных работ попали сельскохозяйственные угодья, изымаемые у крестьян. Для того чтобы снизить степень риска при отводе земель, в Верхнегородковском районе ускоренными темпами проводилась коллективизация. С ее успешным проведением властные структуры Пермского округа связывали разрешение целого ряда экономических вопросов. На месте села должен был раскинуться нефтепромысел. В жизни села стали происходить существенные перемены: создавалась инфраструктура, зарождалась строительная индустрия, укреплялась производственная база нефтепромысла, получили определенное развитие торговое и бытовое обслуживание населения. Добраться сюда было сложно — не было нормальных дорог. Встал вопрос о срочном сооружении железнодорожной ветки от станции Комарихинской к Верхнечусовским Городкам. И такая ветка протяженностью 12 км была сооружена ускоренными темпами — всего за два месяца» [Курытников 2009, с. 342–343]. Однако скорость ее сооружения привела к снижению качества проделанных работ. Прокладывались новые телеграфная и телефонная линии. В 1931 году построена электростанция мощностью 6 тыс. кВт.

«Начал функционировать нефтеперерабатывающий завод для переработки открытой в этом районе нефти. На заводе действовала одна установка по упрощенной схеме. В январе 1932 года в районе было коллективизировано 78 % крестьянских хозяйств. Ведущее место в Верхнечусовском районе стало принадлежать нефтяной промышленности. Село было преобразовано в рабочий поселок. Стремительно начавшееся развитие Верхнечусовских Городков было приостановлено отсутствием на тер-

ритории района крупных запасов промышленной нефти. Чусовское (Городковское) месторождение не оправдало ожиданий, большой нефти здесь не нашли, и дальше первых шагов по изменению облика села (затем рабочего поселка) Верхнечусовские Городки дело не пошло. Нефтепромысел, нефтеперегонный завод продолжили свою деятельность, осуществляя добычу и переработку нефти в достаточно скромных объемах» [Курытников 2009, с. 344]. Амбициозные планы в отношении Верхнечусовских Городков не удалось воплотить в жизнь.

«Основные усилия в период первой пятилетки были сосредоточены на разведке Городковского месторождения. До 1932 года в Верхнечусовских Городках было пробурено 47 скважин, из которых в эксплуатацию были сданы только три» [Новые нефтеносные районы СССР 1933, с. 1]. «Из пробуренных за первую пятилетку трестом «Востокнефть» и его предшественниками 49357,7 метра проходки на район Верхнечусовских Городков приходится 28484,8 метра, т. е. более 50 %» (ЦГИА РБ. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 408. Л. 2). «В результате проведенных работ к 1934 году удалось выяснить характер Городковского месторождения и почти его оконтурить. Разведка дала представление о структурах, в которых залежала нефть в пределах Урала. Особое разочарование, на фоне первоначальной эйфории по поводу открытия нефти на Урале отчетливо проявилось у геологов и нефтяников по вопросу о Верхнечусовской нефти, перспективах развития Верхнечусовского (Городковского) месторождения» [Курытников 2009, с. 108]. «Громадные геологические, геофизические работы и многочисленные проводившиеся в течение пяти лет (1928–1934) не позволили обнаружить аналогов В.-Чусовского нефтеносного рифа, не говоря уж об аналогах высокопродуктивных Ишимбаевских» — говорилось в одном из докладов, посвященном Прикамской нефтяной промышленности» (ГАПО. Ф. Р-1150. Оп. 1. Д. 215. Л. 9). Передача в 1934 году «промысла им. Сталина В.-Чусовских Городков» Прикамской нефтеразведке подвела итог активной фазе его развития.

### Заключение

Громадные средства, материалы, оборудование брошенные сюда, не окупив затрат на исследование и разработку месторождения, были все же потрачены не зря. Они проложили путь к большой урало-волжской нефти, которая все еще ждала своего часа и громко заявила о себе открытием в 1932 году богатейшего Ишимбаевского месторождения в Башкирии. Можно согласиться с оценкой, данной первой скважине И.М. Губкиным, который был уверен, что «Чусовская скважина имеет огромное положительное значение даже независимо от ее фактического дебита. Значение ее в том, что она бесповоротно решила вопрос о перенесении поисков нефти с окраин в более близкие к центру районы» [Лисичкин 1958, с. 348]. 16 апреля 2019 года исполняется 90 лет со дня открытия

скважиной № 20 первой нефти в Волго-Уральской нефтегазоносной провинции. Ее случайное открытие на Востоке страны навсегда вписано в летопись нефтяной отрасли Российской Федерации. «Скважина-бабушка» проложила путь к освоению богатейших запасов «черного золота» непосредственно на территории РФ.

### Библиографический список

Вайнер И.Я. О прожитом и пережитом // Из истории нефтяной и газовой промышленности: воспоминания ветеранов войны и труда / ВНИИОЭНГ. Вып. 1. М., 1991. С. 7–30.

Курятников В.Н. Становление нефтяного комплекса в Уральском и Поволжском регионах (30–50-е гг. XX века): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02: защ. 18.06.09: утв. 18.12.09 / Курятников Владимир Николаевич. Самара, 2009. 572 с.

Лисичкин С.М. Очерки развития нефтедобывающей промышленности СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 428 с.

Николаев С.Ф. Пермской нефти начало // Быль Чусовских Городков: краевед. сб. / под ред. А.И. Воробьева; сост. А.И. Воробьев, Н.В. Никулина, Н.А. Драчинская. Екатеринбург, 2000. С. 48–56.

Новые нефтеносные районы СССР // Нефть. 1933. № 15. С. 1–2.

Романовская О.А. Первое десятилетие пермской нефти (1929–1939 гг.) // Нефть Страны Советов: проблемы истории нефтяной промышленности СССР (1917–1991): сб. науч. тр. / РАЕН; под общ. ред. В.Ю. Алекперова. М., 2005. С. 351–365.

Славкина М.В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. М.: Изд-во «Нефть и газ» РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, 2007. 384 с.

Софроницкий П.А. Скважина-«Бабушка» – родоначальница Волго-Уральской нефтегазоносной провинции // Геология нефти и газа. 1964. № 9. С. 62–63.

Сталин И.В. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925–1936 гг.: сб. док. М.: Россия молодая, 1995. 303 с.

Федоров С. Нефтяные месторождения Советского Союза. М.: Гостоптехиздат, 1939. 536 с.

Хазин Е. Фонтан у Чусовой. М.: Молодая гвардия, 1930. 32 с.

Шаммазов А.М., Мастобаев Б.Н. Очерки по истории нефтяной индустрии СССР. Уфа: Изд-во УГНТУ, 1999. 126 с.

### References

Vainer I.Ya. *O prozhitom i perezhitom* [About lived and bygone]. In: *Iz istorii neftianoi i gazovoi promyshlennosti: vospominaniia veteranov voiny i truda*.

*VNIIOENG. Vyp. 1* [From the history of oil and gas industry: memories of veterans of war and labor. VNIIOENG. Issue. 1]. M., 1991, pp. 7–30 [in Russian].

Kuryatnikov V.N. *Stanovlenie neftianogo kompleksa v Ural'skom i Povolzhskom regionakh (30–50-e gg. XX veka): dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02: zashch. 18.06.09: utv. 18.12.09* [Formation of oil complex in the Ural and Volga Regions (30–50-ies of the 20<sup>th</sup> century): Doctor of Historical Sciences thesis: 07.00.02: defended 18.06.09: approved 18.12.09]. Samara, 2009, 572 p. [in Russian].

Lisichkin S.M. *Ocherki razvitiia nefte dobyvaiushchei promyshlennosti SSSR* [Essays on the development of the USSR oil industry]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1958, 428 p. [in Russian].

Nikolaev S.F. *Permskoi nefti nachalo* [Beginnings of Perm oil]. In: *Byl' Chusovskikh Gorodkov: kraeved. sb. Pod red. A.I. Vorob'eva; sost. A.I. Vorob'ev, N.V. Nikulina, N.A. Drachinskaia* [True story of Chusovskikh Gorodkov: regional collected book. A.I. Vorobyeva (Ed.); Compilers A.I. Vorobyov, N.V. Nikulina, N.A. Drachinskaya]. Ekaterinburg, 2000, pp. 48–56 [in Russian].

*Novye neftenosnye raiony SSSR* [New oil-bearing regions of the USSR]. *Neft' [Oil]*, 1933, no. 15, pp. 1–2 [in Russian].

Romanovskaya O.A. *Pervoe desiatiletie permskoi nefti (1929–1939 gg.)* [The first decade of Permian oil (1929–1939)]. In: *Neft' strany Sovetov: problemy istorii neftianoi promyshlennosti SSSR (1917–1991): sb. nauch. tr. RAEN; pod obshch. red. V.Iu. Alekperova* [Oil of the Soviet Union: problems of history of the oil industry of the USSR (1917–1991): collection of research works. RANS; V.Yu. Alekperov (Ed.)]. M., 2005, pp. 351–365 [in Russian].

Slavkina M.V. *Velikie pobedy i upushchennye vozmozhnosti: vliianie neftegazovogo kompleksa na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie SSSR v 1945–1991 gg.* [Great victories and missed opportunities: the impact of oil and gas complex on the socio-economic development of the USSR in 1945–1991]. M.: Izd-vo «Neft' i gaz» RGU nefti i gaza im. I.M. Gubkina, 2007, 384 p. [in Russian].

Sofronitsky P.A. *Skvazhina – «Babushka» – rodonachal'nitsa Volgo-Ural'skoi neftegazonosnoi provintsii* [Well – «Grandmother» – ancestor of the Volga-Ural oil and gas province]. *Geologiya nefti i gaza* [Oil and Gas Geology], 1964, no. 9, pp. 62–63 [in Russian].

Stalin I.V. *Pis'ma I.V. Stalina V.M. Molotovu, 1925–1936 gg.: sb. dok.* [Letters of I.V. Stalin to V.M. Molotov, 1925–1936 years: collection of documents]. M.: Rossiia molodaia, 1995, 303 p. [in Russian].

Fedorov S. *Neftianye mestorozhdeniia Sovetskogo Soiuza* [Oil deposits of the Soviet Union]. M.: Gostoptekhizdat, 1939, 536 p. [in Russian].

Khazin E. *Fontan u Chusovoi* [Fountain near Chusovaya]. M.: Molodaia gvardiia, 1930, 32 p. [in Russian].

Shammazov A.M., Mastobaev B.N. *Ocherki po istorii neftianoi industrii SSSR* [Essays on the history of oil industry of the USSR]. Ufa: Izd-vo UGNTU, 1999, 126 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-36-40  
УДК 930.057.634

Дата поступления статьи: 22/VIII/2018  
Дата принятия статьи: 10/IX/2018

**М.И. Леонов**

## **ЭСЕРЫ И ПЕРВАЯ РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ XX ВЕКА В МОСКВЕ**

© *Леонов Михаил Иванович* – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

**E-mail:** [mleonov40@gmail.com](mailto:mleonov40@gmail.com). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-8513-8871>

### **АННОТАЦИЯ**

В статье исследуется инициированная эсерами первая вооруженная революционная демонстрация 5–6 декабря 1904 г. в Москве, в ходе которой произошли ожесточенные столкновения и которая по уровню подготовленности, размаху и непосредственным последствиям явилась знаковым событием в жизни древней столицы. Начало эсеровской организации в Москве в конце 1896 г. положили видные деятели основанного в Саратове «Союза социалистов-революционеров»: А.А. Аргунов, М.Е. Аргунова, С.И. Барыков, В.И. Евреинов, А.С. Мартынов, В.Н. Переверзев, А.А. Чепик, Н.М. Чернова. Эсеровская организация Москвы к концу 1904 г. считалась в партии эсеров образцовой. Она вела активную агитацию среди учащихся, студентов, интеллигентов, рабочих. Осенью 1904 г., учитывая обострение общественного напряжения, московский комитет партии эсеров приступил к организации вооруженной демонстрации, назначив ее на 5 и 6 декабря. Особые надежды возлагались на рабочих Прохоровской мануфактуры. 5 декабря 1904 г. в демонстрации участвовало около двух тысяч человек, в основном студентов и интеллигентов. В ходе демонстрации произошли ожесточенные столкновения с применением оружия, при этом было ранено более 30 человек. В демонстрации 6 декабря участвовало около 300 человек.

Демонстрация 5–6 декабря была сочувственно воспринята студентами и интеллигентами. На руководителей разгона демонстрации, великого князя Сергея Александровича и Д.Ф. Трепова, эсеры организовали покушения. Демонстрация 5–6 декабря 1904 г. была первой массовой вооруженной революционной манифестацией в Москве в начале XX в. В 1905 г. вооруженные столкновения демонстрантов и правительственных войск стали обыденным явлением.

**Ключевые слова:** демонстрация, эсеры, студенты, рабочие, интеллигенты, полиция, оружие, комитет, организация, агитация, столкновение, покушение.

**Цитирование.** Леонов М.И. Эсеры и первая революционная демонстрация XX века в Москве // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 36–40. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-36-40>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

M.I. Leonov

**SOCIALISTS-REVOLUTIONARIES AND THE FIRST REVOLUTIONARY DEMONSTRATION OF THE XX CENTURY IN MOSCOW**

---

© Leonov Mikhail Ivanovich – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.  
E-mail: mleonov40@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8513-8871>

---

**ABSTRACT**

The article examines the first armed revolutionary demonstration initiated by the SRs on December 5–6, 1904 in Moscow, during which there were acute clashes and which, according to the level of preparedness, scope and immediate consequences, was a landmark event in the life of the ancient capital. The beginning of the Socialist-Revolutionary organization in Moscow at the end of 1896 was put by prominent figures of the Union of Socialist-Revolutionaries, founded in Saratov: Argunov, M.E. Argunova, S.I. Barykov, V.I. Evreinov, A.S. Martynov, V.N. Pereverzev, A.A. Chepik, N.M. Chernov. The Socialist-Revolutionary organization of Moscow by the end of 1904 was considered exemplary in the party of the Socialist Revolutionaries. It conducted active agitation among students, students, intellectuals, workers. In autumn 1904, given the worsening of social tension, the Moscow Committee of the Socialist-Revolutionary Party began organizing an armed demonstration, appointing it on December 5 and 6. Special hopes were placed on the workers of the Prokhorovka Manufactory. December 5, 1904 in the demonstration were involved about two thousand people, mostly students and intellectuals. During the demonstration, violent clashes occurred with the use of weapons, at this time more than 30 people were injured. In the demonstration on December 6, about 300 people participated.

The demonstration on December 5–6 was sympathetically received by students and intellectuals. On the leaders of the dispersal of the demonstration, Grand Duke Sergei Aleksandrovich and D.F. Trepov, the SRs organized assassinations. The demonstration on December 5–6, 1904, was the first mass armed revolutionary manifestation in Moscow in the early 20<sup>th</sup> century. In 1905 armed clashes between demonstrators and government troops became commonplace.

**Key words:** demonstration, SRs, students, workers, intellectuals, police, weapons, committee, organization, agitation, clash, attempt.

**Citation.** Leonov M.I. *Esery i pervaya revoliutsionnaya demonstratsiia XX veka v Moskve* [Socialists-Revolutionaries and the first revolutionary demonstration of the XX century in Moscow]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 36–40. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-36-40>.

**Введение**

Демонстрация 5–6 декабря 1904 г., первая вооруженная революционная демонстрация XX века в Москве, в ходе которой произошли ожесточенные столкновения, по размаху и непосредственным последствиям явилась знаковым событием политической жизни древней столицы. Отечественные исследователи, как правило, скороговоркой сообщая о ней, характеризовали ее как факт стихийного студенческого движения, подчеркивая, что студенты «фактически заставили эсеров присоединиться к демонстрации»; при этом участие эсеров «придало демонстрации агрессивный и провокационный характер» [Нефедов 2016, с. 236–237].

**Возникновение и развитие эсеровской организации**

Начало эсеровской организации в Москве в конце 1896 г. положили видные деятели основанного в Саратове «Союза социалистов-революционеров»: А.А. Аргунов, М.Е. Аргунова, С.И. Барыков,

В.И. Евреинов, А.С. Мартынов, В.Н. Переверзев, А.А. Чепик, Н.М. Чернова. Массовую агитацию, формирование групп студентов, рабочих и крестьян они не считали пока делом первостепенной важности, а сосредоточили усилия на постановке нелегальной всероссийской политической газеты. В конце 1901 г. в Москве было около 40 эсеров, более половины из них в возрасте 30 и более лет – для революционеров того времени годы очень и очень солидные. В конце 1901 – начале 1902 гг. «Союз» эсеров прекратил существование.

Партийная группа эсеров Москвы заявила о себе только в сентябре 1902 г. Возглавляли ее, по характеристике доклада партии Штутгартскому конгрессу II Интернационала, «солидные по возрасту и мало предприимчивые» С.И. Акрамовский, Л.О. Крюмбюгель, В.Н. Переверзев. Немного активизировалась группа лишь с ноября 1902 г.: организовала несколько малочисленных кружков рабочих, студентов, интеллигентов и распространила

«небольшое количество» брошюр и прокламаций. В августе 1903 г. на I съезде Заграничной организации партии эсеров Е.К. Брешко-Брешковская говорила: «Москва — белое пятно на нашей карте». Так продолжалось до осени 1903 г., когда группу возглавили приехавшие из Смоленска молодые и энергичные А.А. Биценко и Г.А. Ривкин. Их усилиями было налажено издание прокламаций, начата интенсивная агитация студентов, учащихся, приказчиков, создание кружков рабочих, в первую очередь на Прохоровской мануфактуре. В сентябре-октябре 1903 г. московские эсеры и социал-демократы, как отмечали органы политического сыска, «совместно агитировали за всеобщую забастовку рабочих». Полиция в целях профилактики, арестовала 33 активистов обеих организаций, в их числе 10 эсеров (Государственный архив Российской Федерации — ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. Оп. 1898. Д. 5. Ч. 5. Лит. Е. 2. Л. 36, 41, 53).

По инициативе прибывшего из-за границы В.М. Зензинова в феврале 1904 г. был образован московский комитет партии эсеров, в состав которого на первых порах входили В.М. Зензинов, выпускник Гальского университета, Л.П. Кузнецов, фельдшер, М.С. Емельянова, фельдшерица, и студенты С.Н. Белоусов, В.В. Мазурин, О.С. Емельянова, И.И. Фундаминский — все в возрасте от 20 до 24 лет. Позднее в комитет вошли выпускники высших учебных заведений А.А. Никитский, Э.И. Фундаминская, Н.Н. Надеждин. Никто из членов комитета не был профессиональным революционером.

По сообщению корреспондента «Революционной России», «начало более правильной деятельности и организации московских рабочих было положено весной 1904 г., после преобразования «рабочей группы» при комитете в «рабочий союз». Осенью 1904 г. эсеры «насчитывали в своих рядах около 70 человек рабочих, занимавшихся в кружках». Особенно успешно шли дела на Прохоровской мануфактуре, которая вскоре стала, по терминологии эсеров, «базой», «центром»; по терминологии советских историков, — «эсеровским гнездом». Комитет совместно с «рабочим союзом» регулярно проводили собрания и маевки рабочих, пытались, правда без особого успеха, организовывать забастовки. Своей удачей комитет считал проведенную им стачку портных (Российский государственный архив социально-политической истории — РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 202).

С конца 1903 г. московские эсеры деятельно основывали кружки студентов, учащихся, приказчиков. Лидером студентов-эсеров Москвы был Н.С. Андреевский. Н.Я. Натадзе-«Горцев» и Херхуладзе сформировали несколько кружков студентов-грузин. В 1904 г., имея большинство в «Московском Союзном совете объединенных землячеств и организаций», эсеры настаивали на активных действиях. Социал-демократы воспротивились этому. Споры привели к расколу и появлению эсеровского и социал-демократического «Студенческих союзов» (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898. Д. 80.

Лит. Ц. Т. 3. Л. 47–48). Летом 1904 г. московские эсеры приобрели ручной типографский станок. С этого времени издательская деятельность комитета и «Рабочего союза» стала более интенсивной. К концу 1904 г., кроме значительного количества печатных прокламаций, они издали три номера «Рабочей газеты». Накануне 1905 г. эсеровские партийные верхи считали московскую организацию образцовой (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 338).

Осенью 1904 г. общественное настроение в Москве достигло высокого накала. Особую активность проявляла учащаяся молодежь; 16 октября состоялась демонстрация студентов, руководителями которой, по сведениям московского охранного отделения, были студенты Московского университета — эсеры П.П. и Д.П. Ордынские. Московский комитет эсеров, как сообщил 28 ноября 1904 г. начальник московского охранного отделения В.В. Ратко, сдерживал студентов от частичных импульсивных выступлений, агитируя за массовую организованную демонстрацию с участием «возможно большего числа рабочих; при этом многие из членов комитета ратовали за вооруженное сопротивление в случае применения властями силы. Приобрести оружие они предлагали за счет вычетов из ежемесячных взносов членов «рабочего союза» (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898. Д. 80. Лит. Ц. Т. 3. Л. 11). Для выяснения, кто из рабочих желает принять участие в планируемой демонстрации, комитет провел ряд районных собраний. Кроме того, были организованы сходки студентов сельскохозяйственного института и ряда других высших учебных заведений столицы.

В начале XX в. революционеры горячо дискутировали о самозащите демонстрантов и о вооруженных демонстрациях. Социал-демократы, не отрицая желательности отпора правительственным войскам, находили, что вооруженные демонстрации целесообразны как канун революции. Эсеры полагали, что время мирных демонстраций проходит, что «пассивные», без сопротивления, демонстрации будут оказывать не воодушевляющее, а напротив, деморализующее воздействие на их участников. В прокламациях, в периодических изданиях они призывали к вооружению демонстрантов, к вооруженному сопротивлению правительственному насилию [Революционная Россия. Женева, 1902, № 12, с. 2; 1903, № 24, с. 1–2].

#### **Организация и проведение первой революционной демонстрации в Москве**

Комитет назначил демонстрацию в Москве на праздничные дни 5 и 6 декабря. Поводом для нее, как подчеркивал в донесении от 28 ноября 1904 г. В.В. Ратко, основываясь на агентурных донесениях и прокламациях московского комитета партии эсеров, послужил суд над террористами Е.С. Сазоновым и Л.В. Сикорским, обвиняемыми в покушении на жизнь министра внутренних дел В.К. Плеве. В корреспонденциях в «Революционную Россию», в мемуарной литературе демонстрация

5 и 6 декабря в Москве связывалась с избивением участников демонстрации 28 ноября 1904 г. в Петербурге (Революционная Россия. Женева, 1904, № 56, с. 17).

Деятельно подготавливали демонстрацию 5–6 декабря 1904 г. В.Я. Зоммерфельд, Н.В. Мазурин, В.У. Вноровский-Мищенко и Яковенко. В.М. Зензинов, В.Я. Зоммерфельд и Н.Н. Иванченко 2 декабря составили и размножили прокламации от имени московского комитета и рабочего союза «Ко всем» с призывом явиться 5 и 6 декабря к часу дня на Тверскую улицу. В воззвании «К властям» московский комитет предупреждал, что в случае «зверской расправы со стороны властей... вся ответственность за зверства падет на головы генерал-губернатора Сергея и полицмейстера Трепова. Комитет не остановится, чтобы казнить их» (ГАРФ. Ф. 63. Оп. 1905. Д. 125).

По плану комитета главным местом сбора демонстрантов намечалась площадь перед домом генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича; рабочие Пресненского района, на которых возлагалась основная надежда, должны были к часу дня изображать прогуливающих по Тверской улице «и сгруппироваться лишь тогда, когда будет выкинут красный флаг»; рабочие типографий и ткачи должны были собраться на Никитской улице и двинуться к дому генерал-губернатора Чернышевским переулком; предполагалось, что вместе с ними пойдут студенты сельскохозяйственного института и технического училища. Для оказания сопротивления организаторы выдали рабочим 40–50 рублей на приобретение железных палок. По агентурным данным, комитет получил от И.И. Фундаминского 2000 руб., часть которых предназначалась как на подготовку демонстрации, так и, как утверждал В.В. Ратко, на водку для рабочих. Комитет советовал взять с собой оружие и поддержал предложение Б.У. Вноровского-Мищенко запастись «заполненными керосином склянками», чтобы во время демонстрации поджечь их и бросать «в пешие и конные отряды» (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898. Д. 80. Лит. Ц. Т. 3. Л. 18, 20).

В.В. Ратко 3 декабря 1904 г. обратился к директору Департамента полиции А.А. Лопухину и министру внутренних дел П.Д. Святополку-Мирскому с просьбой разрешить провести превентивные аресты организаторов демонстрации. А.А. Лопухин посоветовал действовать по собственному разумению, а министр, объявивший «эпоху доверия», не удосужился ответом. В растерянности В.В. Ратко воззвал к известному деятелю политического сыска С.В. Зубатову: «Дорогой Сергей Васильевич, — писал он, — я совершенно одинок, приезжайте завтра к вечеру и помогите мне трезвым умом и Вашей опытностью». С.В. Зубатов, который в это время находился в ссылке во Владимире, не приехал и не помог (Козьмин 1920, с. 41–44).

Примерно с 12 часов дня 5 декабря демонстранты, преимущественно студенты и интеллигенты, стали стекаться на Тверскую улицу. Рабочих, в ос-

новном Прохоровской мануфактуры, собралось не более 40 человек. Согласно корреспонденции «Революционной России», власти предприняли превентивные меры: «Фабрики и заводы, где имелись общежития, с раннего утра 5 декабря были оцеплены полицией, и рабочих никуда не выпускали». По утверждению корреспондента той же газеты, сотни рабочих сумели прийти на Тверскую и Тверской бульвар, но когда уже было все кончено». Авторы «Отчета Центральной области» партии эсеров категорично заявляли: «...комитет обманулся в своих надеждах на рабочих; рабочие не пришли» (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 338).

В час дня 5 декабря организаторы демонстрации и члены комитета взялись за руки и с пением «Марсельезы» двинулись вниз по Тверской к дому генерал-губернатора, к ним, согласно «Революционной России», присоединилось около двух тысяч человек. Демонстранты подняли несколько красных знамен. У дома генерал-губернатора они схватились с одним из полицейских отрядов и, используя железные прутья и кистени, опрокинули его. Тогда полицейские обнажили шашки, на что демонстранты ответили выстрелами. В столкновении были ранены 16 полицейских и 17 демонстрантов. Около 150 человек были задержаны, но большинство из них вскоре отпустили. Члены комитета эсеров и организаторы демонстрации ареста избежали. На следующий день на Тверскую пришло около 300 человек. Полиция быстро рассеяла собравшихся (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 338; Зензинов 1953, с. 17–24).

Оппозиционные слои приветствовали демонстрацию 5–6 декабря 1904 г., сочувствовали пострадавшим участникам ее. Начиная с 7 декабря во всех высших учебных заведениях Москвы велась усиленная агитация за организацию массовых протестов против избивания полицией демонстрантов. На сходках студентов Московского университета 7 и 8 декабря обсуждались планы всеобщей студенческой забастовки. Активную кампанию за выражение общественного протеста «против зверской расправы» над демонстрантами вели литераторы во главе с К.Д. Бальмонтом и присяжные поверенные во главе с С.С. Старынкевичем. Радикально настроенные студенты и социал-демократы, в общем приветствуя демонстрацию, в то же время порицали эсеровский комитет за неспособность привлечь к ней сколько-нибудь значительное количество рабочих (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1898. Д. 80. Лит. Ц. Т. 3. Л. 28). Эсеровские партийные верхи называли демонстрацию 5–6 декабря выдающимся событием, но вместе с тем упрекали московский комитет в том, что он не сумел организовать рабочих, в силу чего «демонстрация вышла не внушительной и была быстро разогнана» (РГАСПИ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 338; Зензинов 1953, с. 18).

Сразу после событий 5–6 декабря комитет партии эсеров поручил В.М. Зензинову и А.А. Никитскому



убить великого князя Сергея Александровича и Д.Ф. Трепова. Они деятельно принялись за подготовку покушений, но вскоре вынуждены были отойти в сторону, поскольку в дело вмешалась Боевая организация партии эсеров. 4 февраля 1905 г. И.П. Каляев бомбой убил великого князя. На жизнь Д.Ф. Трепова покушались пять раз. При этом в одном из покушений участвовала его племянница. В конце концов генерал скончался от разрыва сердца. П.Д. Святополк-Мирский и А.А. Лопухин избежали мести революционеров. Первый, с позором лишенный поста, был чрезвычайно рад тому, что остался жив. Второй после отставки оказывал услуги революционерам, за что поплатился четырехлетней ссылкой.

### Заключение

Демонстрация 5–6 декабря 1906 г. вызвала значительное возбуждение в оппозиционных и революционных кругах Москвы, акции эсеров резко пошли вверх. «Мы чувствовали себя победителями», – писал много лет спустя В.М. Зензинов [Зензинов 1953, с. 140]. Инициированная эсерами демонстрация 5–6 декабря 1904 г. была первой массовой вооруженной революционной манифестаци-

ей в Москве в начале XX в. В 1905 г. вооруженные столкновения демонстрантов и правительственных войск стали обыденным явлением.

### Библиографический список

Нефедов С.А. Студенческое движение в Москве накануне революции 1905 г.: Анатомия протеста // *Quaestio Rossica*. Т. 4. Вып. 3. Екатеринбург, 2016.

Козьмин Б.П. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1920.

Зензинов В.М. *Пережитое*. Нью-Йорк, 1953.

### References

Nefedov S.A. *Studencheskoe dvizhenie v Moskve nakanune revoliutsii 1905 g.: Anatomiiia protesta* [Student movement in Moscow on the eve of the revolution of 1905: Anatomy of the protest]. *Quaestio Rossica*, 2016, Vol. 4, Issue 3 [in Russian].

Koz'min B.P. *S.V. Zubatov i ego korrespondenty* [S.V. Zubatov and his correspondents]. M.; L., 1920.

Zenzinov V.M. *Perezhitoe* [Bygone]. New York, 1953 [in Russian].

В.М. Рынков

**САМАРСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА VS ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ КВАРТАЛОВ:  
ШТРИХИ К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА КОМИТЕТА  
ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ**

© Рынков Вадим Маркович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; доцент, Новосибирский государственный университет, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2.  
E-mail: vadvet@list.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3284-549X>

**АННОТАЦИЯ**

Политический режим Комуча исследователи определяют как демократию либо диктатуру, прикрывшуюся демократической риторикой. Для углубленного понимания проблемы рассмотрен частный сюжет – конфликт Центрального совета кварталов г. Самары и Самарской городской думы. В историографии существует разноречивая в подаче событийной канвы данного конфликта и его интерпретаций.

В Самаре квартальные организации возникли летом 1917 г., весной 1918 г. вошли в конфликт с советской властью и образовали центральный совет. После антибольшевистского переворота Центральный совет кварталов получил от городской думы субсидию и право временно исполнять отдельные ее функции, но претендовал на участие в принятии решений городской думы по более широкому кругу вопросов, активно взаимодействовал с правительственными и военными учреждениями. В конце июля – начале августа 1918 г. городская дума ограничила вмешательство квартальных организаций в свою работу. Комуч противодействовал этому, но не очень решительно, затем поддержал действия городских органов. Лишившись самовольно занятых помещений и субсидий, получив на городских выборах 0,5 % голосов избирателей, Центральный совет кварталов во второй половине августа сошел с политической арены. Общественность и правительство относили Центральный совет кварталов к демократическим организациям, оценивая его позицию, но не правомерность деятельности и легитимность происхождения.

Автор делает вывод, что Комуч не выработал четкой позиции в отношении места общественных организаций в структуре власти и являлся гибридным политическим режимом (диктабланда), функционирующим без внятных нормативных оснований.

**Ключевые слова:** Гражданская война, Комуч, политический режим, городское самоуправление, власть и общество.

**Цитирование.** Рынков В.М. Самарская городская дума vs Центральный совет кварталов: штрихи к характеристике политического режима Комитета членов Учредительного собрания // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-41-49>.

**Благодарность.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00580.



DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-41-49  
UDC 94(47) «1918»

Submitted: 11/VIII/2018  
Accepted: 20/IX/2018

V.M. Rynkov

**SAMARA TOWN COUNCIL VS CENTRAL COUNCIL OF RESIDENTIAL QUARTERS:  
THE FINISHING TOUCHES TO THE FEATURE OF POLITICAL REGIME  
OF CONSTITUENT ASSEMBLY COMMITTEE MEMBER**

---

© Rynkov Vadim Markovich – Candidate of Historical Sciences, senior researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8, Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; associate professor, Novosibirsk State University, 2, Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation.  
E-mail: vadvet@list.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3284-549X>

---

**ABSTRACT**

Researchers define the political regime of Komuch as a democracy or a dictatorship that used democratic rhetoric as cover. To have a deep understanding of the problem the article considers a particular topic – a conflict of Samara Central council of residential quarters and Samara Town Council. In historiography, there are some different variants of the conflict events' description and its interpretation.

In summer 1917, Samara residential quarters emerged, and in spring 1918 they came into conflict with Soviet regime. Samara Central council was organized. After anti-Bolshevist take-over, the Central council of residential quarters got a subsidy from Samara Town Council and the rights to temporarily perform some of its functions, but claimed to participate in making decisions on wider range of problems, actively interacted with government and military institutions. Towards the end of July – beginning of August 1918, Samara Town Council limited interference of quarters organizations in its work. Komuch flabbily resisted, then supported the Town Council. The Central council of residential quarters lost the subsidy and self-occupied premises, polled 0,5 votes during city elections, and left the political arena. Society and government referred the Central council of residential quarters to the democratic organizations, evaluating its position, but not lawfulness of its work and legitimacy of its origin.

The author comes to the conclusion that Komuch was not able to develop a clear position concerning the place of voluntary organizations in the government structure, was a hybrid political regime (dictablanda), functioning without any distinct regulatory grounds.

**Key words:** Civil war, Komuch, political regime, city government, government and society.

**Citation.** Rynkov V.M. *Samarskaia gorodskaia дума vs Tsentral'nyi sovet kvartalov: shtrikhi k kharakteristike politicheskogo rezhima Komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniia* [Samara Town Council vs Central council of residential quarters: the finishing touches to the feature of political regime of Constituent Assembly committee member]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 41–49. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-41-49>.

**Acknowledgements.** The research is carried out with the financial support from the Russian Foundation for Basic Research within the scope of the scientific project № 18-09-00580.

**Введение**

Прошло столетие со времени существования Комитета членов Учредительного собрания, но до сих пор не утихают дискуссии о сущности проводимой им политики. Была ли это на самом деле «демократия»? Одни авторы отмечают серьезные недостатки и сбои в поволжской демократии, связывают их с региональным масштабом власти, сложнейшими условиями Гражданской войны, необходимостью действовать во враждебном не только внешнем, но и внутреннем окружении, отсутствии ресурсов, что в совокупности и обрекло ее на поражение. Как полагают другие, социалистические лидеры призваны были демократической риторикой навести бутафорию на изначально установившуюся диктатуру военных и реакционеров? Аргументы в дискуссии просты и сводятся к воспроизведению высказываний участников событий,

принадлежавших к противоборствовавшим лагерям, и выявлению сведений из источников, подкрепляющих одну из точек зрения. Конечно, и в рамках данной парадигмы накоплен значительный фактический материал, не позволяющий, однако, выйти из круга устоявшихся интерпретаций, замкнутых на политический дискурс современников Гражданской войны.

Необходимость выйти за пределы этого круга очевидна, и начать целесообразно с малого. Среди множества политических конфликтов в «комучевском» Поволжье один из заметных разыгрался летом 1918 г. между двумя активными политическими акторами – Самарской городской думой и Центральным советом кварталов г. Самары. Противостояние между ними нашло отражение во множестве источников и неоднократно упоминалось в исторических исследованиях.

### Историография

Самое раннее по времени описание и оценка событий содержится в статье Ф.Я. Рабиновича, опубликованной «по свежим следам» и сводимой к трем тезисам. Во-первых, квартальные советы являлись организацией «солидных домовладельцев и лавочников». Во-вторых, именно для противостояния с Самарской городской думой, где господствовали эсеры, и был создан 17 июня 1918 г. Центральный совет кварталов. В-третьих, самарская буржуазия готовила «маленький государственный переворот», намереваясь «распустить Городскую Думу и вместо нее установить власть центрального совета кварталов». Для реализации своего плана буржуазия собиралась опираться на командиров чехословацкого корпуса. «Штука не удалась, центральный совет был в свою очередь разогнан» [Рабинович 1921, с. 22].

Иную версию излагает В.В. Гармиза. Он пишет, что при решении острого жилищного вопроса возник конфликт между «буржуазным союзом домовладельцев и центральным советом кварталов — мелкобуржуазной организацией<sup>1</sup>, не получившей в [городской] думе ни одного места» [Гармиза 1970]. Дума встала на сторону домовладельцев и попыталась ликвидировать Центральный совет кварталов. Спор был вынесен на разрешение высшего органа власти. «Комуч в этом конфликте между домовладельцами, за которыми стояла городская управа, и центральным советом кварталов поддержал первых, то есть буржуазию». По мнению советского историка, данный эпизод «...дает наглядное представление о том, как отвоёвывала буржуазия одну позицию за другой» [Гармиза 1970, с. 164].

Примечательно, что, совершенно по-разному представляя социальную природу и политические позиции сторон конфликта, оба автора пришли к сходным выводам об идейно-политической сущности и эволюции власти Комуча. Неудивительно, что последующие исследователи совершенно путаются в происходящем, больше доверяя предшественникам, нежели фрагментарно вводимым в научный оборот источникам. В.А. Лапандин повторяет тезис Ф.Я. Рабиновича о маленьком государственным перевороте, якобы подготовленном Центральным советом кварталов, но вместе с тем изображает дело так, словно конфликт шел между Комучем, защищавшим основные положения советского жилищного законодательства, и квартальными организациями, настаивавшими на их отмене. В его монографии появляется и важная новая деталь: «...требование отмены даже части декретов Советской власти со стороны домовладельцев, усугубляемое требованием роспуска Городской думы, было расценено лидерами Комуча как посягательство на их власть и завершилось роспуском самого Центрального Совета кварталов 27 июля 1918 г.» [Лапандин 2003, с. 122]<sup>2</sup>.

### Рождение квартальных организаций

Прежде чем перейти к исследованию, необходимо пояснить, что такое квартальные организации. Обострение продовольственного кризиса в

городах в 1916–1917 гг. заставило городские власти ввести нормированное распределение особо дефицитных продуктов, потребовало точного учета и организации населения. Первоначально сами городские службы пытались проводить регистрацию потребителей, без чего оказалось невозможно разработать внутригородскую логистику распределения товаров по торговым точкам, установить нормы потребления, спланировать объем необходимых городам запасов. Но довольно быстро выяснилось, что централизованный учет не дает нужного результата. Совершенно неожиданно для городских властей потребителей оказывалось значительно больше, чем устанавливалось расчетной численностью населения. Даже введение продовольственных карточек не спасало от неконтролируемого появления дополнительных контингентов получателей дефицитных потребительских товаров. Чтобы минимизировать перебои в сфере нормированной торговли, городские власти инициировали поквартальную организацию горожан. В локальном сообществе, естественно, проще разделить коренных жителей, имеющих право на нормированные товары, от посторонних, что делало такую самоорганизацию населения более эффективным инструментом контроля.

В связи с резко обострившейся криминогенной обстановкой во второй половине 1917 — начале 1918 г. в городах потребовалось ввести ночные дежурства жильцов, позволявшие предохранить от грабителей и погромщиков. В случае тревоги такие сторожа могли поднять соседей и привлечь милицию для отпора незванным ночным гостям. Поквартальное деление городов также использовали для организации самоохранный города.

Квартальные объединения оказались удобны и полифункциональны. Жители самостоятельно выбирали квартального старосту/уполномоченного или совет квартала, которые в случае неудовлетворительной работы могли быть легко переизбраны. Объем полномочий советов кварталов в разных городах варьировался. Чаще всего на них возлагали обязанность выдавать продовольственные карточки (книжки) или удостоверение на право получения в городской управе, ведение очной охраны улиц. Порой квартальные организации имели более широкие полномочия в продовольственном вопросе, вплоть до организации городских лавок и установления удобного порядка распределения товаров. Во многих населенных пунктах квартальные организации отвечали за поддержание правопорядка, сбор информации о свободных жилых и торговых помещениях и даже участвовали в их первичном перераспределении.

На заре советской эпохи квартальные организации действовали во многих городах России либо как подразделения городских продовольственных комитетов, либо как самостоятельные институты. Порой, заимствуя опыт соседей, городские власти спешно насаждали их, чтобы переложить на горожан часть рутинной работы. Информация о квартальных организациях нередко публиковалась в прессе. Более чем странно, что исследователи проглядели проблему взаимодействия такой обществен-

ной самоорганизации горожан с городскими думами и нарождающимися советами.

В Поволжье к лету 1918 г. квартальные организации существовали и в крупных, и в небольших городах. Падение советской власти привело к тому, что им нередко приходилось принимать участие в создании переходных органов. Например, в Бугуруслане несколько дней не могли собрать достаточного для кворума числа городских гласных. Для принятия решений и придания им некоторой легитимности там действовала временная коллегия из наличного состава гласных, представителей от профсоюзов, политических партий и советов кварталов, причем последние имели половину всех мест (ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3). С установлением власти Комуча в Казани комендант города предпочитал опираться на квартальные комитеты, а не на городскую думу [Новое Казанское слово. 13 авг.].

В Самаре история квартальных организаций восходит к лету 1917 г., когда по инициативе городской думы возникли так называемые попечительства. Город разбили на 170 участков, от одного до трех кварталов в каждом, во главе которых встали выборные попечители со штатом помощников. Попечительства решали разнообразные задачи по обеспечению продовольственной работы в своем районе, от учета населения и раздачи продовольственных карточек до контроля за соблюдением правил торговли [Голубинов 2009, с. 182], а также занимались организацией самообороны [Городской вестник. 1918. 18 июня]. Но их роль сводилась к вспомогательной, круг полномочий определялся городской думой.

После утверждения советской власти в кардинально изменившейся обстановке квартальным организациям суждено было сыграть самостоятельную роль. Когда действия городской думы оказались парализованы, а за снабжение города взялся совет, колоссальные перебои со снабжением нормированными продуктами привели к появлению очередей. Мерзлы в них зимой 1917/1918 г. преимущественно женщины и подростки. Тогда квартальные комитеты взялись контролировать запасы продовольствия в городских лавках, организовали очередность получения товаров. Жилищный отдел городского совета развернул бессистемные реквизиции помещений, а советское законодательство и практика поощряли стихийные захваты домов и квартир под жилье и общественные нужды, прекращение уплаты владельцам арендной платы. Квартальные комитеты пытались урегулировать конфликты между владельцами домов и квартир и нанимателями жилья.

Попытка комплексно отстаивать интересы жителей города привела к конфликту с городским советом. Продотдел совета оказался не в состоянии обеспечить город потребным количеством зерна и муки. И это в Самаре, крупнейшем в Поволжье центре хлеботорговли и мукомолья! Квартальные комитеты настаивали на необходимости разрешить свободный ввоз хлеба в Самару по рыночным ценам как единственном способе преодолеть продовольственный кризис. Для консолидации своих

позиций в противодействии советским экспериментам в хозяйственной жизни и была создана объединяющая кварталы структура – Центральный совет кварталов [Городской вестник. 1918. 19 июня]. Результата достичь конечно, не удалось – соломой обуха не перешибешь.

Когда в городе была низвергнута советская власть, образовавшийся Комитет членов Учредительного собрания сразу взял курс на восстановление полномочий органов местного самоуправления в дооктябрьском виде. Но Самарскому городскому общественному самоуправлению оказалось недостаточно просто возобновить заседания коллегиального распорядительного органа – Думы. Требовалось время для восстановления функционирования отделов управы, получения дел от соответствующих подразделений совета. Неудивительно, что квартальные советы, не прекращавшие, а, напротив, активизировавшие свою работу весной 1918 г., оказались структурой, полностью готовой к выполнению дополнительных функций. Президиум Центрального совета кварталов провел экстренное заседание 8 июня 1918 г. – в первый же день после свержения советской власти в городе [Санникова 2017, с. 289]. Квартальные советы имели сведения о проживающих в кварталах лицах, их жилищном положении, правах на получение продовольствия, установили тесные контакты с милицией. Поэтому они явочным порядком взяли на себя управление продовольственной и жилищной сферами, а также часть правоохранных функций.

К лету 1918 г. структура квартальной организации претерпела перемены. В Самаре имелось 234 совета квартала. Естественно, не все они функционировали с одинаковой активностью. Некоторые числились только на бумаге. Существовали отдельные квартальные организации, выполнявшие роль актива, авангарда и выступившие инициаторами создания объединяющей структуры. Близкие кварталы объединялись в районные советы, выбиравшие Центральный совет кварталов. Его председателем стал самарский предприниматель Н.О. Берг. Он не только сплотил вокруг себя группу единомышленников, но и после антибольшевистского выступления быстро окунулся в водоворот большой политики, завязав контакты с гражданскими и военными руководителями, что помогло удерживать некоторое время квартальные организации в когорте влиятельных участников политического процесса.

При этом деятельность советов кварталов не просто активизировалась, она стремительно бюрократизировалась. В отличие от советского периода, теперь они стали частью публичной политики и имели все основания быть признаны в качестве публичной организации жителей. Сообщения о деятельности советов кварталов и их Центрального совета публиковались в газетах, а сама их деятельность стала документироваться. Центральный совет кварталов теперь выпускал обязательные постановления для нижестоящих районных и квартальных советов. Всякие сношения советов кварталов и внешних учреждений и организаций должны были проходить только через Центральный совет.

На протяжении июня-июля 1918 г. многие советы проводили периодические заседания. Главным вопросом оставался продовольственный. Советы определяли нормы распределения товаров, устанавливали цены розничной продажи исходя из себестоимости, решали вопросы оборудования торговых мест, очередности продажи товаров с целью минимизации очередей. Появились и новые функции. По договоренности с городской милицией советы кварталов взялись за составление списков граждан, имеющих право носить оружие, удостоверяя благонадежность включенных в списки лиц. Квартальные организации подняли вопрос об очистке города от нечистот. Они же занимались регулированием квартирного вопроса.

### От сотрудничества к противостоянию

Неудивительно, что гласные городской думы согласились временно передать функции квартирного и санитарного отделов управы Центральному совету кварталов. 17 июня 1918 г. городская дума утвердила Временную инструкцию квартальным, районным и Центральному совету кварталов г. Самары (ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 18. Л. 35–42). В соответствии с ней Центральный совет должен был иметь секции: жилищную, санитарную, продовольственную, самоохранный, культурно-просветительскую и другие, ревизионную комиссию или общественной контроль. Средства организации могли складываться из пожертвований и прибылей от ведения операций. Тем не менее на том же заседании городская дума выделила Центральному совету 120 тыс. руб. в качестве компенсации за временное ведение городских дел [Городской вестник. 1918. 6 июля. Волжский день. 1918. 21(8) июня].

После получения финансирования от города Центральный совет кварталов утвердил оклады служащим. К тому времени общегородская квартальная организация укреплялась, усиливались ее политические позиции. Что касается структуры, в ней действительно выделились упомянутые в инструкции секции и Президиум. Во многих советах прошли перевыборы, были избраны советы из 3–7 человек, каждый из которых стал получать заработную плату. Избранные квартальные служащие, получив оклады и назначения, превращались в должностных лиц, функционеров [Городской вестник. 1918. 18 июня]. 30 июня 1918 г. на общем собрании советов кварталов выступали члены Комуча Б.К. Фортунатов, И.М. Брушвит, Н.А. Галкин, агитируя вступать в Народную армию. Ораторы явно полагали, что именно квартальные организации, как самые близкие к населению, лучше всего приспособлены для решения мобилизационных задач [Волжский день. 1918. 2 июля]<sup>3</sup>. Еще с тех времен, когда «кварталы» ратовали за свободу хлебной торговли, у них установились хорошие отношения с деловыми кругами Самары. Поэтому Финансовый совет решил использовать именно квартальные организации для проведения восьмимиллионного городского займа [ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 13 об.]. 3 июля Президиум Центрального совета кварталов разработал инструкцию о проведении

городского займа, ориентируясь на массовое привлечение небольших свободных сумм у средних слоев города [Самарские ведомости. 1918. 3 июля].

К этому времени тон публичных заявлений руководства квартальных организаций стал настораживающе меняться. 17 июня Центральный совет кварталов известил горожан, что всякое распределение свободных помещений может происходить только по его распоряжению. Постановление Временного правительства от 5 августа 1917 г. «Об установлении предельных цен на жилые и иные помещения» и цены, установленные бывшим жилищным комиссариатом 21 апреля 1918 г., сохраняли силу. Отныне владельцам вменялось в обязанность регистрировать помещения в своих квартальных организациях, которые ежедневно должны были подавать списки в Центральный совет кварталов [Самарские ведомости. 1918. 19 июня; Вестник Комуча. 1918. 12 июля]. 19 июня 1918 г. газета «Городской вестник» опубликовала обращение Центрального совета кварталов с призывом произвести очередную реорганизацию продовольственного дела. Инициаторы обращения настаивали на том, чтобы половина мест в городском продовольственном отделе была предоставлена Центральному совету как единственному органу, правомочному распределять продовольственные запасы среди населения Самары. Приглашение на заседание городской продовольственной комиссии представителей кварталов лишь с совещательным голосом вызвало плохо скрываемое негодование [Вестник Комуча. 1918. 19 июля]<sup>4</sup>. Затем на страницах газеты появилось объявление Совета кварталов о повышении цены печеного хлеба в связи с ростом его себестоимости [Городской вестник. 1918. 18, 28 июня]. 25 июня 1918 г. он обязал домовладельцев в обозначенные Советом квартала сроки произвести очистку дворов и прилегающих к домам улиц, заборов, грозя уклоняющимся наложением штрафов через милицию (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 2. Д. 2. Л. 33). В тот же день было принято решение о распределении керосина через советы кварталов по норме 8 ф. на человека (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 2. Д. 2. Л. 68).

Президиум слишком явно претендовал на право принимать окончательные решения вместо городской думы либо в крайнем случае определять ее решения в тех сферах, на которые распространялась его деятельность. Несогласие с позицией Центрального совета кварталов наталкивалось на яростную критику и расценивалось как игнорирование самой демократической организации города. Резкое неприятие действий городской думы вызвало, например, распределение ею некоторых товаров через кооператив «Самопомощь», тогда как Центральный совет считал правильным отдать все товарные запасы в его распоряжение. Он выступил за полное отстранение городских кооперативов от дел с передачей всех их лавок в единую сеть, подконтрольную советам кварталов. Только так можно унифицировать распределение, на чем настаивали квартальные организации [Городской вестник. 1918. 19 июня].

Необычайную активность проявил Центросовет в квартирном вопросе. 13 июня 1918 г. Н.О. Берг сделал доклад на заседании Центрального совета кварталов, в котором признал действующее законодательство неудовлетворительным и призвал Комуч подготовить обязательное постановление. До тех пор пока оно не принято, считал Н.О. Берг, квартальные советы должны оставить за собой регулирование всех жилищных конфликтов и собирать материал для подготовки новой нормативной базы (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 13). Через несколько дней после этого выступления газеты опубликовали объявление Центрального совета кварталов, извещавшее горожан о прекращении действия всех мандатов на занятие помещений, выданных советскими органами и оставшихся неиспользованными, и напоминая, что до урегулирования жилищного вопроса городской думой занятие помещений в городе осуществляется только по распоряжению Совета кварталов [Городской вестник. 1918. 26 июня]. Таким образом, Центральный совет кварталов предreshал порядок регулирования жилищных отношений до консультаций с городскими властями, которые начались только 26 июня. В этот день Н.О. Берг выступил с докладом на заседании Думы. Председатель Центрального совета кварталов обрушился с критикой на квартировладельцев за попытки вздутия цен в такой сложный политический момент (большой урожай и столичные функции привлекли в Самару множество людей). Он обещал жестко бороться с выселением и сокрытием помещения от учета, одновременно предлагая наладить и своевременную оплату проживания [Городской вестник. 1918. 29, 30 июня].

На самом деле это было не первое и не последнее обсуждение в городской думе жилищной политики. Когда 5 июля вновь вернулись к той же проблеме, квартирнаниматели предложили сохранить городской жилищный отдел и 5 примирительных жилищных камер, а руководство Центрального совета кварталов выдвинуло альтернативную идею – жилищные споры разрешать в квартальных советах, а в качестве апелляционной инстанции учредить районные квартальные бюро (ЦГАСО. Ф. Р-123. Оп. 1. Д. 7. Л. 28–32). После нескольких заседаний гласные признали вмешательство общественных организаций некомпетентным и нежелательным, предлагая скорейшее изъятие всех прав регулирования у квартальных советов. 13 июля они постановили отозвать у Совета кварталов право решения квартирного вопроса, вернув его Городской управе [Волжский день. 1918. 24 июля].

Дело не в одной только нарушенной субординации. Городская дума стала ареной для столкновения домо- и квартировладельцев, квартирнанимателей и Центрального совета кварталов. Домовладельческая организация оживилась и консолидировалась после установления Центральным советом кварталов контроля за движением помещений в городе. Они открыто возмутились вмешательством в отношения с квартирантами посторонней организации, не наделенной формально ника-

кими полномочиями [Городской вестник. 1918. 26, 29, 30 июня, 5, 6, 7 июля]. Как они полагали, квартальные организации консервировали бесправное положение собственников и разоряли их фиксированными ценами на жилье и запретом выселять неплательщиков [Волжский день. 1918. 5 июля]. Дума избрала жилищную комиссию для выработки нормативных решений. На первое же ее заседание 16 июля 1918 г. явились представители Центрального совета кварталов, чье участие не предполагалось, и попытались задавать тон обсуждению [Городской вестник. 1918. 19 июля]. Материалы, представленные в комиссию домовладельцами, убедительно показывали, что «замороженная» квартирная плата, даже если предпринять усилия по ее строжайшему взысканию, совершенно не покрывала расходов на коммунальные платежи.

4 июля на заседании Центрального совета Н.О. Берг предложил от имени квартальной организации обратиться через голову городского самоуправления непосредственно к Совету управляющих ведомствами Комуча с предложениями по выработке жилищной политики (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 2. Д. 2. 61–62). Наконец, Центральный совет принял решение о введении налога на поддержание трамвайного парка и предложил городской думе этот налог оплатить поквартально (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 67).

Вполне понятно, что Городская управа постаралась избавиться от такого назойливого вспомогательного учреждения, со второй половины июля открыла кампанию по дискредитации Совета кварталов. Оснований для критики нашлось более чем достаточно. За время, пока кварталы распоряжались в жилищной сфере, поступило 2012 требований на помещения, удовлетворено 247 [Вестник Комуча. 1918. 28 июля]. При этом помещения, занятые советскими жилищными службами, квартальные советы оставили за собой, не произведя оплаты. При принятии дел Городским квартирным отделом выяснилось, что, несмотря на публичные призывы к строгой отчетности, некоторые советы кварталов заводили собственные жилищные отделы, члены которых свободно распоряжались квартирами, ни перед кем не отчитываясь [Вестник Комуча. 1918. 2 августа]. Центральный совет кварталов давно превышал обозначенные во Временной инструкции от 17 июля 1918 г. полномочия, вмешивался в различные вопросы, пытаясь принимать общеобязательные решения. Все, что он делал, подавалось с большой помпой, но результативностью не отличалось. Газеты периодически публиковали сведения о ходе проводимого кварталами восьмимиллионного городского займа, что оставляло впечатление работы на общее благо. Правда, к 9 июля удалось реализовать только 21 тыс. руб. [Вестник Комуча. 1918. 11 июля].

В конце июля газета «Городской вестник» опубликовала статью Георгия Сарова, который оценивал деятельность Совета кварталов как правовой абсурд. Добровольная организация, созданная для самообороны города, вдруг стала принимать на себя функции, с одной стороны, кооперативов, зани-

маясь распределением потребительских товаров, с другой — муниципалитета, отдавая распоряжения по ряду вопросов, относящихся в ведению городского самоуправления. «Квартальные советы становились теми ямами, куда стекали помои, выплеснутые революцией», — делал автор броский вывод [Городской вестник. 1918. 25 июля].

Руководство Центрального совета кварталов готовилось к противостоянию с городской думой. 20 июля 1918 г. они посетили Совет управляющих ведомствами Комуча, заявив, что либо городская дума должна наделить их реальными полномочиями для выполнения всех взятых на себя обязательств, либо они полностью слагают с себя все полномочия, но тогда город останется без самоорганизации населения, рухнут многие правительственные начинания, осуществлявшиеся через квартальные организации. После этого городской голова распорядился служащим игнорировать всякие распоряжения Центрального совета кварталов как органа, не уполномоченного давать указания Городскому самоуправлению, а также потребовал освободить незаконно захваченные квартальными организациями городские и иные помещения. Все служащие советов кварталов получили предложение перейти на службу в Городскую управу и таким образом избежать увольнений. Но Центральный совет кварталов отказался сдавать дела городу и на заседании 24 июля 1918 г. решил обратиться за содействием к Штабу Народной армии [Городской вестник. 1918. 26 июля].

Через несколько дней городская дума получила от Совета управляющих ведомствами Комуча запрос о причинах упразднения квартальных организаций и вынуждена была оправдываться за то, что попытались поставить их в нормативные рамки. В делопроизводстве Центрального совета кварталов отложился официальный ответ городской думы, направленный в Совет управляющих ведомствами 1 августа 1918 г. В нем уточнялось, что Центральный совет кварталов вовсе не упразднен. Просто по истечении переходного периода из его ведения изъяты жилищный и санитарный отделы, все дела публично-правового характера, а также предъявлено требование освободить помещение, которое раньше занимал советский жилищный комиссар. Очевидно, здание должно перейти в ведение управы (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 3. Л. 68). Пресса сообщала дополнительные подробности, утверждая, что Совет управляющих ведомствами Комуча вызвал председателя Самарской городской думы Л.В. Преображенского и вручил ему ультиматум о возвращении Центральному совету кварталов прежних полномочий. На что Л.В. Преображенский ответил, что полномочия вручались временно на переходный период и теперь, по завершении такового, бесповоротно отозваны [Городской вестник. 1918. 26 июля].

Но Центральный совет кварталов оказался «крепким орешком». К тому времени он получил от Штаба Народной армии полномочия вести своими силами набор добровольцев, а также взял подряд на пошив одежды для армии, под который Штаб

выделил материалы и аванс. Совет кварталов использовал оба обстоятельства как предлог не отдавать занятые помещения. Несмотря на плачевные результаты организации городского займа, само его проведение советами кварталов послужило аргументом в пользу того, что их притеснение неизбежно приведет к срыву важнейшего государственного финансового мероприятия [Волжский день. 1918. 4 авг.] (ЦГАСО. Ф. Р-1898. Оп. 1. Д. 4. Л. 19). Но самое примечательное, что на фоне разразившегося противостояния городской думы и Центрального совета кварталов последний решил выдвинуть к предстоящим городским выборам собственный список кандидатов в гласные. Это вызвало яростную полемику вокруг вопроса о том, правомочна ли вспомогательная организация, созданная городской думой, претендовать на то, чтобы говорить от имени всех горожан, да еще и участвовать в городских выборах наравне с политическими партиями и общественными объединениями отдельных городских групп. Конфликт получил ярко выраженную идеологическую окраску, причем даже в социалистическом лагере не существовало единого мнения. Социал-демократическая газета заняла сторону Центрального совета кварталов, полагая, что самостоятельно городу не решить ни квартирный, ни продовольственный вопрос. Борьба с квартальными советами — все равно что подрубать сук, на котором сидишь [Заря Поволжья. 1918. 17 сент.]. Объяснение такой позиции дать несложно — Центральный совет кварталов защищал близкие социал-демократии позиции квартиросъемщика и потребителя. Эсеровская «Земля и воля» публиковала статьи против Совета кварталов, защищая Думу как законно избранный орган власти. Эсеровские авторы настаивали, что ничего общего с демократией эта организация не имеет. Советом учреждена громоздкая, ненужная для Самары трехступенчатая структура управления, а все, за что Центральный совет кварталов взялся, оказалось до предела бюрократизировано, но не получило удовлетворительного разрешения [Земля и воля. 1918. 2 авг.].

Наконец выступил с давно ожидавшимися пояснениями П.Д. Климушкин, управляющий ведомством внутренних дел Комуча. Он отметил большое положительное значение деятельности квартальной организации, но счел конфронтацию между Центральным советом кварталов и городской думой недопустимой: советы кварталов являются организациями несамостоятельными, вспомогательными для Думы, указаниям которой они и должны подчиняться.

В самой квартальной организации наступили к тому времени раскол и паралич. Часть актива поддержала Центральный совет кварталов в его стремлении сохранить самостоятельность. Некоторые квартальные советы встали на сторону городской думы, протестуя против попытки Центрального совета играть самостоятельную роль и уж тем более — участвовать в выборах. Но призыв 73-го квартала оформить протестные настроения в виде собрания и резолюции, позволявших говорить от имени



широких слоев горожан, реализовался не сразу в виде документа, подписанного советами 10 кварталов [Вестник Комуча. 1918. 3 авг.; Городской вестник, 7 авг.]. Список кандидатов от советов кварталов на городские выборы был подан. Из 40 тыс. горожан, пришедших на избирательные участки 19 августа 1918 г., за него было подано 223 голоса [Вестник Комуча. 1918. 21 авг.].

Документы Центрального совета кварталов содержат сведения о его деятельности на протяжении нескольких дней после выборов. Она сводилась к руководству пошивом одежды для армии, которую после потери здания пришлось осуществлять путем раздачи шитья на дом. Никакого роспуска квартального объединения Самары не произошло, но, лишенный средств, помещений и полномочий принимать общеобязательные решения, Центральный совет кварталов изжил себя как организация и стал ненужным. В сентябре 1918 г. никаких сведений о его существовании газеты и сохранившиеся документы уже не содержали.

### Выводы

Очевидно, что ни одно из предложенных историками противоречивых описаний деятельности Центрального совета кварталов г. Самары и его конфликта с городской думой нельзя признать достоверным. Не соответствует действительности ни история создания этой организации, ни утверждения о его ликвидации вследствие якобы имевшей место неудачной попытки «маленького государственного переворота» с опорой на чехословацкий корпус. Конечно, как это обычно бывает, можно найти «отголоски» реальных событий. Ключевой, хотя и не единственной причиной конфликта действительно стала жилищная проблема, а в противостоянии городской думе Центральный совет кварталов пытался опереться на военных. Но во всем остальном, включая датировку событий, иначе как измышлениями имеющиеся в историографии сведения не назовешь. Данный пример не является исключением, а вполне адекватно отражает состояние историографии Комуча и не изжившей с советских времен традиции оперировать фрагментарной источниковой базой, непроверенными фактами,вольная интерпретация которых подтверждает любые готовые схемы исторического процесса.

Это только «побочный» вывод из проведенного исследования, первоначально не нацеленного на вскрытие историографических лакун. Следует признать, что собранных фактов недостаточно для полной реконструкции истории Центрального совета кварталов г. Самары. Выявленные архивные и опубликованные источники не позволяют точно установить время и обстоятельства его создания и прекращения деятельности. Но ряд деталей взаимоотношений квартальных организаций и городской думы, их идейно-политического контекста по-новому раскрывают сущность политического режима Комуча.

Революционные эксперименты посеяли хаос в политическом сознании россиян. В представлениях современников Гражданской войны сформировался концепт демократии как совокупности общественных институтов, в которых представлены интересы простых неимущих и малоимущих граждан. Участие имущего класса считалось несовместимым с демократией. Вопрос о процедурах формирования правильного представительства обществом совершенно игнорировался. При политической пассивности большинства населения любая небольшая хорошо организованная группа легко могла заявить себя поборником интересов широких слоев населения, олицетворением демократии. В этой ситуации опора на общественные организации, попытка учесть их интересы и взаимодействовать через них с разными группами населения заводила Комуч в тупик. Что если одна из таких общественных организаций стала бы претендовать на представление интересов всего населения или хотя бы его абсолютного большинства? Подобные претензии и попытка заявить Центральный совет кварталов.

Воссоздавая органы городского самоуправления, Комуч поддержал и Центральный совет кварталов, ставший фактически на время параллельной городской властью в Самаре, пытался через голову городской думы и управы взаимодействовать с самарцами через эту организацию. Естественно, это только еще сильнее дезориентировало горожан. Сам Комуч в этой ситуации предстает правительством, не способным установить правопорядок ввиду паралича политической воли и отсутствия даже элементарного понимания того, каким этот правопорядок должен быть.

Как в капле воды видишь отражение целого образа, так и в истории противостояния Самарской городской думы и Центрального совета кварталов отображены общие проблемы организации власти Комуча. Претензии общественных объединений, подчас самозванных и никем не уполномоченных, на участие в политической власти принимались правительством как допустимые. Взаимодействие правительства и общества сводилось к ситуативному лавированию между группами общественности с учетом их влияния и пользы для удержания политической власти. Действие уполномоченных и легитимных органов в этом случае периодически блокировалось, в том числе и самой высшей властью, а принятие политических решений ставилось в зависимость от сторонних, не всегда дружественных групп. Активно используя демократическую риторику, политический режим Комуча оставался далеким от правильной организации общественных интересов и не имел никаких шансов сформировать эффективное управление на подконтрольной территории. Он возник и функционировал как своеобразная диктабланда без каких-либо внятных нормативных оснований, но был подвержен дестабилизирующему влиянию конфликтующих общественных институтов.

### Примечания

<sup>1</sup> Правда, чуть выше В.В. Гармиза признает, что совет кварталов представлял «интересы малоимущих квартирнанимателей, среди которых большинство составляли рабочие и низшие служащие» [Гармиза 1970, с. 163]. Такая сентенция едва ли позволяет охарактеризовать организацию как «мелкобуржуазную».

<sup>2</sup> Последнее по времени упоминание о конфликте содержится в книге Л.Г. Прайсмана. Вся информация автором почерпнута из упомянутой монографии В.А. Лапандина. Несколько дополнив собственными интерпретациями, он позаимствовал не только авторский текст предшественника, но и цитаты из источников вместе с научно-справочным аппаратом, в чем легко убедиться, сопоставив тексты двух авторов (См.: [Лапандин 2003, с. 121–122; Прайсман 2015, с. 299 – последний абзац; с. 300 – начало до сноски 41, с. 301 – последний абзац]).

<sup>3</sup> По другим данным это заседание прошло 1 июля 1918 г. [Самарские ведомости. 1918. 2 июля].

<sup>4</sup> Видимо, именно этот случай подразумевал В.В. Гармиза, так как Центральный совет кварталов никогда не требовал предоставить им места в Городской думе, занимаемые только в результате избрания.

### Библиографический список

Вестник Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Самара, 1918 (Вестник Комуца).

Волжский день. Самара, 1918.

Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств М., 1970. 294 с.

Голубинов Я.А. Продовольственный вопрос в Среднем Поволжье в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2009. 236 с.

Городской вестник: ежедневная муниципальная газета. Самара, 1918.

Заря Поволжья: орган Самарского комитета РСДРП. Самара, 1918

Земля и воля: ежедневная газета социалистов-революционеров. Самара, 1918.

Лапандин В.А. Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 г.). Самара, 2003. 212 с.

Новое казанское слово: Орган независимой прогрессивной мысли. Казань, 1918.

Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова, 2015. 536 с.

Рабинович С.Я. Самарская буржуазия и комитет членов Учредительного собрания // Четыре месяца Самарской учредилки. Самара, 1921. С. 20–23.

Самарские ведомости: орган Самарского комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918.

Санникова Н.А. Документы Комитета членов Всероссийского учредительного собрания

(источниковедческий обзор материалов фондов Центрального государственного архива Самарской области) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Вып. 5. Самара, 2017. С. 279–300.

### References

*Vestnik Komiteta chlenov Vserossiiskogo Uchreditel'nogo sobraniia* [Bulletin of the Committee of Members of the All-Russian Constituent Assembly]. Samara, 1918 (Vestnik Komucha) [in Russian].

*Volzhskii den'* [The Volga Day]. Samara, 1918 [in Russian].

Garmiza V.V. *Krushenie eserovskikh pravitel'stv* [Socialist-Revolutioner's governments wreckage]. M., 1970, 294 p. [in Russian].

Golubinov Ya.A. *Prodoval'stvennyi vopros v Srednem Povolzh'e v gody Pervoi mirovoi voiny: dis. ... kand. ist. nauk*. [Food problem in the Middle Volga Region during World War I: Candidate's of Historical Sciences thesis]. Samara, 2009, 236 p. [in Russian].

*Gorodskoi vestnik: ezhdnevnaia munitsipal'naia gazeta* [City Messenger: Daily Municipal Newspaper]. Samara, 1918 [in Russian].

*Zaria Povolzh'ia: Organ Samarskogo komiteta RSDRP* [Dawn of the Volga Region: Organ of the Samara Committee of the RSDLP]. Samara, 1918 [In Russian].

*Zemlia i volia: ezhdnevnaia gazeta sotsialistov-revoliutsionerov* [Earth and Freedom: Daily Newspaper of Socialist-Revolutionaries]. Samara, 1918 [In Russian].

Лапандин В.А. *Komitet chlenov Uchreditel'nogo sobraniia: struktura vlasti i politicheskaia deiatel'nost' (iun' 1918 – ianvar' 1919 g.)* [Constituent assembly member's committee: government structure and political activity (June 1918 – January 1919)]. Samara, 2003, 212 p. [in Russian].

*Novoe kazanskoe slovo: Organ nezavisimoi progressivnoi mysli* [New Kazan word: Organ of independent progressive thought]. Kazan, 1918 [In Russian].

Прайсман Л.Г. *Tretii put' v Grazhdanskoi voine. Demokraticheskaia revoliutsiia 1918 goda na Volge* [Third way in the Civil War. Democratic revolution of 1918 in a Volga area]. SPb.: Izdatel'stvo im. N.I. Novikova, 2015, 536 p. [in Russian].

Рабинович С.Я. *Samarskaia burzhuaziia i komitet chlenov Uchreditel'nogo sobraniia* [Samara bourgeoisie and Constituent assembly member's committee]. In: *Chetyre mesiatsa Samarskoi uchredilki* [Four months of Samara constituent assembly]. Samara, 1921, pp. 20–23 [in Russian].

*Samarskie vedomosti: Organ Samarskogo komiteta chlenov Uchreditel'nogo sobraniia* [Samara Gazette: Body of the Samara Committee of Members of the Constituent Assembly]. Samara, 1918 [in Russian].

Санникова Н.А. *Dokumenty Komiteta chlenov Vserossiiskogo uchreditel'nogo sobraniia (istochnikovedcheskii obzor materialov fondov Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Samarskoi oblasti)* [All-Russian constituent assembly member's committee documents (Central State Archive of the Samara Region fonds source review)]. In: *XX vek i Rossiia: obshchestvo, reformy, revoliutsii. Vyp. 5* [XX century and Russia: society, reforms, revolutions. Issue 5]. Samara, 2017, pp. 279–300 [in Russian].

---

## ПЕДАГОГИКА

---

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-50-55  
УДК 378.147

Дата поступления статьи: 20/VII/2018  
Дата принятия статьи: 15/VIII/2018

**Н.А. Илюхина**

### КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ФИЛОЛОГОВ-РУСИСТОВ

---

© *Илюхина Надежда Алексеевна* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.  
**E-mail:** [ilnadezhda@rambler.ru](mailto:ilnadezhda@rambler.ru). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3368-2725>

---

#### АННОТАЦИЯ

В статье изложены итоги анализа многолетнего опыта преподавателей кафедры русского языка и массовой коммуникации Самарского университета по формированию профессиональной коммуникативной компетентности в рамках двухуровневой системы обучения при подготовке бакалавров и магистров русской филологии.

В соответствии с требованиями государственных стандартов последнего поколения, которые содержат ряд компетенций, имеющих прямую или косвенную связь с речевой коммуникацией, выстроена двухуровневая модель обучения студентов в рамках программы бакалавриата (профиль «Отечественная филология») и программы магистратуры (профиль «Русский язык и коммуникация в профессиональной сфере»). В основе этой модели лежит принцип преемственности, последовательно воплощенный как в рамках каждого уровня, так и между уровнями бакалавриата и магистратуры. Подробно показана разработанная и апробированная система подготовки филологов, в которой коммуникативная компетентность является одной из приоритетных, формируемых через общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции и обеспечивающих готовность филологов к эффективному профессиональному общению. Этой цели на уровнях бакалавриата и магистратуры подчинены циклы дисциплин, включающие широкий круг теоретических и практико-ориентированных учебных курсов, охватывающих разные аспекты коммуникации и разные сферы профессионального общения: педагогическую, экспертную, редакторскую, рекламную и другие.

С учетом приоритетного положения коммуникативной компетентности (особенно в рамках вышеназванной магистерской программы) в процессе преподавания всех учебных дисциплин на разных этапах значительное место занимают различные активные и интерактивные методы и приемы, развивающие навыки разных видов коммуникативной деятельности будущих специалистов в области филологии.

**Ключевые слова:** коммуникативная компетенция, отечественная филология, бакалавриат, магистратура.

**Цитирование.** Илюхина Н.А. Коммуникативный аспект в профессиональной подготовке филологов-русистов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-50-55>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-50-55  
UDC 378.147

Submitted: 20/VII/2018  
Accepted: 15/VIII/2018

N.A. Ilyukhina

## COMMUNICATIVE ASPECT IN THE PROFESSIONAL TRAINING OF PHILOLOGISTS-SPECIALISTS IN RUSSIAN PHILOLOGY

© Ilyukhina Nadezhda Alexeevna – Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: [ilnadezhda@rambler.ru](mailto:ilnadezhda@rambler.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3368-2725>

### ABSTRACT

In the article the results of analysis of long-term experience of teachers of the Russian Language and Mass Communication Department of Samara National Research University on formation of professional communicative competence within the framework of a two-level system of training at preparation of bachelors and masters of Russian philology are stated.

In accordance with the requirements of state-of-the-art standards of the latest generation, which contain a number of competences that have direct or indirect connection with voice communication, a two-level model of students' education has been built in the framework of the bachelor's program (profile «Domestic philology») and the master's program (profile «Russian language and communication in professional sphere»). This model is based on the principle of continuity, consistently embodied both within each level, and between the levels of bachelor's and master's degrees. The developed and tested system of preparation of philologists is shown in detail, in which communicative competence is one of the priority ones, formed through general cultural, professional competencies and ensuring the readiness of philologists to effective professional communication. This cycle at the Bachelor and Master's levels is subject to cycles of disciplines, which include a wide range of theoretical and practical-oriented training courses covering different aspects of communication and different spheres of professional communication: pedagogical, expert, editorial, advertising and others.

Taking into account the priority position of communicative competence (especially in the framework of the above-mentioned master's program), various active and interactive methods and techniques that develop the skills of various types of communicative activity of future specialists in the field of philology take an important place in the teaching of all academic disciplines at different stages

**Key words:** communicative competence, domestic philology, bachelor's degree, master's degree.

**Citation.** Ilyukhina N.A. *Kommunikativnyi aspekt v professional'noi podgotovke filologov-rusistov* [Communicative aspect in the professional training of philologists-specialists in Russian philology]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 50–55. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-50-55>.

### Введение

Коммуникативный аспект в обучении студентов филологов, нацеленность обучения на решение профессиональных, социальных, межличностных проблем, связанных с коммуникацией, является важнейшей составляющей их будущей профессиональной компетентности [Рискогенность... 2016].

В типовых учебных планах по специальности «Русский язык и литература» советского периода развития высшей школы этот аспект присутствовал, однако не занимал значительного места. В этих условиях в программе вузовского обучения коммуникативный аспект затрагивался эпизодически. С этим аспектом была тесно связана лишь одна дисциплина – «Культура речи и стилистика», в рамках этой дисциплины предусматривалась как теоретическая, так и практическая подготовка – формирование лингвистической и собственно комму-

никативной компетенций. Кроме того, теоретическая сторона коммуникации незначительно была представлена в программах дисциплин «Современный русский язык» (прежде всего в разделах «Синтаксис» и «Лексикология») и «Общее языкознание» (в разделе «История лингвистических учений»).

### Коммуникативный аспект в подготовке бакалавров и магистров русской филологии

Как известно, государственные образовательные стандарты последнего поколения в своей основе имеют компетентностно-деятельностный подход в обучении. С изменением приоритетов в системе общеобразовательной подготовки учащихся по русскому языку в средних учебных заведениях и базовой подготовки в вузовском обучении коммуникативный аспект вышел на передний план. Это выразилось в том, что для формирования коммуникативной компетенции в качестве базовой (об-

шекультурной) компетенции на всех вузовских специальностях (направлениях, профилях подготовки) была введена учебная дисциплина «Русский язык и культура речи», в концепции ее преподавания теоретические сведения о речевой стороне общения органично сочетаются с практической ориентированностью обучения.

В условиях самостоятельного составления учебных планов в вузах на разных специальностях, связанных с подготовкой специалистов, профессионально ориентированных на эффективную коммуникацию, постепенно появились и другие учебные дисциплины – «Риторика», «Деловое общение» и подобные.

В образовательных программах по филологии эта тенденция нашла проявление в учебных планах по русской филологии всех российских вузов, она выразилась во введении цикла учебных дисциплин теоретического и практического характера, так или иначе связанных с коммуникацией. За короткое время появилось большое количество учебников и учебных пособий по этим дисциплинам (см., в частности, [Введенская, Павлова 1995; Риторика 1995; Смелкова 1997; Петрякова 1998; Хазагерев, Ширина 1999; Культура русской речи 2000, 2004, 2005; Русский язык и культура речи 2000; Саломатина 2010; Бердникова, Петрякова 2011; Гольдин, Сиротина, Ягубова 2008; Культура устной и письменной речи... 2012]).

Учебные дисциплины, связанные с изучением коммуникативной стороны языка, функционирования языковой системы, с формированием коммуникативной компетенции будущих филологов, занимают существенное место в образовательных программах по отечественной филологии в Самарском университете на уровнях бакалавриата и магистратуры (о значимости других профессиональных компетенций филологов см. [Илюхина 2007; Илюхина 2011; Илюхина, Голубков 2012]). При этом в условиях многоуровневого филологического образования важным остается принцип преемственности между уровнями бакалавриата и магистратуры.

С формированием общей коммуникативной компетентности, готовности к эффективному профессиональному общению в разных коммуникативных ситуациях, в разных формах на уровне бакалавриата связан целый ряд компетенций – общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных, предусмотренных федеральным стандартом ФГОС 3+. Приведем перечень этих компетенций: способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5), свободное владение основным изучаемым языком в его литературной форме, базовыми методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации на данном языке (ОПК-5), владение навыками участия в научных дискуссиях, выступлениях с сообщениями и докладами, устного, письменного

и виртуального (размещение в информационных сетях) представления материалов собственных исследований (ПК-4), владение базовыми навыками создания на основе стандартных методик и действующих нормативов различных типов текстов (ПК-8), владение базовыми навыками доработки и обработки (например, корректуры, редактирования, комментирования, реферирования, информационно-словарного описания) различных типов текстов (ПК-9), владение навыками перевода различных типов текстов (в основном научных и публицистических, а также документов) с иностранных языков и на иностранные языки; аннотирование и реферирование документов, научных трудов и художественных произведений на иностранных языках (ПК-10).

В соответствии с требованиями стандарта и перечнем компетенций на формирование коммуникативной компетентности в учебном плане нацелен комплекс учебных дисциплин, среди них наиболее непосредственно следующие: «Теория коммуникации», «Стилистика и культура речи», «Деловое общение», «Практическая риторика», «Коммуникативный практикум», «Литературное редактирование», «Документная лингвистика».

Логика распределения учебных дисциплин в учебном плане, их последовательность определяются потребностью в непрерывном движении от пропедевтического знакомства с профессионально значимой коммуникативной проблематикой на первом курсе – к выработке практических навыков речевой коммуникативной деятельности в устной и письменной форме, в разных речевых жанрах устной и письменной коммуникации, в том числе публичной речи, далее – к формированию системы категорий коммуникативистики, понятийно-терминологического аппарата теории коммуникации и отработке навыков профессиональной коммуникации в наиболее важных ситуациях профессиональной коммуникации: деловом общении в целом, литературном редактировании текстов разных стилей и жанров, составлении документов. Такая логика обеспечивает преодоление репродуктивных форм обучения, выразившихся в пассивной роли студента на занятиях.

Цикл названных дисциплин с первого по четвертый курс обеспечивает последовательное вовлечение студентов в изучение коммуникативной проблематики. На первом курсе изучаются дисциплины «Практическая риторика» и «Коммуникативный практикум». Принципиально важно, что именно на первом этапе получения образования включаются методы активного и интерактивного обучения: дискуссия, ролевая игра, проблемные задачи, тренинг и другие формы.

Полученные знания, умения и навыки развиваются на втором курсе в рамках дисциплины «Литературное редактирование», которая направлена на развитие профессиональной компетенции в работе с письменной речью. На четвертом курсе изучается теоретическая дисциплина «Теория коммуника-

ции», обобщающая полученные студентами ранее знания по коммуникативистике и формирующая теоретическую базу в выработке профессиональной коммуникативной компетентности, а также «Стилистика и культура речи», «Документная лингвистика», «Деловое общение».

Так, дисциплина «Теория коммуникации» нацелена на раскрытие содержания основных понятий и категорий современной теории коммуникации, знакомство с теоретическими концепциями, формирование у студентов представлений об основных исследовательских подходах в изучении процесса коммуникации в мировой и отечественной науке; призвана помочь студентам овладеть необходимыми умениями практического применения основных методов изучения процессов массовой коммуникации.

Проблематика учебных дисциплин «Стилистика и культура речи», «Документная лингвистика», «Деловое общение» рассматривается уже на теоретико-методологической основе теории коммуникации.

В частности, целями дисциплины «Документная лингвистика» являются подготовка студентов к пониманию роли и места документационного обеспечения в сфере управления, знакомство с языковыми стандартами и лингвистическими особенностями документных объектов, их знаковым составом, особенностями построения текстов, причинами ошибок, возникающих при построении документных текстов, а также правилами языкового оформления документов, разработки текстов документной коммуникации. Задача курса – рассмотрение знаковой основы документных текстов, ее изменения в динамических координатах современной официально-деловой и научно-технической коммуникации; формирование у студентов понимания взаимосвязи документной лингвистики с организационным процессом управления.

Практическое применение навыков профессиональной коммуникативной деятельности происходит прежде всего во время педагогической практики.

Коммуникативная составляющая в качестве одной из главных (отраженной в названии программы) легла в основу концепции магистерской образовательной программы «Русский язык и коммуникация в профессиональной сфере», разработанной и реализуемой кафедрой русского языка и массовой коммуникации Самарского университета.

На этапе обучения в магистратуре студенты вновь обращаются к коммуникативной проблематике в рамках разных теоретических и методологических парадигм, к осмыслению новых ее аспектов на более высоком уровне. В рамках названной магистерской образовательной программы внимание к коммуникативной стороне функционирования языка и к речевой деятельности в разных коммуникативных, прежде всего профессиональных, сферах является сквозной линией, обеспечивающей профессиональное лингвистическое образование

выпускников и возможности широкого приложения их знаний. В цикл учебных дисциплин, реализующих эту линию в качестве основной, входят следующие: «Деловая коммуникация (практикум)», «Рекламная деятельность и культура» («Основы рекламной деятельности»), «Стилистика и литературное редактирование», «Текст как объект профессиональной деятельности», «Психология общения и конфликтология», «Филологический аспект работы пресс-служб и информационно-аналитических отделов». Практически все дисциплины характеризуются прикладной направленностью и имеют ориентацию на совершенствование профессиональной коммуникативной компетентности: развивают способность к монологической и диалогической речи, навыки общения и ораторского мастерства, вырабатывают умение совершенствовать управление собственным поведением в различных ситуациях коммуникации. Кроме того, названные формы работы формируют умение обучать коммуникативным навыкам школьников и студентов, организовать активное взаимодействие между обучаемыми.

Названные дисциплины обеспечивают формирование следующих общепрофессиональных и профессиональных компетенций: готовности к коммуникации в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном языке для решения задач профессиональной деятельности (ОПК-1); владения коммуникативными стратегиями и тактиками, риторическими, стилистическими и языковыми нормами и приемами, принятыми в разных сферах коммуникации (ОПК-2); подготовки и редактирования научных публикаций (ПК-3); способности к созданию, редактированию, реферированию, систематизированию и трансформации (например, изменению стиля, жанра, целевой принадлежности текста) всех типов текстов официально-делового и публицистического стиля (ПК-10); готовности к планированию и осуществлению публичных выступлений, межличностной и массовой, в том числе межкультурной и межнациональной, коммуникации с применением навыков ораторского искусства (ПК-11); владения навыками квалифицированного языкового сопровождения международных форумов и переговоров (ПК-12).

С учетом того обстоятельства, что в магистратуру могут поступать абитуриенты с разным базовым образованием, в том числе нефилологическим, в программе предусмотрены дисциплины обобщающего характера, формирующие базовые знания: «Стилистика и литературное редактирование», «Деловая коммуникация (практикум)». При этом практикум «Деловая коммуникация» имеет интегративный характер. Его концептуальная основа – обобщение знаний студентов с разным базовым образованием о коммуникативной деятельности и обращение к разным сферам коммуникативной де-

тельности, прежде всего деятельности профессиональной, с целью выработки устойчивых навыков эффективной коммуникации с помощью активных методов обучения.

Отметим цели некоторых дисциплин:

– расширение аспектов профессионального осмысления коммуникации, коммуникативного поведения в разных ситуациях общения («Психология общения и конфликтология»);

– расширение аспектов профессионального осмысления основного объекта коммуникативной деятельности – текста в широком его понимании («Текст как объект профессиональной деятельности»);

– расширение сфер профессионального приложения коммуникативной компетентности («Филологический аспект работы пресс-служб и информационно-аналитических отделов», «Рекламная деятельность и культура»).

С формированием коммуникативной компетентности связаны две практики: проектная и научно-педагогическая, завершающие процесс формирования профессиональной коммуникативной компетентности как необходимого качества специалиста.

Ряд студентов по коммуникативной проблематике выполняют курсовые и выпускные квалификационные работы. Так, в 2017 г. была успешно защищена магистерская диссертация Л.В. Вандышевой «Коммуникация в организации волонтерства».

### Заключение

Таким образом, совокупность учебных дисциплин по речевой коммуникации в учебных программах бакалавриата и магистратуры Самарского университета можно рассматривать как своеобразную систему, обеспечивающую формирование профессиональной компетентности в процессе подготовки филологов-русистов в Самарском университете.

### Библиографический список

Бердникова Е.Д., Петрякова А.Г. Тесты по культуре речи. М.: Флинта, 2011. 80 с.

Введенская Л.А., Павлова Л.Б. Культура и искусство речи: Современная риторика. Ростов-н/Д.: Изд-во «Феникс», 1995.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: учебник для студентов-нефилологов: учебное пособие / под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 4-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 216 с.

Илюхина Н.А. Роль полипарадигмального исследовательского подхода в профессиональной подготовке филологов // Профессиональная подготовка студентов в условиях модернизации высшей школы: труды конф. 25 июня 2007 г. Самара: Универс групп, 2007. С. 32–43.

Илюхина Н.А. Параметры оценки активных процессов в современной русской речи (к вопросу о

формировании профессиональной компетенции при обучении студентов-филологов) // Перспективы модернизации высшего образования: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Т.И. Рудневой. Самара: ООО «Офорт», 2011. С. 172–178.

Илюхина Н.А., Голубков С.А. Формирование профессиональной компетенции студентов-филологов // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 5 (96). С. 27–31.

Козельская Н.А., Рудакова А.В. Русский язык и культура речи: рабочая тетрадь. Изд. 4-е, исправ. Воронеж: Истоки, 2010. 46 с.

Культура русской речи / под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. М., 2000; 2004; 2005.

Культура устной и письменной речи делового человека / Н.С. Водина, А.Ю. Иванова, В.С. Ключев, О.Р. Лопаткина, М.Н. Панова, Г.М. Поспелова, И.М. Рожкова, М.Ф. Толстопятова, Н.Ф. Топильская. М.: Флинта, 2012. 320 с.

Петрякова А. Г. Культура речи. М.: Флинта: Наука, 1998.

Русский язык и культура речи / под ред. В.И. Максимова. М., 2000.

Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А.Н. Байкулова [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. 188 с.

Риторика: учебное пособие / под ред. Т.Н. Дорожкиной; ВЭГУ. Уфа, 1995. 152 с.

Саломатина М.С. Русский язык и культура речи: материалы к практическим занятиям. Изд. 4-е, исправ. и доп. Воронеж: Истоки, 2010. 48 с.

Смелкова З.С. Деловой человек: культура речевого общения: пособие и словарь-справочник. М., 1997. 192 с.

Хаззагерев Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: курс лекций; словарь риторических приемов / отв. ред. Е.Н. Ширяев. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 320 с.

### References

Berdnikova E.D., Petryakova A.G. *Testy po kul'ture rechi* [Tests on the culture of speech]. M.: Flinta, 2011, 80 p. [in Russian].

Vvedenskaya L.A., Pavlova L.B. *Kul'tura i iskusstvo rechi: Sovremennaiia ritorika* [Culture and art of speech: Modern oratory]. Rostov-on-Don: Izd-vo «Feniks», 1995 [in Russian].

Goldin V.E., Sirotnina O.B., Yagubova M.A. *Russkii iazyk i kul'tura rechi: Uchebnik dlia studentov-nefilologov: Uchebnoe posobie. Pod red. O.B. Sirotninnoi. Izd. 4-e* [Russian language and culture of speech. Textbook for students-nonphilologists: Work book. O.B. Sirotnina (Ed.). 4<sup>th</sup> edition]. M.: Izd-vo LKI, 2008, 216 p. [in Russian].

Ilyukhina N.A. *Rol' poliparadigmalnogo issledovatel'skogo podkhoda v professional'noi podgotovke filologov* [The role of poliparadigm research approach in the professional training of philologists]. In: *Professional'naia podgotovka studentov v usloviiakh modernizatsii vysshei shkoly [Tekst]: trudy konf. 25 iunია 2007 g.* [Professional training of students in the conditions

of modernization of higher education [Text]: works of the conference. June 25, 2007]. Samara: Univers grupp, 2007, pp. 32–43 [in Russian].

Ilyukhina N.A. *Parametry otsenki aktivnykh protsessov v sovremennoi russkoi rechi (k voprosu o formirovanii professional'noi kompetentsii pri obuchenii studentov-filologov)* [Parameters of evaluation of active processes in modern Russian speech (on the issue of formation of professional competence in the teaching of students-philologists)]. In: *Perspektivy modernizatsii vysshego obrazovaniia: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Pod red. T.I. Rudnevoi* [Prospects for the modernization of higher education: interuniversity collection of research papers. T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara: OOO «Ofort», 2011, pp. 172–178 [in Russian].

Ilyukhina N.A., Golubkov S.A. *Formirovanie professional'noi kompetentsii studentov-filologov* [Formation of professional competence of students-philologists]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2012, no. 5(96), pp. 27–31 [in Russian].

Kozelskaya N.A., Rudakova A.V. *Russkii iazyk i kul'tura rechi: Rabochaia tetrad'. Izd. 4, ispr.* [Russian language and culture of speech: Workbook]. 4<sup>th</sup> edition, revised. Voronezh: Istoki, 2010, 46 p. [in Russian].

*Kul'tura russkoi rechi. Pod red. L.K. Graudinoi, E.N. Shiriaeva* [Culture of Russian speech. L.K. Graudina, E.N. Shiryaeva (Eds.)]. M., 2000; 2004; 2005 [in Russian].

Vodina N.S., Ivanova A.Yu., Klyuev V.S., Lopatkina O.R., Panova M.N., Pospelova G.M., Rozhkova I.M., Tolstopyatova M.F., Topilskaya N.F. *Kul'tura ustnoi i*

*pis'mennoi rechi delovogo cheloveka* [Culture of oral and written communication of a business man]. M.: Flinta, 2012, 320 p. [in Russian].

Petryakova A.G. *Kul'tura rechi* [Culture of speech]. M.: Flinta: Nauka, 1998 [in Russian].

*Russkii iazyk i kul'tura rechi. Pod red. V.I. Maksimova* [Russian language and culture of speech. V.I. Maksimov (Ed.)]. M., 2000 [in Russian].

*Riskogennost' sovremennoi kommunikatsii i rol' kommunikativnoi kompetentnosti v ee preodolenii. A.N. Baikulova [i dr.]; pod red. O.B. Sirotininoi i M.A. Kormilitsynoi* [Riskogenics of modern communication and role of communicative competence in its overcoming. A.N. Baikulova [et al.]; O.B. Sirotinina, M.A. Kormilitsina (Eds.)]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2016, 188 p. [in Russian].

*Ritorika: Uchebnoe posobie. Pod red. T.N. Dorozhkinoi; VEGU* [Rhetoric: Textbook. T.N. Dorozhkina (Ed.); VEGU]. Ufa, 1995, 152 p. [in Russian].

Salomatina M.S. *Russkii iazyk i kul'tura rechi: materialy k prakticheskim zaniatiyam. Izd. 4, ispr. i dop.* [Russian language and culture of speech: materials to practical tasks. 4<sup>th</sup> edition, revised and enlarged]. Voronezh: Istoki, 2010, 48 p. [in Russian].

Smelkova Z.S. *Delovoi chelovek: kul'tura rechevogo obshcheniia. Posobie i slovar'—spravochnik* [Business man: verbal communication culture. Textbook and dictionary-handbook]. M., 1997, 192 p. [in Russian].

Khazagerov T.G., Shirina L.S. *Obshchaia ritorika: Kurs lektsii; Slovar' ritoricheskikh priemov. Otv. red. E.N. Shiriaev. 2-e izd., pererab. i dop.* [General rhetoric: Course of lectures; Dictionary of rhetorical techniques. E.N. Shiryaev (Ed.). 2<sup>nd</sup> edition, revised and enlarged]. Rostov-on-Don, 1999, 320 p. [in Russian].



DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-56-61  
УДК 378.147

Дата поступления статьи: 23/VIII/2018  
Дата принятия статьи: 11/IX/2018

Э.А. Куруленко, Г.А. Кузичкина

## ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ

© Куруленко Элеонора Александровна, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры РФ, ректор, Самарский государственный институт культуры, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

E-mail: rektor@smrgaki.ru. ORCID ID: 0000-0002-4687-1704.

© Кузичкина Галина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры документоведения и библиографоведения, Самарский государственный институт культуры, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

E-mail: gak\_62@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1213-0190>

### АННОТАЦИЯ

В информационном обществе в решении профессиональных задач и проблем ценным качеством любого специалиста является способность оперативно реагировать на запросы динамично меняющейся действительности, постоянно совершенствовать и пополнять свои знания. В статье рассматриваются подходы к определению понятия «информационная компетентность» как ключевой квалификационной характеристики современного специалиста, прослеживается ее связь с информационной культурой личности. Сформированность информационной компетентности будущих специалистов сферы культуры – основа для реализации всего комплекса их профессиональных компетенций в организационно-управленческой, проектной, научно-исследовательской и методической, информационно-аналитической, психолого-педагогической и культурно-просветительской сферах деятельности.

Проведено соотнесение компетенций ФГОС 3++ направлений образовательной подготовки, входящих в УГСН 51.00.00 Культуроведение и социокультурные проекты, с задачами формирования информационной компетентности студентов. Отмечается необходимость дифференцированного подхода к выбору состава и форм применения педагогических технологий реализации концепции информационно-культурологического образования в зависимости от целей и содержания профиля подготовки. Приводится обзор опыта использования в учебном процессе когнитивно-ориентированных, деятельностно-ориентированных и личностно-ориентированных педагогических технологий в аспекте создания и развития качеств информационной компетентности студентов. Доказывается эффективность внедрения интерактивных форм занятий, стимулирующих поиск студентами дополнительной информации для анализа и презентации, применения средств визуализации знаний на основе мультимедийных технологий, элементов музейной педагогики, взаимодействия с учреждениями культуры Поволжья.

Личностно-деятельностный аспект информационной компетентности связан с освоением этических норм и критериев оценки современной информационной среды, что в определенной степени закладывает основы экологического культурного мышления студента.

**Ключевые слова:** информационная компетентность, информационная культура личности, информационно-культурологическое образование, педагогические технологии.

**Цитирование.** Куруленко Э.А., Кузичкина Г.А. Педагогические технологии формирования информационной компетентности студентов вузов культуры // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 56–61. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-56-61>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

E.A. Kurulenko, G.A. Kuzichkina

**PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES OF FORMATION OF INFORMATION COMPETENCE  
OF STUDENTS OF UNIVERSITIES OF CULTURE**

© Kurulenko Elleonora Aleksandrovna – Doctor of Cultural Studies, professor, honored worker of culture of the Russian Federation, rector, Samara State Institute of Culture, 167, Frunze Street, Samara, 443010, Russian Federation.

**E-mail:** rektor@smrgaki.ru. **ORCID ID:** 0000-0002-4687-1704.

© Kuzichkina Galina Anatolyevna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Document Science and Bibliography, Samara State Institute of Culture, 167, Frunze Street, Samara, 443010, Russian Federation.

**E-mail:** gak\_62@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-1213-0190>

**ABSTRACT**

In the information society in solving professional problems and problems valuable quality of any specialist is the ability to respond quickly to the needs of a dynamically changing reality, constantly improve and replenish their knowledge. The article deals with the approaches to the definition of the concept of «information competence» as a key qualification characteristics of a modern specialist, traced its relationship with the information culture of an individual. The formation of information competence of future specialists in the sphere of culture is the basis for the implementation of the whole complex of their professional competencies in the organizational, managerial, design, research and methodological, information and analytical, psychological, pedagogical, cultural and educational spheres.

It is conducted the correlation of the competencies of the GEF 3++ areas of educational training within WGSN 51.00.00 cultural studies and sociocultural projects, with the tasks of formation of information competence of students. The need for a differentiated approach to the selection of the composition and forms of application of pedagogical technologies for the implementation of the concept of information and cultural education, depending on the goals and content of the profile of training is noted. The article reviews the experience of using cognitive-oriented, activity-oriented and personality-oriented pedagogical technologies in the educational process in the aspect of creating and developing the qualities of information competence of students. The efficiency of introduction of interactive forms of classes that stimulate students to search for additional information for analysis and presentation, the use of visualization of knowledge based on multimedia technologies, elements of Museum pedagogy, interaction with cultural institutions of the Volga region is proved.

Personal-activity aspect of information competence is associated with the development of ethical standards and criteria for assessing the modern information environment, which to some extent lays the foundations of ecological cultural thinking of the student.

**Key words:** information competence, information culture of a person, information and cultural education, pedagogical technologies.

**Citation.** Kurulenko E.A., Kuzichkina G.A. *Pedagogicheskie tekhnologii formirovaniia informatsionnoi kompetentnosti studentov vuzov kul'tury* [Pedagogical technologies of formation of information competence of students of universities of culture]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 56–61. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-56-61>.

**Введение**

Информационное общество ставит все более сложные задачи перед системой образования. В условиях возрастания количественного и качественного разнообразия потоков информации одним из главных признаков профессионализма и гражданской ответственности становится не только владение собственно профессиональными умениями и навыками, но и знание и понимание особенностей современной информационной среды, навыки использования многообразных информационных ресурсов, умение делать «информационный выбор», отличать интеллектуальное манипулирование от истинного знания [Гендина 2016].

В современной социально-культурной и экономической ситуации в решении профессиональных задач и проблем ценным качеством любого специалиста является способность оперативно реагировать на запросы динамично меняющейся действительности, эффективно осуществлять деятельность на основе постоянного совершенствования и пополнения своих знаний.

Таким образом, информационная компетентность специалистов, связанная как с информационно-методическим обеспечением профессиональной деятельности, так и уровнем развития личностных качеств умений и навыков работы с информацией, может быть признана ключевой квалификационной характеристикой любого профессионала.

### Формирование информационной компетентности студентов вузов культуры

Информационная компетентность – сложное, многосоставное понятие, и в педагогической литературе пока нет его единого определения. Можно выделить два подхода: более узкий (понимание информационной компетентности как уровня владения компьютерными технологиями, мультимедиа и т. п.) и расширенный, согласно которому информационная компетентность отражает процесс восприятия информации личностью, владение различными формами и методами работы с информацией (не только с использованием технических средств). На наш взгляд, второй подход более продуктивен, поскольку раскрывает связь информационной компетентности с информационной культурой личности. Это близкие, но не синонимичные понятия: информационная культура включает в себя обширную проблематику информационного мировоззрения человека, а информационная компетентность носит более прикладной характер, отражая проявление практического взаимодействия человека и информации. Информационная компетентность признается «интегративным качеством личности, являющимся результатом отражения процессов отбора, усвоения, переработки, трансформации и генерирования информации в особый тип предметно-специфических знаний, позволяющих вырабатывать, принимать, прогнозировать и реализовывать оптимальные решения в различных сферах деятельности» [Тришина 2005].

Таким образом, в профессиональной среде растет осознание необходимости информационной компетентности как «основания для понимания, возможности выбора, формирования мнения, принятия решений и выполнения информированных и ответственных действий» [Паршукова 2006, С. 51].

Рассматривая информационную компетентность как компонент профессиональной компетентности специалиста сферы культуры, необходимо отметить, что понятие «специалист сферы культуры» является обобщенным и в достаточной мере условным. В системе высшего образования в состав укрупненной группы специальностей и направлений (УГСН) подготовки 51.00.00 Культуроведение и социокультурные проекты входят следующие направления: 51.03.01 Культурология, 51.03.02 Народная художественная культура, 51.03.03 Социально-культурная деятельность, 51.03.04 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия, 51.03.05 Режиссура театрализованных представлений и праздников, 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность. Как видим, данная УГСН объединяет достаточно разные направления, у каждого из которых есть свои специфические типы профессиональных задач, функциональные доминанты, конкретизируемые во ФГОС на уровне области и сферы профессиональной деятельности.

Во ФГОС 3++ всех направлений УГСН 51.00.00 Культуроведение и социокультурные проекты уже заложен потенциал формирования информационной компетентности – как в универсальных компетенциях, так и общепрофессиональных. Так, в категории универсальных компетенций «Системное и критическое мышление» – это компетенция

УК-1 («Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач»). В категории общепрофессиональных компетенций – это компетенция ОПК-2 («Способен решать стандартные задачи профессиональной деятельности с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности»).

Признавая необходимость формирования информационной компетентности студентов вуза культуры, следует заметить, что ее наполнение будет несколько различным в разных образовательных направлениях. Это связано со спецификой профессиональной деятельности. Так, под информационной компетентностью специалиста культурно-досуговой сферы понимается его «способность и готовность к получению, обработке, переосмыслению, творческому использованию информации в процессе реализации профессиональной деятельности, основанная на соотношении специалистом своих внутренних (знания, умения, навыки, ценности, психологические особенности) и внешних (информационная инфраструктура культурно-досуговой сферы, профессиональное информационное пространство)» [Базарова 2008, с. 8]. Использование информации является необходимым условием осуществления специалистами профессиональной деятельности, а информационная компетентность представлена как базовое условие ее эффективности, ведь для проведения любого мероприятия или разработки проекта используется значительный объем материалов – от законодательных и статистических до популяризаторских и художественных.

Несколько иную трактовку и наполнение имеет информационная компетентность библиотечного специалиста – это «профессионально значимое качество личности, проявляющееся в умении эффективно решать социальные и профессиональные задачи с помощью информационно-коммуникационных технологий, совершенствовать свои навыки в сфере информационных технологий, адаптировать профессиональные знания к меняющимся условиям информационного общества» [Мамонтова 2012, с. 8]. Можно сказать, что библиотечный специалист не только реализует и развивает собственную информационную компетентность, но и содействует формированию и развитию информационной культуры пользователей библиотек.

В Самарском государственном институте культуры (СГИК) последовательно реализуется стратегия информационно-культурологического образования, обоснование, цели и принципы которой изложены в монографии доктора педагогических наук, профессора М.Г. Вохрышевой [Вохрышева]. Содержание и структура таких образовательных направлений, как Библиотечно-информационная деятельность и Документоведение и архивоведение напрямую связаны с непосредственным объектом профессиональной деятельности – информационные ресурсы, коммуникации и потребители информации. Информационная компетентность студентов, обучающихся по данным направлениям, формируется всем комплексом общепрофессиональных дисциплин и дисциплин профилей. Для студентов других направлений подготовки разра-

ботан специальный курс «Информационная культура личности». Однако элементы формирования информационной компетентности проявляются практически в каждой учебной дисциплине. Базовой основой являются дисциплины информационно-коммуникационного цикла, при этом в вузах культуры «в концепции преподавания информатики и информационных технологий сделан акцент на гуманитарном характере информатики, её ориентации на актуализацию человеческого ресурса, на интеграцию информационных и компьютерных технологий» [Бабиева, Ключенко, Дрешер 2018].

Важной задачей является формирование интеллектуального потенциала студентов, развитие их креативности и активизация познавательной деятельности. В связи с этим существенно изменяются функции преподавателя: наряду с традиционной функцией передачи, трансляции некоторого объема знаний на лекциях, возрастает значение функционирования педагога как руководителя и консультанта студента в процессе приобретения им компетенций, организации эффективных форм и методов работы с учебной информацией [Руднева 2017].

Выбор состава и форм применения педагогических технологий формирования информационной компетентности студентов обусловлен особенностями структуры информационной компетентности, включающей когнитивный, деятельностно-творческий и ценностно-мотивационный компоненты.

Когнитивно-ориентированные образовательные технологии направлены на формирование устойчивой системы профессионального знания, или профессионального тезауруса. Основа тезауруса дисциплины – совокупность основных понятий, терминов и определений – излагается на лекциях, а дальнейшее развитие и углубление получает в процессе семинарских и практических занятий. С этой целью преподавателями используется методика составления словаря ключевых слов (гlossария). Кроме основной учебно-методической задачи – поиска сущностных основ изучаемой дисциплины, – решается и задача обучения навыкам работы с научным текстом – конспектированию, выделению смыслообразующих понятий и т. п. Выделяя из сложного массива информации опорные понятия и термины, обсуждая различия в их определениях и трактовках, студенты овладевают методикой сравнительного анализа, типизации, классификации, составления рейтинга понятий. Иногда в процессе обсуждения студенты пытаются дать определения своими словами, демонстрируя достаточно любопытное понимание профессиональной сферы.

Результат подобных занятий – это освоение не всего тезауруса дисциплины, а его части – предметного поля. Навыки анализа предметного поля дисциплины достаточно хорошо поддаются оценке и контролю с помощью тестирования. Акцентируя внимание студентов на уже знакомых им понятиях из изученных ранее дисциплин (точки пересечения предметных полей), переходя от узкопредметной направленности к установлению межпредметных связей (что заложено в рабочих программах), мы закладываем основу системного представления о будущей профессиональной деятельности.

Особое внимание уделяется педагогами вуза семинарским занятиям, повышающим познавательную активность студентов. Семинарские занятия по специальным дисциплинам проводятся в форме мини-конференций, «круглых столов», книговедческих чтений, что позволяет оценить глубину подготовки студентами вопросов, умение анализировать информационную ситуацию, подбирать адекватные аргументы и вести дискуссию (в частности, по методике ПОПС-формула).

Достаточно распространенным видом занятий стали и семинары-презентации периодических изданий, электронной продукции или web-сайтов учреждений культуры и искусства. Они основаны на выполнении студентами цикла сквозных заданий, предполагающих глубокое погружение студентов в тему, разработку собственного алгоритма анализа информационных изданий и ресурсов, что содействует развитию их аналитических навыков.

В учебном процессе в аспекте формирования информационной компетентности студентов эффективно использование сочетания активных методов обучения (таких, как ролевая игра, мозговой штурм, проигрывание ситуаций, диалогических проекций деловой коммуникации) с традиционными методами обучения (например, лекцией-дискуссией, лабораторным практикумом, тестированием и анкетированием). Использование активных форм обучения позволяет студентам приобрести навыки анализа и синтеза информации (как во время подготовки к занятиям, так и непосредственно их проведения), стимулирует концептуальное мышление, а обеспечение живой обратной связи способствует выявлению непонимания или недостаточности информации с адресной ориентацией на источник необходимого знания. Такое сочетание позитивно влияет на усвоение теоретического материала, обеспечивает его понимание и демонстрацию практического применения.

Для современного учебного процесса важно обеспечить наглядность в обучении, визуализировать знания. В библиотеке вуза и в кабинетах при кафедрах СГИК регулярно организуются выставки научных и учебных изданий с целью информирования студентов о новых поступлениях. Положительно зарекомендовало себя составление структурно-логических схем по материалам дисциплин, создание иллюстративно-визуального ряда наглядных пособий, использование учебных и документальных фильмов – ведь применение визуализации знаний содействует их закреплению. Комплекс аудиовизуальных мультимедийных средств обучения, кроме общей наглядности, обеспечивает и освоение методики использования экранной информации, поисковых возможностей электронных энциклопедий и справочников. Представление студенту информации об изучаемом объекте в форме синтеза сведений из разных по своей природе источников – печатных, аудиальных, аудиовизуальных – способствует созданию полной и многообразной информационной картины мира.

В работе со студентами очного отделения особое внимание уделяется сочетанию изучения теории с изучением практической деятельности организаций и учреждений культуры, в чем и состоит суть деятельностно-ориентированных технологий

обучения. Для погружения в изучаемую среду, кроме обязательной производственной практики, активно используются и занятия в форме ознакомительных экскурсий в библиотеки, архивы и музеи Самары. По итогам экскурсий студенты должны сравнить ресурсы и научно-справочный аппарат фондохранилищ, определить специфику информационного обслуживания пользователей, его формы в каждом конкретном случае. Хорошо зарекомендовала себя и методика организации в студенческих группах фокус-групп в соответствии с направлениями деятельности учреждений культуры. Задача каждой фокус-группы – в сжатые сроки разработать проект, направленный на решение конкретной проблемы (сформулировать на ней внимание) и предложить коллегиальное решение. В результате активизируется творческое мышление студентов, появляется желание оригинально представить информационную ситуацию в регионе, выработать рекомендации по совершенствованию системы региональных информационных ресурсов.

Кроме того, студенты присутствуют на творческих мероприятиях, семинарах, мастер-классах и совещаниях директоров культурно-досуговых центров г. Самары и Самарской области, погружаются в проблематику профессиональной сферы, могут задавать вопросы, высказывать свои мнения, т. е. превращаются в полноправных участников мероприятий.

Преподаватели СГИК активно используют в преподавании основные элементы личностно-ориентированной образовательной технологии как набор стратегий достижения определенных образовательных результатов, необходимых для жизни в быстроменяющемся мире. Кроме того, ее использование может оказать влияние и на осознание студентом себя как будущего профессионала. В новых условиях объем педагогических задач не только возрастает, но и видоизменяется: в создании индивидуальной образовательной траектории появляется еще один дополнительный компонент, который заключается в создании мотивации получения образования именно для реализации в последующем полученных знаний в конкретной профессиональной области. Использование методики самоанализа позволяет студентам определить собственный уровень психологической готовности к профессиональной работе в сфере культуры, диагностировать уровень личной грамотности, умения принимать решения в ограниченном объеме времени и т. п.

Современная информационная среда – это динамично развивающийся феномен, с еще не устоявшимися морально-этическими нормами оценки всех ее форм, проявлений, влияния на социум. Важно заложить их основы в период обучения будущих специалистов, чему отчасти содействуют такие дисциплины, как «Информационное право», «Авторское право», «Патентование», «Реклама информационных продуктов и услуг», «Информационный маркетинг». Преподаватели организуют дискуссии, в центре внимания которых – неоднозначно воспринимаемые феномены информационной среды. Поиск ответов заставляет студентов задуматься о критериях их оценки, в определенной степени закладывает основы экологического культурного мышления.

Еще одним видом педагогического инструментария является музейная педагогика, применение

элементов которой отвечает задачам реализации мемориальной функции культуры. Библиотеки, музеи и архивы – хранители документированной памяти человечества. Цель музейной педагогики – не только ознакомление студентов со спецификой музейной культуры, уважения к наследию прошлого, но и возможность оказаться в роли фондохранителей, организаторов и оформителей выставок, экскурсоводов. Кроме того, музейная педагогика позволяет повысить креативность мышления студентов и развивать корпоративную информационно-библиографическую деятельность. Эта образовательная технология получила особое развитие с созданием в 2001 году при кафедре библиографии учебно-исследовательской лаборатории нового типа – Музея книги. Значительную часть коллекции Музея книги составляют дары от преподавателей, студентов, коллег из библиотек, вузов и т. д. Уникальность изданий, входящих в фонд Музея книги, не является препятствием к их использованию студентами в учебном процессе по историко-книговедческим и библиографическим дисциплинам.

Особое внимание в профессиональной подготовке библиотечно-информационных специалистов уделяется созданию новых информационных продуктов – и это важно не только для закрепления практических навыков библиографирования, но и для развития личностного креативного потенциала студента, поскольку в процессах создания информационно-аналитических продуктов соединяются когнитивный (знаниевый) и библиографический (информационно-поисковый) компоненты.

Подготовка выпускных квалификационных работ студентами СГИК является своеобразной демонстрацией уровня освоения ими информационно-ориентированных компетенций – информационно-технологических, информационно-аналитических, проектных, исследовательских и др. Формы ВКР различны: теоретические работы, прикладные исследования, проекты, информационно-аналитические продукты. Каждая работа представляет собой по-своему уникальный авторский продукт. В ВКР студенты проявляют не только навыки владения методикой работы с массивами информации, но и качества информационных аналитиков, поскольку обязательными элементами работы являются аналитическая часть, терминологический анализ темы (ее предметного поля), раскрытие данной темы в научно-исследовательских, справочных и библиографических ресурсах.

Обязательным элементом ВКР становится исследование электронных и сетевых информационных ресурсов. Они представлены в исследованиях и как источник выявления материалов, и в качестве непосредственного объекта анализа. Год от года наблюдается нарастание тенденции синтеза библиографии и других видов информационно-аналитической деятельности – фильмографии, изографии, нотографии, вебlioграфии. По существу, в современных выпускных работах студенты демонстрируют умения и навыки поиска и отбора значимых документов в любой информационной среде.

### Заключение

Информационная компетентность специалиста не есть данное раз и навсегда качество личности,

она нуждается в постоянном совершенствовании (что, в частности, подтверждают результаты проведенного нами исследования [Кузичкина 2016]). ФДО СГИК предоставляет профессионалам социально-культурной сферы вариативные образовательные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки по направлению «Прикладная информатика».

Таким образом, сформированность информационной компетентности будущих специалистов сферы культуры – основа для реализации их профессиональных компетенций в организационно-управленческой, проектной, научно-исследовательской и методической, информационно-аналитической, психолого-педагогической и культурно-просветительской сферах деятельности. Дальнейшее развитие культуры немыслимо без внедрения современных информационных технологий, методов развития персонала учреждений культуры, связанных с постоянным обучением, ориентированным на повышение квалификации и развитие личностных качеств, способствующих эффективной реализации в динамичной информационной среде.

### Библиографический список

Бабиева Н.А., Ключенко Т.И., Дрешер Ю.Н. Потенциал вуза в процессе обучения информатике и информационным технологиям // Научные и технические библиотеки. 2018. № 5. С. 36-46. URL: [http://www.gpntb.ru/ntb/ntb/2018/5/NTB5\\_2018\\_%D0%905\\_4.pdf](http://www.gpntb.ru/ntb/ntb/2018/5/NTB5_2018_%D0%905_4.pdf)

Базарова И.А. Информационно-методическое обеспечение как средство совершенствования профессиональной деятельности специалистов культурно-досуговой сферы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2008. 18 с.

Вохрышева М.Г. Современные стратегии культурологического образования: монография. Самара: Изд-во СГАКИ, 2001. 223 с.

Гендина Н.И. Информационное образование и информационная культура как фактор безопасности личности в глобальном информационном обществе: возможности образовательных организаций и библиотек: монография. Москва: Литера, 2016. 392 с.

Кузичкина Г.А. Роль библиотеки в развитии информационной компетентности специалистов культурно-досуговой сферы // Библиотека в контексте российской социокультурной истории: краеведческий аспект: материалы Всерос. науч. конф. Уфа: ЦКиР НБ РБ, 2016. С. 452–458.

Мамонтова М.С. Информационная компетентность библиотечного специалиста как условие его профессионального развития: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2012. 18 с.

Паршукова Г.Б. Информационная компетентность личности. Диагностика и формирование: монография / НГТУ. Новосибирск, 2006. 253 с.

Руднева Т.И. Индивидуальная рефлексия преподавателя вуза - фактор успешного решения инновационных образовательных задач // Вестник Казанского государственного энергетического университета. 2017. № 2(34). С. 76-81.

Тришина С.В. Информационная компетентность как педагогическая категория // Эйдос. 2005. 10 сентября. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-11.htm> (дата обращения: 20.08.2018).

### References

Babieva N.A., Klyuchenko T.I., Dresher Yu.N. Potentsial vuza v protsesse obucheniia informatike i informatsionnym tekhnologiiam [University's resources to teach information science and information technologies]. Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and Technical Libraries], 2018, no. 5, pp. 36-46. Available at: [http://www.gpntb.ru/ntb/ntb/2018/5/NTB5\\_2018\\_%D0%905\\_4.pdf](http://www.gpntb.ru/ntb/ntb/2018/5/NTB5_2018_%D0%905_4.pdf) [in Russian].

Bazarova I.A. *Informatsionno-metodicheskoe obespechenie kak sredstvo sovershenstvovaniia professional'noi deiatel'nosti spetsialistov kul'turno-dosugovoi sfery: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Information and methodological support as a means of improving the professional activity of specialists in the cultural and leisure sphere: Author's abstract of Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. SPb., 2008, 18 p. [in Russian].

Vokhrysheva M.G. *Sovremennye strategii kul'turologicheskogo obrazovaniia: monografiia* [Modern strategies of cultural education: monograph]. Samara: Izd-vo SGAKI, 2001, 223 p. [in Russian].

Gendina N.I. *Informatsionnoe obrazovanie i informatsionnaia kul'tura kak faktor bezopasnosti lichnosti v global'nom informatsionnom obshchestve: vozmozhnosti obrazovatel'nykh organizatsii i bibliotek: monografiia* [Information education and information culture as a factor of personal security in the global information society: opportunities of educational organizations and libraries: monograph]. M.: Litera, 2016, 392 p. [in Russian].

Kuzichkina G.A. *Rol' biblioteki v razvitiu informatsionnoi kompetentnosti spetsialistov kul'turno-dosugovoi sfery* [The role of a library in the development of information competence of specialists of cultural and leisure sphere]. In: *Biblioteka v kontekste rossiiskoi sotsiokul'turnoi istorii: kraevedcheskii aspekt: materialy Vseros. nauch. konf.* [Library in the context of Russian socio-cultural history: local lore aspect: materials of all-Russian research conference]. Ufa: TsKiR NB RB, 2016, pp. 452–458 [in Russian].

Mamontova M.S. *Informatsionnaia kompetentnost' bibliotchnogo spetsialista kak uslovie ego professional'nogo razvitiia: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Information competence of a library specialist as a condition of his professional development: Author's abstract of Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Kazan, 2012, 18 p. [in Russian].

Parshukova G.B. *Informatsionnaia kompetentnost' lichnosti. Diagnostika i formirovanie: monografiia* [Information competence of an individual. Diagnosis and formation: monograph]. Novosibirsk, 2006, 253 p. [in Russian].

Rudneva T.I. *Individual'naia refleksiiia prepodavatel'ia vuza – faktor uspeshnogo resheniia innovatsionnykh obrazovatel'nykh zadach* [Individual reflection of the academician – a factor of the successful solution of innovative educational tasks]. Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta, 2017, no. 2(34), pp. 76–81 [in Russian].

Trishina S.V. *Informatsionnaia kompetentnost' kak pedagogicheskaiia kategoriia* [Information competence as a pedagogical category]. In: *Eidos* [Eidos], 2005, September, 10. Available at: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-11.htm> (accessed 20.08.2018) [in Russian].

И.Г. Кретьова

**ФОРМИРОВАНИЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ  
СРЕДСТВАМИ ДИСЦИПЛИНЫ «БЕЗОПАСНОСТЬ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ»**

---

© Кретьова Ирина Геннадьевна – доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры физиологии человека и животных, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.  
E-mail: [igkretova@gmail.com](mailto:igkretova@gmail.com). Scopus ID: 6603299865; 56633069200. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8033-9260>

---

**АННОТАЦИЯ**

В связи с ухудшением состояния здоровья населения, негативной демографической ситуацией, участившимися в России и во всем мире чрезвычайными ситуациями и др. во все российские вузы была введена дисциплина «Безопасность жизнедеятельности». Модернизация современного образования, происходящая в последние годы в стране, сопровождается изменением стандартов образования. Во ФГОС первого поколения безопасность жизнедеятельности должна была сформировать компетенцию «владение основными методами защиты производственного персонала и населения от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий».

Согласно ФГОС 3+, программа подготовки бакалавра должна была устанавливать общекультурную компетенцию ОК-9 «Способность использовать приемы оказания первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций». Новые ФГОС ВО 3++ расширяют цели и задачи дисциплины. В результате освоения безопасности жизнедеятельности должна быть сформирована универсальная компетенция УК-8 «Способен создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций».

Таким образом, возникла необходимость формирования у молодых людей мотивации на культуру безопасной жизни. Осознанная потребность общества в безопасном поведении в быту, учебном заведении, на производстве, отдыхе, позволяющая сохранить, укрепить свое здоровье, повысить качество своей жизни и жизни своих родных и близких, должна стать жизненной потребностью каждого человека.

Для формирования универсальной компетенции будущего выпускника вуза в решении реальных проблем, возникающих в жизни, нами используются различные интерактивные методы обучения: разбор ситуационных задач, игровое моделирование, тематические диспуты, мозговые штурмы. Использование различных методических приемов, направленных на активизацию когнитивной и деятельностной функции личности, способствует актуализации ее ценностных ориентаций, саморазвитию и успешной социализации в обществе и в конечном итоге формирует у студентов культуру безопасной жизни.

**Ключевые слова:** студенты, федеральные государственные образовательные стандарты, безопасность жизнедеятельности, компетенции, интерактивные методы преподавания.

**Цитирование.** Кретьова И.Г. Формирование универсальных компетенций студентов средствами дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 62–66. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-62-66>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

I.G. Kretova

## FORMATION OF UNIVERSAL COMPETENCES OF STUDENTS BY MEANS OF THE DISCIPLINE «HEALTH AND SAFETY»

© Kretova Irina Gennadiyevna – Doctor of Medical Sciences, professor, professor of the Department of Human and Animal Physiology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: igkretova@gmail.com. Scopus ID: 6603299865; 56633069200. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8033-9260>

### ABSTRACT

In connection with the deterioration of the health of the population, the negative demographic situation, frequent emergencies in Russia and around the world, etc., the discipline «health and safety» was introduced in all Russian universities. The modernization of modern education, which has been taking place in recent years in the country, is accompanied by a change in the standards of education. In the first generation FSES, health and safety was to form the competence «possession of the basic methods of protection of production personnel and the population from the possible consequences of accidents, catastrophes, natural disasters». According to the FSES 3 + bachelor's program was to establish general cultural competence OK-9 «Ability to use first aid techniques, methods of protection in emergency situations». New FSES in 3++ expand the goals and objectives of the discipline. As a result of the development of health and safety should be formed universal competence of the UK-8 «Able to create and maintain safe living conditions, including in case of emergencies».

Thus, there was a need for the formation of young people's motivation for a culture of safe life. The conscious need of society for safe behavior in everyday life, educational institution, at work, rest, allowing to preserve, strengthen their health, improve the quality of their lives and the lives of their loved ones, should become a vital need of every person.

To form a universal competence of the future graduate of the University in solving real problems arising in life, we use a variety of interactive teaching methods: analysis of situational problems, game modeling, thematic debates, brainstorming. The use of various methodological techniques aimed at activating the cognitive and activity functions of the individual, contributes to the actualization of its value orientations, self-development and successful socialization in society, and ultimately, forms students " culture of safe life.

**Key words:** students, Federal State Educational Standards, life safety, competence, interactive teaching methods.

**Citation.** Kretova I.G. *Formirovanie universal'nykh kompetentsii studentov sredstvami distsipliny «Bezopasnost' zhiznedeiatel'nosti»* [Formation of universal competences of students by means of the discipline «Health and safety»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 62–66. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-62-66>.

### Введение

В последние десятилетия в Российской Федерации происходит мощная модернизация системы высшего образования [Сенашенко 2017, с. 5], что обусловлено необходимостью социально-экономического развития общества. Меняются названия, цели и задачи Министерства образования и науки, образовательные стандарты претерпевают значительные изменения. Одной из главных становится стратегическая задача по вхождению российских университетов в 200 ведущих мировых университетов согласно мировому рейтингу QS. В государственной политике России устанавливается приоритет образования, направленного «на подготовку высокообразованных людей и высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности в условиях информатизации общества и развития новых наукоемких технологий»<sup>1,2</sup>, конкурентноспособных на мировом рынке труда [Соловова 2016, с. 324].

### Формирование универсальных компетенций

Современное общество требует от выпускника вуза готовности вступить в активную профессиональную деятельность физически активной и полноценной личностью, имеющей высокий резерв здоровья, устойчивость к стрессовым перегрузкам, способной решать социально значимые задачи.

Дисциплиной, формирующей не только компетентного специалиста, но и полноценную личность с такими качествами и свойствами, как физическое и нравственное здоровье, социальная активность, ответственность и высокие эстетические идеалы, является «Безопасность жизнедеятельности».

Преподавание дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» (БЖД) в высших учебных заведениях России введено Постановлением Совета Министров РСФСР от 14 мая 1991 г. № 253 с 1 сентября 1991 г. Однако в большинстве немедицинских вузов в этот период преподавалась дисциплина



«Основы медицинских знаний». На ее освоение отводилось достаточное количество времени (например, в Самарском государственном университете – 136 аудиторных часов), формой отчета был экзамен, несмотря на то что дисциплина относилась к курсам по выбору (факультатив). Данная дисциплина была не во всех вузах, а в государственных образовательных стандартах подготовки специалистов о здоровом образе жизни, приемах оказания первой помощи и правилах поведения при возникновении различных чрезвычайных ситуаций даже не упоминалось. В тех вузах, где преподавалась БЖД, основными вопросами были вопросы гражданской обороны.

Регистрируемое на рубеже веков по всем регионам России ухудшение здоровья населения [Поликарпов, Огрызко 2015; Погодина, Бабенко А.И., Бабенко Е.А., Гусельникова 2016], негативная демографическая ситуация, а именно высокая смертность (особенно среди мужчин репродуктивного возраста); низкие показатели средней продолжительности жизни (характерные в большей мере для мужской части населения); незначительный прирост общей численности населения<sup>3</sup>, участвовавшие в России и во всем мире чрезвычайные ситуации явились причинами введения дисциплины БЖД в образовательный процесс российских вузов. БЖД становится обязательной дисциплиной подготовки бакалавра всех направлений. Возникает вопрос: на формирование каких компетенций она направлена?

Обратимся к федеральным государственным образовательным стандартам (ФГОС). Во ФГОС первого поколения практически всех направлений было указано, что при знакомстве с дисциплиной «Безопасность жизнедеятельности» студенты должны в основном сформировать такую компетенцию, как «владение основными методами защиты производственного персонала и населения от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий». Компетенции «владение средствами самостоятельного, методически правильного использования методов физического воспитания и укрепления здоровья», «владение знаниями и навыками ведения здорового образа жизни, сохранения и укрепления здоровья» были отданы для освоения дисциплине «Физическая культура».

Сравним ФГОС 3+ и ФГОС ВО 3++. Согласно ФГОС 3+, программа подготовки бакалавра должна была устанавливать только общекультурную компетенцию ОК-9 «Способность использовать приемы оказания первой помощи, методы защиты в условиях чрезвычайных ситуаций». Иными словами, происходит некоторое расширение круга вопросов, которые должны быть рассмотрены: на занятиях по БЖД студенты должны освоить приемы оказания первой помощи и правила поведения в чрезвычайных ситуациях мирного и военного времени.

Согласно новым ФГОС ВО 3++, программа бакалавриата должна устанавливать универсальную компетенцию УК-8 «Способен создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций».

Таким образом, новые ФГОС ВО 3++ расширяют цели и задачи БЖД. Если вчера дисциплина опиралась только на правила безопасного поведения, выработанные практикой или смежными областями науки, на законы государства и международного права по безопасности и защите населения, способы и методы ликвидации чрезвычайных ситуаций и оказания первой помощи при их возникновении, то сегодня этого недостаточно. В настоящее время в основе БЖД должны лежать систематизированные и обобщенные знания об объективных закономерностях существования и развития природы, человека и общества. Осознанная потребность общества в безопасном поведении в быту, учебном заведении, на производстве, на отдыхе, позволяющая сохранить, укрепить свое здоровье, повысить качество своей жизни и жизни своих родных и близких, должна стать жизненной потребностью каждого человека. Итак, необходимо сформировать у молодых людей мотивацию на культуру безопасной жизни.

Естественно, возникает вопрос: а что такое «безопасная окружающая среда», «безопасные условия жизнедеятельности», «безопасная жизнь», где она, опасность? Это – только учеба, работа, поездки на транспорте, отдых? Или это – жизнь во всех ее проявлениях? Студенты обычно знают, что нужно и чего нельзя делать в чрезвычайных ситуациях, но не знают, что необходимо делать в обычной жизни, чтобы она стала безопасной. В связи с этим учебная дисциплина должна включать три блока. Первый – профилактический, посвященный здоровью и здоровому образу жизни (ЗОЖ). Второй блок – оказание первой помощи при травмах, несчастных случаях, внезапных состояниях, отравлениях, инфекциях, которые часто встречаются в быту, на производстве, на отдыхе. Третий – обучение правильному поведению, алгоритму действия при возможности возникновения и в условиях чрезвычайных ситуаций. Если второй и третий блоки, согласно ФГОС 3+ и ФГОС 3++, рассматривались, то на ЗОЖ на занятиях по БЖД практически никогда не хватало времени.

Хочется отметить, что понятие ЗОЖ многоликое. Несоблюдение его основ приводит к срыву адаптации и развитию патологического процесса. ЗОЖ – это и закаливание человека, и безопасное рациональное сбалансированное питание (нарушение питания приводит к таким заболеваниям органов пищеварительной системы, как гастрит, гастроэнтерит, колит, кишечным инфекциям, пищевым токсикоинфекциям, а также может способствовать возникновению ожирения или дефицита массы тела и др.). К вопросам здорового образа жизни относятся гигиена (несоблюдение приводит к стрессам, депрессиям и др.), использование рационального режима труда и отдыха (работа в течение 12–16 часов в сутки без отдыха в течение нескольких лет может закончиться развитием синдрома хронической усталости), достаточная двигательная активность (гиподинамия – один из факторов риска заболеваний сердечно-сосудистой системы). Одним из важнейших вопросов ЗОЖ, интересующих всех молодых людей, является гигиена половых

отношений. К сожалению, в школе эти вопросы если и разбираются, то очень поверхностно. Кроме того, чувство стыдливости, смущения не позволяют подросткам более откровенно говорить на эту тему со специалистом. К чему может привести игнорирование этих вопросов, знают медики: это рост инфекций, передающихся половым путем, ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов; нарушение репродуктивного здоровья, проявляющееся одинаково часто мужским и женским бесплодием, приводящее к распаду семей, экстракорпоральному оплодотворению и суррогатному материнству. В ЗОЖ входит и отсутствие в жизни человека широко распространенных в настоящее время психоактивных веществ.

Включение в учебную программу блока знаний о здоровье человека, здоровом образе жизни и факторах, оказывающих как положительное, так и негативное влияние на психическое, физическое и социальное развитие, очень важно: этот блок мотивирует студентов сохранять и укреплять свое здоровье, углублять знания, совершенствовать умения и навыки с учетом индивидуальных возможностей и состояния здоровья не только на период обучения в вузе, но и на протяжении всей жизни. Причем эти знания они смогут пронести через всю жизнь, обучить им своих детей, родных и близких, а также сотрудников, с которыми они будут работать.

Чтобы сформировать компетентность будущего выпускника вуза в решении реальных проблем, возникающих в жизни, совершенно недостаточно провести обычный опрос, семинарское занятие или коллоквиум. Последние не позволяют выработать у студентов дисциплину ума, собранность, обучить последовательности (алгоритму) действий в различных критических ситуациях. Таким требованиям отвечает метод проблемных ситуаций, чаще всего именуемый *case study* [Вишневский 2017, с. 72]. Кроме того, нами использовались ситуационные задачи – описание конкретной ситуации, более или менее типичной для определенного вида деятельности [Жаравина 2014, с. 956]. Ситуационная задача ставит студента в рамки той проблемы, в которой оказался человек, развивает скорость мышления и сообразительность: «Человек лучше всего запоминает те знания, которые использовал в каких-то собственных действиях, практически опробовал, применил к решению каких-то реальных задач. Все остальное, не нашедшее практического применения, обычно рано или поздно забывается» [Бадмаев 1998, с. 13].

Ситуационная задача представляет собой описание конкретной ситуации, это – объект мыслительной деятельности, содержащий вопросную ситуацию, включающий в себя условие, функциональные зависимости и требования к принятию решения [Болтянская 2006]. Она обычно формулируется в форме рассказа. Мы выбираем темы, которые актуальны в настоящее время, привлекают внимание и понятны современной молодежи, учитывая их возрастные и интеллектуальные способности.

Ситуационная задача формирует интерес к предмету, способствует развитию логического мышления, усвоению студентами содержания дисципли-

ны, навыков оказания первой помощи и поведения при различных чрезвычайных ситуациях, организует самостоятельную учебную деятельность, развивает потребность работы с дополнительными источниками информации, с одной стороны, с другой – позволяет преподавателю оценивать результаты работы студентов. При этом учебное назначение такого ситуационного задания сводится к закреплению знаний, умений и навыков принятия решений в конкретной жизненной ситуации. Умение суммировать полученные знания, правильно определять порядок оказания первой помощи, правильно отработать алгоритм поведения при чрезвычайной ситуации позволяет преподавателю ответить на главный вопрос: «Сумеет ли студент применить, если это понадобится, свои знания на практике?» Таким образом, ситуационные задачи являются ценным мониторинговым методом оценки качества знаний и тем методическим ресурсом, который позволяет осуществлять практико-ориентированное обучение студентов.

Кроме того, на практических занятиях используется игровое моделирование. Студенты, как правило, с удовольствием вовлекаются в игровой процесс и на семинарах более полно и глубоко освещают тему. Учебные игры применяются с учетом специфики факультета. Однако на всех факультетах проводятся ролевые игры по таким важнейшим разделам оказания первой помощи, как «Репериментация», «Остановка кровотечения», «Оказание первой помощи при переломах», «Если в доме больной» и др. По разделу профилактической медицины – игры «Я пришел в ресторан, что я закажу?», «Что нужно делать, чтобы иметь красивую улыбку?».

Для студентов некоторых факультетов проводятся тематические диспуты, мозговые штурмы, учитывающие специфику основной получаемой специальности. Так, на психологическом факультете – это «Четыре темперамента и три типа личности в реакции на чрезвычайные ситуации». На факультетах социологии и психологии – «Пути снижения распространения венерических заболеваний среди подростков». На биологическом факультете – «Клонирование – я против». Студенты юридического факультета, делая доклады для текущих семинарских занятий на различные медицинские темы, отражают правовые аспекты раскрываемого материала. Такой подход укрепляет связь между дисциплинами разного профиля, помогает студентам увидеть комплексное решение различных проблем и в конечном итоге овладеть всей совокупностью знаний.

### Заключение

Таким образом, преподаватель дисциплины «Безопасность жизнедеятельности», используя различные методические приемы, направленные на активизацию когнитивной и деятельностной функции личности, способствует актуализации ее ценностных ориентаций, саморазвитию и успешной социализации в обществе и в конечном итоге формирует у студентов культуру безопасной жизни.

### Примечания

<sup>1</sup> Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 295.

<sup>2</sup> Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации».

<sup>3</sup> Здравоохранение в России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 170 с.

### Библиографический список

Бадмаев Б.Ц. Психология и методика ускоренного обучения. М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1998. 272 с.

Болтыанская Т.О. Ситуативные задачи как средство формирования финансово-экономического мышления студентов техникума: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2006. 230 с.

Вишневский П.Н. Метод моделирования проблемных ситуаций // Высшее образование в России. 2017. № 12. С. 71–77. URL: <http://vovr.ru/upload/12-17.pdf>.

Жаравина И.А. Использование ситуационных задач в адаптации учебного материала гуманитарных дисциплин при обучении студентов технического вуза по заочной форме // Фундаментальные исследования. 2014. № 8–4. С. 955–960. URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34702> (дата обращения: 13.07.2018).

Погодина В.А., Бабенко А.И., Бабенко Е.А., Гусельникова Н.А. Динамика заболеваемости у населения различных возрастных групп в Российской Федерации и Новосибирской области // Вестник Уральской медицинской академической науки. 2016. № 2. С. 170–179. DOI: <https://doi.org/10.22138/2500-0918-2016-14-2-170-179>.

Поликарпов А.В., Огрызко Е.В. Динамика заболеваемости населения старше трудоспособного возраста в Российской Федерации за 2010–2013 годы // Менеджер здравоохранения. 2015. № 2. С. 37–46.

Сенашенко В.С. О реформировании отечественной системы высшего образования: некоторые итоги // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 5–15. URL: <http://vovr.ru/upload/6-17.pdf>.

Соловова Н.В. Принципы разработки и актуализации образовательных программ с учетом профессиональных стандартов // Образование в современном мире: инновационные стратегии: сб. науч. тр. Международной научно-методич. конф. (Самара, 25 февраля 2016 г.) / отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2016. С. 324–333.

### References

Badmaev B.Ts. *Psikhologiya i metodika uskorennoy obucheniya* [Psychology and principles of accelerated education]. M.: Gumanit. izd. tsentr «VLADOS», 1998, 272 p. [in Russian].

Boltyanskaya T.O. *Situativnye zadachi kak sredstvo formirovaniya finansovo-ekonomicheskogo myshleniya studentov tekhnika: dis. ... kand. ped. nauk* [Contextual tasks as means of formation of financial and economic thinking of students of a technical high school: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis]. Ekaterinburg, 2006, 230 p. [in Russian].

Vishnevsky P.N. *Metod modelirovaniya problemnykh situatsii* [Method of modeling of problem situations]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2017, no. 12, pp. 71–77. Available at: <http://vovr.ru/upload/12-17.pdf> [in Russian].

Zharavina I.A. *Ispol'zovanie situatsionnykh zadach v adaptatsii uchebnogo materiala gumanitarnykh distsiplin pri obuchenii studentov tekhnicheskogo vuza po zaochnoy forme* [The use of situational problems in the adaptation of educational material of humanitarian disciplines in the training of students of a technical college by correspondence]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research], 2014, no. 8-4, pp. 955–960. Available at: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34702> (accessed 13.07.2018) [in Russian].

Pogodina V.A., Babenko A.I., Babenko E.A., Gusel'nikova N.A. *Dinamika zabolevaemosti u naseleniya razlichnykh vozrastnykh grupp v Rossiiskoi Federatsii i Novosibirskoi oblasti* [The dynamics of morbidity in the population of different age groups in the Russian Federation and the Novosibirsk Region]. *Vestnik Ural'skoi meditsinskoi akademicheskoi nauki* [Journal of Ural Medical Academic Science], 2016, no. 2, pp. 170–179. DOI: <https://doi.org/10.22138/2500-0918-2016-14-2-170-179> [in Russian].

Polikarpov A.V., Ogryzko E.V. *Dinamika zabolevaemosti naseleniya starshe trudospobnogo vozrasta v Rossiiskoi Federatsii za 2010–2013 gody* [Dynamics of morbidity of the population over working age in the Russian Federation for the period 2010–2013]. *Menedzher zdravookhraneniya* [Manager of Health Care], 2015, no. 2, pp. 37–46. URL: <http://www.idmz.ru/jurnali/menedzher-zdravookhraneniya/2015/2/dinamika-zabolevaemosti-naseleniya-starshe-trudospobnogo-vozrasta-v-rossiiskoi-federatsii-za-2010-2013-gody> [in Russian].

Senashenko V.S. *O reformirovaniy otechestvennoy sistemy vysshego obrazovaniya: nekotorye itogi* [On reforming the national system of higher education: some results]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 2017, no. 6, pp. 5–15. Available at: <http://vovr.ru/upload/6-17.pdf> [in Russian].

Solovova N.V. *Printsipy razrabotki i aktualizatsii obrazovatel'nykh programm s uchetom professional'nykh standartov* [Principles for the development and updating of educational programs in accordance with professional standards]. In: *Obrazovanie v sovremennom mire: innovatsionnye strategii: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii (Samara, 25 fevralia 2016 g.)*. Otv. red. T.I. Rudneva [Education in the modern world: innovative strategies: collection of research papers of the International research and methodological conference (Samara, February 25, 2016). T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara: Izd-vo «Samsarskii universitet», 2016, pp. 324–333 [in Russian].

Е.Г. Кашина

**ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОИГРОВОГО СТИЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ  
У СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА**

© Кашина Елена Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.  
E-mail: e\_kashina@mail.ru. E-Library ID: 340526

**АННОТАЦИЯ**

Инновационные процессы в образовании вызывают потребность формирования поведенческой модели личности, включающей после окончания вуза в экономическую, социальную и политическую жизнь общества. Современная образовательная парадигма задает методические риски в силу изменения целей, содержания, средств обучения иностранному языку, которые должны адаптировать выпускника к специфике профессиональной деятельности.

Актуализируется проблема формирования творческой личности, способной решать нестандартные задачи, в силу чего ситуативный метод становится доминирующим в методике преподавания иностранного языка. В статье приводятся доказательства эффективности применения средств театральной педагогики для развития профессионально значимых свойств студентов с учетом специфики их будущей профессии. Выборку исследования представляют будущие учителя, архитекторы, переводчики). По результатам формирующего эксперимента выявлены условия становления творческой личности, готовой к социоигровому стилю деятельности в условиях интеграции в международное профессиональное сообщество. Показана значимость деятельности преподавателя иностранного языка, реализующего театральные технологии с опорой на принципы психодраматического подхода.

В ходе экспериментальной работы смоделированы системы формирования творческой личности учителя английского языка с опорой на контекстный подход и развитие творческого воображения будущих архитекторов. Ведущим видом деятельности при изучении иностранного языка будущими архитекторами становится проектировочная деятельность, представляющая собой совокупность информационных, исследовательских, творческих, практико-ориентированных проектов на английском языке. Процессуальный элемент системы может иметь широкое применение в педагогической практике. Результатами формирующего эксперимента подтверждена гипотеза о возможности влияния средствами иностранного языка на подготовку будущего архитектора как творческой личности.

**Ключевые слова:** творческая личность, творческое воображение, личностно-ориентированный и контекстный подходы, социоигровой стиль деятельности, психодраматический подход.

**Цитирование.** Кашина Е.Г. Формирование социоигрового стиля деятельности у студентов средствами иностранного языка // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 67–70. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-67-70>.



DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-67-70  
UDC 378

Submitted: 10/VII/2018  
Accepted: 15/VIII/2018

**E.G. Kashina**

## FORMATION OF THE SOCIO-GAME STYLE OF ACTIVITY AMONG STUDENTS BY MEANS OF A FOREIGN LANGUAGE

© *Kashina Elena Georgievna* – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department of English Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.  
**E-mail: e\_kashina@mail.ru. E-Library ID: 340526**

### ABSTRACT

Innovative processes in education cause the need for the formation of a behavioral personality model that is included after the end of the university in the economic, social and political life of society. The modern educational paradigm sets methodical risks due to changes in goals, content, means of teaching a foreign language, which should adapt the graduate to the specifics of professional activity.

The problem of formation of a creative personality capable of solving non-standard problems is actualized, whereby the situational method becomes dominant in the methodology of teaching a foreign language. The article provides evidence of effectiveness of the use of the means of theatrical pedagogy for the development of professionally significant properties of students, taking into account the specificity of their future profession. The selection of the study is presented by future teachers, architects, translators). Based on the results of the formative experiment, the conditions for the formation of creative personality ready for the socio-game style of activity in the context of integration into the international professional community are revealed. The significance of the activity of a teacher of a foreign language realizing theatrical technologies with the support of the principles of psychodramatic approach, is shown.

In the course of experimental work, systems for the formation of creative personality of the English language teacher are simulated, based on the contextual approach and the formation of the creative imagination of future architects. The leading activity in the study of a foreign language by future architects is the design activity, which is a set of information, research, creative, practice-oriented projects in English. The procedural element of the system can be widely used in pedagogical practice. The result of the forming experiment confirmed the hypothesis of the possibility of influencing foreign language resources for preparing the future architect as a creative personality.

**Key words:** creative personality, creative imagination, person-oriented and contextual approaches, socio-game style of activity, psychodramatic approach.

**Citation.** Kashina E.G. *Formirovanie sotsioigrovogo stilia deiatel'nosti u studentov sredstvami inostrannogo iazyka* [Formation of the socio-game style of activity among students by means of a foreign language]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 67–70. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-67-70>.

### Введение

В современной образовательной парадигме утверждается идея о культурной функции современного образования, стратегией которого становится обучение в контексте диалога культуры с целью формирования творческой личности. Меняется стиль педагогической деятельности, ориентированный на подготовку социально активной и конкурентоспособной личности. Исследователями доказывается, что в условиях неординарных профессиональных ситуаций, вызванных значительными преобразованиями в обществе, необходим творческий подход для успешного решения профессиональных задач [Образование в современном мире 2016]. Таким образом, к преподавателю вуза предъявляются требования применения педагогических технологий, способствующих профессиональному развитию студентов.

### Актуальность проблемы формирования творческой личности

Специфика творчества обусловлена особенностями определенного вида профессиональных задач. И если будущий учитель иностранного языка является творческой личностью, то он в полной мере владеет театральными техниками, применение которых способствует созданию коммуникативных ситуаций для свободного речевого общения. И этому способствуют умения импровизации и перевоплощения. Приходит новое миропонимание, которое отражается в методике преподавания иностранного языка [Кашина 2016]. Искусственные ситуации обучения, создаваемые на занятиях, при отсутствии естественной языковой среды противостоят рациональному подходу к обучению языкам. Вовлечение в активные речевые действия сопровождается стимулированием мотивации к включению в диалог с преподавателем и членами груп-

пы [Руднева, Храмцова 2016]. Талантливый преподаватель владеет методическим мастерством, в котором значительное место занимает актерская техника. Эту мысль мы пытаемся донести на курсах повышения квалификации преподавателей иностранного языка [Кашина 2016].

### Особенности проведения исследования

В доказательство значимости обновления методики обучения иностранному языку средствами театральная педагогика проведено исследование на выборке студентов – будущих архитекторов. Актуальность исследования обусловлена запросом на архитекторов широкого профиля, сочетающих в себе черты художника и инженера.

Для создания индивидуального творческого продукта архитектор должен обладать творческим воображением, которое может формироваться в ходе творческой деятельности. Интеллектуальный и творческий потенциал личности предполагает создание условий, погружающих будущего архитектора в контекст профессиональной деятельности. Совокупность функций иностранного языка позволяет решить эту задачу. Наше исследование направлялось на разрешение противоречия между сложившейся практикой профессиональной подготовки в вузе архитекторов и недостатком средств освоения студентами специфики и особенностей профессиональной деятельности, которые представляются проектированием – ведущим видом деятельности. Способности к проектированию позволяют будущему архитектору продуктивно решать нестандартные задачи в процессе создания архитектурных проектов [Проскуракова, Руднева 2013].

В ходе творческой разработки концепции профессиональной подготовки будущих архитекторов средствами иностранного языка опора делалась на контекстный подход в соответствии с применением профессиональной лексики. На основе принципа идентификации структур (Т.И. Руднева) каждый этап проектирования обеспечивается функцией творческого воображения. Так, общее планирование обеспечивается функцией представления действительности в образах; разработка структуры проекта – функцией познавательной; работа в группе – функцией регуляции эмоциональных состояний; представление результатов – функцией планирования и программирования действий.

Была разработана дидактическая система, в которой профессиональный элемент был представлен совокупностью упражнений, формирующих способности к выполнению разных видов проектов на английском языке: информационных, исследовательских, творческих, практико-ориентированных. Так, творческое генерирование идей по созданию проекта достигалось анализом кейсов, дающих описание архитектурных объектов, которые должны быть дополнены новыми элементами. Упражнения на описание разных архитектурных стилей позволяли развивать профессионально значимые способности.

В целом освоение этапов творческого воображения достигалось комплексом упражнений на: агглютинацию, аналогию, гиперболизацию, акцентирование, типизацию, схематизацию. Совокуп-

ность этих упражнений развивала творческое воображение будущего архитектора, под которым мы понимаем свойство личности, обеспечивающее индивидуальное оригинальное создание проекта, не имеющего аналогов. Таким образом, иностранный язык, тезаурус которого адаптировал студентов к специфике профессиональной деятельности, и упражнения, создающие условия для формирования специальных способностей, стимулировали развитие функций творческого воображения.

### Результаты исследования

Результаты формирующего эксперимента свидетельствовали о значительном росте способностей регуляции эмоциональных состояний, планирования и прогнозирования, генерирования профессиональных идей и их воплощения в ходе выполнения кейсов. В итоге доказано, что профессиональный элемент разработанной системы средствами английского языка может иметь широкое применение в педагогической практике. И этому есть обоснование.

Во-первых, в целом высшее образование ориентируется на его результат: подготовка социально активной, конкурентоспособной личности, что предполагает творчество любого специалиста, выражающееся качественно новой, оригинальной деятельностью. Архитектор должен владеть тонкостями профессиональной деятельности, как и любой специалист, так как жизнь запрашивает эффективные способы решения профессиональных задач.

Во-вторых, профессиональное образование делает целевую установку на выпускника, готового к профессиональному саморазвитию, обладающего целостным видением научной картины мира.

В-третьих, качественная подготовка специалиста со знанием иностранного языка, готового к профессиональной межкультурной коммуникации в инокультурных условиях, обусловлена интеграцией российского образования в международное профессиональное сообщество.

Меняется деятельность преподавателя иностранного языка: при разработке содержания и отборе средств опора производится на личностно-ориентированный и контекстный подходы. Принцип ситуативности позволяет создать сюжетную канву профессиональной деятельности, чему способствуют активные методы. Так, игровой метод (способ ролевого подхода к профессиональной подготовке) дает возможность проигрывать варианты решения профессиональных задач средствами иностранного языка. Они способствуют отбору способов общения для коллективной деятельности.

На разных выборках (будущие учителя, архитекторы, переводчики) апробированы способы работы у студентов социоигрового стиля деятельности на основе моделирования коммуникативных ситуаций [Корнеева 2016]. Было доказано, что театральные технологии в виде организационно-методического инструментария профессиональной подготовки студентов активизируют психофизические ресурсы личности в специально моделируемых игровых ситуациях. Культура действия и культура эмоций, их единство задают творческий стиль

самореализации в профессии. В ходе лонгитюдного исследования проблемы становления творческой личности средствами иностранного языка (выборка составляет 2150 человек) была выявлена совокупность педагогических условий: 1) создание на занятиях ситуаций общения на английском языке для выработки культуры действия и культуры эмоций; 2) реализация театральных технологий; 3) развитие социогруппового стиля деятельности с помощью деловых и ролевых игр, в основе которых лежит психодрама. Стиль деятельности современного специалиста в силу ее многофункциональности представляется ролевым репертуаром и техникой его проигрывания. Творческий стиль деятельности выражается импровизацией, которая поддерживается функциями творческого воображения. Театральный контекст профессиональной подготовки студентов средствами иностранного языка предполагает новую методику его преподавания. На материале анализа опыта лучших учителей английского языка г. Самары выделено главное свойство – театральность как вид словесного искусства, как средство стимулирования функций творческого выражения [Кашина 2017].

В ходе эксперимента было доказано, что театральные технологии изменяют характер направленности студентов, что выражается интересом к специфике профессии и ее особенностям; формируют готовность в социогрупповому стилю деятельности, что выражается положительной динамикой показателей в структуре творческой личности (ценностно-мотивационный, рефлексивный, технологический, поведенческий компоненты). Корреляционный анализ подтвердил взаимосвязь между ними при стержневом поведенческом компоненте.

### Вывод

Новый концептуальный подход к решению проблемы формирования творческой личности выпускника вуза средствами иностранного языка выражается психодраматическим подходом, суть которого заключается в привлечении театральных технологий, способствующих развитию активных действий самореализации в конкурентной профессиональной среде.

### Библиографический список

Кашина Е.Г. Профессиональная подготовка учителей иностранного языка средствами театральной педагогики // Стратегии современного высшего образования: монография. Сызрань: Ваш Взгляд, 2017. С. 72–86.

Кашина Е.Г. Инновационные формы повышения квалификации учителей иностранного языка // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. № 1. С. 113–116. URL: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4192>.

Корнеева Н.А. Социокультурный подход к профессиональной подготовке студентов – будущих переводчиков // Профессиональное образование: инновационные стратегии: сб. науч. тр. Сызрань: Ваш Взгляд, 2016. С. 118–126.

Образование в современном мире: инновационные стратегии: сб. науч. тр. Международной научно-практич. конф. (Самара, 25 февраля 2016 г.). Самара: Издательство «Самарский университет», 2016. 388 с.

Проскуракова Н.А., Руднева Т.И. Функции творческого воображения студентов – будущих архитекторов // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Том 15. № 2 (4). С. 916–918. URL: [http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2013/2013\\_2\\_917\\_919.pdf](http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2013/2013_2_917_919.pdf).

Руднева Т.И., Храмцова А.Б. Влияние средств иностранного языка на динамику профессиональных мотивов студентов // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 216–220. URL: <http://biosamara.ru/const/snv/numbers/snv17.pdf>.

### References

Kashina E.G. *Professional'naiia podgotovka uchitelei inostrannogo iazyka sredstvami teatral'noi pedagogiki* [Professional training of teachers of a foreign language by means of theatrical pedagogy]. In: *Strategii sovremennogo vysshego obrazovaniia: monografiia* [Strategies of modern higher education: monograph]. Syzran: Vash Vzgliad, 2017, pp. 72–86 [in Russian].

Kashina E.G. *Innovatsionnye formy povysheniia kvalifikatsii uchitelei inostrannogo iazyka* [Innovative techniques in further training of foreign language teachers]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2016, no. 1, pp. 113–116. Available at: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/4192> [in Russian].

Korneeva N.A. *Sotsiokul'turnyi podkhod k professional'noi podgotovke studentov – budushchikh perevodchikov* [Sociocultural approach to the professional training of students-future translators]. In: *Professional'noe obrazovanie: innovatsionnye strategii: sb. nauchnykh trudov* [Professional education: innovative strategies: collection of research papers]. Syzran: Vash Vzgliad, 2016, pp. 118–126 [in Russian].

*Obrazovanie v sovremennom mire: innovatsionnye strategii: sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Samara, 25 fevralia 2016 g.)* [Education in the modern world: innovative strategies: collection of research papers of the International research and practical conference (Samara, February 25, 2016)]. Samara: Izdatel'stvo «Samarskii universitet», 2016, 388 p. [in Russian].

Proskuryakova N.A., Rudneva T.I. *Funksii tvorcheskogo voobrazheniia studentov – budushchikh arkhitektorov* [Functions of artistic imagination of students-future architects]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2013, Vol. 15, no. 2(4), pp. 916–918. Available at: [http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2013/2013\\_2\\_917\\_919.pdf](http://www.ssc.smr.ru/media/journals/izvestia/2013/2013_2_917_919.pdf) [in Russian].

Rudneva T.I., Khramtsova A.B. *Vliianie sredstv inostrannogo iazyka na dinamiku professional'nykh motivov studentov* [Influence of the means of a foreign language on the dynamics of professional motives of students]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Journal of Science], 2016, no. 4 (17), pp. 216–220. Available at: <http://biosamara.ru/const/snv/numbers/snv17.pdf> [in Russian].

С.А. Голубков

**ФОРМИРОВАНИЕ У СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ ГОТОВНОСТИ  
К КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

© Голубков Сергей Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.  
E-mail: golubkovsa@yandex.ru. E-Library ID: 299878. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

**АННОТАЦИЯ**

Статья посвящена проблеме формирования у студентов филологического факультета готовности к ведению разносторонней культурно-просветительской деятельности. Образование не должно замыкаться в узких рамках учебных технологических задач, а должно быть открыто и для осуществления широкого общекультурного просвещения. Литературовед постоянно имеет дело с некими образцами (организации текста, социального поведения личности, читательской рецепции). Многие из них связаны с поведенческими моделями. Художественный текст – это не замкнутая система, он находится в динамичной связи с целым рядом содержательных контекстов, многие из которых изучают и другие гуманитарные науки. Филолог должен учитывать эти точки соприкосновения со смежными научными дисциплинами, ведь литературный текст может профессионально интересовать историка, философа, искусствоведа, социолога, психолога. Нужно уметь посмотреть на текст «глазами» смежных специалистов. Этого требует и система компетенций, имеющаяся в современных образовательных стандартах.

В статье идет речь о таких путях формирования готовности студента-филолога к культурно-просветительской деятельности, как разновариантная проектная работа, выбор наиболее интересных с просветительской точки зрения объектов литературоведческого изучения («толстый» литературно-художественный журнал, книжная серия), традиционное перечитывание текста.

**Ключевые слова:** готовность, культурно-просветительская деятельность, проектная работа, компетенции, культурные контексты, объекты филологического рассмотрения, инструменты валоризации.

**Цитирование.** Голубков С.А. Формирование у студентов-филологов готовности к культурно-просветительской деятельности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24 № 3 С. 71–75. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-71-75>.





DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-71-75  
UDC 378

Submitted: 11/VIII/2018  
Accepted: 30/VIII/2018

S.A. Golubkov

## FORMATION AT STUDENTS-PHILOLOGISTS OF READINESS TO CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES

© Golubkov Sergey Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, professor, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: golubkovsa@yandex.ru. E-Library ID: 299878. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3423-1520>

### ABSTRACT

The article is devoted to the problem of formation at students of the faculty of philology of readiness to conduct diverse cultural and educational activities. Education should not be confined to narrow technological learning objectives, but should also be open to broad general cultural education. Literary critic constantly deals with some samples (of text structure, social behaviour, personality, readers "reception"). Many of them are related to behavioural patterns. Literary text is not a closed system, it is in a dynamic connection with a number of meaningful contexts, many of which are studied by other humanities. A philologist should take into account these points of contact with related scientific disciplines, because a literary text can be of professional interest to a historian, philosopher, art historian, sociologist, psychologist. You need to be able to look at the text «through the eyes» of related professionals. This is also required by the system of competencies available in modern educational standards.

The article deals with such ways of formation of student-philologist's readiness for cultural and educational activities as diverse project work, as the choice of the most interesting from an educational point of view objects of literary study («thick» literary magazine, book series), as the traditional re-reading of the text.

**Key words:** readiness, cultural and educational activity, project work, competences, cultural contexts, objects of philological consideration, tools of valorization.

**Citation.** Golubkov S.A. *Formirovanie u studentov-filologov gotovnosti k kul'turno-prosvetitel'skoi deiatel'nosti* [Formation at students-philologists of readiness to cultural and educational activities]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no 3, pp. 71–75. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-71-75>.

### Введение

Педагогический процесс *триедин* по своему существу: во-первых, это передача знаний, конкретная специализация; во-вторых, общее просвещение, гармоничное включение данного знания в совокупную систему науки и культуры; в-третьих, воспитание, поскольку хорошо обученный специалист не может быть нравственно неразвитой личностью. Просветительская деятельность дает личности профессионала совсем другое измерение. Лев Толстой справедливо отмечал: «Ученый – тот, кто много знает из книг; образованный – тот, кто усвоил себе все самые распространенные в его время знания и приемы; просвещенный – тот, понимает смысл своей жизни» [Энциклопедия... 1994, с. 366].

### Специфика формирования готовности к культурно-просветительской деятельности

У каждой области знания есть своя специфика и свои возможности продемонстрировать такое триединство педагогического процесса. Есть она и у вузовской филологии. Филология и, в частности, литературоведение занимает свое место в системе филологического и – шире – гуманитарного знания. Эта наука (а точнее, группа наук) имеет свои специфические объекты исследования: 1) художественное произведение как система; 2) творческая

лаборатория писателя; 3) писательская биография; 4) творчество писателя как целостный художественный мир; 5) литературная среда; 6) историко-литературный процесс и его составляющие. В зависимости от специфики объекта филолог пользуется различными видами литературоведческого анализа [Илюхина, Голубков 2012, с. 21].

В результате освоения литературоведческих дисциплин обучающийся приобретает знание о границах филологии как специфической области гуманитарного знания; о типах объектов, находящихся в поле профессионального внимания филолога; об основных исследовательских технологиях работы с текстом. Студент осваивает практические умения применять основные принципы классификации объектов филологии, ее подходов, ее компонентов, а также прогнозировать будущее развитие филологической науки.

Филолог-литературовед изучает литературные произведения, а это значит, что он постоянно имеет дело с некими образцами – образцами сложно организованного текста, образцами социального поведения литературного героя, образцами самоорганизации личности писателя, потенциальными образцами читательской рецепции литературного текста.

Образцы изящно и целесообразно построенного текста дают студенту профессионально необхо-

димое представление о секретах филологического и литературно-художественного мастерства.

Все другие из перечисленных образцов связаны с социально-психологическими поведенческими моделями. Филолог-литературовед мыслит подчеркнуто *личностными* категориями, ведь и *писатель*, и *герой*, и неискушенный *читатель*, и искушенный читатель-*критик*, и академический ученый-*литературовед* – прежде всего личности со своей сложной индивидуальной ценностной шкалой, с которой они соотносят многообразные реалии действительности.

Говоря о том или ином измерении личности преподаватель-филолог непременно затрагивает проблему персонального становления, проблему личной установки, собственного профессионального и нравственного роста. Становление имеет свои этапы, стадии, периоды. Личность порой сталкивается с испытанием в виде череды соблазнов, искушений, отступлений от первоначально намеченного пути.

Обучение, конечно, прежде всего нацелено на формирование навыков, необходимых для решения конкретных технологических задач. Есть такие технологические задачи и в филологии. Квалифицированный филолог может скрупулезно исследовать художественные функции отдельных эпитетов, метафор, символики, стихотворной ритмики; задумываться о целесообразности выбора писателем той или иной фабульной схемы; изучать особенности повествовательной техники конкретного автора (своеобразие индивидуального словаря, интонационного рисунка текста, цветопись, звукопись) и т. д. и т. п. Не можем не отметить, что, к сожалению, и в самой культуре, во всей системе гуманитарного знания произошел, на наш взгляд, тревожный сдвиг к сужению поля исследовательского внимания. Маятник развития гуманитарной мысли откачнулся в сторону, противоположную традиционной широкой любознательности, обычно свойственной масштабной мыслящей личности ученого. Маятник двинулся в сторону локальных технологических секретов литературного мастерства. Литературовед нередко ищет в литературе не те или иные отражения реальной противоречивой жизни, а своеобразное продолжение чистой филологии, замкнувшейся на самой себе.

Однако художественный текст существует отнюдь не как оторванная от мира замкнутая семантически целостная система. Он широко распахнут вовне, находится в живой и динамичной связи с целым рядом содержательных контекстов. К их числу можно отнести и все творчество писателя, взятое в совокупности, и многомерный историко-литературный процесс, и крупную культурно-историческую эпоху.

Готовя себя к будущей педагогической деятельности, студент-филолог (литературовед) должен отдавать себе отчет, что на занятиях по литературе его подопечные, любознательные слушатели и собеседники (школьники или студенты) могут задать самые различные вопросы, порой далеко выходящие за рамки конкретной задачи текущего занятия. И это понятно: художественная литература вполне естественно сопряжена с гражданской историей, географией, экономикой, социологией, пси-

хологией, биологией и многими другими сферами знаний. Так, в своей практической деятельности филолог очень часто обращается к научным разысканиям историков. Без знания гражданской истории он не сможет выстроить историю литературы, создать выверенную научную биографию писателя. Область филологии и область истории имеют много точек соприкосновения. Прежде всего это связано со спецификой истории. В статье «Поэзия истории» литературовед и критик В.В. Прозоров размышлял о «самой природе исторического сознания, естественно предполагающей глубинную связь с Поэзией» [Прозоров 2010, с. 174]. «История как реальное бытие – словно бы стихийный, динамичный и многоцветный синтез художественных жанров. Не случайны постоянные уподобления чисто исторических сюжетов литературным и прежде всего сценическим жанрам: трагедии, мистерии, драме, фарсу, комедии, водевилю, мелодраме...» [Прозоров 2010, с. 174].

Умение педагога адекватно ответить на возможные многочисленные вопросы слушателей зависит от выработанной им профессиональной способности вести широкую культурно-просветительскую деятельность. Следовательно, при осуществлении филологического образования нельзя ограничиваться только областью узкопрофессионального обучения, но нужно формировать и готовность к умелому и результативному ведению такой просветительской работы.

Художественная литература как объект непосредственных размышлений преподавателя уже в силу своей универсальной специфики не позволяет сужать образовательную задачу. Перечислим только некоторые литературоведческие проблемы, которые напрямую обращены к такой универсальной специфике искусства слова. Разговор о философских взглядах писателя (скажем, взглядах Л. Толстого, Ф. Достоевского, И. Бунина, А. Белого) неизбежно заставляет литературоведа обратиться к состоянию философской мысли определенной эпохи. Размышляя о сценической истории конкретных образцов отечественной драмы, филолог не может не погрузиться в театроведческую проблематику. Проблема художественного перевода находится на стыке лингвистики и литературоведения. Разговор о сложных взаимоотношениях писателя и власти переводит рассуждения в поле конкретно политических реалий.

В современных образовательных стандартах высшей школы не случайно выделены три группы компетенций – общекультурные, общепрофессиональные и профессиональные, ведь, помимо узкопрофессиональных задач, образование одновременно и комплексно должно решить целый ряд универсальных задач, в число которых как раз и входит формирование готовности к широкой просветительской деятельности.

Наличие глубоко усвоенных конкретных профессиональных навыков еще не гарантирует становления духовно богатой личности преподавателя. Он должен хорошо определять сферу неготового знания – знания только формируемого, осмысливаемого, ведь университет постоянно имеет дело с этой сферой неготового знания. Университет формирует умение ориентироваться в этой сфере, умение запускать эффективный механизм

превращения неготового знания в «готовое», то есть обретенное, освоенное, многократно проверенное. Этим как раз и определяется степень интеллектуальной самостоятельности личности педагога.

История литературы и филологии знает немало убедительных примеров удачного совмещения в одной личности филолога-профессионала и яркого, широко мыслящего просветителя. Таким был, например, писатель и филолог Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887–1950) [Перельмутер 2001, с. 5–73]. Знание многих языков, увлеченность философией, погружение в историю театра, талант убедительного лектора соединялись в его персональном творческом мире с удивительным даром писателя-филолога, по-художнически выразительно открывающего семантические бездны мира Слова. Универсальной личностью был Юрий Михайлович Лотман (1922–1993), блистательно сопрягавший в своей продуктивной исследовательской деятельности создателя знаменитой научной школы разноплановые интересы языковеда, литературоведа, культуролога, психолога, лектора-просветителя.

Их отличало умение оперативно и легко переключаться с одного «языка» культуры на другой – скажем, с восприятия специфического литературного текста на восприятие сложного кинофильма или театрального спектакля; с осмысления сложного философского учения на мозаику наполненных своеобразными культурными смыслами повседневных бытовых реалий. Такой универсальный опыт, несомненно, поучителен. Человек, обладающий им, вырастает в развитую личность с богатым духовным миром. И, что самое главное, становится личностью, не боящейся рецептивных трудностей и готовой самостоятельно «подбирать ключи» к незнакомому произведению.

Готовность филолога к ведению культурно-просветительской деятельности предполагает умение обнаруживать в изучаемом материале те «зоны неизвестности», которые могут неизбежно породить вопросы у слушательской аудитории, побудить ее к активному и продуктивному творческому поиску. Как вычленишь такие «зоны неизвестности»? Думается, надо чаще менять «оптику» рассмотрения объекта, ставить перед собой задачу посмотреть на один и тот же литературный текст с разных точек зрения – глазами историка, философа, этнографа, искусствоведа, психолога, социолога. В этих случаях возможности творческой рецепции текста неизмеримо расширяются, поскольку будут привлечены самые разнообразные культурные контексты.

Продуктивным окажется и взгляд на литературный текст как на знаковое свидетельство большой культурной эпохи. Поиск в тексте конкретных следов «присутствия», примет такой эпохи заставит профессионального наблюдателя обратиться к целому ряду аналогичных явлений, подключить эффективные механизмы междисциплинарного взаимодействия. Подобные интегративные подходы в образовании требуют больших культурно-просветительских усилий, обращения к исследовательскому инструментарию сопоставительного изучения.

Необходимость формирования готовности к культурно-просветительской деятельности диктуется еще и тем обстоятельством, что время про-

фессиональной жизни *узкого* специалиста относительно невелико, а вот время творческого бытия *широко мыслящей*, эрудированной личности практически безгранично.

### Пути формирования готовности к культурно-просветительской деятельности средствами филологических дисциплин

Размышляя о конкретных путях формирования готовности к культурно-просветительской деятельности средствами филологических дисциплин, остановимся прежде всего на широких возможностях *проектной работы* в системе образовательного процесса. Можно предложить несколько вариантов такой проектной деятельности.

Во-первых, несомненно, расширит кругозор обучающихся составление универсального историко-культурного *комментария* к выбранному литературному тексту. В этой работе можно ориентироваться на ставшие классическими образцы подобных книг-комментариев к произведениям отечественной классики [Вайнберг 1971; Лотман 1983; Вентцель 2005].

Во-вторых, большим просветительским потенциалом может обладать подготовка циклового *лектория* на общую тему «Разные аспекты рецепции одного произведения». Одно литературное произведение может быть прочтено и истолковано разными специалистами-гуманитариями, и этот совокупный аналитический опыт может продемонстрировать семантическое богатство художественного текста.

В-третьих, продуктивной может оказаться и целесообразно организованная *сценарная* работа, например, на такую социально востребованную ныне тему, как «Литературно-краеведческие возможности брендинга территории». Тут потребуются не только литературоведческие познания, но и знания из области брендинга и, в частности, брендинга территории. В форме сценария может быть оформлен и опыт актуального социокультурного и психологического прогноза «Человек ближайшего будущего перед лицом глобальных угроз и вызовов» (на материале художественной литературы). В этом случае будут привлекаться не только литературные тексты, но и сведения из социологии, философии, психологии, экономики.

Эффективным средством формирования готовности студента к ведению культурно-просветительской деятельности является и целенаправленный *выбор объекта* филологического рассмотрения. Например, часто в поле внимания литературоведа попадает так называемый «толстый» *литературный журнал* – явление чрезвычайно характерное для истории отечественной литературы и культуры в целом. Это особый культурный феномен, обладающий ярко выраженным просветительским потенциалом. Все дело в том, что литературный текст, опубликованный в таком журнале, не находится в «одиночестве», он встраивается в череду поэтических, прозаических, публицистических, литературно-критических текстов, библиографических сведений и отсылок. Журнал являлся уникальным зеркалом широко понимаемой общественной жизни, частью которой выступает и собственно жизнь ли-

тературная. Литературные журналы играли роль центров литературной борьбы. Poleмика между крупными журналами становилась значительным фактом «драмы идей». Настоящий журнал, несмотря на внешнюю пестроту своего содержания (разнообразие тем, жанров, художественной манеры...), имеет свою четкую гражданскую позицию, последовательно проводимую из номера в номер. Так, по крайней мере, исторически сложилось в России. Журналы собирали вокруг себя разрозненные литературные силы, особенно помогая определиться молодым талантам (редактора журнала 1920-х годов «Красная новь» Александра Константиновича Воронского не случайно звали «Калитой» русской литературы – собирателем, объединителем!). «Толстый» журнал был универсальным типом периодического издания, позволяющим естественно сочетать оперативность, сиюминутную злободневность с вечными проблемами и отдаленными перспективами развития.

Журнальный номер позволяет вживе почувствовать пульс времени, ощутить стадильность литературного развития. Читатель «толстого» журнала непосредственно «соприкасается» с историко-литературным процессом, наводит мосты между новым конкретным текстом и всей литературой.

Точно так же приобретает очевидную просветительскую функцию и *книжная серия*, будь это «Жизнь замечательных людей», «Библиотека поэта», «Литературные памятники», «Литературное наследство», «Библиотека фантастики», «Литературные мемуары» и т. д. Прочитанная отдельная книга не повисает в каком-то вакууме, а неизбежно воспринимается в смежном ряду других книг. Расширяется читательский кругозор, одна книга ведет человека к другой книге, углубляя его интересы и культурные потребности. Можно узнать авторов, имеющих сходные тематические и жанровые интересы.

И литературно-художественный журнал, и книжная серия выступают в роли *инструментов валоризации* новых литературных явлений, определяя им место в ценностной системе современного культурного процесса.

Наконец, испытанным и традиционным средством формирования готовности студента-филолога к ведению культурно-просветительской деятельности остается специальное профессионально ориентированное *перечитывание* текста как форма динамичного ценностного пересмотра. Конечно, можно перечитывать книгу просто для повторного получения эстетического наслаждения, вовсе не ставя перед собой каких-либо сверхзадач и не меняя первоначальных оценок текста. Но все-таки чаще мы перечитываем текст, углубляя или даже меняя ранние оценки, используем другую ценностную шкалу, другой «измерительный инструмент». Литературное произведение при этом являет нам новые, порой неожиданные смысловые грани.

### Заключение

Как видим, формирование готовности студента-филолога к ведению широкой культурно-просветительской деятельности является одной из насущных задач современного гуманитарного образования.

### Библиографический список

Вайнберг И.И. «Жизнь Клима Самгина» М. Горького. Историко-литературный комментарий. М.: Просвещение, 1971. 381 с.

Вентцель А.Д. И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев», «Золотой теленок». Комментарии к комментариям, комментарии, примечания к комментариям, примечания к комментариям к комментариям и комментарии к примечаниям. М.: Новое Литературное Обозрение, 2005. 384 с.

Илюхина Н.А., Голубков С.А. Формирование профессиональной компетентности студентов-филологов // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 5 (96). С. 21–27. URL: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3212>.

Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. 2-е изд. Л.: Просвещение, 1983.

Перельмутер В. После катастрофы // Кржижановский Сигизмунд. Чужая тема. Собрание сочинений. Т. 1 / сост., предисл. и комм. В. Перельмутера. СПб.: Симпозиум, 2001. 687 с.

Прозоров В.В. До востребования...: Избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. 208 с.

Энциклопедия мысли / сост., авт. предисл. и коммент. Н.Я. Хоромин. М.: Русская книга, 1994. 576 с.

### References

Weinberg I.I. «Zhizn' Klima Samgina» M. Gor'kogo. *Istoriko-literaturnyi kommentarii* [«The Life Of Klim Samgin» by M. Gorky. Historical and literary commentary]. M.: Prosveshchenie, 1971, 381 p. [in Russian].

Wentzel A.D. [I. Ilf, E. Petrov «The Twelve Chairs», «The Little Golden Calf». Comments to the comments, comments, notes to comments, notes to comments and comments to notes]. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2005, 384 p. [in Russian].

Ilyukhina N.A., Golubkov S.A. *Formirovanie professional'noi kompetentnosti studentov-filologov* [Formation of professional competence of students-philologists]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2012, no. 5(96), pp. 21–27. Available at: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3212> [in Russian].

Lotman Yu.M. Roman A.S. Pushkina «Evgenii Onegin». *Commentarii*. 2-e izd. [The novel of A.S. Pushkin «Eugene Onegin». Commentary. 2nd edition]. L.: Prosveshchenie, 1983 [in Russian].

Perelmuter V. *Posle katastrofy* [After the disaster]. In: Krzhizhanovskiy Sigismund. *Chuzhaia tema. Sbranie sochinenii. T. 1. Sost., predisl. i komm. V. Perel'mutera* [A foreign theme. Collected works. Vol. 1. Compilation, foreword and comments by V. Perelmuter]. SPb.: Simpozium, 2001, 687 p. [in Russian].

Prozorov V.V. *Do vostrebvaniia...: Izbrannye stat'i o literature i zhurnalistike* [Demand...: Selected articles about literature and journalism]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 2010, 208 p. [in Russian].

*Entsiklopediia mysli. Sost., avt. predisl. i komment. N.Ia. Khoromin* [Encyclopedia of thought. Compiler, author's preface and comments N.I. Khorobin]. M.: Russkaia kniga, 1994, 576 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-76-82  
УДК 387.147

Дата поступления статьи: 22/VIII/2018  
Дата принятия статьи: 5/IX/2018

**Л.В. Куриленко, М.Г. Вохрышева**

## ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

© Куриленко Людмила Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой теории и технологии социальной работы, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

**E-mail:** srludmila@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-8602-0659>

© Вохрышева Маргарита Георгиевна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой документоведения и библиографоведения, Самарский государственный институт культуры, 443010, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.

**E-mail:** mgvohr@mail.ru. **E-Library ID:** 291832.

### АННОТАЦИЯ

Социальная сфера, включающая в себя такие важные составляющие, как образование, здравоохранение, систему социальной защиты населения, культуру, предъявляет серьезные требования к уровню подготовки специалистов. Это связано со все более обостряющимися противоречиями между социальным заказом общества на будущих специалистов для социальной сферы и несовершенством системы их подготовки; с необходимостью разработки системы качества подготовки специалистов для социальной сферы и отсутствием конкретных критериев оценки качества подготовки.

В статье исследуется проблема профессиональной подготовки специалистов для социальной сферы, раскрываются ее цели, задачи, особенности, в частности, среди основных называются ее мегатеоретический характер и практико-ориентированная направленность. Проблема качества профессиональной подготовки специалистов для социальной сферы определяется как проблема, требующая тщательного исследования. С этой целью дается определение качества, вскрывается сущность понятия качества образования, что позволяет выявить доминирующие тенденции в оценке качества подготовки специалистов для социальной сферы.

Отмечается, что органическое единство интеллектуальных, эмоциональных, духовных свойств и качеств, коммуникативных, технологических, праксеологических и других знаний, умений и навыков, которые будущий специалист способен эффективно реализовывать в своей профессиональной деятельности, выступает основным показателем качества профессиональной подготовки специалистов для социальной сферы. Кроме того, выделяются объективные и субъективные критерии оценки качества профессиональной подготовки специалистов для социальной сферы. К первым относят реальные изменения положения человека, общества в целом, которое ими же и оценивается. К субъективным критериям можно причислить оценку качества деятельности преподавателей и оценку качества деятельности студентов – будущих специалистов.

**Ключевые слова:** профессиональная подготовка специалистов социальной сферы, профессиональная деятельность специалистов социальной сферы, оценка качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, объективные и субъективные критерии оценки профессиональной подготовки специалистов социальной сферы.

**Цитирование.** Куриленко Л.В., Вохрышева М.Г. Особенности оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-76-82>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

L.V. Kurilenko, M.G. Vokhrysheva

**FEATURES OF EVALUATION OF QUALITY OF PROFESSIONAL TRAINING  
OF SPECIALISTS OF SOCIAL SPHERE**

© Kurilenko Lyudmila Vasilievna – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, head of the Department of Theory and Technology of Social Work, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

**E-mail:** srludmila@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-8602-0659>

© Vokhrysheva Margarita Georgievna – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, head of the Department of Document Science and Bibliography, Samara State Institute of Culture, 167, Frunze Street, Samara, 443010, Russian Federation.

**E-mail:** mgvohr@mail.ru. **E-Library ID:** 291832.

**ABSTRACT**

The social sphere, which includes such important components. as education, health care, the system of social protection of population, culture, makes serious demands on the level of training of specialists. This is due to the increasingly escalating contradictions between the social order of society for future specialists for the social sphere and the imperfection of their training system; the need to develop a quality system for training specialists for the social sphere and the lack of specific criteria for assessing the quality of training.

In the article the problem of professional training of specialists for the social sphere is investigated, its goals, tasks, and features are revealed, in particular, its mega-theoretical character and a practical orientation are named among the main ones. The problem of the quality of professional training of specialists for the social sphere is defined as a problem that requires careful study. For this purpose, the article provides a definition of quality, reveals the essence of the concept of the quality of education, which allows us to identify the dominant trends in assessing the quality of training specialists for the social sphere.

It is noted that the organic unity of intellectual, emotional, spiritual properties and qualities, communicative, technological, praxeological and other knowledge and skills that the future specialist is able to effectively implement in his professional activity is the main indicator of the quality of professional training of specialists for the social sphere. In addition, there are objective and subjective criteria for assessing the quality of professional training of specialists for the social sphere. The first include the real changes in the position of man, society as a whole, which they also estimated. Subjective criteria include an assessment of the quality of teachers' activities and an assessment of the quality of the work of future students.

**Key words:** professional training of specialists in the social sphere, professional activity of specialists in the social sphere, evaluation of the quality of vocational training of specialists in the social sphere, objective and subjective criteria for assessing the professional training of specialists in the social sphere.

**Citation.** Kurilenko L.V., Vokhrysheva M.G. *Osobennosti otsenki kachestva professional'noi podgotovki spetsialistov sotsial'noi sfery* [Features of evaluation of quality of professional training of specialists of social sphere]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 76–82. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-76-82>.

**Введение**

Образование, здравоохранение, система социальной защиты населения, культура – четыре основные составляющие, образующие внешнюю оболочку социальной сферы, которые напрямую влияют на благосостояние и благоденствие общества в целом и отдельного человека в частности. В связи с этим возникает необходимость в совершенствовании оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы. Эта необходимость порождена по крайней мере тремя факторами: возрастанием требований к контролю за процессом профессиональной подготовки специалистов социальной сферы со стороны общества и государства, актуализацией вопроса положительного воздействия их деятельности на граждан, удовлетворением их потребностей и интересов.

**Подготовка специалистов социальной сферы.  
Оценка качества**

Сущность современной социальной политики Российского государства заключается в устойчивом, многоуровневом, последовательном развитии как отдельного гражданина, так и общества в целом. Достижение данной цели возможно при условии совершенствования интеллектуальных и творческих способностей граждан, что, безусловно, позволит повысить благосостояние каждого и благосостояние общества, с одной стороны, а с другой – укрепить связи и взаимодействие с социумом. Последствия такого развития проявятся в качественном изменении самого общества, предназначение которого будет заключаться в удовлетворении запросов и потребностей человека во все периоды его

жизни. Эти задачи призваны решать специалисты социальной сферы, цель которых в данном контексте – «управление социальными процессами на всех уровнях организации и структур общества, выражающих социальную составляющую жизни общества, человека» [Сухинин 2014].

Обозначенная таким образом высокая миссия специалистов социальной сферы предъявляет серьезные требования к их подготовке, поскольку профессиональная деятельность специалистов социальной сферы отличается от профессиональной деятельности специалистов других сфер тем, что осуществляется в учреждениях, которые призваны оказывать помощь гражданам на макро- и микроуровнях в различных направлениях: социальном планировании, социальной поддержке, социально-правовой защите, информационном обеспечении, консультационной практике, реабилитации, адаптации, профилактике, образовании, медицинском обслуживании и т. д.

Таким образом понимаемая миссия специалистов социальной сферы предъявляет серьезные требования к их подготовке: во-первых, она должна носить мегатеоретический характер, что позволит в процессе профессиональной деятельности методологически грамотно и с позиций критического мышления анализировать актуальные проблемы общества, социальную деятельность с целью разработки инновационных концепций и парадигм социального развития, выявлять как тенденции и перспективы, так и препятствия, факторы торможения и пробуксовки социального развития. Очевидно, что в этом случае профессиональная подготовка специалистов социальной сферы должна включать не только знания особенностей политической, экономической, социальной сфер жизни общества, но и ее духовной, культурной составляющих. Следовательно, подготовка специалиста ориентируется на философский, социологический, культурологический аспекты, что позволяет овладеть «опытом социального мышления, умениями системного анализа, навыками социального прогнозирования» [Соловова 2013].

Вместе с тем она должна носить практико-ориентированный характер, что может выражаться в разработке учебных курсов с тенденцией на решение задач, связанных с действительным поиском выхода из проблемной ситуации, в которую попал гражданин; на овладение методикой профессиональной деятельности.

Имея это в виду, можно предположить необходимость смены подхода к оценке качества такой подготовки с субъективного, когда в оценке качества участвует только вуз, на объективный, согласно которому в оценке качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы активное участие принимают руководители и специалисты социальных служб, организаций и учреждений, что представляет определенную проблему в разработке критериев оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы [Горшенина 2006].

Кроме того, помимо учета характера профессиональной подготовки специалистов социальной сфе-

ры, следует принять во внимание и факт наличия функционально-ролевого богатства специалистов, что объясняется полинаправленностью их деятельности, которую можно считать единственной в своем роде, поскольку обращения в социальные службы, учреждения и организации осуществляются не только отдельными гражданами, попавшими в трудную жизненную ситуацию, но и группами граждан и даже целыми сообществами. Это влечет за собой необходимость соотносить свои действия, во-первых, с индивидуальными особенностями каждого гражданина, его потребностями, уровнем культуры; во-вторых, с системой ценностей, возможностями, жизненным опытом, конфессиональными предпочтениями определенной группы граждан или сообществ. Все это накладывает отпечаток некой особости на профессиональную деятельность специалистов социальной сферы, благодаря чему они выступают своего рода «агентами перемен» как в жизни общества, так и в жизни каждого гражданина, сама же профессиональная деятельность специалистов социальной сферы представляет собой «взаимосвязанную систему ценностей, теории и практики» [Руднева, Храмцова, Храмцов 2017].

Учитывая, что характер профессиональной подготовки специалистов социальной сферы теоретико- и практико-ориентированный, имеет смысл в данном контексте говорить о системе ценностей как о сложной структуре, включающей в себя, наряду с профессиональными ценностями, ценности государства, составляющие основу системы, ценности общества как связующее звено с ценностями отдельного гражданина, представляющими собой центр целостной системы ценностей.

Анализируя все вышесказанное, приходим к выводу о важности разработки иной модели подготовки специалиста социальной сферы. Она отличается от сложившейся, во-первых, своей направленностью: традиционная модель профессиональной подготовки специалистов социальной сферы ориентировалась на формирование базовых и специфических знаний, умений и навыков и носила ярко выраженный знаниевый характер. Современная модель профессиональной подготовки специалистов социальной сферы направлена прежде всего на запросы общества и те конкретные ситуации, решение которых представляет определенную трудность для отдельного гражданина.

Во-вторых, отличие коснулось и личностной составляющей современной модели: помимо уже определенных профессиональными этическими кодексами специалистов социальной сферы личностных качеств, которые должны быть сформированы в процессе подготовки, данная составляющая пополняется качествами личности специалиста, которые рекомендуют непосредственно работники социальных служб, учреждений и организаций. Таким образом, принципиальное отличие новой модели профессиональной подготовки специалистов социальной сферы от традиционной заключается в ее практической направленности и ориентации на запросы работодателей, что в полной мере отвечает задачам Болонского процесса, опре-

делившего основную цель как организацию единого европейского образовательного пространства.

Согласно данной цели профессиональная подготовка специалистов социальной сферы должна опираться на компетентностный подход, который, в отличие от традиционного, знаниевого, провозглашает курс на тесную связь с практикой, на взаимодействие с работодателями, что позволяет «расширять содержание подготовки и обогащать личностными качествами будущих специалистов» [Вербицкий 2004], в связи с чем проблема качества подготовки становится вновь актуальной.

Напомним, что в социальной сфере понятие «качество» трактуется неоднозначно: одни понимают под качеством соответствие деятельности стандартам, другие – соответствие деятельности запросам граждан. По-видимому, следует суммировать эти два толкования, поскольку качество представляет собой, с одной стороны, некий идеальный образ услуги, удовлетворяющий всех субъектов деятельности, с другой – фактическое воплощение этой услуги. Естественно, у каждого субъекта деятельности будет свой идеальный образ качественной услуги, в этом случае важно установить общие стандарты качественного продукта [Современные подходы... 2013].

Адаптируя такое понимание качества к системе образования, ученые под качеством образования подразумевают «интегральную характеристику системы образования, отражающую степень соответствия реально достигаемых образовательных результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям» [Кобазова 2010].

Учитывая направленность и ориентацию модели профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, а также представленное толкование качества образования, считаем, что качество подготовки специалиста социальной сферы должно определяться уровнем сформированности компетенций, которые в совокупности представляют собой триединство общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, причем каждый из видов компетенций имеет трехкомпонентную структуру, где один из компонентов – знания, другой – умения, а третий – владение опытом деятельности. Анализ содержания представленных видов компетенций и их структуры позволяет сделать вывод о том, что качество профессиональной подготовки специалистов социальной сферы должно определяться уровнем сформированности знаний, позволяющих судить об общей культуре специалиста; умений, делающих возможным иметь представление о его деловых качествах, и степенью владения опытом деятельности, демонстрирующего эффективность профессиональной деятельности.

Такой подход к проблеме качества профессиональной подготовки специалиста социальной сферы и к его оценке соотносится с запросами общества, с системой социальных ценностей, согласно которым специалист социальной сферы действует во благо как отдельного гражданина, так и общества в целом. Вероятно, что результативность та-

кой деятельности должна определяться, во-первых, оценками специалиста, а во-вторых, оценками самих граждан на основе анализа изменения ситуации. Только в этом случае могут быть обеспечены объективность и непредвзятость, и только в этом случае можно избежать субъективности и односторонности в оценке качества профессиональной подготовки специалиста социальной сферы.

Таким образом, если за профессиональную подготовку специалистов социальной сферы принять процесс формирования компетенций, представляющих собой триединство общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, то в этом случае качество такой подготовки будет измеряться как степенью благополучия отдельного гражданина, так и благосостоянием общества в целом. В этом случае, по словам ученых, слагаемыми качества профессиональной подготовки специалиста социальной сферы могут выступить компоненты, чье «содержание будет зависеть от подходов к определению качества подготовки данных специалистов» [Оценка результативности... 2007].

Вместе с тем качество профессиональной подготовки специалистов социальной сферы отражает суть профессиональных стандартов и стандартов профессионального обучения. Именно в них содержатся требования, предъявляемые к современной профессиональной деятельности специалистов социальной сферы. Имея это в виду, Г.Н. Мотова и В.Г. Наводнов выделяют следующие параметры, подлежащие оценке качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы: «...образовательные стандарты и программы обучения, определяющие объем знаний, положенных будущему специалисту; соответствие вузов требованиям государственных и региональных стандартов; компетентность, знания и опыт преподавателей; обеспечение учебного процесса методической, учебной и научной литературой, учебными пособиями нового поколения и новейшими техническими средствами обучения» [Мотова, Наводнов 2005]. Обобщая перечисленные параметры, приходим к выводу, что данные параметры – не что иное, как объективные критерии оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, которые применяются на макроуровне, со стороны государства.

Однако следует подчеркнуть, что особость профессиональной деятельности специалистов социальной сферы требует критериев оценки, отражающих качество конкретной продукции, в нашем случае – уровень сформированности компетенций будущих специалистов, т. е. уровень сформированности знаний, умений и степень владения опытом деятельности. В этом случае критериями оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы выступают компоненты компетенций, и они применяются на мезоуровне, со стороны вуза и работодателей.

Особость профессиональной деятельности специалистов социальной сферы заключается в том, что они взаимодействуют с гражданами, попавшими в трудную жизненную ситуацию. Насколько оперативно и гибко будут действовать специалис-



ты, настолько их действия будут соответствовать требованиям профессионального стандарта, социальному заказу, запросу граждан. Микроуровень критериев оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы составляют требования, предъявляемые к ним гражданами, попавшими в трудную жизненную ситуацию.

Резюмируя все вышесказанное, критерии оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, выявленные нами на макро-, мезо- и микроуровнях, можно условно разграничить на объективные и субъективные критерии.

С этой точки зрения роль объективных критериев могут сыграть критерии макроуровня, т. е. требования, предъявляемые государством и обществом к качеству профессиональной подготовки специалистов социальной сферы. Следует отметить, что своего рода «критиками» в этом случае, помимо профессиональных экспертов, выступают различные социальные службы, учреждения, организации, которые на основе оценки образования, квалификации и др. показателей выявляют достоинства и недостатки профессиональной подготовки.

Роль субъективных критериев играют критерии мезо- и микроуровня, т. е. требования, предъявляемые к качеству профессиональной подготовки специалистов социальной сферы со стороны вуза и непосредственно со стороны граждан. Каждый вуз имеет свою систему оценки качества профессиональной подготовки специалиста социальной сферы, как правило, это фонды оценочных средств, аккумулирующие результаты сформированности компетенций. Но субъективная оценка качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы включает и показатели, выражающие оценку граждан. На взгляд исследователей, такие оценки могут быть получены посредством проведения анкетных опросов, интервью с фокус-группами, брич-опросов, бесед и др. Средствами оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы могут «выступить книга отзывов, в которой свои записи оставляют сами клиенты, устные сообщения, высказанные благодарности, сиюминутные положительные реакции, беседа администрации социальных учреждений и организаций с клиентами и т. д.» [Горшенина, Кривушкин, Сухинин 2007].

Следует обратить внимание на возможные трудности оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы. Во-первых, это субъективность ряда оценок со стороны преподавателей, которые, с одной стороны, должны руководствоваться в своей деятельности профессиональными нормами и требованиями, а с другой стороны, регулировать деятельность сохранением индивидуальности как своеобразной нормы. На взгляд ученых, эта норма очень важна, так как «...одинаковость, единодушие имеют склонность вырождаться в единообразие, а это – один из признаков надвигающейся опасности» [Андронов 2012; Руднева, Рубцова 2018].

С целью избегания шаблонов в профессиональной деятельности следует принимать во внимание современную парадигму подготовки специалистов социальной сферы, стремиться к творческой и инновационной деятельности, что будет проявляться в периодических научных публикациях преподавателей, в разработке комплексов инновационного учебно-методического обеспечения процесса подготовки, в организации публичных лекций с приглашением заинтересованных лиц, в периодическом мониторинге удовлетворенности студентов качеством преподавания, во включении студентов в научно-исследовательскую деятельность, в регулярном повышении своего мастерства и др. [Скок 2003; Сулов 2005].

Во-вторых, это субъективность ряда оценок со стороны граждан, обратившихся в социальные службы, учреждения и организации. В этом случае возникает необходимость в супервизорстве, функция которого сводится к функции консультирования с целью обучения специалистов социальной сферы рефлексии своих профессиональных действий и поведения.

В-третьих, это предвзятость ряда граждан к профессиональным действиям специалистов социальной сферы, в этом случае востребованными могут быть так называемые независимые наблюдатели, которые оценивают эффективность оказываемых услуг [Позднякова 2016].

## Выводы

Итак, при выделении трех уровней оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы (макроуровень – государство, мезоуровень – вуз, микроуровень – граждане) становится очевидным тот факт, что оценка качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы на мезоуровне представляет собой начальный и важный этап оценки, поскольку именно в процессе профессиональной подготовки возможно выявить ее позитивные стороны, укрепить успех и обратить внимание на негативные стороны и осуществить корректировку действий, причем в деятельности как преподавателей, так и студентов.

Последующие этапы оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы позволяют вносить изменения и дополнения в единый процесс, что в совокупности делает возможным совершенствовать систему профессиональной подготовки на основе принципов целостности и комплексности.

Подчеркивая необходимость принципа объективности при оценке качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, следует отметить основные требования к критериям оценки: они должны отвечать условиям валидности, непредвзятости, стабильности и доступности.

Имея в виду определенную системность в оценке качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, выражающуюся в многоуровневости, представляется возможным выявить

актуальные методологические основания оценки качества: во-первых, системно-деятельностный подход к содержанию и организации оценки качества, что означает выделение основных результатов подготовки в контексте уровня сформированности знаний, умений и степени владения опытом деятельности; во-вторых, соблюдение принципа гуманизма, позволяющего учитывать условия, в которых протекает процесс подготовки; в-третьих, праксиологический характер оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, предполагающий разработку политики оценки качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, ее стратегии и тактики.

### Заключение

Таким образом, особенность профессиональной деятельности специалистов социальной сферы наложила отпечаток на процесс оценивания качества их профессиональной подготовки, в связи с чем определен ряд проблем, требующих разрешения: во-первых, ярко выраженный практико-ориентированный характер подготовки предполагает тесное взаимодействие вузов с социальными службами, учреждениями и организациями и в этом случае гарантированный контроль за протеканием учебного процесса как со стороны вузов, так и со стороны работодателей; во-вторых, программы профессиональной подготовки должны быть прозрачны и понятны как для преподавателей, студентов, так и для работодателей; в-третьих, сочетание «теория/практика» должно находиться в центре внимания всех, кто включен в орбиту профессиональной подготовки специалистов социальной сферы.

Разрешение указанных проблем возможно в совершенствовании относительно новой отрасли системы образования – менеджмента качества образования, выделившегося в настоящее время в самостоятельную профессию, представители которой разрабатывают стратегии оценки системы качества профессиональной подготовки специалистов социальной сферы, подходы и методы в этой области, тактику подготовки специалистов, отвечающих запросам граждан, «в этом перспектива развития теории и практики профессиональной подготовки специалистов социальной сферы» [Сухинин 2014; Соколова 2014].

### Библиографический список

Андронов В.П. Оценка качества профессиональной подготовки студентов университета. Саранск: Изд-во Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, 2012.

Вербицкий А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения: материалы к четвертому заседанию методологического семинара 16 ноября 2004 г. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.

Горшенина М.В., Сухинин В.П., Чернова Ю.К. Реализация основных принципов менеджмента качества в социальных системах образования //

Проблемы качества образования: материалы XVI всерос. науч.-метод. конф. «Актуал. проблемы качества образования и пути их решения в контексте европ. и мировых тенденций» / М-во образования и науки Рос. Федерации; Федер. агентство по образованию, Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов Моск. гос. ин-та стали и сплавов (технол. ун-та); Уфим. гос. авиац. техн. ун-т. М.: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов, 2006.

Горшенина М.В., Кривушкин Ю.Н., Сухинин В.П. Основы проектирования образовательных систем с позиций качества. М.: Открытый мир, 2007.

Кобазова Ю.В. Методика оценки качества работы педагогических работников образовательных учреждений // Управление качеством образования. 2010. № 2. С. 58–62.

Мотова Г.Н., Наводнов В.Г. Экспертиза качества образования: европейский подход. М.: Национальное аккредитационное агентство в сфере образования, 2005.

Оценка результативности, эффективности и качества деятельности учреждений социальной поддержки населения / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой [и др.]. Саратов: ООО «Изд-во “Научная книга”», 2007.

Позднякова О.К. Балльно-рейтинговая система оценки качества учебной работы студентов вуза // Новая стратегия оценивания учебной деятельности. Самара: Самарский государственный технический университет; Архитектурно-строительный институт, 2016. С. 397–404.

Руднева Т.И., Храмцова А.Б., Храмцов Е.Б. Качество профессиональной подготовки: методологические аспекты // Состояние и перспективы развития высшего образования в современном мире: материалы докладов Междунар. научно-практич. конф. / под ред. Г.А. Берулава. М., 2017. С. 38–40.

Руднева Т.И., Рубцова Т.П. Внутривузовский мониторинг качества обучения // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 70–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-70-76>.

Скок Г.Б. Некоторые нормы качества деятельности преподавателя // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 3Б(26). С. 84–90. URL: <http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/362>.

Соловова Н.В. Качество результатов обучения студентов. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2013. № 2 (103). С. 170–174. URL: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3360>.

Современные подходы к оценке качества подготовки специалистов в условиях реализации ФГОС: технологические и методические аспекты: материалы областной научно-практической конференции, 4 октября 2012 года / М-во образования Нижегородской обл., Гос. бюджетное образовательное учреждение доп. проф. образования «Нижегородский ин-т развития образования»; [отв. ред. Л. Н. Казакова]. Нижний Новгород: Нижегородский ин-т развития образования, 2013.

Соколова И.Ю. Условия обеспечения качества образовательного процесса // Фундаментальные исследования. 2014. № 11 (Ч. 5). С. 1172–1178. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35699>.

Сулов А.Г. Система оценки качества подготовки специалиста // Качество. Инновации. Образование. 2005. № 3. С. 58–61.

Сухинин В.П., Горшенина М.В. Управление качеством проектирования образовательной среды вуза // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2014. № 3 (23). С. 192–197. URL: <http://vestnik-pp.samgtu.ru/article/view/id/435>.

## References

Andronov V.P. *Otsenka kachestva professional'noi podgotovki studentov universiteta* [Evaluation of quality of vocational training of university students]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.P. Ogareva, 2012 [in Russian].

Verbitsky A.A. *Kompetentnostnyi podkhod i teoriia kontekstnogo obucheniia: Materialy k chetvertomu zasedaniu metodologicheskogo seminar 16 noiabria 2004 g.* [Competence approach and the theory of contextual learning: materials for the fourth meeting of the methodological seminar November 16, 2004]. M.: Issledovatel'skii tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2004 [in Russian].

Gorshenina M.V., Sukhinin V.P., Chernova Yu.K. *Realizatsiia osnovnykh printsipov menedzhmenta kachestva v sotsial'nykh sistemakh obrazovaniia* [Realization of the basic principles of quality management in social education systems]. In: *Problemy kachestva obrazovaniia: materialy XVI vseros. nauch.-metod. konf. «Aktual. problemy kachestva obrazovaniia i puti ikh resheniia v kontekste evrop. i mirovykh tendentsii»* [Problems of the quality of education: materials of the XVI all-Russian research and methodological conference «Topical issues of the quality of education and ways to solve them in the context of European and the world tendencies»]. M-vo obrazovaniia i nauki Ros. Federatsii, Feder. agentstvo po obrazovaniiu, Issled. tsentr problem kachestva podgot. spetsialistov Mosk. gos. in-ta stali i splavov (tekhnol. un-ta), Ufim. gos. aviats. tekhn. un-t. M.: Issled. tsentr problem kachestva podgot. spetsialistov, 2006 [in Russian].

Gorshenina M.V., Krivushkin Yu.N., Sukhinin V.P. *Osnovy proektirovaniia obrazovatel'nykh sistem s pozitsii kachestva* [Basics of designing educational systems in terms of quality]. M.: Otkrytyi mir, 2007 [in Russian].

Kobazova Yu.V. *Metodika otsenki kachestva raboty pedagogicheskikh rabotnikov obrazovatel'nykh uchrezhdenii* [Methodology for assessing the quality of work of pedagogical staff of educational institutions]. *Upravlenie kachestvom obrazovaniia* [Management of the quality of education], 2010, no. 2, pp. 58–62 [in Russian].

Motova GN, Navodnov V.G. *Ekspertiza kachestva obrazovaniia: evropeiskii podkhod* [Examination of the quality of education: European approach]. M.: Natsional'noe akkreditatsionnoe agentstvo v sfere obrazovaniia, 2005 [in Russian].

*Otsenka rezul'tativnosti, effektivnosti i kachestva deiatel'nosti uchrezhdenii sotsial'noi podderzhki naseleniia. Pod red. E.R. Iarskoi-Smirnovoi i dr.* [Evaluation of effectiveness, efficiency and quality of the activities of social support institutions. E.R. Yarskaya-Smirnova et al. (Eds.)]. Saratov: OOO Izd-vo «Nauchnaia kniga», 2007 [in Russian].

Pozdnyakova O.K. *Ball'no-reitingovaia sistema otsenki kachestva uchebnoi raboty studentov vuza* [Grade-rating system for assessing the quality of academic work of university students]. In: *Novaia strategiia otsenivaniia uchebnoi deiatel'nosti* [New strategy for evaluating learning activities]. Samara State Technical University, Institute of

Architecture and Civil Engineering, 2016, pp. 397–404 [in Russian].

Rudneva T.I., Khramtsova A.B., Khramtsov E.B. *Kachestvo professional'noi podgotovki: metodologicheskie aspekty* [Quality of vocational training: methodological aspects]. In: *Sostoianie i perspektivy razvitiia vysshego obrazovaniia v sovremennom mire. Materialy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pod red. G.A. Berulava* [The state and prospects of development of higher education in the modern world. Proceedings of the International Research and Practical Conference. G.A. Berulava (Ed.)]. M., 2017, pp. 38–40 [in Russian].

Rudneva T.I., Rubtsova T.P. *Vnutrivuzovskii monitoring kachestva obucheniia* [Intramural training quality monitoring]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 2, pp. 70–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-70-76> [in Russian].

Skok G.B. *Nekotorye normy kachestva deiatel'nosti prepodavatel'ia* [Some norms of the quality of the teacher's activity]. [University Management: Practice and Analysis], 2003, no. 3B (26), pp. 84–90. Available at: <http://www.umj.ru/index.php/pub/inside/362> [in Russian].

Solovova N.V. *Kachestvo rezul'tatov obucheniia studentov* [Quality of results of students' learning]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2013, no. 2(103), pp. 170–174. Available at: <http://journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/3360> [in Russian].

*Sovremennye podkhody k otsenke kachestva podgotovki spetsialistov v usloviiakh realizatsii FGOS: tekhnologicheskie i metodicheskie aspekty* [Modern approaches to assessing the quality of training specialists in the context of FSES implementation: technological and methodological aspects]. *Materialy oblastnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 4 oktiabria 2012 goda. M-vo obrazovaniia Nizhegorodskoi obl., Gos. biudzhethnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie dop. prof. obrazovaniia «Nizhegorodskii in-t razvitiia obrazovaniia»*; [otv. red. L.N. Kazakova] [Materials of the regional research and practical conference, October 4, 2012. Ministry of Education of the Nizhny Novgorod Region, State budgetary educational institution of further professional education «Nizhny Novgorod Institute of the Education Development»; [L.N. Kazakova (Ed.)]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskii in-t razvitiia obrazovaniia, 2013 [in Russian].

Sokolova I.Yu. *Usloviia obespecheniia kachestva obrazovatel'nogo protsessa* [Conditions for ensuring the quality of the educational process]. *Fundamental'nye issledovaniia* [Fundamental research], 2014, no. 11 (part 5), pp. 1172–1178. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35699> [in Russian].

Suslov A.G. *Sistema otsenki kachestva podgotovki spetsialista* [System for assessing the quality of specialist training]. *Kachestvo. Innovatsii. Obrazovanie* [Quality. Innovation. Education], 2005, no. 3, pp. 58–61 [in Russian].

Sukhinin V.P., Gorshenina M.V. *Upravlenie kachestvom proektirovaniia obrazovatel'noi sredy vuza* [Quality management design of the educational environment of the university]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Samara State Technical University. Psychological and Pedagogical Sciences Series], 2014, no. 3 (23), pp. 192–197. Available at: <http://vestnik-pp.samgtu.ru/article/view/id/435> [in Russian].

**О.В. Новоселова, Н.В. Соловова, В.М. Нестеренко**

## **КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ КАДРОВОГО РЕЗЕРВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

© Новоселова Ольга Владимировна – кандидат химических наук, доцент, кафедра управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

**E-mail:** [olganovo63@gmail.com](mailto:olganovo63@gmail.com). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-2684-2399>

© Соловова Наталья Валентиновна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой управления человеческими ресурсами, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

**E-mail:** [solovova.nata@mail.ru](mailto:solovova.nata@mail.ru). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

© Нестеренко Владимир Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогики, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

**E-mail:** [nesterenko.fgo@gmail.com](mailto:nesterenko.fgo@gmail.com). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1381-6992>

### **АННОТАЦИЯ**

В профессиональном образовании актуализируется проблема кадровой политики. Профессионализм работников образовательной организации является стратегическим ресурсом в ситуации конкуренции между вузами. Качественное изменение функций преподавателя вуза в связи с инновационными преобразованиями требует организации системы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава на основе принципа непрерывности.

В статье представлены результаты моделирования системы развития кадрового резерва: содержание выражается модулями адекватно формируемым компетенциям преподавателя вуза; результат подготовки к управленческой деятельности описывается совокупностью показателей, формируемых с опорой на принципы компетентностного и рефлексивного подходов. Практически значимыми являются материалы проведенной опытно-экспериментальной работы в связи с созданием университетов новой формации (национальные университеты, опорные и флагманские вузы). На основе сравнения результатов констатирующего и формирующего экспериментов доказываем эффективность разработанной системы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава (ассистенты и старшие преподаватели в возрасте до 35 лет) ростом значений совокупности показателей в структуре готовности.

Материалы статьи базируются на основополагающих государственных нормативных документах федерального уровня, в которых акцентируется внимание на качестве образования, интеграции науки и образования. В ходе исследования определяются оптимальные условия для управления кадровым потенциалом.

**Ключевые слова:** компетентностный подход, кадровый резерв, профессорско-преподавательский состав, образовательная организация высшего образования, готовность к выполнению управленческих функций.

**Цитирование.** Новоселова О.В., Соловова Н.В., Нестеренко В.М. Компетентностный подход к формированию кадрового резерва образовательной организации высшего образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 83–88. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-83-88>.



DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-83-88  
UDC 378

Submitted: 22/VI/2018  
Accepted: 18/VIII/2018

O.V. Novoselova, N.V. Solovova, V.M. Nesterenko

## COMPETENCE-BASED APPROACH TO THE FORMATION OF A PERSONNEL RESERVE OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION OF HIGHER EDUCATION

© Novoselova Olga Vladimirovna – Candidate of Chemical Sciences, associate professor, Department of Human Resources Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: [olganovo63@gmail.com](mailto:olganovo63@gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2684-2399>

© Solovova Natalia Valentinovna – Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, head of the Department of Human Resources Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: [solovova.nata@mail.ru](mailto:solovova.nata@mail.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3280-3380>

© Nesterenko Vladimir Mikhailovich – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department of Psychology and Pedagogy, Samara State Technical University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

E-mail: [nesterenko.fgo@gmail.com](mailto:nesterenko.fgo@gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1381-6992>

### ABSTRACT

The problem of personnel policy is actualized in professional education. The professionalism of employees of the educational organization is a strategic resource in the situation of competition between universities. A qualitative change in the functions of a University teacher in connection with innovative changes requires the organization of a system of professional development of the teaching staff on the basis of the principle of continuity.

The article presents the results of modeling the system of personnel reserve development: the content is expressed by modules adequately formed competencies of the teacher of the University; the result of preparation for management activities is described by a set of indicators, formed on the basis of the principles of competence and reflexive approaches. Practically significant are the materials of the experimental work carried out in connection with the creation of universities of the new formation (national universities, reference and flagship universities). On the basis of comparison of results of ascertaining and forming experiments the effectiveness of the developed system of professional development of the teaching staff (assistants and senior teachers under the age of 35 years) by increasing the values of the set of indicators in the structure of readiness is proved.

The article is based on the fundamental state normative documents of the Federal level, which focus on the quality of education, the integration of science and education. The study identifies the optimal conditions for human resources management.

**Key words:** competence-based approach, talent pool, faculty, educational organization of higher education, willingness to perform administrative functions.

**Citation.** Novoselova O.V., Solovova N.V., Nesterenko V.M. *Kompetentnostnyi podkhod k formirovaniuu kadrovogo rezerva obrazovatel'noi organizatsii vysshego obrazovaniia* [Competence-based approach to the formation of a personnel reserve of the educational organization of higher education]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 83–88. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-83-88>.

### Введение

В основополагающих государственных нормативных документах федерального уровня определены стратегические задачи инновационного развития Российской Федерации до 2020 года: так, государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы и Национальная доктрина образования Российской Федерации до 2025 года устанавливают приоритет образования в государственной политике, акцентируя внимание на качестве образования, интеграции науки и образования на пространстве научно-образовательных ре-

гиональных кластеров, непрерывном образовании преподавателей вузов.

Становится очевидным, что инновационные преобразования в современной высшей школе призывают к осуществлению более активной кадровой политики. Подходы к регулированию кадрового ресурса основаны на формировании оптимальных условий для управления кадровым потенциалом и способов его успешного использования [Фокин 2009]. Наиболее эффективное применение кадрового ресурса значительным образом предопределяет потенциал новаторского развития высшего

профессионального образования. От решения вопроса кадрового обеспечения системы высшего образования во многом зависит, успешно будет развиваться университет или наступит период стагнации [Соловова, Никулина, Новоселова, Санько 2017].

В настоящее время администрация вузов называет кадровую политику приоритетной, что подразумевает построение логически выверенной системы кадрового резерва с поэтапным подходом к ее реализации. Приоритетным направлением формирования данной системы становится развитие и совершенствование научно-педагогического и административно-управленческого состава.

Научно обоснованный подход к формированию кадрового резерва позволяет образовательным учреждениям на высоком уровне реализовывать свои базовые функции и оставаться конкурентоспособным на рынке инноваций в сфере высшего образования. Современный этап развития экономики, характеризующийся ростом конкуренции, приводит к качественному изменению роли работника в организации, превращению его в решающий фактор развития. На современном этапе развития высшего образования знания, навыки, опыт, инициативность и трудолюбие работников образовательного учреждения являются важным стратегическим ресурсом в конкурентной борьбе. Непрерывное образование кадрового резерва вузов способствует эффективному исполнению своих функциональных обязанностей работниками и подготовке кадров к вышестоящим должностям [Нестеренко 2017].

**Актуальность проблемы.** Формирование эффективной системы развития кадрового резерва дает возможность раскрыть высокий профессиональный потенциал работников, а также организованно готовить их к замещению вакантных должностей, непрерывно повышая уровень их компетентности. При этом происходит плановое замещение должностей, что обеспечивает преемственность управления и безболезненную смену поколений [Армстронг 2002].

Создавая кадровый резерв, администрация ожидает повышения уровня готовности работников университета к организационным изменениям, которые происходят в любом учреждении [Соловова, Никулина, Новоселова, Санько 2017]. Для повышения уровня готовности персонала к изменениям проводится их дополнительное обучение, что требует изучения мотивации работников для эффективного вложения средств и создания системы с высоким уровнем лояльности к университету. Целенаправленная работа с резервом позволяет избежать стихийного продвижения работников по служебной лестнице, планомерно заполнять образовавшиеся вакансии и контролировать подготовку кандидатов на руководящие должности.

Теоретические и методологические принципы и подходы к управлению профессиональным развитием персонала и системой кадрового резерва про-

фессорско-преподавательского состава, в частности проблемы разработки методов и технологий управления персоналом и кадровым резервом, основанных на системном подходе, рассматривались в работах российских [Дятлов, Кибанов, Пихало 1998; Гагаринская и др. 2012] и зарубежных [Collin 1989; Spencer 1993; Steven 2001; Файоль 1992; Якокка 2002] ученых.

Вопросы количественной оценки процессов управления человеческими ресурсами, методических подходов и принципов аудита персонала представлены в исследованиях [Одегов, Бычин, Андреев 1991] достаточно широко.

Описано [Соловова 2014] применение компетентностного подхода в оценке человеческих ресурсов и формировании новой системы фондов оценочных средств с переходом от знаниевой парадигмы к компетентностной.

Анализ публикаций настоящего периода позволяет сделать вывод о том, что компетентностный подход к проблеме формирования и развития резерва кадров не удостоивается должного внимания, а в условиях повышенной конкуренции между образовательными организациями и складывающейся демографической ситуации с дефицитом молодых преподавателей эта проблема резко обостряется и требует особого внимания [Соловова, Никулина, Новоселова, Санько 2017].

Основное противоречие состоит в том, что, с одной стороны, существует необходимость в формировании кадрового резерва в образовательных учреждениях высшего образования, а с другой стороны, отсутствуют эффективные и научнообоснованные подходы и методы к формированию кадрового резерва вузов новой формации (национальные университеты, флагманские вузы и т. п.) [Новоселова 2017].

На основе анализа содержания термина «кадровый резерв» (далее – КР) в научной литературе приходим к выводу о том, что это специально сформированная группа работников, соответствующая по своим качествам требованиям, предъявляемым к руководителям определенного уровня, прошедшая процедуру отбора, специальную управленческую и профессиональную подготовку и потенциально способная к управленческой деятельности. Кадровый резерв необходим для обеспечения организации квалифицированными работниками [Югов, Фокин 2006].

**Опытно-экспериментальная работа.** Остановимся на результатах исследования [Дмитриев 2017] системы оценки перспективных кандидатов в кадровый резерв ППС Самарского университета. Повышение эффективности использования кадрового потенциала Самарского университета за счет формирования кадрового резерва, с одной стороны, и слабая научно-методическая база оценки кандидатов в кадровый резерв, с другой стороны, выявили необходимость, во-первых, выработки новых подходов к проведению оценки профессиональных качеств и деятельности преподавателей,

Таблица 1

**Содержание программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки преподавателей с целью формирования кадрового резерва вуза**

Содержательные модули	Всего часов	Лекции	Практические (лабораторные) занятия	Документ об образовании
Специальные компетенции				
Модуль 1. Нормативно-методическое обеспечение высшего образования	72	12	60	Удостоверение о повышении квалификации
Конфликтологическая компетентность (управление конфликтами)				
Модуль 2. Педагогическая конфликтология	72	12	60	Удостоверение о повышении квалификации
Коммуникативные компетенции				
Модуль 3. Коммуникативная компетентность преподавателя вуза	72	12	60	Удостоверение о повышении квалификации
Рефлексивные компетенции (способности к саморазвитию)				
Модуль 4. Тренинг рефлексивного самосознания	72	12	60	Удостоверение о повышении квалификации
Общекультурные и специальные компетенции				
Модуль 5. Преподаватель высшей школы	350	100	250	Диплом о переподготовке

отбора методов и процедур оценки кандидатов в кадровый резерв как части единой системы повышения уровня компетентности преподавателей; во-вторых, соблюдения объективности оценки кандидатов в кадровый резерв.

На первом этапе исследования определялась модель компетенций преподавателя Самарского университета в виде набора ключевых качеств, техник поведения, специальных знаний и умений, необходимых для достижения стандартов качества профессионального образования и успешной деятельности преподавателя университета.

Была использована разработанная [Дмитриев 2017] в Самарском университете анкета-опросник для преподавателей, позволяющая определить уровень сформированности компетенций на основе самооценки ряда показателей: ориентации на развитие, коммуникативных компетенций, конфликтологической компетенции, готовности к профессионально-педагогической деятельности. Набор специальных компетенций обусловлен требованиями профессиональных стандартов.

Выборку исследования представили 136 работников, проходивших обучение на программах ФПК («Нормативно-методическое обеспечение высшего образования», «Педагогическая конфликтология», «Коммуникативная компетентность преподавателя вуза», «Тренинг рефлексивного самосознания», «Преподаватель высшей школы»).

Определялся уровень сформированности компетенций по результатам сравнительного анализа показателей в виде специальных и общекультурных компетенций преподавателей-резервистов (ассистенты и старшие преподаватели в возрасте до 35 лет).

Констатирующий эксперимент выявил низкие значения способностей к саморазвитию и к организации учебной деятельности, что свидетельствует об отсутствии готовности к карьерному продвижению и управленческой деятельности. Подтвердилась необходимость организации дополнительного образования для резерва преподавателей вуза (табл. 1).

Для анализа эффективности разработанной системы производился расчет общего индекса самооценки, диапазон значений которого находился в границах от +1 до -1. В результате формирующего эксперимента выявлен рост значения среднего индекса показателей с 0,35 до 0,68 (табл. 2). Качество функционирования системы формирования кадрового резерва ППС вуза определялось их готовностью к выполнению управленческих функций, к самопроектированию карьеры.

### **Заключение**

Формирование показателей проходило с опорой на принципы компетентного и рефлексивного подходов, с учетом специфики деятельности образовательной организации и с учетом ее стратегических задач. Зафиксирован рост показателей в 2,2 раза при доминировании коммуникативных компетенций и готовности к профессионально-педагогической деятельности.

Исследованием [Соловова 2014] доказана эффективность смоделированной системы. Модуль «Нормативно-методическое обеспечение высшего образования» обеспечивает развитие способностей к организации учебной деятельности; «Педагогическая конфликтология» – конфликтологической

Таблица 2

**Доминирующие показатели в структуре готовности преподавателей-резервистов к выполнению управленческих функций**

Компоненты готовности	Среднее значение индекса		Доминирующий показатель	
	К.э.	Ф.э.	К.э.	Ф.э.
Ориентация на развитие	0,20	0,64	Способен быстро усваивать знания, передаваемые наставником, перенимать педагогическое мастерство и применять полученные знания на практике	Мотивирован на новаторство, творческий рост
Коммуникативные компетенции	0,31	0,72	Адаптирует стиль подачи информации, умеет понятно доносить свои мысли, ориентируясь на особенности собеседника	Владеет навыками публичного выступления, аргументации, ведения дискуссии и полемики
Конфликтологическая компетентность	0,25	0,60	Проявляет доброжелательность, вежливость и тактичность в общении	Умеет разрешать конфликты, улаживать споры с использованием различных методов управления конфликтом
Готовность к профессионально-педагогической деятельности	0,4	0,70	Имеет знания в области эффективного педагогического общения	Оказывает помощь студентам в выборе образовательной траектории, планировании самостоятельной работы
Организация учебной деятельности	0,33	0,68	Принимает участие в организации производственных и учебных практик	Умеет проводить лекционные, практические/лабораторные занятия с учетом специфики дисциплины
Средний показатель	0,30	0,67	Рост показателей в 2,2 раза Формирование творческих, рефлексивных и управленческих компетенций	

компетентности; «Коммуникативная компетентность преподавателя вуза» – коммуникативной компетенции; «Тренинг рефлексивного самосознания» ориентирует на развитие; «Преподаватель высшей школы» формирует готовность преподавателей к успешной профессионально-педагогической деятельности.

Разработанные стратегии формирования кадрового потенциала обеспечивают подготовку внутреннего резерва с целью конкурентоспособности образовательной организации.

**Библиографический список**

Collin A. Manager's competence, rhetoric, reality and research // Personnel Review. 1989. Vol. 18. № 6. P. 20–25.  
Spencer L.M. and Spencer S. Competence at Work: Models for Superior Performance. New York: John Wiley & Sons, NY, 1993. 384 p.  
Steven E. Abraham, Lanny A. Karns, Kenneth Shaw, Manuel A. Mena. Managerial competencies and the managerial performance appraisal process // Journal of Management Development. 2001. Vol. 20. №10. P. 842–852. URL: [https://www.academia.edu/32069578/Managerial\\_competencies\\_and\\_the\\_managerial\\_performance\\_appraisal\\_process](https://www.academia.edu/32069578/Managerial_competencies_and_the_managerial_performance_appraisal_process).  
Армстронг М. Стратегическое управление: пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2002.

Gagarinskaya G.P., Vykova A.V., Gorbunova U.N., Muller E.V., Kalmykova O.U., Gagarinsky A.V., Kuznetsova I.G. Management, governance, and entrepreneurship. New Perspectives and Challenges. London: The British Library, 2012 [in English].

Дмитриев Д.С. Формирование готовности преподавателя вуза к применению средств электронного обучения в профессиональной деятельности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. Самара, 2017. 213 с.

Дятлов В.А., Кибанов А.Я., Пихало В.Т. Управление персоналом. М.: ПРИОР, 1998.

Нестеренко В.М. Организация продуктивной работы команды специалистов-создателей в процессе решения актуальной производственной задачи // Образование в современном мире: стратегические инициативы: сб. науч. тр. Всероссийской научно-методич. конф. с международным участием, посвящ. 75-летию университета. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2017. С. 76–82.

Новоселова О.В. Управление системой кадрового резерва руководителей в образовательной организации // Образование в современном мире: стратегические инициативы: сб. науч. тр. всероссийской научно-методич. конф. с международным участием (Самара, 14 апреля 2017 г.) / отв. ред. Т.И. Руднева. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2017. С. 410–415.

Одегов Ю.Г., Бычин В.Б., Андреев К.Л. Трудовой потенциал: пути эффективного использования. Саратов, 1991.



Соловова Н.В., Никулина И.В., Новоселова О.В., Саныко А.М. Инновационные технологии управления персоналом образовательной организации высшего образования в условиях институциональных изменений: монография. Самара: Издательство СНЦ РАН, 2017. 322 с.

Соловова Н.В. Инновационные подходы к проектированию и реализации основных образовательных программ профессионального образования: монография. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014. 220 с.

Файоль А. Общее и промышленное управление. М.: Контроллинг, 1992. 111 с.

Фокин К.Б. Показатели для оценки состояния системы управления кадровым резервом руководителей // Известия ИГЭА. 2009. № 4 (66). С. 81–84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12775910>.

Югов А.А., Фокин К.Б. Целевые показатели работы HR-службы при управлении кадровым резервом // Справочник по управлению персоналом. 2006. № 11. С. 74–81.

Якокка Л. Карьера менеджера. Минск: Попурри, 2001. 416 с.

## References

Collin A. Manager's competence, rhetoric, reality and research. *Personnel Review*, 1989, Vol. 18, no. 6, pp. 20–25 [in English].

Spencer L.M. and Spencer S. *Competence at Work: Models for Superior Performance*. N.Y.: John Wiley & Sons, NY, 1993, 384 p. [in English].

Steven E. Abraham, Lanny A. Karns, Kenneth Shaw, Manuel A. Mena. Managerial competencies and the managerial performance appraisal process. *Journal of Management Development*, Vol. 20, no. 10, 2001, pp. 842–852. Available at: [https://www.academia.edu/32069578/Managerial\\_competencies\\_and\\_the\\_managerial\\_performance\\_appraisal\\_process](https://www.academia.edu/32069578/Managerial_competencies_and_the_managerial_performance_appraisal_process) [in English].

Armstrong M. *Strategicheskoe upravlenie: per. s angl.* [Strategic management: Translation from English]. М.: INFRA-M, 2002 [in Russian].

Gagarinskaya G.P., Bykova A.V., Gorbunova U.N., Muller E.V., Kalmykova O.U., Gagarinsky A.V., Kuznetsova I.G. Management, governance, and entrepreneurship. New Perspectives and Challenges. London: The British Library, 2012 [in English].

Dmitriev D.S. *Formirovanie gotovnosti prepodavatelya vuza k primeneniuiu sredstv elektronnoho obucheniiya v professional'noi deiatel'nosti: dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.08* [Formation of a university teacher's readiness for the use of e-learning tools in the professional activities: Candidate's of Pedagogical Sciences thesis: 13.00.08]. Samara, 2017, 213 p. [in Russian].

Dyatlov V.A., Kibanov A.Ya., Pikhalo V.T. *Upravlenie personalom* [Personnel management]. М.: PRIOR, 1998 [in Russian].

Nesterenko V.M. *Organizatsiia produktivnoi raboty komandy spetsialistov-sozdatelya v protsesse resheniia aktual'noi proizvodstvennoi zadachi* [Organization of

productive work of the team of creators in the process of solving the actual production problem]. In: *Obrazovanie v sovremennom mire: strategicheskie initsiativy: sbornik nauchnykh trudov Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 75-letiiu universiteta* [Education in the modern world: strategic initiatives: a collection of research papers of the All-Russian research and methodological conference with international participation, dedicated to the 75<sup>th</sup> anniversary of the university]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2017, pp. 76–82 [in Russian].

Novoselova O.V. *Upravlenie sistemoi kadrovogo rezerva rukovoditelei v obrazovatel'noi organizatsii* [Management of the personnel reserve system of managers in an educational organization]. *Obrazovanie v sovremennom mire: strategicheskie initsiativy: sbornik nauchnykh trudov vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Samara, 14 aprelia 2017 g.). Otv. red. T.I. Rudneva* [Education in the modern world: strategic initiatives: collection of research papers of the all-Russian research and methodological conference with international participation (Samara, April 14, 2017). T.I. Rudneva (Ed.)]. Samara: ООО «Nauchno-tehnicheskii tsentr», 2017, pp. 410–415 [in Russian].

Odegov Yu.G., Bychin V.B., Andreyev K.L. *Trudovoi potentsial: puti effektivnogo ispol'zovaniia* [Labor potential: ways of effective use]. Saratov, 1991 [in Russian].

Solovova N.V., Nikulina I.V., Novoselova O.V., Sanko A.M. *Innovatsionnye tekhnologii upravleniia personalom obrazovatel'noi organizatsii vysshego obrazovaniia v usloviakh institutsional'nykh izmenenii: monografiia* [Innovative technologies of personnel management of educational institutions of higher education in the context of institutional change: monograph]. Samara: Izdatel'stvo SNTs RAN, 2017, 322 p. [in Russian].

Solovova N.V. *Innovatsionnye podkhody k proektirovaniu i realizatsii osnovnykh obrazovatel'nykh programm professional'nogo obrazovaniia: monografiia* [Innovative approaches to design and implementation of the basic educational programs of professional education: monograph]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2014, 220 p. [in Russian].

Fayol A. *Obshchee i promyshlennoe upravlenie* [General and industrial management]. М.: Kontrolling, 1992, 111 p. [in Russian].

Fokin K.B. *Pokazateli dlia otsenki sostoiianiia sistema upravleniia kadrovym rezervom rukovoditelei* [Indicators for assessing the state of the management personnel reserve management system]. *Izvestiia IGEA* [Baikal Research Journal], 2009, no. 4 (66), pp. 81–84. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12775910> [in Russian].

Yugov A.A., Fokin K.B. *Tselevye pokazateli raboty HR-služby pri upravlenii kadrovym rezervom* [Target performance of HR-service in the management of personnel reserve]. *Spravochnik po upravleniiu personalom* [Human Resources Management Handbook], 2006, no. 11, pp. 74–81 [in Russian].

Yakokka L. *Kar'era menedzhera* [Manager's career]. Минск: Попурри, 2001, 416 p. [in Russian].

---

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

---

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-89-95  
УДК 882

Дата поступления статьи: 19/VIII/2018  
Дата принятия статьи: 30/VIII/2018

Л.Г. Тютелова

---

### РУССКИЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ XIX ВЕКА И РОЛЬ ГЕРОЯ-ПЛУТА В НЕМ

---

© Тютелова Лариса Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.  
E-mail: largenn@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

---

#### АННОТАЦИЯ

В статье с позиции исторической поэтики рассматривается проблема драматического сюжета. На материале русской драмы XIX века доказывается, что сюжет является способом выражения авторского видения с позиции «извне» драматической картины как завершенной, целостной и оценки созданного драматического мира.

Важным моментом исследования становится утверждение, что в драме нового времени действие перестает быть главной категорией драматической поэтики, а герой оказывается важен не только как актант, благодаря которому разворачивается действие и выстраивается картина мира, но и как «соглядатай». Он указывает на необходимость восприятия всякого момента драматического действия не с позиции его участника, а «извне», то есть с позиции видения драматической картины ее творцом. Отмечается, что точка зрения персонажа, исходя из которой он оценивает происходящее, а часто – происходившее или только потенциально возможное, – индивидуальная, личностная. Взгляд героя ограничен характерными и ситуативными возможностями персонажа. Но благодаря его точке зрения на мир у читателя/зрителя появляется возможность взаимодействия на диалогической основе с авторской позицией как также индивидуальной, личностной.

Особую роль в доказательстве выдвинутых тезисов играет образ героя-плута. В драме Гоголя, Тургенева, Чехова как драме нового времени он не столько провокатор, обеспечивающий развитие драматического действия, поддерживающий динамику его развития, сколько «соглядатай». Его провокации перестают быть действенными. Автор сосредотачивает свое внимание на парадоксальности позиции героя, его оценке собственной судьбы, на прорисовке потенциально возможных вариантов ее развития.

**Ключевые слова:** герой-плут, драматический сюжет, действие, автор, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, А.П. Чехов.

**Цитирование.** Тютелова Л.Г. Русский драматический сюжет XIX века и роль героя-плута в нем // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 89–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-89-95>.



DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-89-95  
UDC 882

Submitted: 19/VIII/2018  
Accepted: 30/VIII/2018

L.G. Tyutelova

## RUSSIAN DRAMATIC PLOT OF THE XIX CENTURY AND THE ROLE OF THE HERO-CHEAT IN IT

© Tyutelova Larisa Gennadievna – Doctor of Philological Sciences, associate professor, head of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: largenn@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1378-2676>

### ABSTRACT

The article considers the problem of dramatic plot from the standpoint of historical poetics. On the material of the 19<sup>th</sup> century Russian drama it is proved that the plot becomes an important dramatic category of modern times. It is a method to express the author's vision from the point which is 'outside' the dramatic picture as a completed and integral one as well as a way to evaluate the created dramatic world. The important point of the research is the assertion that in the modern drama the action ceases to be the main category of the dramatic poetics and the hero turns out to be important not only as an actant, due to whom the action develops and the image of the world is made, but also as 'an eye'. He indicates the necessity of perceiving every moment of the dramatic action not from the viewpoint of its participant, but 'from the outside', that is from the viewpoint of the creator of the dramatic picture.

The work underlines that the personage's point of view, according to which he evaluates everything that is going on, was going on or is just potentially possible, – is individual, personal. The hero's vision is limited by the possibilities of the personage's character and situation. But due to his world viewpoint the reader/spectator gets an opportunity to interact – on a dialogical basis – with the author's viewpoint as also individual, personal.

A special role in proving of the suggested theses is played by the image of a personage. In Gogol's, Turgenev's, Chekhov's drama as the drama of modern times he is not so much a provoker providing the development of the dramatic action, supporting the dynamics of its development – as 'an eye'. His provocations cease to be effective. The author concentrates his attention on the paradoxicality of the hero's position, on his evaluation of his own fate, on the subtle portrayal of potentially possible variants of its development.

**Key words:** hero-cheat, dramatic plot, action, author, N.V. Gogol, I.S. Turgenev, A.P. Chekhov.

**Citation.** Tyutelova L.G. *Russkii dramaticheskii sjuzhets XIX veka i rol' geroia-pluta v nem* [Russian dramatic plot of the XIX century and the role of the hero-cheat in it]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 89–95. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-89-95>

### Введение

Вопрос о драматическом сюжете и роли в нем отдельных типов героев возникает в теории драмы достаточно поздно и, несмотря на работы В.Е. Хализева, М.С. Кургинян, С.В. Владимирова, В.Е. Головчинер [Головчинер 2014], не может быть назван достаточно изученным. В наиболее часто используемых в российских работах теориях Аристотеля, Гегеля, Белинского центральной драматической категорией признается только действие. Сюжет считается категорией, характеризующей особенности эпического рода. Он свидетельствует об особом типе «завершения» эпической картины, предполагающем, что читатель получает возможности видения созданной автором картины как целой благодаря пространственно-временной дистанции, субъектно обозначенной рассказчиком или повествователем.

В драме же читатель «входит» в мир драмы, ориентируется в нем, получает возможность видеть его завершение только с позиции непосредственного участника события. Причем центрального, которому открывается и логика развития события, и смыслы, в нем сокрытые. Такая исключительность главного драматического персонажа является не следствием особенностей его личностной позиции, а проявлением особой функциональности: действие через героя-актанта реализуется, и через него обнаруживаются его смыслы. Еще, по мысли Аристотеля, не действие соответствует герою, а герой – действию. Причем в этом действии предельно ослаблено субъектное содержание. Действие моделирует событие, не кем-то воспринимаемое, а потому характеризующее воспринимаемое, а событие как таковое. Поэтому Гегель в своей «Эстетике», а вслед за ним Белинский в работе «Разделение литературы на роды и виды» среди

трех родовых форм как форм познания особенно выделяли драму, называя ее самым объективным литературным родом.

### Постановка проблемы и методология

С позиций исторической поэтики, в рамках которой в настоящее время работ по теории драмы создано недостаточно, в роли объективной формы познания драма могла выступать только в рамках традиционалистского искусства с его специфической формой авторства. Как только изменились поэтические нормы и принципы, драма, как и остальные родовые формы, стала выражением индивидуально-авторского видения и понимания жизни (см. работы Е.М. Мелетинского, Н.С. Бройтмана, П.А. Гринцера, Н.Д. Тамарченко и др.). Причем авторская индивидуальность, как это смогли показать уже романтики в конце XVIII столетия, оказывается неповторимой ни в какой другой, а потому позиция героя, если это принципиально другое «я», не выводит читателя/зрителя на завершающую позицию видения и понимания созданного в произведении мира как позицию индивидуально-авторскую.

### Гипотеза

В новой драме позиция завершения – позиция вывода за пределы мира не познанного, а познаваемого. А потому для него важна позиция видения «извне», создающаяся драматическим сюжетом – субъективным авторским вариантом видения и понимания драматического события.

При этом драма остается драмой: она ориентирована, как и в античности, когда свое понимание разных форм представления события формулировал Аристотель, на представление события лицом деятельным и действующим. Но в новом драматическом сюжете это лицо оказывается не только деятельным и действующим – актантом, но и рефлексивным, то есть выходящим за пределы события, его пространственно-временных координат. Следовательно, можно полагать, герой драмы нового времени оказывается способным обозначить читателю/зрителю необходимость выхода за пределы драматического мира не только в момент завершения истории, но и в любой момент ее развития. Более того, поскольку герои «позволяют» себе выключение из непосредственно представляемого события слишком часто, то его границы становятся неважными. Читатель/зритель не ощущает необходимости их пересечения через отождествление с героем и уже «не возвращается» в финале драматического действия к себе, обогащенный опытом, невозможным в пространстве времени своего обыденного существования. Он пребывает в драматическом пространстве рядом с героем, сохраняя границы собственного «я», сопоставляет персонажа с собой и понимает его, опираясь на собственное видение и понимание жизни, а потому на позицию «извне», а не «изнутри».

Драма остается формой познания, но уже не события, а «я» другого, по-своему воспринимающего события, и собственного «я», получающего возможность вступить в диалог с носителем индивидуальной позиции видения происходящего героем, а благодаря ему – автором. В результате мы имеем дело не только с авторским вариантом драматического события – драматическим сюжетом, но и с новым типом героя. У персонажа появляются не только новые функции (он может быть, например, аттрактором [Иванова 2017, с. 64]), но и новое личностное содержание. Чтобы доказать это, обратимся к образу плута в русской драме XIX века, времени рождения новой драматической формы.

### Результаты исследования

«Ядром» образа плута является архетип трикстера [Комиссарова 2017, с. 319-321]. В силу своих характеристик – ума, сметливости, изобретательности – он не является центральным актантом драматического действия. Не плут ведет читателя/зрителя к пониманию смысла драматической истории, а тот, кого он испытывает, обманывая, подшучивая, бросая вызов его интеллектуальным способностям и тем самым побуждая его к ментальным открытиям. По сути, в традиционалистской (не индивидуально-авторской драме) важны, как и в случае с другими типами героя, лишь способности плута развивать действие, создавать интригу.

В драме нового времени, как о том свидетельствуют, например, пьесы Н.В. Гоголя, сюжет динамично развивающегося действия не утрачивает своего значения. В нем плут – игрок, но не с другим персонажем, а с жизнью. Собственно, игра с жизнью – один из первых сюжетов драмы нового времени, ведущей свою историю от драмы романтиков. И сюжет Гоголя является одной из авторских модификаций этого сюжета.

В гоголевских историях игроки включены в игру как бы помимо своей воли, как Хлестаков или Ихарев, не знающий, что не он играет, а играют с ним. Действия персонажей часто не отрефлексированы и, что важно, не ведут ни к какому результату, поскольку не герой определяет результат принятых действий, а сама жизнь.

Поэтому в гоголевском сюжете, по наблюдениям Ю.В. Манна, важный момент развития драматического действия – отдаление желаемого предмета. Свидетельство тому – немая сцена в «Ревизоре» и ее редуцированные варианты в других пьесах автора: «Во всех случаях это высокая степень потрясения, выражающая ужас персонажей перед неожиданным исходом событий <...> перед “открытием” несправильности, хаотичности, раздробленности жизни» [Манн 2007, с. 224].

Таким образом, гоголевский сюжет не о действии, позволяющем показать суть происходящего, а о человеке, приходящем к новому видению и пониманию жизни. Причем это всякий раз личностное видение, а потому ограниченное, указыва-

ющее на возможность обобщения и поиска индивидуального решения проблемы. В «Ревизоре» об этом говорит предельная конкретность и неповторимость поз каждого из участников «немой сцены»: «...почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гости, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лица, относящимся прямо к семейству городничего...» (Гоголь, с. 95). Стоит вспомнить, что Гоголь настойчиво советовал актерам, занятым в постановках «Ревизора», обнаруживать индивидуальные и предельно живые физиономии персонажей. В итоге оказывается, что герои существуют в координатах собственного бытового мира, в котором важны проблемы выгодного места, женитьбы, шулерской игры. Но тот уровень обобщения, который возникает за счет расширения зрения читателя/зрителя автором, призывающим видеть историю любого персонажа «извне», отменяет первый план действия. Конкретная история является лишь одним фрагментом большой жизни, что важно, находящейся в процессе становления, движения, не зависящего более от действия конкретного героя и не попадающего в своей целостности в поле его зрения.

В итоге в драматическом сюжете возрастает роль героя не как актанта, а как одного из «соглядатаев» с ограниченной позицией видения, о чем, собственно, и говорит образ плута. Ранее он был исключительно деятельной фигурой. И именно эта его особенность в первую очередь дискредитируется новым сюжетом, о чем говорит гоголевский мир с его плутом, не только поступающим немотивированно, но и не стремящимся к какой-либо цели вообще, как, например, Кочкарев в «Женитьбе».

Последователи автора «Ревизора» отказываются от парадоксальности гоголевского героя. Их персонажи, благодаря соотносительности индивидуальности каждого героя с «я» другого, обретают уже вполне очевидные для читателя/зрителя индивидуальные физиономии, и их способность воспринимать событие по-своему оказывается важнее их меры участия в драматическом действии. В итоге происходит децентрализация драматического действия.

Причем действие, не сосредоточенное на судьбе одного героя, не новость для драмы. Можно напомнить о своеобразии шекспировской ренессансной драмы или драмы барокко. Так, М.С. Кургинян называет действие шекспировских драм многоплановым, поскольку в них существует несколько линий действия со своим исходным моментом. Повторение типологических сходных ситуаций необходимо для утверждения драматургом идеи возможности управления человеком своей судьбой: «...общей исходной ситуацией является вызванное теми или иными обстоятельствами жизни, но прежде всего определяемое новыми, присущими человеку Возрождения чертами характера желание героя помериться силами “с фортуной”, смирить ее

”капризы”, вырвать у нее свое счастье» [Кургинян 1964, с. 264].

Но новую децентрализованную драму отличает от ренессансной и барочной не повторение одинаковых событий для обнажения сокрытой в них истины, единой для всех. Действие драмы нового времени начинает редуцироваться. В итоге о нем нельзя сказать, как о действии шекспировской драмы, которое представляет собой историю, основанную, как отмечено В.Е. Хализевым, «на замкнутом узле событий, находящихся в причинно-следственных связях между собой» [Хализев 1926, с. 95]. Для драмы нового времени характерно представленные разнообразные варианты видения и понимания жизни как таковой или отдельных событий, включающее читателя/зрителя в диалог с автором и его героями.

В итоге вариативность нового сюжета, возникающая благодаря децентрализации действия, раскрывает не только авторское понимание жизненных законов и закономерностей. Она обнаруживает принципиальное несходство всякого «я» (героя, автора, читателя/зрителя): его границы. А потому в драматическом сюжете повышается значение всякого героя, возникают новые функции и раскрывается индивидуальное содержание образа, оказывающееся больше того, что от героя требует непосредственно действие. Даже самые «действенные» герои, как плуты, интересны не своей способностью создавать интригу, а своей индивидуальностью. Пример тому – Шпигельский в «Месяце в деревне» И.С. Тургенева.

Плут у Тургенева, как и Кочкарев у Гоголя, включен в ситуацию женитьбы. Его действия уже не бесцельны. Он ищет материальную выгоду: «Двурыхих на пристяжке, гнедая в корню!» (Тургенев, с. 335). При этом хлопоты Шпигельского – традиционная ситуация испытания героя, обнажающая архетипическое ядро образа, обуславливающее его потенциально возможные действенные роли. Предложение Шпигельского выдать замуж Веру за Большинцова заставляет Наталью Петровну попытаться понять, что происходит с ней самой, помогает увидеть в Вере соперницу и даже начать действовать. Но побуждением к действию Ислаевой роль Шпигельского не ограничивается. Он в первую очередь наблюдатель, видящий больше, нежели остальные: «Видно, барыням не по нутру, коли у нашего брата глаза зрячие. Делай по-ихнему, помогай им – да и притворяйся еще, что не понимаешь их. Вишь, какие! Ну, однако, посмотрим» (Тургенев, с. 360).

Шпигельский показывает Лизавете Богдановне в сцене предложения, что происходит в доме Ислаевых. Интересно, что скорее читатель/зритель понимает намеки Игнатия Ильича, нежели его собеседница. Шпигельский остается в рамках своего видения и оценки ситуации, хотя не далек от истины. Ему мешает понять Наталью Петровну, например, гордость человека, вынужденного всякому чужому «из-за куля муки» кланяться. Хотя он

и признается Лизавете Богдановне: «Как я ни ломаюсь перед господами, шутком меня никто не видал, по носу меня еще никто не щелкнул. Они меня даже, могу сказать, побаиваются; они знают, что я кусаюсь» (Тургенев, с. 362).

Шпигельский ведет себя как шут вовсе не потому, что таков его характер: «Оттого, что я перед чужими дурачусь, анекдотцы им рассказываю, прислуживаю им, вы уж и подумали, что я в самом деле веселый человек <...> я человек не веселый вовсе, может быть, даже и не слишком добрый» (Тургенев, с. 362). И главное его признание – «самолюбия у меня тьма; да жизнь уж такая вышла» (Тургенев, с. 362). Шпигельский, как и остальные тургеневские персонажи, не способен сопротивляться жизненным обстоятельствам и выбирает компромиссный вариант жизни человека, желающего совершать поступки, о которых не придется жалеть, хотя и не упускающего своего случая: «Ай да Вера Александровна! Молодец барышня! Я сейчас же к нему поскачу. То-то я его обрадую... Вот какое неожиданное вышло обстоятельство!» (Тургенев, с. 390).

Тема женитьбы Шпигельского на Лизавете Богдановне позволяет Тургеневу раскрыть индивидуальную жизненную позицию персонажа. Но в действительности ситуация женитьбы Шпигельского не включена, хотя подробно представлено его отношение к ней. И даже намечены возможные и вполне вероятные линии его судьбы, очевидно избыточные для традиционного драматического действия.

История Шпигельского и Лизаветы Богдановны – представление рационального отношения к жизни, попытки устроиться в ней с наименьшими потерями. Собственно, решение Веры выйти за Большинцова напоминает действия и Шпигельского, и его избранницы (Шпигельский напоминает Лизавете Богдановне: «...я воображаю, надоело вечно жить в гувернантках, ну да и с старухой возиться, вистовать ей в преферанс и поддакивать – тоже, должно быть, не весело» (Тургенев, с. 360–361)). Вере невыносимо оставаться в доме Натальи Петровны, для которой она вдруг стала соперницей: «Я не останусь в этом доме... ни за что. Я не могу сносить ее кроткого взора, ее улыбки, я не могу видеть, как она вся отдыхает, вся нежится в своем счастье. Ведь она счастлива, как она там ни прикидывайся грустной и печальной... Ее ласки мне нестерпимы...» (Тургенев, с. 390).

И Тургеневу важно, что благодаря личностным особенностям его персонажами одни и те же ситуации переживаются по-разному. Недраматично – одними («Я человек небогатый; в противном случае я бы ведь и того-с... (Усмехается.)» (Тургенев, с. 360)), почти трагически – другими («Все на свете скорей, чем здесь остаться... (Встает.) Да; я решилась» (Тургенев, с. 390)). В итоге рождается авторский диалог с разными личностными позициями и обнаруживается его видение того, что, по большому счету, компромисс с современными жизненными

условиями является спорным решением проблемы отношения человека с его миром. При этом очевидна разная степень сочувствия драматурга своим персонажам, связанная с их личностными особенностями, что раскрывает специфику авторской позиции Тургенева.

Следовательно, драматический сюжет нового времени значительно больше представленного события. Благодаря персонажам событие включается в движение жизни, определяется его законами и уже не зависит от воли конкретного лица. Шпигельский получает выгоду от своего предложения не благодаря своей воле и энергии, а почти случайно: Наталья Петровна влюблена в Беляева, которому симпатизирует и Вера, о чем Шпигельский догадывается, но не берет в расчет и не интригует.

При дальнейшем развитии драматического сюжета нового времени ролевые возможности героя-актанта оказываются малозначимыми. И козни плута могут даже быть незамеченными персонажами, а потому ни к какому действию их не побуждают. Интересна в этом отношении ситуация, возникающая в первой драме А.П. Чехова – в «Безотцовщине».

Владельцы имения Войницевы окружены кредиторами. Один из них – Петрин. Он друг покойного хозяина имения, кандидат прав, хитростью выманивший векселя у генерала. Но Петрин активного участия в драматическом действии чеховской пьесы уже не принимает, хотя «хлопочет» о свадьбе Анны Петровны Войницевой, хозяйки имения, вдове генерала, и Глагольева I:

«Петрин. О ком же мне хлопотать, душенька? Ты человек хороший, она такая славная... Хочешь, я с ней поговорю?»

Глаголев I. Я и сам поговорю. Ты молчи пока и... если можно, пожалуйста, не хлопочи! Я и сам сумею жениться. (Уходит.)

Петрин (один). Вот ежели б сумел! Святые угодники, войдите в мое положение!.. Выйди генеральша за него, я богатый человек! По векселям получу, святые угодники! Даже аппетит пропал от этой радостной мысли. Венчаются рабы божий Анна и Порфирий то бишь, Порфирий и Анна...» (Чехов, с. 47).

При этом Петрин – один из благодетелей, кредиторов, которые окружают Анну Петровну: «С каким удовольствием я бы, невыносимый Михаил Васильич, прогнала этих гостей!.. В том и вся наша беда, что честь, о которой вы сегодня трактовали на мой счет, удобоварима только в теории, но никак не в практике. Ни я и ни ваше красноречие не имеем права прогнать их. Ведь все это наши благодетели, кредиторы... Погляди я на них косо – и завтра же нас не будет в этом имении... Или имение, или честь, как видите... Выбираю имение... Понимайте это, милый пустослов, как хотите, и если угодно, чтобы я не уехала из прекрасных здешних мест, то не напоминайте мне о чести и не трогайте моих гусей...» (Чехов, с. 49).

Но попытки Петрина интриговать оказываются нелепыми. Плут просто не может включиться в действие:

«Петрин. Сделайте умаление векселям. Надоело глядеть на векселя эти... Векселя — это одна только обманчивость, мечта туманная. Они говорят: ты владеешь! А на деле-то выходит, что ты вовсе не владеешь».

Анна Петровна. Вы все про те же шестнадцать тысяч толкуете? Как вам не стыдно? Неужели вас ничто не коробит, когда вы кланчите этот долг? Как вам не грешно? На что вам, старику холостому, сдались эти нехорошие деньги?

Петрин. Они мне сдались, потому что они мои, матушка.

Анна Петровна. Вы эти векселя выманили у моего мужа, когда он был не трезв, болен... Вы это помните?

Петрин. Что ж такое матушка? А на то они и векселя, чтоб по ним денежки требовались и платились. Деньги счет любят.

Анна Петровна. Хорошо, хорошо... Довольно. Денег у меня нет и не будет для вашего брата! Убирайтесь, протестуйте! Эх вы, кандидат прав! Ведь вы на днях умрете, для чего же мошенничаете? Чудак вы!» (Чехов, с. 48).

Уже в первой юношеской пьесе Чехова обнаруживается особенность его большой драматургии: отчуждение людей достигает такой степени, что герои не замечают происходящее даже с самыми близкими людьми, и тем более их не интересуют далекие. Невольное зло оказывается действеннее зла осознанного, спланированного. Следовательно, никакие козни плута не могут быть действительными. Плуту приходится не действовать, а мечтать о действии. Так появляется чеховский Боркин с его невероятными планами, «фокусами», как их называет Иванов: «Вот дайте мне 2300 рублей, и я через неделю доставлю вам двадцать тысяч. На том берегу Овсянов продает полоску земли, как раз против нас за 2300 рублей. Если мы купим эту полоску, то оба берега будут наши. А если оба берега будут наши, то, понимаете ли, мы имеем право запрудить реку. Ведь так? Мы мельницу будем строить, и, как только мы объявим, что хотим запруду сделать, так все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а мы сейчас: коммен зи гер, если хотите, чтобы плотины не было, заплатите... Понимаете? Заревская фабрика даст пять тысяч, Корольков три тысячи, монастырь даст пять тысяч...» (Чехов, с. 222).

Его партнером по драматическому действию становится тот, кто не мог быть драматическим героем в традиционной драме: «Хотите, я на Марфуше женюсь? Приданое пополам... Впрочем, зачем я это вам говорю? Разве вы поймете? (Дразнит.) “Будет вздор молоть”. Хороший вы человек, умный, но в вас не хватает этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха... Этак бы размахнуться, чтобы

чертям тошно стало... Вы психопат, нюня, а будь вы нормальный человек, то через год имели бы миллион...» (Чехов, с. 222).

Герой, взаимодействующий с плутом, более соглядатай, нежели актант. Его вовлеченность в действие оказывается механической. Более того, его поступки не определены характером и не исчерпывают его. А потому и плут не может действовать или его действия оказываются бессмысленными («Помещики тоже, черт подери, землевладельцы... Рациональное хозяйство... Тысяча десятин земли — и ни гроша в кармане... Винный погреб есть, а штопора нет... Возьму вот и продам завтра тройку! Да-с!.. Овес на корню продал, а завтра возьму и рожь продам» (Чехов, с. 220)), как любое действие в чеховской драме, поскольку она не может разрешить главное противоречие, которое интересует драматургов к концу XIX столетия.

Героям противостоит не другой персонаж, не случай, а жизнь в ее сложении, не зависящем от отдельного персонажа. И хотя Платонов не признает вовлеченность в этот конфликт плута, но автор опровергает позицию своего персонажа. Его Петрин признается: «Из молодого деревца все сделаешь: и домик, и корабль, и все... а старое, широкое да высокое, ни к черту не годится...» (Чехов, с. 37). Он нелеп, чудакват, а потому стоит в том же ряду персонажей, что и Платонов, с одной стороны, Чебутыкин — с другой (недаром и тот, и другой появляются на сцене с газетой, интересной, судя по всему, только им. И если у Петрина есть хотя бы один слушатель — Венгерович I, именно ему Петрин и читает газету, то Чебутыкин читает всем, но его не слышит уже никто.

### Заключение

Развитие драматической формы в эпоху индивидуально-авторской поэтики связано с изменением роли автора в завершении драматической картины. Это завершение — завершение через видение ее «извне», заданное драматическим сюжетом. Одновременно с повышением значимости сюжета снижается роль действия, когда-то бывшего центральной драматической категорией. Вследствие этого — изменение роли героя в драме и содержания его образа.

Даже герой-плут — провокатор, традиционно поддерживающий динамику развития действия, становится скорее «соглядатаем» со своей позицией видения и оценки события, а не его непосредственным участником. Его действия утрачивают цель, или цели оказываются достигнутыми случайно, на что персонаж и не очень рассчитывает. Вместо интригана на сцене оказывается враль или кто-то вроде шута, поскольку герой играет роль и не равен ей. Он, как и всякий другой персонаж, необходим автору для обозначения личностной позиции оценки драматической картины, не равной авторской, но указывающей на нее.

### Источники фактического материала

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 4: Ревизор. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 551 с.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. // Сочинения: в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1979. 703 с.

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. // Сочинения: в 18 т. Т. 11. М.: Наука, 1978. 446 с.

### Библиографический список

Головчинер В.Е., Веснина Т.Л. Проблема границ островного сюжета в пьесе М. Булгакова «Багровый остров» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 11 (152). С. 66–71.

Иванова В.Н. Атрактор и аттрактивность как компоненты поэтики малой драматургии А.П. Чехова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. № 1.2. С. 63–67.

Комиссарова У.А. Архетипические концепции трикстера в современном литературоведении // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере. 2017. С. 314–325.

Кургинян М.С. Драма // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении в 3 т. Т. 2: Роды и жанры литературы. М.: Наука, 1964. С. 238–362.

Манн Ю.В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 744 с.

Хализев В.Е. Драма как род литературы. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1986. 135 с.

### References

Golovchiner V.E., Vesnina T.L. *Problema granits ostrovnogo siuzheta v p'ese M. Bulgakova «Bagrovyy ostrov»* [Blurring the borders of the island: the plotlines of the play by M. Bulgakov «The Crimson Island»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2014, no. 11 (152), pp. 66–71. Available at: [http://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2014&issue=11&article\\_id=4824](http://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2014&issue=11&article_id=4824) [in Russian].

Ivanova V.N. *Attraktor i attraktivnost' kak komponenty poetiki maloi dramaturgii A.P. Chekhova* [Attractor and attractiveness as components of poetics of small drama of A.P. Chekhov]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2017, no. 1–2, pp. 63–67. Available at: <http://www.journals.ssau.ru/index.php/hpp/article/view/5068> [in Russian].

Komissarova U.A. *Arkhetipicheskie kontseptsii trikster a v sovremennom literaturovedenii* [Archetypal concepts of the trickster in contemporary literary criticism]. In: *Rossia v mire: problemy i perspektivy razvitiia mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoi i sotsial'noi sfere* [Russia in the world: problems and prospects of international cooperation in the humanitarian and social sphere], 2017, pp. 314–325 [in Russian].

Kurginyan M.S. *Drama* [Drama]. In: *Teoriia literatury. Osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii v 3 t. T. 2 : Rody i zhanry literatury* [Literature theory. Main problems in the historical coverage: in 3 Vols. Vol. 2: Genres of literature]. M.: Nauka, 1964, pp. 238–362 [in Russian].

Mann Yu.V. *Tvorchestvo Gogolia: smysl i forma* [Creativity of Gogol: meaning and form]. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007, 744 p. [in Russian].

Khalizev V.E. *Drama kak rod literatury* [Drama as a kind of literature]. M.: Izd-vo Moskov. un-ta, 1986, 135 p. [in Russian].



DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-96-101  
УДК 1751. 80

Дата поступления статьи: 20/VII/2018  
Дата принятия статьи: 25/VIII/2018

Л.Г. Хорева

## ИСПАНСКАЯ КАРТИНА МИРА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В АРХЕТИПЕ БЕЗУМИЯ В ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Хорева Лариса Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Российская Федерация, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, 6.

E-mail: novella2000@mail.ru. E-Library ID: 1043-0544. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3858-3091>

### АННОТАЦИЯ

Автор статьи предлагает исследовать взаимосвязи между картиной мира испанского этноса и архетипом испанской литературы – безумием. Показано, что картина мира каждого этноса состоит из константных и переменных элементов. Константные элементы обусловлены историческим развитием нации и сохраняются на протяжении всего существования этноса, который столетиями вырабатывает соответствующие механизмы защиты – реальные или ритуальные действия. К ритуальному механизму защиты от внешних угроз автор статьи предлагает отнести литературу, которая вырабатывает реакцию читателей при возникновении опасной ситуации.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием анализа феномена безумия как визитной карточки испанской картины мира. В статье показано, что историческое развитие испанского этноса обусловило появление такой черты, как агрессивность. Порожденная Реконкистой, усиленная покорением Нового Света, деятельностью инквизиции и трансформировавшаяся в итоге в аутоагрессию – подавление собственных чувств и разума, эта черта национального характера привела к появлению многочисленных безумцев в испанском обществе. Это обстоятельство нашло свое отражение в одном из самых известных образов испанской литературы – образе Дон Кихота.

Периоды наивысшего расцвета искусства и литературы Испании приходились на годы самых тяжелых затяжных социально-экономических кризисов – конец XVII и конец XIX вв. Именно в эти периоды испанский этнос прибегает к проверенным механизмам психологической защиты – уходу от реальной жизни в иррационально-химерическую реальность, именно на эти периоды приходится расцвет барокко и сюрреализма с их культом ассоциаций, сложными метафорами, мифологическими и античными символами, неологизмами, сложной игрой образов, агрессивным проникновением в бессознательное, стиранием границ между мирами, граничащим с безумием. Безумие как результат аутоагрессии и коррелирующий с ним сон разума, уводящий жизнь в категорию сновидений и порождающий такую мифологию, как «жизнь есть сон», становятся архетипами испанской культуры и литературы, определяющими ее идентичность.

**Ключевые слова:** картина мира, архетип, жанр, испанская литература, Дон Кихот, испанские безумцы.

**Цитирование.** Хорева Л.Г. Испанская картина мира и ее отражение в архетипе безумия в испанской литературе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 96–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-96-101>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**SPANISH VIEW OF THE WORLD AND ITS PROJECTION IN THE ARCHETYPE  
OF MADNESS OF SPANISH LITERATURE**

© Khoreva Larisa Georgievna – Candidate of Philological Sciences, assistant professor of the Department of Roman Philology, Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya square, Moscow, GSP-3, 125993, Russian Federation.

E-mail: novella2000@mail.ru. E-Library ID: 1043-0544. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3858-3091>

**ABSTRACT**

The article deals with interrelations between the view of the world of the Spanish ethnos and an archetype of the Spanish literature – madness. It is shown that the view of the world of each ethnos consists of constant and variable elements. Constant elements are caused by historical development of the nation and remain throughout all existence of ethnos which develops during the centuries relevant mechanisms of protection – real or ritual actions. The literature can be considered as one of the ritual mechanism of protection against external threats.

The relevance of the research is caused by lack of analysis of a phenomenon of madness in Spanish culture. In the article it is shown that historical development of the Spanish ethnos has caused the emergence of such characteristic sign as aggression. This one was generated by fight against the Arabs, it was strengthened by the conquest of Latin America, and finally it was transformed to an autoaggression. This circumstance leads to suppression of own feelings and reason, this characteristic sign of national character has led to appearance of numerous madmen in the Spanish society. This circumstance has found the reflection in one of the most known images in the Spanish literature – Don Quixote's image.

The periods of efflorescence of art and literature of Spain fell on years of the long grave economic crises: on the end of the 17<sup>th</sup> and the end of the 19<sup>th</sup> centuries. These years the Spanish people have used the checked mechanisms of psychological protection: they prefer the irrational and chimerical reality to real life. These years are ones of efflorescence of baroque and surrealism with their cult of associations, difficult metaphors, aggressive penetration in unconscious, the deleting of borders between the worlds. Madness as a result of an autoaggression and the sleep of reason become the archetypes of Spanish culture and literature defining her identity.

**Key words:** view of the world, archetype, Spanish literature, Don Quixote, Spanish madmen.

**Citation.** Khoreva L.G. *Ispanskaia kartina mira i ee otrazhenie v arkhetepe bezumiia v ispanskoi literature* [Spanish view of the world and its projection in the archetype of madness of Spanish literature]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 96–101. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-96-101>.

**Введение**

Термин «картина мира» сегодня постоянно оказывается в поле зрения филологов и культурологов, хотя еще менее ста лет тому назад этот концепт был объектом исследования исключительно философов и физиков. В конце XIX – начале XX в. термин «картина мира» вводится в научный оборот австрийским философом Л. Витгенштейном [Витгенштейн 2017], который впервые вывел формулу уникальности модели мира каждого отдельно взятого этноса.

Гипотеза Л. Витгенштейна была взята за основу при исследовании культуры в трудах О. Шпенглера, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Х. Ортега-и-Гассета, М. де Унамуно, Г. Гачева, А. Гуревича и многих других [Баткин 1966; Вежбицкая 2001; Гачев 2008; Дерига 2008]. Она стала

ключевой для целой лингвистической школы, представленной именами Сепира и Уорфа, отстаивавшей гипотезу так называемой лингвистической отнесенности, предполагающей влияние языка на мышление. Несмотря на то что эта гипотеза – до сих пор предмет дискуссий, она прочно занимает свою нишу в науке.

О. Шпенглер, размышляя о специфике культуры, отдельно оговаривает тот факт, что картина мира является сложным образованием, состоящим, как правило, из постоянных и переменных элементов [Шпенглер 2006]. Переменные компоненты зависят от исторического этапа развития общества, от социально-культурного уровня жизни и культуры в каждый отдельно взятый момент истории. Переменные компоненты могут неоднократно меняться в течение жизни одного поколения, от-

раяя этапы развития общества и характеризуя новые опасности, которые могут подстергать человека на новом витке развития этноса. Мы не случайно затронули тему опасности, ведь картина мира – которая также является предметом исследования психологов – призвана помочь человеку рационализировать окружающий его мир, разложить по полочкам и упорядочить в первую очередь те опасности, с которыми он может столкнуться в процессе постижения мира, и заранее выработать механизмы защиты, которые можно разделить на два вида: материальные и нематериальные. К первым можно отнести практические действия, ко второму – ритуальные. К примеру, зная, что каждый год в определенный период года разливаются река и потом может уничтожить все имущество, люди могли построить плотину (то есть осуществить практические действия) и задобрить духов воды, принеся им жертвы, создавая, таким образом, мифы. Прошли тысячелетия, но механизмы по большей части не изменились. Люди по-прежнему рассматривают окружающий мир в первую очередь как источник опасности или угрозы и разрабатывают новые механизмы защиты, которые теперь также становятся сложными и многоуровневыми [Зверев 2011; Зейферт 2009].

В отличие от переменных компонентов, константные составляющие, как видно из их названия, не меняются на протяжении столетий и призваны отражать те этнические характеристики, которые остаются неизменными, несмотря ни на что. Это так называемая центральная форма культуры, которая определяет облик этноса в целом и становится его визитной карточкой на длительное время [Сиповский 2011; Тюпа 1996].

Как образуются такие константы? Они в первую очередь обусловлены историческим развитием нации и географическим расположением их государства. У государств, имеющих схожее географическое расположение и схожий исторический путь развития, картины мира могут быть во многом идентичны, что мы и наблюдаем на примере России и Испании.

Картины мира обеих стран схожи по целому ряду показателей.

### Культурные константы

Рассмотрим культурные константы Испании. Испанцы как этнос прошли свой уникальный путь развития. Замыкая Европу с юга, испанцы долгое время определялись с национальной идентичностью. Процесс усугубился длительным симбиозом с вестготской, латинской и арабской культурой, что дало в итоге уникальную модель мира.

Сосуществование с арабской культурой довольно быстро перестало быть мирным, подавленность другой культурой сменяется агрессией. В течение более 700 лет испанцы в ходе Реконквисты отстаивают свою независимость, право на свою культуру и свою религию. Испанцы как этнос длительное время находятся в состоянии войны, которая с переменным успехом длится сотни лет. В последние

годы Реконквисты, когда чаша весов склоняется в пользу испанцев, внутренняя агрессия этноса достигает своей кульминации и выплескивается уже за пределы государства. Не случайно 1492 год становится знаковым для Испании. В этот год пала Гранада – последний оплот арабского владычества на иберийском полуострове, в этом же году экспедиция Христофора Колумба, финансируемая католическими королями Изабеллой и Фердинандом, открыла Америку. Последующее завоевание новых территорий еще более раскачивает испанскую агрессию в сторону усиления. Поток золота, хлынувший из Нового Света в Испанию, становится причиной глубокого экономического кризиса, но это обстоятельство еще очень долгое время не останавливает испанскую экспансию. Агрессия, буквально ввевшаяся в генетику испанцев, уже не исчезает. Однако исторические события, в ходе которых Испания в результате затяжного экономического кризиса начинает утрачивать свои позиции в мире, приводят к тому, что происходит смена эмоционального вектора. Агрессия, изначально направленная на внешний объект, сменяется аутоагрессией, то есть новым механизмом защиты, который проявляет себя в том, что этнос начинает (осознанно или неосознанно) причинять себе самому вред в психической сфере. Одним из ярких проявлений этого процесса становится феномен безумия.

Испанская история изобилует именами монархов, вошедших в анналы с эпитетами «безумный»: Изабелла Португальская Безумная, супруга Хуана II и мать Изабеллы I Кастильской (1428 – 15.08.1496), Хуана Безумная (06.11.1479 – 12.04.1555), дон Карлос (08.07.1545 – 24.07.1568), Карл II Одержимый (Околдованный) (06.11.1661 – 01.11.1700), Фердинанд VI Безумный (23.09.1913 – 10.08.1759). Несмотря на то что сумасшедшие короли встречаются во всех странах (Георг III (Англия), Карл VI (Франция), Афонсу VI (Португалия), Эрик XIV (Швеция)), подданные этих стран обычно стремятся скрыть или, по меньшей мере, поставить под вопрос факт «ненормальности» своего монарха. Все, кроме испанцев. Последние как будто нарочно подчеркивают факт безумия своих правителей, даже если у современников этот факт вызывал сомнения. В первых двух случаях – Изабеллы Португальской и ее внучки Хуаны – ничто не предвещало трагического финала для обеих королев. Обе отличались здравым рассудком до замужества; будучи замужем, родили здоровых детей и после также демонстрировали здравомыслие при решении ряда вопросов, возникающих не только в семейной жизни, но и на государственном поприще. Историки сходятся во мнении, что эмоциональную и психическую нестабильность обеих королев спровоцировали дворцовые интриги, в ходе которых Изабелла лишилась детей и остаток дней провела в закрытом монастыре, а Хуана потеряла любимого супруга, смерть которого довела ее саму до маниакально-депрессивного психоза, выражаясь современным языком.

В случае трех королей — дона Карлоса, Карла II и Фердинанда VI — мы можем говорить, что причиной их неадекватного поведения становится высокий коэффициент инбридинга (25 %), что означало, что почти 80 % браков заключались между близкими родственниками. Генетическое вырождение династий Трастамара, испанских Габсбургов и испанских Бурбонов сопровождалось многочисленными дворцовыми войнами, еще более усилившими мнительность и психопатичность испанских монархов.

Но, наш взгляд, странно даже не это, а другое. Испанская нация воспринимает безумие собственных правителей как нечто вписанное в картину мироздания, как нечто обыденное, само собой разумеющееся, что в корне отличает испанскую культуру от других европейских аналогов. Мишель Фуко с своим фундаментальным трудом [Фуко 1997], исследуя феномен безумия в Европе, подчеркивает, что во Франции это было крайне постыдное заболевание, сопоставимое с венерическими болезнями и проказой. Не случайно сумасшедших помещали, как правило, в одно помещение с прокаженными. История голландской живописи изобилует картинами, посвященными процветающей на тот момент операции, известной как удаление камня глупости или камня безумия, что для голландцев было одним и тем же. Безумцы приравнивались к глупцам и наоборот.

В Испании отношение к безумцам было качественно иным. Их отправляли не в лечебницы, а в монастыри, ближе к Богу, ведь, по мысли величайшего мыслителя Испании М. де Унамуну [Унамуну 1996], безумцы семантически сопряжены с Христом.

#### Архетип безумия в испанской литературе

Эта идея становится составной частью центральной зоны культуры или картины мира испанцев и находит свое отражение в появлении архетипа мудрого безумца, самым известным представителем которого становится Дон Кихот, герой романа Мигеля де Сервантеса де Сааведра «Хитроумный идалго Дон Кихот Ламанчский». Обедневший идалго, то есть дворянин, начитавшийся рыцарских и пасторальных романов, воображает себя рыцарем и отправляется в путешествие на потеху всем окружающим. Но так ли безумен Дон Кихот? Он изумляет окружающих своей начитанностью и образованностью, он знает несколько иностранных языков, весьма здраво судит обо всем, что попадает ему на глаза. Да и окружающие признают за безумным рыцарем многочисленные таланты и здравомыслие до тех пор, пока речь не заходит о рыцарских романах.

Кем же на самом деле является Дон Кихот? Многочисленные работы, посвященные этому образу, изобилуют определениями, как то: идеалист, лишний человек, глупец, гротескный образ рыцаря. Сам же Дон Кихот именует себя исправителем кривды. Весьма любопытное и знаковое определе-

ние, свидетельствующее о том, что сам герой четко видит свое назначение.

В чем же тайна Дон Кихота? Она проста: он скрывается в своем придуманном мире, чтобы избежать разочарований и серости мира реального. Приземленность последнего подчеркнута практичностью Санчо Пансы, который постоянно отрезвляет своего господина, указывая ему на истинное положение вещей. Но Дон Кихот как будто не слышит его. В его фантазиях ветряные мельницы предстают чудовищными великанами, которые должны быть уничтожены. Дон Кихот рассказывает своему оруженосцу о том, что ему предстоит величайшая борьба с силами Зла, которые олицетворяет злой волшебник. Дон Кихот не замечает очевидного даже в том случае, когда раненый падает с крыла мельницы на землю, продолжая утверждать, что полученные раны — результат происков злого волшебника. Аналогично поведение Дон Кихота в эпизоде со львами. Увидев львов в клетках, рыцарь Печального образа вызывает их на бой. Львы, естественно, не могли принять участие в поединке просто потому, что были заперты. Но Дон Кихот уверен, что они не вышли потому, что испугались его, а ведь, согласно рыцарскому кодексу, если один из участников поединка не является на бой, позор поражения ложится на него, а лавры победителя достаются его сопернику.

Многочисленные критические работы и статьи, посвященные образу Дон Кихота, рассматривают эпизоды злоключений как свидетельство того, что рыцарские идеалы в Испании времен Сервантеса безнадежно устарели. На наш взгляд, эти моменты говорят об ином: честный и наивный идалго живет в своих мечтах, придумав себе другой мир, основанный на честности, порядочности, благородном служении даме. Этот придуманный мир для Дон Кихота так же реален, как и настоящий. В этом и состоит загадка Дон Кихота, как и многих других испанцев, предпочитающих прятаться от унылых будней окружающего мира в придуманном ими самими мире.

Этот аргумент мы можем подкрепить наблюдением Ю. Лотмана [Лотман 1996], который детально исследовал феномен так называемой спрятанной культуры. Суть его исследований сводится к тому, что этнос, подвергшийся завоеванию и длительному сосуществованию с другой, более сильной культурой, даже после обретения независимости воспринимает собственную культуру как скрытую, спрятанную и долгое время не стремится открыть ее миру, подсознательно ощущая опасность от этого действия. В итоге видимая всем культура подсознательно воспринимается этносом как культура чужая, культура завоевателей. Своя же собственная спрятана — сознательно спрятана — либо в далеком прошлом, либо в фольклорных (чаще сказочных) жанрах. Отсюда любовь испанцев — да и других этносов, переживших подобный опыт в своей истории, — к историческим и сказочным жанрам. Последние могут пониматься и интерпрети-

роваться широко: здесь не только сказочные каноны, красной нитью проходящие сквозь ряд произведений испанской литературы, но и склонность к мистике (нельзя забывать, что Испания стала родиной поэтов – мистиков в XVI–XVII вв.), удивительным совпадениям, свидетельствующим о божественном вмешательстве в дела земные и тем самым подчеркивающим неагентивность (или неспособность людей брать на себя ответственность за совершенные поступки и бесконечная вера в высшие силы, которые должны это сделать за них).

Архетип безумца демонстрирует еще одну отличительную особенность испанского менталитета, сопряженного с наличием двоемирия в испанском сознании – а именно: жизнь есть сон. Одноименное заглавие пьесы Кальдерона как нельзя лучше иллюстрирует эту черту испанской картины мира, склонной рассматривать мир реальный как иллюзорный, а иллюзорный – наделять чертами реального.

Архетип безумия и скрытая в нем вера в двоемирие становятся визитной карточкой испанской литературы на протяжении нескольких столетий и особенно ярко проявляют себя в периоды кризисного состояния общества, когда этнос как никогда нуждается в психологической защите от угроз внешнего мира и выводит на поверхность скрытые механизмы защиты, выработанные столетиями. Обратившись к истории Испании, мы можем увидеть два крупных периода, когда были задействованы подобные механизмы психологической защиты: конец XVII и конец XIX столетий. В эти годы Испания пережила крушение имперских идеалов: в конце XVII столетия государство потеряло статус великой державы, уступив его Англии; в конце XIX века Испания проиграла шестидневную войну США и потеряла последнюю колонию – Кубу. Однако в культурном плане эти периоды стали годами расцвета искусства и литературы, породив барокко и сюрреализм соответственно, на долгие годы заставившие говорить о себе искусствоведов и филологов. Даже неискушенный взгляд отметит схожесть этих течений: мозаичная картина мира, сложность метафор, агрессивный уход в бессознательное, культ ассоциаций, создающий многомерную во времени и пространстве картину мира; серия образов, граничащих с мистикой и безумием. Бальтасар Грасиан, разрабатывая теорию остроумия, делает вывод, что доминирующим началом в искусстве является не дискурсивное (т. е. рассудительное, рассуждающее), а ассоциативное. Художественное произведение не подчиняется и не должно подчиняться правилам логики, напротив, оно очень близко подходит к тому, что называется безумным [Грасиан 1981].

В том же ключе трактовали свою манеру письма сюрреалисты. Сальвадор Дали – один из крупнейших сюрреалистов Испании – охарактеризовал свое видение мира следующим образом: «Стихийный метод сознательной иррациональности, которая базируется на систематизированной и крити-

ческой объективизации проявлений безумия» (Дали) [Кругликов 2011]. Подобные высказывания были характерны для других представителей сюрреализма: Бунюэля, Ж. Миро, Х. Ларреа, Х.М. Инохоса, О. Домингеса, Рамон Маринельо, Р. Варо.

Даже сегодня, обратившись к произведениям современных испанских авторов, мы видим, что этот архетип так или иначе проявляет себя. Так, в трилогии Феликса Пальмы «Карта неба», «Карта времени» и «Карта хаоса», ставшей лауреатом многочисленных национальных премий, герои путешествуют во времени, и Герберт Уэллс – персонаж книги – в одном из разговоров с другими персонажами (к слову, несколько из них страдают расстройством психики) сообщает как само собой разумеющееся, что наряду с нашим миром существуют параллельные вселенные, где все люди проживают иной сценарий своей жизни.

В романе Карлоса Руиса Сафонья (также лауреата многочисленных национальных премий) «Тень ветра», «Игра ангела», «Дворец полуночи», «Сентябрьские огни» и других сюжеты построены на сложных мистических переплетениях, основанных на общении с обитателями из иных миров, предлагающих главным героям другими глазами посмотреть на все происходящее с ними.

### Заключение

Суммируя все сказанное выше, мы можем с высокой степенью утверждать, что архетип безумия и коррелирующая с ним тема двоемирия и иллюзорности настоящего мира является частью центральной зоны культуры испанцев и обуславливает константный блок многоуровневого конструкта, именуемого картиной мира.

### Библиографический список

- Баткин Л.М. Тип культуры как историческая целостность // Вопросы философии. 1966. № 9. С. 99–109.
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 272 с.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2017. 288 с.
- Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; ЭКСМО, 2008. 544 с.
- Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1981. 632 с.
- Дерига Е.С. Сущность и структура этнической картины мира в контексте конструирования социальной реальности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2008.
- Зверев О.В. Этническая картина мира как выражение менталитета этноса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 105–108. URL: <http://files.mgik.org/Vestnik/2011/2011-4/2011%20-%204%20-%20105.pdf>.

Зейферт Е.И. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX – начала XXI в. Германия, Лаге: BMV Verlag Robert Burau, 2009. 534 с.

Кругликов В. Сюрреализм. Протокольное свидетельство о психической жизни на больших глубинах. 2011. URL: <https://adindex.ru/publication/gallery/2011/08/22/70556.phtml> (дата обращения: 11.06.2018).

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

Сиповский В.В. Из истории русского романа и повести. М.: Книга по требованию, 2011. 370 с.

Тюпа В.И. Архитектоника коммуникативного события (к первоосновам коммуникативной дидактики) // Дискурс. 1996. № 1. С. 1–18. URL: [http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse1\\_6.htm](http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm)

Унамуно Мигель де. О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1996. 416 с.

Фуко Мишель Поль. История безумия в классическую эпоху / пер. И.К. Стаф. СПб.: Унив. кн., 1997. 576 с.

Шпенглер О. Закат Европы. М.: ЭКСМО, 2006. 800 с.

## References

Batkin L.M. *Tip kul'tury kak istoricheskaja tselostnost'* [Type of culture as a historical entity]. *Voprosy filosofii*, 1966, no. 9, pp. 99–109 [in Russian].

Wierzbicka A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i grammatiki* [Comparison of cultures through vocabulary and grammar]. М.: Языки славянской культуры, 2001, 272 p. [in Russian].

Wittgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. М.: Канон+, 2017, 288 p. [in Russian].

Gachev G.D. *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of the peoples of the world]. М.: Алгоритм, ЕКСМО, 2008, 544 p. [in Russian].

Gracian B. *Karmannyi orakul. Kritikon* [The Art of Worldly Wisdom. The Critic]. М.: Nauka, 1981, 632 p. [in Russian].

Deriga E.S. *Sushchnost' i struktura etnicheskoi kartiny mira v kontekste konstruirovaniia sotsial'noi real'nosti: avtoref. dis. kand. filos. nauk* [Essence and structure of the ethnic picture of the world in the context of construction of social reality: author's abstract of Candidate's of Philosophical Sciences thesis]. Tomsk, 2008 [in Russian].

Zverev O.V. *Etnicheskaja kartina mira kak vyrazhenie mentaliteta etnosa* [Ethnic picture of the world as an expression of the ethnos mentality]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [The Bulletin of the Moscow State University of culture and arts], 2011, no. 4, pp. 105–108. Available at: <http://files.mgik.org/Vestnik/2011/2011-4/2011%20-%204%20-%20105.pdf> [in Russian].

Zeifert E.I. *Zhanr i etnicheskaja kartina mira v poezii Rossiiskikh nemtsev vtoroi poloviny XX – nachala XXI v.* [Genre and ethnic picture of the world in the poetry of Russian Germans of the second half of the XX – beginning XXI centuries]. Германия, Лаге: BMV Verlag Robert Burau, 2009, 534 p. [in Russian].

Kruglikov V. *Siurrealizm. Protokol'noe svidetel'stvo o psikhicheskoi zhizni na bol'shikh glubinakh* [Surrealism. Protocol Certificate of Mental Life at Great Depths]. 2011. Available at: <https://adindex.ru/publication/gallery/2011/08/22/70556.phtml> (accessed 11.06.2018) [in Russian].

Lotman Yu.M. *Vnutri mysliaščikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoria* [Inside the thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. М.: Shkola «Языки русской культуры», 1966, 464 p. [in Russian].

Sipovsky V.V. *Iz istorii russkogo romana i povesti* [From the history of the Russian novel and story]. М.: Книга по требованию, 2011, 370 p. [in Russian].

Tyupa V.I. *Arkhitektonika kommunikativnogo sobytia (k первоosnovam kommunikativnoi didaktiki)* [Architectonics of a communicative event (on the fundamental principles of communicative didactics)]. *Diskurs* [Discourse], 1996, no. 1, pp. 1–18. Available at: [http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse1\\_6.htm](http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse1_6.htm) [in Russian].

Miguel de Unamuno. *O tragicheskom chuvstve zhizni* [The Tragic Sense of Life]. М.: Символ, 1996, 416 p. [in Russian].

Foucault Paul-Michel. *Istoriia bezumii v klassicheskuiu epokhu* [History of Madness in the Classical Age [transl. by I.K. Staf]. СПб.: Univ. kn., 1997, 576 p. [in Russian].

Spengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. М.: ЕКСМО, 2006, 800 p. [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-102-108  
УДК 82 – 312.9

Дата поступления статьи: 26/VII/2018  
Дата принятия статьи: 28/VIII/2018

**Е.А. Сафрон, М.В. Лукашевич**

### **«ДОРОГА ШАМАНА»: МОТИВ СНА-ПУТЕШЕСТВИЯ В ПОВЕСТЯХ М. ФРАЯ**

© Сафрон Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики, институт филологии, Петрозаводский государственный университет, 185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

**E-mail:** 00inane@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-7752-3403>

© Лукашевич Мария Васильевна – преподаватель кафедры германской филологии и скандинавистики, институт филологии, Петрозаводский государственный университет, 185910, Российская Федерация, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

**E-mail:** m.pivoyeva@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-5400-3539>

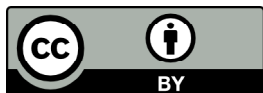
#### **АННОТАЦИЯ**

В статье с помощью мотивного анализа, мифологического и «метафизического» методов (по терминологии А. Бегена) рассматривается онейросфера в повестях М. Фрая. Актуальность темы обусловлена еще слабой изученностью как самого творчества М. Фрая, так и жанра фэнтези в принципе. Новизна подхода М. Фрая к изображению онейросферы заключается в том, что переживаемое героями состояние сна рассматривается не как пассивное созерцание, а как способ активного преобразования личностей героев и мира, в котором они живут. Мотив сна-путешествия отражает разные этапы шаманского опыта главного героя и его ближайшего окружения. Сон, переживаемый героями, оценивается также с позиции мифологического сознания, носителем которого является шаман. Путешествие во сне может осуществляться как в иную географическую точку, так и в другой мир. Мотив сна-путешествия может носить креативный характер: герои, видящие во сне новые миры, могут воплощать подобные сны в реальность. Главный герой повестей, сэр Макс, с помощью путешествий во сне проходит очередные этапы инициации, овладевая новыми магическими умениями, в частности, спонтанно овладевает умением с помощью сна переносить других людей в иные точки пространства. Подобно шаману, Макс переживает во сне угрозу распада личности: на него оказывают давление иные миры, пытаются заманить его к себе и уничтожить его нынешнее «Я» в пользу некоего гипотетического будущего нового «Я».

Второстепенные персонажи чаще выполняют функции волшебных помощников главного героя: духов-помощников, животных-тотемов, волшебных дарителей, которые не только оберегают его нынешнюю личность от распада, но и создают ему максимально комфортные условия для дальнейшего саморазвития.

**Ключевые слова:** сон, путешествие, онейросфера, мотив, шаман, инициация, фэнтези, дух.

**Цитирование.** Сафрон Е.А., Лукашевич М.В. «Дорога шамана»: мотив сна-путешествия в повестях М. Фрая // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 102–108. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-102-108>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

E.A. Safron, M.V. Lukashevich

«SHAMAN ROAD»: THE MOTIVE OF DREAM-TRAVEL IN THE NOVELS BY M. FREI

© Safron Elena Aleksandrovna – Candidate of Philological Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of German Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University, 33, Lenina Street, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation.

E-mail: 00inane@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7752-3403>

© Lukashevich Maria Vasilievna – lecturer at the Department of Germanic Philology and Scandinavian Studies, Institute of Philology, Petrozavodsk State University, 33, Lenina Street, Petrozavodsk, 185910, Republic of Karelia, Russian Federation.

E-mail: m.pivoyeva@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5400-3539>

ABSTRACT

The article studies the role of the oneirosphere in the stories written by M. Frei by means of motive analysis, mythological and metaphysical method (the term by A. Béguin). The relevance of the topic is due to the low popularity of both M. Frei's creativity, and the genre of fantasy itself among contemporary researchers. The novelty of the approach of M. Frei's image of the oneirosphere is that the state of sleep experienced by the heroes is viewed not as passive contemplation, but as a way of actively transforming the personalities of the heroes and the world which they live in. The motive of dream-travel reflects different stages of the shaman's experience of the protagonist and the characters close to him. The authors also assess the dream experienced by the heroes from the point of view of the mythological consciousness, which shaman has. The characters who travel in a dream can transfer themselves not only to another geographical point but also to another world. The motive of dream-travel can have a creative nature: heroes who see some new worlds while sleeping can embody such dreams in reality. The main hero of the stories, Sir Max, uses travel in a dream in order to pass through the next stage of initiation: he receives new magical skills. In particular, when he sleeps he spontaneously receives the ability to transfer other people to other points of space. Like a shaman, Max experiences a threat of disintegration of personality in a dream: he is pressured by other worlds, trying to lure him into them and destroy his present individual self in favor of some hypothetical future of the new self.

Secondary characters most often perform the functions of magical assistants of the protagonist: spirits-helpers, totem animals, magical donors who not only protect his current personality from disintegration, but also create the most comfortable conditions for further self-development.

**Key words:** dream, journey, oneirosphere, motive, shaman, initiation, fantasy, spirit.

**Citation.** Safron E.A., Lukashevich M.V. «Doroga shamana»: motiv sna-puteshestviia v povestiakh M. Fraia [«Shaman road»: the motive of dream-travel in the novels by M. Frei]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 102–108. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-102-108>.

Введение

Онейросфера (измененные состояния сознания, противоположные реальности яви) [Нагорная 2006, с. 3; Панкратова 2015, с. 57] – неотъемлемый компонент произведений многих писателей: Ф.М. Достоевского, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, В.М. Шукшина и др. [Чепорнюк 2007]. Не обходят ее вниманием и современные авторы, в частности М. Фрай (псевдоним Светланы Юрьевны Мартынчик, первоначально сотрудничавшей с художником Игорем Викторовичем Степиным), затрагивающий эту проблему в фэнтезийном цикле, посвященном городу Ехо, что отмечалось в статье «Онейросфера как аспект поэтики повестей М. Фрая» [Сафрон 2018].

Методы

В статье используется мотивный анализ. Также отметим, что один из подходов к изучению оней-

росферы в литературе допускает существование семантической близости сна и мифа, что позволяет анализировать «структуру сновидения и структуру мифа не только как поэтические формы, но и структуры сознания» [Савельева 2013, с. 17]. В связи с тем, что материалом исследования послужили повести, написанные в жанре фэнтези, а поэтика фэнтези генетически обусловлена мифом [Неелов 2007, с. 89; Кулакова 2010, с. 111], данный подход вполне применим, и мотив литературного текста сопоставляется с мифологическим мотивом.

За основу также будет взят «метафизический» метод, который, по мнению швейцарского исследователя А. Бегена, направлен на то, чтобы выяснить, какая реальность создается в тексте, «космическая, божественная или просто иллюзорная» [Béguin 1937, с. 27]. Благодаря этому методу выявляется роль мотива сна-путешествия в процессе формирования художественной реальности, в ко-



торой живут герои М. Фрая. Мы следуем за Е.Г. Чернышевой, которая считает, что в фантастическом тексте сон может актуализировать архетипическое и обретать символическое наполнение, становиться формой неомифологии; служить интертекстуальным кодом; функционировать в качестве каркаса миромоделирования» [Чернышева 2000, с. 28–29].

#### Мотив сна-путешествия в повестях М. Фрая

В контексте онирических мотивов, использованных автором, особое внимание обращает на себя распространенный мотив сна-путешествия: сны нередко используются автором как прием перемещения главного героя, мага сэра Макса, и его ближайших соратников в другое место. Причем сам жанр повестей определяет тот факт, что перед нами не просто путешествие, которое лишь снится героям, но реальный перенос в иную точку пространства. Согласно нашей гипотезе, различные воплощения мотива сна-путешествия в указанных повестях есть творческая интерпретация (вольная или невольная) традиции шаманизма, согласно которой индивид, относящий себя к данной сфере деятельности, непременно должен видеть сны особого (мифологического) содержания [Элиаде 2000, с. 14], в том числе связанные с перемещениями за границы известной нам реальности: «видение» духа во сне или наяву является неоспоримым признаком достижения определенного «духовного состояния», т. е. приметой преодоления состояния простого смертного [Элиаде 2000, с. 52]. Шаман является носителем мифологического мировоззрения, поэтому мы будем рассматривать сны-путешествия в произведениях М. Фрая именно через призму мифологического сознания.

По словам Т.И. Борко, «ядром шаманских воззрений является идея о путешествии шамана по всем мирам Вселенной» [Борко 2004, с. 41], причем индивиду, отказывающемуся следовать зову иных миров, грозит безумие [Штернберг 1936, с. 142]. Именно такие путешествия во сне ожидают главного героя анализируемых повестей: «Ты будешь сладко спать, а я... Я буду петь тебе колыбельную. <...> Если уж Коридор между Мирами положил на тебя глаз, он от тебя не отстанет. Тут только один выход: отправиться туда с хорошим проводником. Ты пройдешь этот фантастический лабиринт, заглянешь во все Двери, увидишь миры, которые за ними скрываются, научишься различать их по запаху и свету. Словом, в твоём распоряжении окажется карта. И когда Коридор между Мирами снова призовет тебя, ты будешь не несчастной жертвой, а веселым путешественником, который сам выбирает, куда ему идти, и сам решает, когда он должен вернуться» (Фрай 2017а, Волонтеры вечности, с. 162–163).

В.М. Кулемзин выделяет признаки, позволяющие определить шамана:

– он избран непосредственно самими духами, поэтому может с ними общаться;

– может погружаться в экстатическое состояние;

– обладает особыми атрибутами, наличие которых свидетельствует о его конкретном уровне магической силы [Кулемзин 1976, с. 52].

Мы полагаем, что главный герой повестей М. Фрая о мире Ехо обладает всеми вышеперечисленными признаками, а путешествие во сне является для него основным способом достижения очередного уровня силы. В семантике мотива сна-путешествия мы видим инициацию, трудности которой, по мнению В.Я. Проппа, должны создать у испытуемого веру в собственную смерть с последующим воскрешением в новом качестве благодаря магическим способностям, полученным в «царстве мертвых» [Пропп 2000, с. 33–35].

Чаще всего перемещение во сне в повестях М. Фрая происходит в другой мир. Подобное путешествие образует завязку сюжета цикла повестей о сэре Максе, что во сне «встретил своего будущего босса, который искал парня, предпочитающего ночной образ жизни. Так я оказался на максимально возможном расстоянии от дома и получил максимально соответствующую моим способностям и амбициям должность: стал Ночным Лицом Почтеннейшего Начальника Малого Тайного Сыскающего войска города Ехо сэра Джуффина Халли» (Фрай 2017б, Чужак, с. 11). «Избранничество» героя на роль шамана обусловлено его смещением суточной активности (ночной образ жизни) и фактом получения работы в подразделении могущественного мага.

Обратим внимание, что в первый раз путешествие во сне случается с главным героем без его волеизъявления, однако далее он учится превращать случайный поступок в стабильное умение. Так, в повести «Волонтеры вечности» Макса посещает неудержимое желание побывать в своем родном мире Земли. Для этого он засыпает в своей спальне в старой квартире (которая традиционно является для него отправным пунктом для путешествий между мирами) и просыпается на диване в своем доме в нашем мире: «Я заснул в своей зачарованной спальне в доме на улице Старых Монеток, а потом сразу же проснулся <...> в убогой конуре, которую считал своим домом, в полной уверенности, что два года моей жизни в Ехо были всего лишь прекрасным сном, который и вспомнить-то трудно» (Фрай 2018в, Простые волшебные вещи, с. 142). В последующих же повестях герой с помощью своего наставника сэра Джуффина Халли превращает сон-путешествие в рабочую миссию:

«[Джуффин инструктирует Макса] ...ты должен улечься на свое любимое место и заснуть – как всегда, когда ты собираешься сунуться в Коридор между Мирами <...> Когда окажешься в Коридоре, разыщи Дверь в тот самый мир с пляжами, который снится вам с Шурфом, и спокойно туда отправляйся» (Фрай 2018в, Простые волшебные вещи, с. 124).

Видящий сон может не только сам перемещаться, но и перемещать кого-то другого. Так, сэр Макс

невольно вызывает с помощью сна свою возлюбленную, леди Меламори. Первоначально оба героя спят в своих спальнях в разных концах города Ехо. Макс же начинают сниться сны эротического содержания с участием девушки, а потом она и правда внезапно оказывается в его спальне:

«Меламори появилась в оконном проеме <...> и уселась рядом со мной. Я поднял руку и попытался обнять свое сновидение. Оно не возражало» (Фрай 2017б, Чужак, с. 425–426).

Образ девушки в данном эпизоде сближается со средневековым фольклорным образом суккуба («Мой сладкий сон снова был со мной. Меламори появилась в оконном проеме» (Фрай 2017б, Чужак, с. 425), — демона в женском облики, согласно средневековым представлениям, вызывавшего у мужчин сладострастные сны [Махов 2006, с. 208–213]).

Совершающий путешествие во сне может изменять свой облик. К примеру, в повести «Гугландские топи» Меламори прилетает к Макс, тонущему в болоте, во сне в образе птицы буривуха: «— Хочешь сказать, в этом прекрасном Мире есть великое множество женщин, готовых прилететь с края земли, чтобы вытащить тебя из болота? — насмешливо спросила птица. — Между прочим, добраться сюда из Арвароха очень трудно — даже во сне» (Фрай 2018а, Власть несбывшегося, с. 353). Полет во сне в образе птицы — мотив, снова отсылающий нас к шаманской традиции. Как замечает М. Элиаде, шаман всегда имеет помощников из мира духов, большинство которых предстает в зооморфном облике [Элиаде 2000, с. 54].

В этом эпизоде Меламори выполняет функции духа-покровительницы шамана, «небесной супруги», помогающей ему во время экстатического переживания и имеющей с ним сексуальные отношения [Элиаде 2000, с. 50] (об эротической связи между персонажами мы уже писали выше). Половой контакт шамана с представительницей мира духов подчеркивает его силу и избранничество [Штернберг 1936, с. 141, 145–146], приравнивает его к первоначальному, вступающему в брачные отношения с божеством.

Меламори, превращаясь обратно в женщину, подчеркивает, что для путешествия к Макс в другой мир ей нужно было пройти испытание: «— Прежде, чем толковать о бессмертии, предложи даме пожать, — усмехнулась Меламори, спрыгивая с подоконника. — Я дюжину дней постилась, пытаюсь увидеть этот сон» (Фрай 2018б, Лабиринт Мёнина, с. 414). Подобные аскетические процедуры в культуре шаманизма ориентированы на то, «чтобы душа посвящаемого, находившегося в полубморочном состоянии, вселялась в какого-либо зверя» [Борко 2012, с. 18]. Вместе с тем и тот факт, что Меламори является по отношению к Макс второстепенным персонажем, его двойником, указывает нам на то, что сама она не берет на себя роль ведущего шамана, а только помощника (в образе человека или в образе птицы), подобно тому,

как, к примеру, саамская женщина, участвуя в сеансе нойда, своим йойком (ритуальным пением) помогает находящемуся в состоянии транса шаману не потерять свое сознание в путешествии за границами реальности [Mebius 2007, S. 210]. Здесь также уместно вспомнить Хугина и Мунина — воронов, сопровождающих Одина. Согласно гипотезе Г. Бедненко, вороны — это метафоры сознания и памяти бога-шамана. Подтверждение этому исследовательница находит в стихах «Старшей Эдды»:

*Хугин и Муни*

*над миром все время*

*летают без устал;*

*мне за Хугина страшно,*

*страшней за Мунина, —*

*вернутся ли вороны!* (Старшая Эдда 2001, с. 87).

Г. Бедненко полагает, что в этих строках описывается страх шамана, сознание которого путешествует между мирами, лишиться рассудка и навсегда заблудиться в коридорах собственного сознания<sup>1</sup>. Обратим внимание на то, что в цитируемом тексте автором делается акцент на то, что перед нами не сова, а буривах — представитель рода священных птиц материка Арварох, добровольно согласившихся работать секретарями в архиве города Ехо. Здесь М. Фрай в постмодернистском, несколько шутовском ключе выражает квинтэссенцию идеи культуры шаманизма — сакральное существо, представитель потустороннего мира становится помощником представителя мира профанного по принуждению либо по собственной воле, когда ожидающий помощи является избранным, уникальным репрезентантом своего рода.

В повести «Простые волшебные вещи» сон снова выступает как условие перемещения: Макс, положив во сне голову на подушку своей возлюбленной, неожиданно оказывается в другом мире: «Мне приснилось, что я поднимаюсь по пологому склону холма <...> Под ногами сухо похрустывала выгоревшая на солнце невысокая трава...» (Простые волшебные вещи, с. 233). Реальность этого места Макс осознает, когда, проснувшись, смотрит на свои руки: «На ладонях розовели свежие царапины. Я только что заработал их во сне, пытаюсь вцепиться в колючие сухие пучки травы. При этом царапины были самые настоящие» (Фрай 2018в, Простые волшебные вещи, с. 241).

Этот мир является плодом материализованного воображения человека. «— ...это не мой сон. — Конечно, не твой, — согласился неизвестный собеседник. — И не мой. И вообще, не сон, а так — пустая фантазия одной одинокой мечтательницы. Но здесь вполне можно жить» (Фрай 2018в, Простые волшебные вещи, с. 234).

Здесь Макс встречает колдуна, который рассказывает, что этот мир «родился из юношеских фантазий одной сумасшедшей <...> Во Вселенной много Миров, которые рождаются из чьих-нибудь грез» (Фрай 2018в, Простые волшебные вещи, с. 238). Можно предположить, что создательницей этого мира и была возлюбленная героя.

Совершаемое во сне путешествие может одновременно быть и творческим актом [Сафрон 2018, с. 231]. Например, в повести «Путешествие в Кеттари» сэру Максусу снится город с канатной дорогой и разбитым в его окрестностях парком, а потом герой каким-то непостижимым для профанного мышления образом создает его внутри художественной реальности мира Ехо:

«Ты не дурак стряпать Миры, парень! Хотелось бы мне проделывать это с такой же легкостью. Правда, ты не слишком соображал, что творил, поэтому лишился львиной доли удовольствия <...> Раньше Кеттари окружала пустота, а теперь по соседству с нами вырос чудесный город» (Фрай 2017б, Чужак, с. 582–583). Макс вовлекает в свои сновидения своего друга и коллегу, сэра Шурфа Лонли-Локли, т. е. сны героя становятся неким проявлением коллективного бессознательного («...мы путешествовали по каким-то удивительным местам из твоих сновидений» (Фрай 1999, Темная сторона, с. 13). В «Тени Гугимагона» Лонли-Локли оказывается в мире сновидений Макса уже без помощи последнего. Очевидно, что главный герой обладает столь сильным психологическим влиянием на свое окружение, что может, даже невольно, управлять его сознанием. Герой, как и любой шаман, периодически переживает периоды психической нестабильности [Штернберг 1936, с. 141] (Так, в языке айнов шаман называется «кимра» или «ируска», что буквально означает «одержимые», «находящиеся в невменяемом состоянии») [Спеваковский 1988, с. 165], поэтому его погруженная в сон незащищенная личность стремится к распаду<sup>2</sup>. К примеру, в повести «Магахонские лисы» Макс лишается подаренного ему амулета (головной повязки Великого Магистра Ордена Потаенной Травы) и, засыпая, начинает исчезать, проваливаясь в коридор между мирами, т. е. видит, по терминологии М.М. Бахтина, «кризисный сон» [Бахтин 1979, с. 171]: «На этот раз сон завел меня далеко — дальше некуда. Мне приснилось, что я оказался в совершенно пустом месте <...> Это невозможно ни описать, ни объяснить, но там действительно ничего не было — ни пространства, ни времени, ни света, ни тьмы, ни верха, ни низа, ни земного притяжения, ни невесомости. По крайней мере, присутствовать там вовсе не означало быть. Скорее уж, наоборот. <...> Отсюда можно было попасть куда угодно. <...> В любой из миров, обитаемых и необитаемых — их, к моему изумлению, оказалось бесконечное множество. <...> Здесь не было ничего, кроме этих грешных Дверей между Мирами. И все они были распахнуты настежь — добро пожаловать» (Фрай 2017а, Волонтеры вечности, с. 155).

Мотив сна-путешествия может быть элементом микросюжета о поисках души в потустороннем мире. Говоря словами Т.И. Борко, «шаман идентифицируется с охотником — добытчиком душ» [Борко 2004, с. 34]. В повести «Корабль из Арвароха и другие неприятности» эту функцию берет

на себя сэра Джуффин, начальник главного героя: Макса случайно травит его возлюбленная, поэтому Джуффин погружается в сон, чтобы найти для Макса новое сердце для него и вернуть его к жизни. «Он спит, Макс, — объяснила Теххи. <...> — Спит с открытыми глазами, так бывает. Я же сказала, он пошел искать твое второе сердце» (Фрай 2017а, Волонтеры вечности, с. 303); «Джуффин сказал, что идет искать твою Тень, чтобы взять у нее для тебя сердце. <...> А потом он сел в кресло и замер» (Фрай 2017а, Волонтеры вечности, с. 304).

В повести «Белые камни Харумбы» престарелый магистр Нуфлин Мони Мах обманом (обещанием обретения могущества и защиты) вынуждает Макса строить вокруг себя воображаемую белую кирпичную стену в пограничном состоянии между сном и явью. Стена оказывается ловушкой для Макса: во сне он через эту стену перемещается в тело магистра, а тот забирает себе тело своего молодого оппонента: «...я спал, и мне снилось, что я — глубокий старик, все еще живой лишь потому, что у него не осталось сил даже на то, чтобы немедленно умереть» (Фрай 2018б, Лабиринт Мёнина, с. 67). От опасного сна героя пробуждает только особый амулет — меч короля Мёнина.

Данную ситуацию можно интерпретировать через ритуальную смерть шамана — герой переживает во сне собственную гибель, чтобы, проснувшись, возродиться в новом статусе.

В снах-путешествиях по другим мирам герой переживает частичную потерю памяти, ведущую к утрате самоидентичности: «Полночи я блаженно шатался по каким-то сладчайшим снам, не очень-то соображая, кто я, собственно, такой и зачем сюда приперся. Но стоило мне оказаться на пустынном песчаном пляже, смутно знакомом мне еще по снам моего полузабытого детства, как я начал вспоминать о себе бодрствующем. <...> Но на этот раз память возвращалась ко мне *мучительно*, словно я пытался вспомнить, что успел натворить, пока был смертельно пьян... (курсив наш. — Е.С., М.Л.)» (Фрай 1999, Темная сторона, с. 26). Перед нами испытание, которое, по словам А. ван Геннепа, «состоит в ослаблении тела и духа <...> с целью изгладить в сознании [инициируемого] всякое воспоминание о его [прошлой] жизни» [Геннеп 1999, с. 73], после мучительного прохождения которого герой приобретает новый статус в мире магии.

### Выводы

В результате проделанной работы мы приходим к выводу, что сны героев М. Фрая — это попытка упорядочивания знаний о себе, попытка самопознания и определения своего места в мире. Главные вопросы, которые задает себе сам сэра Макс на протяжении разных повестей цикла «Лабиринты Ехо»: кто я? где мой дом? чего я хочу? (где я хочу быть?) С точки зрения проблемы самоопределения превращение леди Меламори в бузивуха вполне закономерно: тотемная птица жителей материка Арвароха, чей облик принимает женщина, является не-

которой формой ее собственного «Я». По словам Т.И. Борко, «такая имитация [внешнего вида и поведения животного] составила один из основных процессов, обеспечивающих возникновение сознания как такового» [Борко 2012, с. 18].

С помощью снов герой постоянно пробует себя «на прочность», расширяет границы своих и чужих способностей, границы собственного сознания. Данная концепция совпадает с видением Т.И. Борко, которая полагает, что шаман проходит путь в глубины своего разума, но возникающие при этом ощущения описывает на основе архетипических моделей, превращая этот опыт во всеобщий. Аналогично и в произведениях М. Фрая, фантастика которых обусловлена выбранным автором жанром, сон для героя воплощает не мысленное перенесение в иное место, но вполне реальное, а семантику «пути» составляют традиционные архетипические модели зверя или духа-помощника, волшебных амулетов, и т. п.

Многочисленное окружение главного героя – друзья, возлюбленные, коллеги, начальство, помогающее Максиму в сложных ситуациях, в литературе фэнтези традиционно интерпретируемые в качестве трансформации образов волшебных помощников, в данной ситуации вызывают ассоциации с духами-помощниками, о которых «шаман после озарения должен сам позаботиться; они прибывают по собственной воле, если неопит этого заслуживает» [Элиаде 2000, с. 54].

Все персонажи М. Фрая с помощью снов создают свою собственную вселенную, т. е. сны делают условную реальность художественного текста максимально мобильной, открытой для изменений как по воле автора, так и его героев.

### Примечания

<sup>1</sup> Бедненко Г. Один (Вотан, Водан). URL: <http://runes.indeep.ru/mythology/odin.html> (дата обращения: 18.07.2018).

<sup>2</sup> Особо отметим, что мы сознательно не вступаем в дискуссии по поводу природы шаманского дара, т. к. это не является целью нашей работы.

### Источники фактического материала

- Старшая Эдда. СПб.: Азбука-классика, 2001. 464 с.  
 Фрай М. Власть несбывшегося. М.: АСТ, 2018а. 383 с.  
 Фрай М. Волонтеры вечности. М.: АСТ, 2017а. 640 с.  
 Фрай М. Лабиринт Мёнины. М.: АСТ, 2018б. 416 с.  
 Фрай М. Простые волшебные вещи. М.: АСТ, 2018в. 352 с.  
 Фрай М. Темная сторона СПб.: Азбука: Терра, 1999. 352 с.  
 Фрай М. Чужак. М.: АСТ, 2017. 752 с.

### Библиографический список

- Béguin A. L'âme romantique et le rêve: essai sur le romantisme allemand et la poésie française: en 2 vol. Vol. 1. Marseille: Editions des Cahiers du Sud, 1937. 300 p.  
 Mebius H. BISSIE – studier i samisk religionshistoria. Östersund: Jengel – Förlaget för Jemtlandica, 2007. 247 s.  
 Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. 318 с.  
 Борко Т.И. Мотивационная семантика в структуре архетипного сознания (на примере исследования мифологии «превращения» в зверя в шаманизме) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2012. № 6 (265). С. 18–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17715255>.  
 Борко Т.И. Шаманизм: от архаических верований к религиозному культу / Рос. филос. об-во и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. 152 с.  
 Геннеп А. ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. 198 с.  
 Кулакова О.К. Авторское мифотворчество в жанре фэнтези // Вестник ИГЛУ. 2010. № 1. С. 111–125. URL: [http://www.islu.ru/files/rar/2011/vs/vest\\_2010\\_1.pdf](http://www.islu.ru/files/rar/2011/vs/vest_2010_1.pdf).  
 Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – начало XX в.) // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. С. 3–154.  
 Махов А.Е. Инкубы и суккубы // HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. М.: Intrada, 2006. С. 208–213.  
 Нагорная Н.А. Онейросфера в русской прозе XX века. Модернизм, постмодернизм. М.: МАКС Пресс, 2006. 258, [1] с.  
 Неелов Е.М., Лопуха А.О. Рассказ А.С. Грина «Крысолов»: опыт прочтения // Художественный текст: опыты интерпретации: сб. науч. ст.: к 75-летию Карельского государственного педагогического университета. Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2007. С. 87–109.  
 Панкратова М.Н. Проблема взаимодействия онирической мотивемы и постмодернистского логоцентризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 56–58. URL: <http://online-science.ru/userfiles/file/awb0qg5hfmlh40gpls0hz2369yfxuozh.pdf>.  
 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.  
 Савельева В.В. Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей. Алматы: Жазуши, 2013. 520 с.  
 Сафрон Е.А. Онейросфера как аспект поэтики повестей М. Фрая // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 226–235. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00029>.  
 Спеваковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айском обществе). М.: ГВРЛ, 1988. 208 с.  
 Чепорнюк Е.Н. Сны и видения как формы субъективного времени в романах В. М. Шукшина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова 2007. № 2. URL: <http://www.host2k.ru/library/sni-i-videniya-kak-formi-subektivnogo-vremeni-v-romanah-shukshina.html> (дата обращения: 27.06.2018).

Чернышева Е.Г. Проблемы поэтики русской фантастической прозы 20–40-х годов XIX века. М.: Прометей, 2000. 143 с.

Штернберг Л.Я. Избранничество в религии // Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1936. С. 140–178.

Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.

## References

Béguin A. L'âme romantique et le rêve: essai sur le romantisme allemand et la poésie française: en 2 vol. Vol. 1. Marseille: Editions des Cahiers du Sud, 1937, 300 p. [in French].

Mebius H. BISSIE – studier i samisk religionshistoria. Östersund: Jengel – Förlaget för Jemtlandica.

Bahtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [The problems of Dostoevsky's poetics]. M.: Sovetskaia Rossiia, 1979, 318 p. [in Russian].

Borko T.I. *Motivatsionnaia semantika v strukture arkhetypnogo soznaniia (na primere issledovaniia mifologii «prevrashcheniia» v zveria v shamanizme)* [Motivational semantics in the structure of consciousness archetypal (illustrated study mythology «transformations» in the beast in shamanism)]. *Vestnik IuUrGU. Serii: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State State University. Series «Psychology»], 2012, no 6 (265), pp. 18–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17715255> [in Russian].

Borko T.I. *Shamanizm: ot arkhaiskikh verovaniia k religioznomu kul'tu* [Shamanism: from archaic beliefs to religious cult]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2004, 152 p. [in Russian].

Gennep A. van *Obriady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obriadov* [The rites of passage. Systematic study of rituals]. M.: Vostochnaia literatura, 1999, 198 p. [in Russian].

Kulakova O.K. *Avtorskoe mifotvorchestvo v zhanre fentezi* [Author's myth creation within fantasy genre]. *Vestnik IGLU* [The ISLU Philological Review], 2010, no. 1, pp. 111–125. Available at: [http://www.islu.ru/files/rar/2011/vs/vest\\_2010\\_1.pdf](http://www.islu.ru/files/rar/2011/vs/vest_2010_1.pdf) [in Russian].

Kulemzin V.M. *Shamanstvo vasiugansko-vakhovskikh khantov (konets XIX-nachalo XX v.)* [Shamanism of the Vasyugan-Vakov hunts (end of the XIX–beginning of the XX century)]. In: *Iz istorii shamanstva* [From the history of shamanism]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1976, pp. 3–154 [in Russian].

Makhov A.E. *Inkuby i sukkuby* [Inkubi and succubi]. In: *HOSTIS ANTIQUUS: Kategorii i obrazy srednevekovoi khristianskoi demonologii. Opyt slovaria* [HOSTIS ANTIQUUS: Categories and images of the medieval Christian demonology. Experience of a dictionary]. M.: Intradna, 2006, pp. 208–213 [in Russian].

Nagornaya N.A. *Oneirosfera v russkoi proze XX veka. Modernizm, postmodernizm* [Oneirosphere in the Russian

prose of the XX century. Modernism, postmodernism]. M.: MAKS Press, 2006, 258, [1] p. [in Russian].

Neelov E.M., Lopukha A.O. *Rasskaz A.S. Grina «Krysolov»: opyt prochteniia* [The novel «Pied Piper» by A.S. Grin: the experience of reading] In: *Khudozhestvennyi tekst: opyty interpretatsii: sb. nauch. st.: k 75-letiiu Karel'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Artistic text: experiences of interpretation: collection of research papers: on the 75<sup>th</sup> anniversary of the Karelian State Pedagogical University]. Petrozavodsk: Izd-vo KGPU, 2007, pp. 87–109 [in Russian].

Pankratova M.N. *Problema vzaimodeistviia oniricheskoi motifemy i postmodernistskogo logotsentrizma* [The problem of interaction of the oneiric motifeme and postmodern logocentrism]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social–Economic and Social Sciences], 2015, no. 8, pp. 56–58. Available at: <http://online-science.ru/userfiles/file/awb0qg5hfm1h40gpls0hz2369yfxuozh.pdf> [in Russian].

Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical roots of a fairy tale]. M.: Labirint, 2000, 336 p. [in Russian].

Savelieva V.V. *Khudozhestvennaia gipnologiya i oneiro poetika russkikh pisatelei* [Art hypnology and oneiro poetics of Russian writers]. Almaty: Zhazushi, 2013, 520 p. [in Russian].

Safron E.A. *Oneirosfera kak aspekt poetiki povestei M. Fraia* [Oneirosphere as an Element of the Poetics of M. Frei's stories (On the Example of the Collection «The Stranger»)]. *Novyi filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2018, Vol. 2 (45), pp. 226–235. DOI: <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2018-00029> [in Russian].

Spevakovsky A.B. *Dukhi, oborotni, demony i bozhestva ainov (religioznye vozzreniia v traditsionnom ainskom obshchestve)* [Spirits, werewolves, demons, and Ainu deities (religious beliefs in traditional Ainu society)]. M.: GVRL, 1988, 208 p. [in Russian].

Chepornyuk E.N. *Sny i videniia kak formy sub»ektivnogo vremeni v romanakh V. M. Shukshina* [Dreams and visions as forms of subjective time in the novels by V.M. Shukshin]. *Vestnik KGU* [Vestnik KGU], 2007, no 2. Available at: <http://www.host2k.ru/library/sni-i-videniya-kak-formi-subektivnogo-vremeni-v-romanah-shukshina.html> (accessed 27.06.2018) [in Russian].

Chernysheva E.G. *Problemy poetiki russkoi fantasticheskoi prozy 20–40-kh godov XIX veka* [Problems of poetics of Russian fantastic prose of the 20–40-ies of the XIX century]. M.: Prometei, 2000, 143 p. [in Russian].

Shternberg L.Ya. *Izbrannichestvo v religii* [Election in religion]. In: Shternberg L.Ya. *Pervobytnaia religiia v svete etnografii* [Primitive religion in the light of ethnography]. L.: Izd-vo instituta narodov Severa TsIK SSSR, 1936, pp. 140–178 [in Russian].

Eliade M. *Shamanizm: arkhaiskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: archaic techniques of ecstasy]. Kiev: Sofiiia, 2000, 480 p. [in Russian].

А.В. Растягаев, Ю.В. Сложеникина

**О ПЕРВОМ ПЕРЕВОДЕ «МЕТАМОРФОЗ» ОВИДИЯ В ЖУРНАЛЕ  
«ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА» (1759) А.П. СУМАРОКОВА**

© *Растягаев Андрей Викторович* – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

**E-mail:** avr67@yandex.ru. **WoS ID:** B-2465-2014. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4658-1130>

© *Сложеникина Юлия Владимировна* – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций, декан филологического факультета, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

**E-mail:** goldword@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

**АННОТАЦИЯ**

В статье исследуются причины появления первого прозаического перевода отрывка из «Метаморфоз» Овидия в мартовском номере журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела». «Трудолюбивая Пчела» – принципиально новый для XVIII в. тип ежемесячного издания. Это журнал частный, его редакционная политика не зависела ни от правительства, ни от Академической канцелярии. Сумароков издавал его на правах частного предпринимательства в течение одного года, с января по декабрь 1759 года. Мартовская книжка «Трудолюбивой Пчелы» представляет собой, как и две предыдущие, собрание текстов различной жанровой природы. Это проза и стихотворство, оригинальные произведения и переводы. Ни переводческий репертуар, ни язык источника, ни жанр, ни личности переводчиков не могут дать даже намека на причину появления конкретных текстов в начале январского, февральского и мартовского номеров «Трудолюбивой Пчелы».

В статье общепринятая трактовка обращения редакции сумароковского журнала к античным текстам как следование традиции академической журналистики или общекультурного контекста секуляризации подвергается сомнению. Рассматриваются три вероятные причины появления данного отрывка именно в мартовском номере «Трудолюбивой Пчелы». Одна из них – масонская направленность журнала Сумарокова. Вторая – критика внутренней и внешней политики Елизаветы Петровны и ее окружения. Третья – литературная война, объявленная Сумароковым Ломоносову на страницах журнала. Перевод отрывка, сделанный студентом Крамаренковым, стал семантическим ядром всего мартовского номера «Трудолюбивой Пчелы», а миф о Фаэтоне превратился в ключевой элемент мифологии раннего русского масонства.

**Ключевые слова:** «Трудолюбивая Пчела», Сумароков, Овидий, «Метаморфозы», масонство.

**Цитирование.** Растягаев А.В., Сложеникина Ю.В. О первом переводе «Метаморфоз» Овидия в журнале «Трудолюбивая Пчела» (1759) А.П. Сумарокова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.18.287/2542-0445-2018-24-3-109-115>.

**Благодарность.** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00356 А «Журнал А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» (1759) и его значение для русской литературы XVIII века».



DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-109-115  
UDC 82.92

Submitted: 11/VI/2018  
Accepted: 8/VII/2018

A.V. Rastyagaev, Yu.V. Slozhenikina

ABOUT THE FIRST TRANSLATION OF THE «METAMORPHOSES»  
BY OVID IN A.P. SUMAROKOV'S JOURNAL «HARD-WORKING BEE» (1759)

© *Rastyagaev Andrey Viktorovich* – Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of Philology and Mass Communications, Samara branch of Moscow City University, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.

**E-mail:** avr67@yandex.ru. **WoS ID:** B-2465-2014. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4658-1130>

© *Slozhenikina Yulia Vladimirovna* – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Philology and Mass Communications, Samara branch of Moscow City University, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.

**E-mail:** goldword@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

**ABSTRACT**

The article studies the reasons for the appearance of the first prosaic translation of the excerpt from «Metamorphoses» by Ovid in the March issue of the magazine «Hard-Working Bee». The «Hard-Working Bee» is a new type of monthly periodical press for the XVIII century.

This is a private journal, its editorial policy did not depend on the government or the Academic office. Sumarokov published it as a private enterprise for one year, from January to December 1759. March book of «Hard-Working Bee» is, like the previous two, a collection of texts of different genre nature. Prose and poetry, original works and translations were published there. Neither the translation repertoire, nor the language of the source, nor the genre, nor the personality of the translators can give even a hint at the reason for the appearance of specific texts in the early January, February and March issues of the «Hard-Working Bee».

In the article, the generally accepted interpretation of the Sumarokov journal's appeal to the ancient texts as following the tradition of academic journalism or the General cultural context of secularization is questioned. Three probable reasons for the appearance of this passage in the March issue of the «Hard-Working Bee» are considered. One of them is the Masonic orientation of Sumarokov's magazine. The second is criticism of domestic and foreign policy of Empress Elizabeth and her entourage. The third is the literary war declared by Sumarokov against Lomonosov on the pages of the magazine. The translation of the passage, made by the student Kramarenkov, became the semantic core of the whole March issue of the «Hard-Working Bee», and the myth of the Phaeton turned into a key element of the mythology of early Russian Freemasonry.

**Key words:** «Hard-Working Bee», Sumarokov, Ovid, «Metamorphoses», Freemasonry.

**Citation.** Rastyagaev A.V., Slozhenikina Yu.V. *O pervom perevode «Metamorfoz» Ovidiia v zhurnale «Trudoliubivaia Pchela» (1759) A.P. Sumarokova* [About the first translation of the «Metamorphoses» by Ovid in A.P. Sumarokov's journal «Hard-Working Bee» (1759)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-109-115>.

**Acknowledgments.** The study was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research. The research project № 18-012-00356 A. The magazine of A. Sumarokov «Hard-Working Bee» (1759) and its significance for the Russian literature of the XVIII century.

В истории русской литературы XVIII в. сложилась устойчивая традиция считать, что появление в периодических изданиях отрывков из произведений античных авторов было обусловлено общей просветительской миссией демократической интеллигенции. Академия наук, частные издатели и отдельные переводчики якобы «обращались к античности, ища в ней мотивы светского мирозерцания и защищая ее от нападок церковников» [Штранге 1965, с. 133]. Именно секуляризацией было принято объяснять и переводческий репертуар античных авторов на страницах «Трудолюбивой

Пчелы» А.П. Сумарокова, поскольку одна из целей издателя – приобщить «русских читателей к великой античной культуре, пусть еще в отрывках» [Рак 2008, с. 129]. Подобная упрощенная точка зрения требует уточнения в каждом конкретном случае. В качестве примера возьмем семантическое ядро мартовской книжки «Трудолюбивой Пчелы» – «Баснь о Фэзтонте», отрывок из «Метаморфоз» Овидия, в переводе В. Крамаренкова.

По мысли М. Левитта к середине XVIII в. «Овидий вошел в русскую словесность в контексте знакомства русской культуры с античной мифологией

и воспринимался как элемент новой европейской культуры» [Левит 2012, с. 144]. Культурная рецепция античного автора не ограничивалась жанровыми подражаниями в стихотворстве или использованием мифологических сюжетов в драматургии. «Метаморфозы» Овидия стали восприниматься как художественное целое, хотя сам процесс растянулся на десятилетия: от первого прозаического перевода с латинского языка отрывка «Баснь о Фэнтонте. Из Овидиевых превращений» В.И. Крамаренкова (1759) до публикации перевода всего текста «Метаморфоз» Г.В. Козицкого (1772–1774).

Василий Иванович Крамаренков (род. в 1732 г. в украинском г. Сумы в семье полкового священника) в марте 1759 г. – студент Академического университета. До этого, с 1751 по 1755 г., он проходил курс обучения в Гимназии Академии наук. Сразу по окончании Гимназии за выдающиеся успехи в науках и языках Крамаренков был определен в студенты. Однако языкам юноша предпочел естественные науки и начал занятия в области ботаники, земледелия и сельского хозяйства под руководством профессора И.-Х. Гебенштрейта [Кулябко 1977, с. 115]. Но в апреле 1759 г. немецкий ученый заболел и был отпущен за границу для лечения на несколько месяцев. Его должность была «препоручена» на это время адъюнкту И.Ф. Кельрейтеру. Однако из Германии профессор не вернулся, а 29 января 1760 г. он направил из Лейпцига в Академическую канцелярию прошение об увольнении. Студент Крамаренков не стал заниматься у нового наставника, а кардинально сменил направление научной деятельности: от естественных наук перешел к изучению наук свободных. В течение нескольких лет он занимался словесными науками – латинским языком, красноречием и стилистикой у профессора Фишера и философией у профессора Брауна. В свободное время занимался переводами. Крамаренков на высоком уровне овладел латинским, французским и немецким языками и по окончании университета в 1760 г. остался в Академии наук переводчиком.

Почему первым студенческим переводом Крамаренкова становится именно «Баснь о Фэнтонте. Из Овидиевых превращений»? По мнению Е.С. Кулябко, «выбор авторов для перевода был сделан им не без влияния Ломоносова, который указывал студентам на необходимость знакомства с латинскими классиками как образцами для подражания в красноречии» [Кулябко 1977, с. 115]. Исследовательница делает отсылку к полному собранию сочинений Ломоносова (Т. 9, с. 494). Однако на этой странице опубликован «Проект регламента Академической гимназии», датированный 1758 г., марта 21 – мая 27. Причем Овидий не входил в перечень авторов, рекомендованных Ломоносовым к изучению. Более того, к маю 1758 г. Крамаренков уже закончил Гимназию и был определен в студенты в 1755 г., т. е. выбор отрывка из «Метаморфоз» Овидия был сделан без влияния Ломоносова.

Известно, что Ломоносов не был знатоком латинского языка. Не случайно он поручал переводить свои речи на латинский язык специалистам. Ломоносов доверил Г. Козицкому перевод «Слова о происхождении света...», которое было произнесено 1 июля 1756 г., а латинский перевод напечатан в 1759 году. «Слово о пользе химии» Ломоносова, произнесенное в сентябре 1751 г., было переведено на латынь дважды. Сначала перевод был сделан в 1752 г. Ф.Я. Яремским, а в апреле 1759 г., по просьбе автора, не удовлетворенного качеством, – Козицким.

Григорий Васильевич Козицкий (род. в 1724 г. в Киеве) первоначальное образование получил в Киево-Могилянской академии, где особенно интенсивно изучал латинский, греческий и еврейский языки. Продолжил образование в Европе, проучившись полтора года в гимназии св. Елизаветы в Бреславле, а затем в Лейпцигском университете, преуспев в языках, философии и математике. После возвращения в Петербург в сентябре 1756 г. он был назначен учителем в высший латинский класс Академической гимназии, где преподавал философию и словесность, а в феврале 1759 г. утвержден адъюнктом Академического университета [Пекарский 1867, с. 38]. Этот год для Козицкого стал знаковым еще по одной причине. Испытывая симпатию к литературной группе А.П. Сумарокова, Козицкий после основания «Трудолюбивой Пчелы» разорвал отношения с «Ежемесячными сочинениями», подведомственными Академической канцелярии, и стал печататься исключительно в сумароковском журнале.

По всей видимости, именно Козицкий, обучавший Крамаренкова древним языкам, по каким-то причинам попросил студента перевести отрывок из овидиевых «Метаморфоз» для мартовского номера «Трудолюбивой Пчелы». Видимо, сам Козицкий в это время был занят переводом трудов Ломоносова на латинский язык для публикации их с расчетом на европейскую аудиторию. От оперативности переводчика зависели и международная репутация Ломоносова, и карьерный рост Козицкого в Академическом университете. Впоследствии он переводил отрывки из «Метаморфоз» Овидия и других произведений поэта исключительно сам. Уже в апреле это «Баснь о Пираме и Физбе», в сентябрьской книжке публикуется «Фив и Дафна», а в ноябре – «Скилла или безбожное предательство» [Трудолюбивая Пчела 1759, с. 212–218, 524–531, 650–658]. Наконец прозаический перевод овидиевских «Метаморфоз» Козицкого вышел в двух книгах в Санкт-Петербурге в 1772 и 1774 годах соответственно. Специалисты до сих пор восхищаются филологической точностью Козицкого при работе с первоисточниками, что не было свойственно русским переводам XVIII века. Крамаренков, продолжив переводческую деятельность, больше к произведениям Овидия не обращался никогда.

Между тем «Баснь о Фэнтонте» должна была открывать мартовскую книжку «Трудолюбивой



Пчелы» и быть семантическим ядром всего номера. По-видимому, Козицкий, презрев вопрос первенства в публикации перевода, способствовал его появлению именно в третьем номере сумароковского журнала. Для этого была веская причина, обусловленная политикой издателя.

Известно, что издатель «Трудолюбивой Пчелы» Сумароков был одним из первых русских масонов. По свидетельству Михаила Олсуфьева, он состоял в Ложе, которую относили к французскому рыцарскому масонству шотландской системы. В нее в середине 1750-х гг. входило 35 человек [Лонгинов 1867, с. 92–93]. По мысли первых российских масонов, правильная иерархия духовных ценностей была нарушена в ходе развития цивилизации. Божественный нектар естественного разума превращен «змеей гордости» в яд ложного просвещения. Эта излюбленная тема в художественной форме реализована в притче Сумарокова «Жуки и Пчелы», впервые опубликованной в 1762 году.

Масоны верили, что нужно перестраивать общественные отношения, восстанавливая улей — правильную иерархию моральных ценностей. Для этого необходимо истинное Просвещение, которое воздвигнет совершенное здание государственного устройства. Человек должен превратиться в трудолюбивую пчелу и напитаться нектаром — мифологией и мудростью древних и новых писателей. Но, чтобы нектар превратился в мед, маршрут к местоположению самих трав, дающих питательный сок, необходимо трудолюбие пчел-первопроходцев — переводчиков и поэтов, издателя и авторов первого русского прамасонского журнала «Трудолюбивая Пчела».

Принцип синергии, совместного поступательного движения друг к другу, свойствен читателям и писателям журнала. Масонское мировидение основано на вечном пути человеческой души к истине. Механизм чудесного превращения читателя в трудолюбивую пчелу — тайна, с трудом поддающаяся словесному выражению. Однако сам принцип метаморфозы заимствован русскими масонами у древних авторов. Прежде всего у Овидия.

В отличие от западноевропейских средневековых переводов овидиевых «Метаморфоз», где всегда исходному тексту предшествовал пролог, дававший этическую оценку его содержания, «Баснь о Фаэтонте» в русском переводе не сопровождается никаким предисловием. Есть только отсылка к автору в подзаголовке «Из Овидиевых превращений». Ключом к интерпретации переводческой и издательской позиции может быть лишь выбор конкретного отрывка для первого знакомства с произведением Овидия на русском языке.

Фаэтон — имя собственное, являющееся субстантивированным причастием, которое переводится как «сияющий, сверкающий» [Ярхо 2000, с. 145]. Солярной мифологией пронизано большинство стихотворений и в более поздних масонских журналах «Утренний свет» (1777–1780), «Вечерняя заря» (1789), «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785).

В масонской мифологии «путь человеческой души к истине символически отождествлялся с путешествием солнца вокруг вращающейся земли» [Маслова 2013, с. 13]. Сама же мифология естественным образом включалась в новую парадигму, поскольку, с точки зрения масонов, «в мистическом, моральном или религиозном смысле все, что было в человеческой истории, было масонским по определению» [Пятигорский 2009, с. 349–350].

Падение Фаэтона и обусловленные им метаморфозы задают символический вектор развития всего мартовского номера «Трудолюбивой Пчелы». Подавляющее большинство текстов, помещенных Сумароковым под одну обложку вслед за переводом из Овидия, посвящены теме смерти. Масоны отличались особой любовью к смерти, для них смерть не есть небытие. Для них это подательница Света, реального аспекта Божества. С наступлением смерти жизнь не кончается, поскольку путь человека — путешествие от жизни к смерти и через смерть к жизни, т. е. метаморфоза.

Сама структура «Метаморфоз» Овидия оказалась созвучной мифологии первых русских масонов. По мысли Ю.К. Щеглова, «наиболее яркое впечатление, выносимое из “Метаморфоз”, — это впечатление единства и родства всего в мире, вещей и живых существ» [Щеглов 1962, с. 155]. М.М. Бахтин подчеркивал, что у Овидия главной становится «идея изображения под углом зрения метаморфозы всего космогонического и исторического процесса, начиная от создания космоса из хаоса и кончая превращением Цезаря в звезду» [Бахтин 1975, с. 265].

Таким же таинственным образом пестрые по своему составу книжки «Трудолюбивой Пчелы», составленные из текстов переводных и оригинальных, авторов древних и новых, прозаических и стихотворных, творят новую мифологию, при этом возрождая древний структурный принцип римского писателя. Особый талант Овидия по строительству собственной вселенной из различных мифов был взят на вооружение издателем и авторами сумароковского журнала. Концептуально «Трудолюбивая Пчела» — эхо «Метаморфоз». Даже странно, почему отрывок из поэмы появляется только в третьем номере, а не сразу после статьи Козицкого «О пользе Мифологии» в январской книжке. Другой вопрос связан с выбором конкретного отрывка. Любая история из овидиевского текста рифмуется с масонской философией вечной жизни. Слушачен ли выбор «Басни о Фаэтонте»?

На наш взгляд, выбор конкретного отрывка был обусловлен рядом обстоятельств, связанных уже не с эпохой Древнего Рима, а напрямую с российским XVIII столетием, временем, в котором современниками были императрица Елизавета Петровна и великая княгиня Екатерина Алексеевна, с одной стороны, Ломоносов и Сумароков — с другой. Их всех связывали далеко не простые отношения, которые нашли отражение и в текстах «Трудолюбивой Пчелы».

Кроме масонского подтекста, публикация «Басни о Фаэтонте» в мартовской книжке сумароковского журнала могла быть обусловлена откликом на современные события — преследование Елагина по обвинению в государственной измене и опалу малого двора. История Фаэтонта могла быть интерпретирована читателями «Трудолюбивой Пчелы» как аллегорическая оценка всего правления императрицы Елизаветы Петровны и ее придворного окружения.

О.М. Фрейденберг видела глубинную связь между религией и высшей государственной властью. Обогащение фараона, царя, императора во все времена у многих народов было связано с солнечной мифологией генетически. Так, у египтян слову «царь» соответствовало иероглифическое изображение солнечного диска, а после смерти фараон по праву садился на трон солнечного бога. Первым царем феспотов и молоссов, племен, обитавших в Древней Греции, был Фаэтон. В императорском Риме «при апофеозе царей происходило якобы вознесение их на небо» [Фрейденберг 1998, с. 662].

В «Басне о Фаэтонте» юноша, чтобы доказать приятелю свое божественное происхождение, отправился на небо, в чертоги Феба. Тот признал отцовство и, чтобы Фаэтонт не усомнился в родстве, готов выполнить любое желание сына. Просьба юноши была безрассудной: дать ему отеческую колесницу. Отец вынужден был сдержать данное сыну слово. Однако Фаэтонт не справился с управлением солнечной колесницей. Горячие кони сошли с правильной траектории, сжигая жаром и землю, и небо. Безрассудный поступок сына бога чуть не обратил Космос в прежний Хаос. По просьбе Земли, чтобы спасти все живое, установленный богами порядок, Юпитер разбивает молнией солнечную колесницу, а «Фаэтонт с горящими волосами пал, и пролетает стремглав по воздуху; подобно как на чистом небе звезда...» [Трудолюбивая Пчела 1759, с. 150]. Скорбящие сестры юноши превращаются в деревья по берегам реки Еридан, а их слезы «солнечную теплоту превращены в янтарь» [Трудолюбивая пчела 1759, с. 152].

Правление Елизаветы Петровны оценивалось масонами крайне негативно. Ее притязания на славу Петра Великого, попытка «править колесницей» по праву наследования — управлять государством — не приводила к гармонизации общественных отношений. Напротив, миф о сотворенном Петром Космосе разрушался, превращаясь в Хаос, при соприкосновении с реалиями социального устройства елизаветинской России середины XVIII столетия. Насколько далека данная государственная модель от масонского идеала, можно судить по утопии Сумарокова «Сон, šťastливое общество», опубликованной в декабрьской книжке «Трудолюбивой Пчелы» [Сложеникина, Растягаев 2012, с. 331–338]. Масоны верили, что нужно превращать Хаос общественных отношений елизаветинской России в Космос, восстанавливать улей. Правда, это воз-

можно только при новом, посвященном и просвещенном монархе [Сложеникина 2011, с. 35–39]. Таким образом, восхождение и падение героя-полубога в «Басне о Фаэтонте», опубликованной в мартовском номере «Трудолюбивой Пчелы», могло быть вполне интерпретировано современниками как критика политики Елизаветы Петровны и ее окружения.

Как известно, в Древнем Риме был принят календарь, в котором март был первым месяцем года. Название месяца была связано с богом войны Марсом. Большинство военных действий предпринимались именно в это время. Многие кровавые события, связанные с политической борьбой, также были приурочены к марту, месяцу Марса. Например, в историю культуры вошли мартовские иды — 15 марта 44 до н. э., день убийства Юлия Цезаря. В какой-то мере мартовский номер «Трудолюбивой Пчелы» — своего рода объявление войны. Войны не столько политической, сколько литературной.

Сумароков уже был участником подобных «военных действий» в 1740-х — начале 1750-х годов. Хронику литературной войны Третьяковского и Сумарокова проследили М.С. Гринберг и Б.А. Успенский, указав на роль этой острой полемики двух выдающихся представителей XVIII столетия в истории литературы. Исследователи отмечали, что споры Третьяковского и Сумарокова «имеют первостепенное историко-культурное значение: в ходе этой распри в негативной полемической форме отрабатываются программные установки, которые определяют направления литературного развития» [Гринберг, Успенский 2008, с. 219]. Литературное противостояние двух писателей породило новые жанры: первые русские комедии, пародии на идиостиль писателя и критические трактаты. Война против Ломоносова, объявленная на страницах «Трудолюбивой Пчелы», дала начало новой русской журналистике в форме оригинального частного издания.

Неприятные отношения между Сумароковым и Ломоносовым сложились еще в 1740-х годах. А.А. Костин рассмотрел причины обострения конфликта в 1758–60 гг. на материале писем Сумарокова и комментариев к ним. Исследователь обращает внимание на то, что «в конце 1750-х гг. одним из факторов взаимного недовольства Ломоносова и Сумарокова оказывались и их служебные, и деловые отношения» [Костин 2013, с. 107].

1757–60 гг. — апофеоз академической карьеры Ломоносова. 13 февраля 1757 г. его назначают советником Академической канцелярии, и он получает «возможность влиять на административные и хозяйственные дела Академии наук», а 19 января 1760 г. «гимназия и университет были переданы в полное распоряжение Ломоносова» [Алексеева 1999, с. 215]. К журналу «Трудолюбивая Пчела» он относится враждебно, а с самим Сумароковым с конца 1750-х гг. у Ломоносова складываются особенно неприятные отношения.

Вполне возможно, что публикация «Басни о Фаэтонте» в мартовском номере журнала – выпад в сторону именно Ломоносова. История о восхождении и падении полубога могла быть интерпретирована читателями как грозное предупреждение о неминуемом наказании за некомпетентное, по мнению некоторых, управление Гимназией и Университетом. Сумароков считал Ломоносова выскочкой, который не заслуживал столь высокого положения в Академии наук. Мишенью было не только официальное крестьянское происхождение оппонента, но и слухи о его якобы царском происхождении, связанные с мифом о том, что Ломоносов – сын Петра Великого [Савельева 2014, с. 9].

### Заключение

Таким образом, выбор Овидия в качестве автора и конкретного отрывка из «Метаморфоз» для перевода нельзя считать случайным. Масонская направленность «Трудолюбивой Пчелы», недовольство политикой Елизаветы Петровны, а также личная неприязнь Сумарокова к Ломоносову в 1759 г. – все это предопределило появление «Басни о Фаэтонте» в мартовском номере журнала. Для узкого круга посвященных читателей-современников «Трудолюбивой Пчелы» данные аллюзии были понятны, для всех остальных переведенный отрывок остается лишь обычным средством просвещения отечественного читателя XVIII столетия.

### Библиографический список

- Алексеева Н.Ю. Ломоносов Михаил Васильевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. С. 212–226.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Гринберг М.С., Успенский Б.А. Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х – начале 1750-х годов // Успенский Б.А. Вокруг Тредиаковского. Труды по истории русского языка и русской культуры. М.: Индрик, 2008. С. 219–318.
- Костин А.А. Отношения Ломоносова и Сумарокова в 1758–1760 гг. (Из комментариев к письмам Сумарокова) // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2013. № 7. С. 107–113.
- Кулябко Е.С. Замечательные питомцы Академического университета. Л.: Наука, 1977. 228 с.
- Левитт М. «Метаморфозы» Овидия в русской литературе XVIII века – Pro et Contra // LITTERARUM FRUCTUS. СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 142–153
- Лонгинов М.Н. Новиков и московские мартинисты. М.: Тип. Грачева, 1867. 176 с.
- Маслова А.Г. Мифопоэтика суточного времени в русской масонской поэзии XVIII века // Вестник Костромского государственного университета им. Некрасова. 2013. № 1. С. 113–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19058387>.
- Пекарский П.П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755–1764 годов. СПб.: Тип. Акад. наук, 1867. 88 с.

Пятигорский А. Кто боится вольных каменщиков? Феномен масонства. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 441 с.

Рак В.В. Иностранная литература в русских журналах XVIII века // Рак В.В. Статьи о русской литературе XVIII века. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. 640 с.

Савельева М.Ю. Ломоносов. Миф как основание мышления. М.: Канон+, 2014. 355 с.

Сложеникина Ю.В. «Сон, шастливое общество» А.П. Сумарокова: к проблеме вербального кода русского масонского текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2. С. 35–39. URL: <https://l.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/92>

Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В. Начало и конец «Трудолюбивой Пчелы»: Утопический проект А.П. Сумарокова // XVIII век: литература в эпоху идиллий и бурь. М.: Экон-информ, 2012. С. 331–338.

Трудолюбивая Пчела. СПб.: Тип. Акад. наук, 1759. Генварь–[декабрь]. 767 с.

Фрейдсберг О.М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература РАН, 1998. 798 с.

Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М.: Наука, 1965. 306 с.

Щеглов Ю.К. Некоторые черты структуры «Метаморфоз» Овидия // Структурно-типологические исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 155–156.

Ярхо В.Н. Комментарий 17 Аполлон и Эридан // Первый Ватиканский мифограф. СПб.: Алетейя, 2000. С. 145.

### References

- Alekseeva N.Yu. Lomonosov Mikhail Vasil'evich [Lomonosov Mikhail Vasilievich]. In: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century]. SPb.: Nauka, 1999, pp. 212–226 [in Russian].
- Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let* [Issues of literature and aesthetics. Studies of different years]. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1975, 504 p. [in Russian].
- Grinberg M.S., Uspensky B.A. *Literaturnaia voina Trediakovskogo i Sumarokova v 1740-kh – nachale 1750-kh godov* [Literary war of Trediakovsky and Sumarokov in the 1740-ies – beginning of the 1750-ies]. In: Uspensky B.A. *Vokrug Trediakovskogo. Trudy po istorii russkogo iazyka i russkoi kul'tury* [Around Trediakovsky. Works on the history of the Russian language and Russian culture]. M.: Indrik, 2008, pp. 219–318 [in Russian].
- Kostin A.A. *Otnosheniia Lomonosova i Sumarokova v 1758–1760 gg. (Iz kommentariiev k pis'mam Sumarokova)* [Relations between Lomonosov and Sumarokov in 1758–1760. (From comments to the letters by Sumarokov)]. *Chteniia Otdela russkoi literatury XVIII veka* [Readings of the Department of Russian Literature of the XVIII century], 2013, no 7, pp. 107–113 [in Russian].
- Kulyabko E.S. *Zamechatel'nye pitomtsy Akademicheskogo universiteta* [Wonderful pupils of the Academic University]. L.: Nauka, 1977, 228 p. [in Russian].
- Levitt M. «Metamorfozy» Ovidiia v russkoi literature XVIII veka – Pro et Contra [«Metamorphoses» of Ovid in the Russian literature of the XVIII century – Pro et Contra].

In: *LITTERARUM FRUCTUS*. SPb.: Al'ians-Arkheo, 2012, pp. 142–153 [in Russian].

Longinov M.N. *Novikov i moskovskie martinisty* [Novikov and the Moscow martinists]. M.: Tip Gracheva, 1867, 176 p. [in Russian].

Maslova A.G. *Mifopoetika sutochnogo vremeni v russkoi masonskoi poezii XVIII veka* [Mythopoetics of the daily time in Russian masonic poetry of the XVIII century]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta i m. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2013, no 1, pp. 113–116. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19058387> [in Russian].

Pekarskij P.P. *Redaktor, sotrudniki i tsenzura v russkom zhurnale 1755–1764 godov* [Editor, staff and censorship in the Russian magazine of 1755–1764.]. SPb.: Tip. Akad. nauk, 1867, 88 p. [in Russian].

Pyatigorsky A. *Kto boitsia vol'nykh kamenshchikov? Fenomen masonstva* [Who is afraid of freemasons? Phenomenon of Freemasonry]. M.: Novoe lit. obozrenie, 2009, 441 p. [in Russian].

Rak V.V. *Inostrannaia literatura v russkikh zhurnalakh XVIII veka* [Foreign literature in Russian journals of the XVIII century]. In: Rak V.V. *Stat'i o russkoi literature XVIII veka* [Articles on Russian literature of the XVIII century]. SPb.: Pushkinskii Dom, 2008, 640 p. [in Russian].

Savelieva M.Yu. *Lomonosov. Mif kak osnovanie myshleniia* [Lomonosov. Myth as the basis of thinking]. M.: Kanon+, 2014, 355 p. [in Russian].

Slozhenikina Yu.V. «*Son, shchastlivoe obshchestvo*» A.P. Sumarokova: k probleme verbal'nogo koda russkogo masonskogo teksta [A.P. Sumarokov's «Son, schastlivoe

obshchestvo»: on the problem of verbal code of Russian masonic text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2011, no 2, pp. 35–39. Available at: <https://1.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/92> [in Russian].

Slozhenikina Yu.V., Rastyagaev A.V. *Nachalo i konets «Trudoliubivoi Pchely»: Utopicheskkii proekt A.P. Sumarokova* [The beginning and the end of the «Hard-Working Bee»: Utopian project of A.P. Sumarokov]. In: *XVIII vek: literatura v epokhu idillii i bur'* [XVIII century: literature in the era of idylls and storms]. M.: Ekon-inform, 2012, pp. 331–338 [in Russian].

*Trudoliubivaia Pchela* [Hard-Working Bee]. SPb.: Tip. Akad. nauk, 1759. Genvar'-[dekabr'], 767 p. [in Russian].

Freidenberg O.M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and literature of antiquity]. M.: Vostochnaia literatura RAN, 1998, 798 p. [in Russian].

Shtrange M.M. *Demokraticheskaia intelligentsiia Rossii v XVIII veke* [Democratic intellectuals of Russia in the XVIII century]. M.: Nauka, 1965, 306 p. [in Russian].

Shcheglov Yu.K. *Nekotorye cherty struktury «Metamorfoz» Ovidiia* [Some features of the structure of «Metamorphosis» by Ovid]. In: *Strukturno-tipologicheskie issledovaniia* [Structural and typological studies]. M.: Izdvo AN SSSR, 1962, pp. 155–156 [in Russian].

Yarho V.N. *Kommentarii 17 Apollon i Eridan* [Commentary 17 Apollo and Eridan]. In: *Pervyi Vatikanskii mifograf* [First Vatican mythographer]. SPb.: Aleteiia, 2000, p. 145 [in Russian].

---

## ЯЗЫКОЗНАНИЕ

---

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-116-121  
УДК 811.112.2

Дата поступления статьи: 7/VIII/2018  
Дата принятия статьи: 17/IX/2018

**Е.В. Беспалова**

### САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ОХОТНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ОХОТНИЧЬИХ САЙТОВ)

---

© *Беспалова Екатерина Викторовна* – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

E-mail: [ek\\_vik\\_bespalowa@bk.ru](mailto:ek_vik_bespalowa@bk.ru). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6720-1216>

---

#### АННОТАЦИЯ

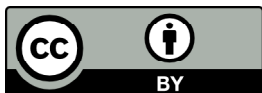
В статье рассматривается виртуальная самопрезентация социальной группы охотников Германии. Целью самопрезентации социальной группы является создание положительного образа группы, осуществляемое в виртуальном пространстве с помощью социальной саморекламы. Самопрезентация рассматривается в тесной связи с самоидентификацией. В представлении социальной группы на сайтах проявляется презентационная составляющая дискурса, реализуемая в текстах охотничьего дискурса разных типов, в которых могут быть выделены разноуровневые презентационные единицы – презентемы. Эффективная самопрезентация социальной группы в виртуальном пространстве обеспечивается разнообразием и объемом контента, динамичностью, доступностью, регулярной обновляемостью.

Сообщество охотников Германии объединяет представителей разных возрастных, профессиональных и социальных групп, основными консолидирующими факторами становятся занятие охотой и поддержание охотничьих традиций. Потребностями в самопрезентации выступают необходимость пересмотра социальной роли и социальных задач сообщества, его популяризации в обществе, достижение жизнеспособности социальной группы и формирование культурно значимого имиджа охоты как рода деятельности и культурного феномена. Охотничье сообщество мыслит себя как сообщество любителей природы и рассматривает природоохранные задачи в качестве основных.

Автор анализирует тексты различных типов, отличающиеся разным объемом самопрезентационного компонента. Анализируются способы прямой и косвенной самопрезентации. Описываются способы социальной саморекламы. Прямая самопрезентация осуществляется в текстах правового характера, декларирующих правовые принципы и основы философии сообщества, в публикациях статистических данных о современных охотниках. Косвенная самопрезентация реализуется в новостных текстах, научной, педагогической, узко специальной, культурно-исторической направленности. Позитивный имидж обеспечивается положительной семантикой лексико-семиотических презентем. Основной стратегией является аттрактивное поведение, проявляющееся в отборе и группировке материалов, акцентирующих актуальные для современного сообщества ценности.

**Ключевые слова:** самопрезентация социальной группы, охотничий дискурс, стратегия самопрезентации, социальная самореклама, прямая и косвенная самопрезентация.

**Цитирование.** Беспалова Е.В. Самопрезентация охотников (на материале немецких охотничьих сайтов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 116–121. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-116-121>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

**E.V. Bespalova**

## HUNTERS' SELF-PRESENTATION (BASED ON GERMAN HUNTERS' WEB-SITES)

© *Bespalova Ekaterina Viktorovna* – Candidate of Philological Sciences, associate professor, assistant professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

**E-mail:** [ek\\_vik\\_bespalova@bk.ru](mailto:ek_vik_bespalova@bk.ru). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-6720-1216>

### ABSTRACT

The article deals with different ways of self-presentation of German hunters' social group on the websites. The aim of the social group's self-presentation is creating of positive group image in the society realized in the virtual space through public service self-advertisement. The self-presentation of social group is regarded in a close relation to self-definition. The presentational element of discourse shows itself in the accounts of social group on the web sites. This element called presentems is realized in different text types, in different presentational entities on different levels. The effective self-presentation of the social group in the virtual space is achieved due to variability and volume of content, availability, regular updating.

According to my research results, the German hunters' society consolidates representatives of different ages, professions, social groups. The need of self-presentation consists in necessity of reconsideration of the social role and social tasks of the group, of its popularization in the society, of social group's viability achievement and creation of culture-significant reputation of the hunt as a form of activity and a cultural phenomenon. The hunting society regards itself as a group of nature lovers and considers environment-oriented projects to be essential.

The author analyses different text types, which contain different volume of the self-presentational elements. She regards direct and indirect ways of self-presentation and describes the instruments of public service self-advertisement. The social group realizes the direct self-presentation in legal texts proclaiming juristic principles and basic philosophical concepts of the group and in statistics of modern hunters. The indirect self-presentation is realized in texts relating to news, in scientific, pedagogic, domain-specific, culture-historical texts. The positive image of the group is achieved due to positive semantics of lexical-semiotic presentems. The main strategy consists in attractive behavior that shows selection and grouping of materials placing an emphasis on modern values.

**Key words:** self-presentation of social group, discourse of hunters, strategy of self-presentation, social self-publicity, direct and indirect self-presentation.

**Цитирование.** *Bespalova E.V. Samoprezentatsiia okhotnikov (na materiale nemetskikh okhotnich'ikh saitov)* [Hunter's self-presentation (on the materials of German hunters' web-sites)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 116–121. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-116-121>.

### Введение

Феномен самопрезентации изучается в настоящее время довольно активно. Под самопрезентацией (self-presentation) понимается процесс, посредством которого мы стараемся контролировать впечатления, возникающие о нас у других людей, синоним самопрезентации – управление впечатлением о себе. В психологии и социологии под самопрезентацией понимают коммуникативную стратегию, «целью которой является управление впечатлением о говорящем у адресата, формирование мнения о себе при помощи вербальных и паравербальных средств» [Лаппо 2012, с. 74]. Эффективность самопрезентации призвана повлиять на успешность индивида или группы в социуме, что обуславливает внимание к этому феномену социальных психологов, изучающих стратегии и тактики самопрезентации, самоподачи и управления

впечатлением, разрабатывающих основы обучения самопрезентации и предлагающих систему тренингов по овладению основными техниками [Михайлова 2006].

### Самопрезентация личности

Самопрезентация личности изучается на основании нескольких групп критериев: стремление получить социальное одобрение / избежать потерь в социальном одобрении (восприимчивый или защитный стиль), осознанность / неосознанность, опосредованность (непосредственная и опосредованная самопрезентация), способ предъявления (прямая / косвенная), целенаправленность управления впечатлением (проактивная и реактивная самопрезентация), сочетание ведущего мотива и степени активности (ассертивная, агрессивная, защитная, оправдывающаяся), время осуществления са-

мопрезентационных действий (тактическая и стратегическая самопрезентация) [Пикулева 2013].

Целью самопрезентации отдельного человека является в общем управление впечатлением о себе или создание своего образа / имиджа. Последнее невозможно без самоидентификации, базирующейся в большинстве случаев на одной из ведущих потребностей человека – потребности в принадлежности к определенной социальной группе. На связь феноменов самопрезентации и самоидентификации обращает внимание М.А. Лаппо [Лаппо 2012], определяя самоидентификацию как «процесс осознания и маркирование принадлежности говорящего субъекта к какой-либо социальной группе / категории, к какому-либо классу / уровню. Разновидностью этого процесса является рефлексивная самоидентификация – описание своей идентичности» [Лаппо 2012, с. 75]. Разные типы дискурса могут обнаруживать разную степень присутствия самопрезентационного компонента (самообозначение как самоцель, самообозначение «мимоходом», инициативное или реактивное самопредставление в актах вынужденной самопрезентации) [Лаппо 2012, с. 75–76].

В представлении себя другим проявляется презентационная составляющая дискурса, являющаяся в настоящее время предметом научного интереса исследователей-лингвистов. Так, презентационная теория дискурса О.В. Олянич [Олянич 2004] объясняет потребность в самопрезентации набором потребностей отдельных индивидов или групп и описывает презентационные коммуникативные стратегии в разных типах дискурса, выделяя презентационные единицы разных уровней – презентемы. Под презентемой автор понимает «мельчайшую информационную единицу воздействия, представляющую собой сложный лингво-семиотический (знаковый) комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира и переданный другому субъекту в ходе коммуникации с данным субъектом с целью воздействия на него. Процесс коммуникации может быть представлен в виде разворачивающейся во времени и в пространстве последовательности презентем как сугубо семиотически (визуально), так и дискурсивно (преимущественно вербально) [Олянич 2005, с. 26]. Презентемы передают и фиксируют «в сознании объекта когнитивного воздействия представления о концептах и образах, присущего субъекту когнитивного воздействия» [Олянич 2005, с. 27].

В современном мире все большую значимость приобретает способность индивида или группы представлять себя в виртуальном пространстве – в социальных сетях, блогах, на индивидуальных сайтах или сайтах организаций. Виртуальное пространство обладает рядом преимуществ, делающих самопрезентацию эффективной: оперативность и динамичность продвижения информации, разнообразие контента (тексты, видео- и аудиоматери-

лы, фотографии и т. п.), регулярная обновляемость наряду с возможностью просмотра архивных материалов, объем информации, доступность для большого числа пользователей, интертекстуальность и интердискурсивность. Целью представления и продвижения в Интернете фирм и компаний является главным образом обеспечение экономического успеха компании или фирмы (поиск клиентов, заказов, реклама продукции и т. п.). Целью самопрезентации личности в Интернете могут являться карьерный рост [Селиванова 2012], полный или совокупный образ индивида складывается «на основе всей информации, представленной в аккаунте» [Селиванова 2012, с. 222], ведущими стратегиями выступают стратегия понравиться и стратегия самопродвижения, проявляющие вариативность в реализации разными пользователями [Селиванова 2012, с. 222–223] в зависимости от возрастной группы, социального статуса, гендерной или профессиональной принадлежности [Дубских 2014; Пикулева 2013; Пикулева 2013а].

**Целью настоящей статьи** является рассмотрение целей, видов и способов виртуальной самопрезентации *социальной группы охотников* современной Германии. **Материалом исследования** послужили сайты Deutscher Jagdverband и Bayerischer Jagdverband [Deutscher Jagdverband; Bayerischer Jagdverband].

#### **Виртуальная самопрезентация социальной группы охотников**

В современной Германии существуют и имеют давние традиции организации, объединяющие группы людей по интересам (Verbände). Так, членами охотничьих объединений и союзов могут являться представители разных возрастных, социальных и профессиональных групп. Занятие охотой и поддержание охотничьих традиций выступают объединяющими сообщество факторами. Согласно тенденциям и требованиям времени охотничьи сообщества имеют сайты, выполняющие среди прочих и функцию самопрезентации современных охотников как социальной группы. В связи с этим актуальными нам представляются следующие вопросы: потребности виртуальной самопрезентации социальной группы охотников; типы текстов, прямо или косвенно реализующих самопрезентацию охотников на охотничьих сайтах; значимые стратегии и тактики самопрезентации современных охотников.

**Потребности виртуальной самопрезентации социальной группы охотников** обусловлены необходимостью пересмотра социальной роли и социальных задач сообщества с целью его популяризации в обществе, достижения жизнеспособности (пополняемость, передача опыта) и формирования культурно значимого имиджа охоты как рода деятельности и культурного феномена. В высказываниях профессора доктора Юргена Воке, председателя Союза охотников Баварии, говорится об измене-

нии статуса охоты как рода занятий (1) и декларируется осознаваемая необходимость признания охотников мировым сообществом для сохранения охоты в будущем (2):

(1) *Früher hat man gesagt – und es war auch so – da hat die Jagd die Gesellschaft geprägt. ... Aber heute ist es ja ganz anders – das haben aber viele noch nicht verstanden – heute prägt die Gesellschaft die Jagd* [Bayerischer Jagdverband].

(2) ... *wir brauchen – wenn die Jagd Zukunft haben soll – brauchen wir die Akzeptanz der Gesellschaft... Da wollen wir miteinander diskutieren, was wir einbringen müssen, damit die UNO uns entsprechend einwertet. Ich meine, das wäre auch ein ganz wichtiges Element, um die Akzeptanz der Jagd in der Gesellschaft zu stabilisieren* [Bayerischer Jagdverband].

Пересмотр социальной роли охоты связан, в свою очередь, с формированием экологического сознания, согласно принципам которого забота о долгосрочном сохранении природных богатств рассматривается как глобальная задача современности. Охотничье сообщество в связи с этим мыслит себя на сегодняшний день как сообщество любителей природы и рассматривает природоохранные задачи в качестве основных:

(3) ... *Das (die Akzeptanz der Jagd in der Gesellschaft) können wir am besten erreichen, wenn wir der Kultur der Jagd und damit der Ethik – wie jagen wir? – dem Tierschutzgedanken, dem Naturschutzgedanken absoluten Vorrang vor der reinen Fleischgewinnung einräumen. Das ist heute unsere moderne Aufgabe* [Bayerischer Jagdverband].

Самопрезентация социальной группы охотников основана, таким образом, на стремлении получить социальное одобрение, необходимость его осознается ведущими представителями сообщества. Использование виртуальной платформы позволяет сделать самопрезентацию более разносторонней за счет использования разных типов текстов.

В нашем исследовании нам удалось выявить следующие типы текстов, прямо или косвенно реализующих самопрезентацию охотников на охотничьих сайтах.

Целям прямой вербальной самопрезентации служат тексты юридического характера, декларирующие правовые принципы / основы философии сообщества. Так, во вкладке *Leitbild* Союза охотников Баварии прямая самопрезентация осуществляется через повторение местоимения *мы (wir)*, повторение названия рода занятий в подзаголовках текста (*Jagd*) и повторения базовой самономинации (*Jäger*), синтаксической конструкции с *als*:

(4) *Jagd nutzt der Gesellschaft*

*Wir unterstützen die Interessen der Grundeigentümer als Partner und Inhaber des Jagdrechts.*

*Jagd orientiert sich an Natur- und Artenschutz*

*Wir bejagen nur Wildarten, deren Bestandsgröße eine nachhaltige Nutzung erlaubt oder deren Bejagung aus Natur- und Artenschutzgründen erforderlich ist.*

*Jagd hat ein positives Erscheinungsbild*

*Wir sind für die Öffentlichkeit kompetente Partner in Sachen Natur, Wild und Jagd.*

*Jäger gehen mit den Wildtieren verantwortungsbewusst um.*

*Wir jagen nach wildbiologischen Grundsätzen* [Bayerischer Jagdverband].

Позитивный имидж обеспечивается положительной семантикой лексических презентем (*positives Erscheinungsbild, verantwortungsbewusst, kompetente Partner, nutzt der Gesellschaft, unterstützen die Interessen der Grundeigentümer*).

Прямая вербальная самопрезентация осуществляется также посредством публикации статистических данных в виде диаграмм и графиков о профессиональной принадлежности молодых охотников (*Dienstleistungsberufe 17 %, Schüler und Studenten 14 %, Handwerkberufe 11 %, Bürokräfte 11 %, Selbstständige 11 %*), о мотивах стать охотником (*gerne in der Natur 77 %, angewandter Naturschutz 54 %, Freude an der Jagd 50 %, Interesse an Waffen 6 %*) [Deutscher Jagdverband], среди которых явно преобладают мотивы, признаваемые современным обществом; о социально-демографических данных современных охотников (*Jägerinnen 24 %, Durchschnittsalter 36 Jahre, aus der Stadt 23 %, Ausgaben für den Jagdschein bis 1500 Euro 31 %*), демонстрирующих значительную долю женщин в сообществе, молодой возраст, высокий процент горожан и финансовую независимость. К этой группе текстов примыкают публикуемые на сайтах результаты опросов, затрагивающих ценности охотников: приверженность традициям семьи (5), техническую грамотность (6), содержание охотничьих собак (7):

(5) *Wer zur Jagd geht, lebt traditionelle Werte: 90 Prozent der Jägerinnen und Jäger geben an, in einem Mehrpersonenhaushalt zu wohnen. Im Bundesschnitt sind es nur 59 Prozent. Drei Viertel aller Jäger sind verheiratet (Gesamtbevölkerung: 55 Prozent) und nur etwa 16 Prozent Single (28 Prozent).*

(6) *83 Prozent aller Jäger nutzen das Internet (Gesamtbevölkerung: 80 Prozent), 82 Prozent haben ein E-Mail-Konto (62 Prozent in der Gesamtbevölkerung) und ein Drittel ist in den sozialen Medien aktiv (27 Prozent in der Gesamtbevölkerung).*

(7) *Der Leitspruch „Jagd ohne Hund ist Schund“ wird unter Jägern beherzt: In zwei Dritteln aller Jägerhaushalte ist mindestens ein Jagdhund vorhanden* [Deutscher Jagdverband].

Сопоставление со статистическими данными о населении в целом оказывается явно в пользу охотников, что, несомненно, служит формированию положительного имиджа.

Невербальная прямая самопрезентация реализуется в фото- и видеоотчетах, изображающих охотников в традиционных одеждах, с охотничьими рожками, исполняющих музыкальные отрывки или шествующих в праздничной колонне [Bayerischer Jagdverband].

Косвенная самопрезентация определяется разнообразным набором потребностей и осуществля-



ется в большом количестве типов текстов. Потребность в информативности реализуется текстами новостей (*Nachrichten aus dem Bayerischen Jagdverband*) [Bayerischer Jagdverband]: анонса о предстоящем семинаре по представлению охотников в социальных сетях (*Auf der Pirsch nach Likes und Followern – Social Media Symposium der Jungen Jäger Bayern*), отчета о нехватке питьевой воды и оказанной животным помощи (*Bericht „Wassermangel und Wildtiere“*), анонсов книжных новинок (*Jagd und Tierschutz – die neue Schriftenreihe ist da*) и т. п. К этой же группе текстов могут быть отнесены и видеорепортажи из жизни охотников. Так, актуальный репортаж *Kitzrettung durch Drohnen* [Bayerischer Jagdverband] показывает возможности предотвращения гибели детенышей косули в высокой траве, что также укрепляет положительный имидж охотников. Потребности в информации определяют и большое количество текстов о проектах, осуществляемых членами охотничьих сообществ, например проекте *WILD (das Wildtier-Informationssystem der Länder Deutschlands)*, инициированном Немецким Союзом охотников (DJV) [Deutscher Jagdverband], тексты имеют большое количество гиперссылок, ведущих к подробному описанию проекта, его научным обоснованиям, списку участвующих в нем организаций и институтов, базе данных по видам животных. Косвенная самопрезентация состоит в создании образа разностороннего современного человека, интересующегося научными открытиями, социально значимыми событиями и т. п.

Потребности в передаче знаний реализуются типами текстов информационной, научной или педагогической направленности: рекламный буклет *Lernort Natur* информирует об обучающем проекте Немецкого Союза охотников, построенном на современных принципах преподавания (*Waldpädagogik, Bildung für nachhaltige Entwicklung, Fächerübergreifender Unterricht, Erlebnispädagogik, tiergestützte Pädagogik*) [Deutscher Jagdverband], раздел дидактических материалов содержит разработки уроков и обучающие игры (*Waldspiel Jägerprüfung, Unterrichtsbaustein Rehwild*) [Deutscher Jagdverband]. Косвенная самопрезентация состоит в утверждении членов сообщества как прогрессивных педагогов, несущих молодому поколению радость от общения с природой и умение понимать ее законы.

Потребность в передаче навыков и умений реализуется в текстах профессиональной направленности: *Fragenpool für die Fragen zur schriftlichen Jägerprüfung in Bayern* [Bayerischer Jagdverband] (каталог вопросов к письменному экзамену на получение охотничьей лицензии), *Jagdhunde* (ресурс, содержащий сведения по приобретению, воспитанию, содержанию, лечению разных видов охотничьих собак) [Bayerischer Jagdverband] и т. п. Косвенная самопрезентация выражается в обладании и систематизации основных профессиональных знаний.

Потребность в передаче историко-культурных ценностей реализуется в текстах, где охота рассматривается как часть историко-культурного наследия. Так, раздел сайта Союза охотников Баварии *Jagdkultur* содержит подразделы *Bauwerke* (описание архитектурных памятников, связанных с охотой, ставших музеями, напр. *Schloß Wolfsturn*), *Bildende Kunst* (картины охотничьей тематики и биографии художников), *Historisches* (ссылки на научно-популярные тексты, связанные с охотой, например *Diana, die Göttin der Jagd und ihre Nachfolgerinnen*), *Jagdmusik* (ссылки на статьи, музыкальные файлы, ноты), *Literatur* (стихи, рассказы, книги об охоте) [Bayerischer Jagdverband]. Косвенная самопрезентация осуществляется через эффект сопричастности культурным ценностям, национальным традициям и талантам.

### Заключение

Говоря в заключение о **значимых стратегиях и тактиках самопрезентации** современных охотников на сайтах, отметим следующее. Основной стратегией является аттрактивное поведение (поведение, вызывающее благоприятное впечатление о субъекте самопрезентации), проявляющееся в отборе и группировке материалов, реализующих прямую и косвенную самопрезентацию и акцентирующих актуальные для современного общества ценности. Во многих случаях можно говорить о социальной саморекламе. Стратегия аттрактивного поведения реализуется в основном тактиками асертивного типа (желание понравиться и примерносительство). В результате создается образ современного охотника, концептуально отличный от образа охотника прошлого.

### Библиографический список

- Bayerischer Jagdverband. URL: <https://www.jagd-bayern.de/bjv-verband.html> (дата обращения: 14.06.2018).
- Deutscher Jagdverband. URL: <https://www.jagdverband.de> (дата обращения: 14.06.2018).
- Дубских А.И. Реализация коммуникативной стратегии самопрезентации личности в масс-медиаальном дискурсе (на материале «звездных» интервью): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2014. 24 с.
- Лаппо М.А. Самоидентификация и самопрезентация в разных типах дискурса // Вестник НГУ. Т. 6. Вып. 2. Новосибирск, 2012. С. 72–76.
- Михайлова Е.В. Обучение самопрезентации. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 167 с.
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2005. 40 с.
- Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
- Пикулева О.А. Классификация самопрезентации личности: теоретические основания и проблемные аспекты // Вестник Ленинградского ун-та. 2013. Сер. 6. № 5(1). С. 63–70.
- Пикулева О.А. Профессиональные особенности самопрезентации личности // Актуальные проблемы

психологического знания. 2013а. № 2(27). С. 80–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19427166>.

Селиванова Л.И. Карьерная самопрезентация в интернет-сообществе посредством аккаунта в социальных сетях // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 6. С. 219–223. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19036901>.

## References

*Bayerischer Jagdverband*. Available at: <https://www.jagd-bayern.de/bjv-verband.html> (accessed 14.06.2018) [in German].

*Deutscher Jagdverband*. Available at: <https://www.jagdverband.de> (accessed 14.06.2018) [in German].

Dubskikh A.I. *Realizatsiia kommunikativnoi strategii samoprezentatsii lichnosti v mass-medial'nom diskurse (na materiale «zvezdnykh» interv'iu): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Realization of communicative strategy of personal self-presentation in the discourse of mass-media (based on “stars” interviews: author’s abstract of Candidate’s of Philological Sciences thesis]. Chelyabinsk, 2014, 24 p. [in Russian].

Lappo M.A. *Samoidentifikatsiia i samoprezentatsiia v raznykh tipakh diskursa* [Self-identification and self-presentation in different types of discourse]. *Vestnik NGU* [Journal of Novosibirsk State University], 2012, Vol. 6, Issue 2, pp. 72–76 [in Russian]

Mikhailova E.V. *Obuchenie samoprezentatsii* [Training of Self-Presentation]. M.: Izd. dom GU VShE, 2006, 167 p. [in Russian].

Olyanich A.V. *Prezentatsionnaia teoriia diskursa: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Presentation theory of discourse: author’s abstract of Doctoral of Philological Sciences thesis]. M.: RGB, 2005, 40 p. [in Russian].

Olyanich A.V. *Prezentatsionnaia teoriia diskursa: monografiia* [Presentation theory of discourse: monograph]. Volgograd: Paradigma, 2004, 507 p. [in Russian].

Pikulyova O.A. *Klassifikatsiia samoprezentatsii lichnosti: teoreticheskie osnovaniia i problemnye aspekty* [Classification of personal self-presentation: theoretical basis and problematic aspects]. In: *Vestnik Leningradskogo un-ta* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], Series 6, 2013, no. 5(1), pp. 63–70 [in Russian].

Pikulyova O.A. *Professional'nye osobennosti samoprezentatsii lichnosti* [Vocational Peculiarities of Personal Self-Presentation]. In: *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniia* [Topical issues of psychological knowledge], 2013a. no. 2(27). pp. 80–92. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19427166> [in Russian].

Selivanova L.I. *Kar'ernaia samoprezentatsiia v internet-soobshchestve posredstvom akkaunta v sotsial'nykh setiakh* [Career self-presentation in internet community by means of the account in social networks]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University], 2012, no. 6, pp. 219–223. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19036901> [in Russian].

**К.В. Поспелова****ДРЕВНЕФРИЗСКАЯ БРАННАЯ ЛЕКСИКА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

---

© *Поспелова Ксения Вадимовна* – аспирант, кафедра германской и кельтской филологии, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1.  
**E-mail:** [pospelova1990@gmail.com](mailto:pospelova1990@gmail.com). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-0679-154X>

---

**АННОТАЦИЯ**

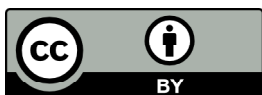
В статье рассматривается древнефризская бранная лексика, а именно 8 симплексов и сложносоставных слов, засвидетельствованных в древнефризских источниках. Древнефризский корпус является малым и с точки зрения жанрового своеобразия включает в себя исключительно правовые тексты. Поскольку в древнефризском обществе широко практиковалась кровная месть и ее компенсации, а понятие чести было одним из центральных для достоинства свободного фриза, ее оскорбление должно было быть компенсировано в суде. При этом оскорблением чести являлись не только нанесение телесных увечий или порча имущества, но и оскорбление достоинства с помощью оскорбительных слов.

В статье исследуются четыре семантические группы: оскорбления, связанные с женщинами; принижение социального статуса; принижение интеллектуальных способностей; сравнение с животными. Для каждого из восьми рассматриваемых ругательств выявляется историко-культурный контекст. Во-первых, засвидетельствованы два оскорбления, применявшиеся по отношению к женщинам или с их упоминанием. Одно из них имеет отношение к общегерманским представлениям о ночных призраках женского пола, душащих спящего, либо указывают на внебрачное рождение адресата ругательства, что непосредственно предопределяло низкий статус этого человека в средневековом обществе. Во-вторых, принижение социального статуса осуществлялось не только с указанием статуса по рождению, но и с помощью отсылки к размерам имущественного владения. В-третьих, оскорбление могло быть построено на принижении интеллектуальных способностей адресата. Наконец, последняя группа ругательств включает в себя обозначения животных, ассоциируемых с агрессией и нечистым существованием.

Рассмотрение древнефризских ругательств в широком контексте позволяет отразить важные лингво-исторические особенности древнегерманского материала на весьма ограниченной лексической выборке.

**Ключевые слова:** германские языки, древнефризский язык, словообразование, словосложение, семантические поля, бранная лексика.

**Цитирование.** Pospelova K.V. Old Frisian insults in cultural-historical perspective // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 122–126. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-122-126>.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

K.V. Pospelova

## OLD FRISIAN INSULTS IN CULTURAL-HISTORICAL PERSPECTIVE

© Pospelova Ksenia Vadimovna – postgraduate student of the Department of German and Celtic Philology, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.  
E-mail: [pospelova1990@gmail.com](mailto:pospelova1990@gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0679-154X>

## ABSTRACT

This paper discusses Old Frisian swear words used in the Medieval society to insult another member. These include 8 simplexes and compound words attested in the Old Frisian sources. The Old Frisian corpus can be characterized as a minor one, limited not only in terms of its volume, but also in terms of the genre spectrum. To be more precise, all Old Frisian texts, be that codices, charters or private letters, are related to the legal domain. As blood vengeance was widely practiced in the Middle Age Frisia, the continuous sequence of vendetta was limited through a compensation system covering a vast variety of illegal cases. The concept of honour was of great importance for the Frisians, and any offence was to be compensated in the court. At this, a person's honour could be offended not only through causing bodily harm or property damage, but through verbal insults as well.

The paper analyses four semantic groups of insults: insults related to or addressed to females; social status understatement; intellectual abilities understatement; comparison with animals. Each of the eight cases considered in the paper are discussed within a wider cultural-historical context. First of all, the female-related swear words are connected with, on the one hand, the pan-Germanic idea of female night spirits choking the sleeping person, or, on the other hand, emphasize the bastardly status of the addressee, which would negatively predetermine their position in the Frisian society. Secondly, the addressee could have been insulted by a direct statement of their limited or completely absent property, which would assert their low social status as well. Thirdly, and this case is still relevant for the contemporary world, an insult could have been based on a statement of the addressee's limited intellectual capabilities. Finally, the fourth group includes designations of animals associated with aggression or indecency.

An analysis of Old Frisian swear words and their functions as insults in a wider context allows to touch upon and reflect basic linguo-historical features of the Old Germanic data despite the minimal volume of the lexical selection.

**Key words:** Germanic languages, Old Frisian, word-formation, compounding, semantic fields, insults.

**Citation.** Pospelova K.V. Old Frisian insults in cultural-historical perspective. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 122–126. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-122-126>.

## FRISIAN AS A LANGUAGE

West, East and North Frisian are **West Germanic** languages [Munske 2001] or dialects of one language that used to be spoken along the entire southern coast of the North Sea. Nowadays Frisian spoken in the Netherlands and in Germany. In the Netherlands, West Frisian is spoken in the north of the country, in the province of Fryslân, where about 74 % of the population of ca. 620,000 (1999) are able to speak Frisian. Thus, the total number of Frisian speakers in the Netherlands amounts to roughly 400,000 (based on representative sample surveys in 1967, 1980 and 1994) [quoted after Gorter 2001, p. 74]. In Germany, Frisian is spoken in two areas. In the municipality of Saterland in Low Saxony, the number of Frisian speakers has been decreasing since 1945. Nowadays less than 20 % of the total

population of 12,000 inhabitants speak Frisian [Fort 2001, p. 410], which amounts to ca. 2,400. The other Frisian-speaking area in Germany is the west coast of Schleswig-Holstein, as well as islands Sylt, Föhr, Amrum and Heligoland, and several small islets [Walker 2001, p. 263], with some 60,000 people of the population (37 %) considering themselves Frisian, 8–10,000 of which (5 % of the population) speak Frisian [Walker 2001, p. 263]. Investigations into Frisian, a minority language [Versloot 2008, p. 4], are scarce, as most attention has traditionally been paid to the larger Germanic languages by which Frisian is surrounded [Munske 1979].

Historically speaking, Old Frisian is an **Ingvaeonic** language, or, in other words, it belongs to the North Sea Germanic group including Anglo-Saxon, Old Saxon, Middle Low German and, partly, Dutch [Markey 1981, p. 16]. Being the closest relative of Old

English, Frisian has preserved some of the early features of the Anglo-Frisian language cluster, for instance, such phonetic features as the nasal spirant law and palatalization [Fulk 1998, p. 140–154], and some compound cognates attested exclusively in Old English and Old Frisian [Carr 1939, p. 115, 124, 143]. On top of that, Old Frisian is the only language to share some lexical features with English, e.g., lexical equivalents New English *brain*/Frisian *brein*, New English *key*/Frisian *kāi*. By now, Frisian and English have driven apart to a great extent, because they have for centuries been under a major influence of, among other languages, Dutch and French, respectively.

### OLD FRISIAN AND ITS FEATURES

The written tradition begins about 1200 with the old Frisian Psalter Fragments. Before the tradition of manuscript production starts, there are some twenty runic inscriptions dated back to the time between 500 and 800 AD. Stray words in Old Frisian are attested in the *Lex Frisionum* and the *Traditiones Fuldenses* (both ca. 800); another set of Old Frisian words are place-names in ecclesiastical possessions. Ingvaemonic develops into proto-Frisian and other variants of Germanic in the 6th–8th centuries. There are two main branches of the language, divided by the river Lauwers, proto-Old West Frisian and proto-Old East Frisian. The main corpus of Old Frisian is dated from between ca. 1200 and 1550. Despite all the differences of dialect, diachronically and spatially, the Old Frisian texts are considered the corpus of one language. They consist of: (1) legal codices, (2) charters, (3) letters. The rest of the corpus consists of smaller categories that are less numerous: chronicles, sermons, and poetry/rhyming texts.

**The Old Frisian corpus can be characterized the following way:**

1. The earliest manuscripts in (Old) Frisian date back to the 13–16 cc., i.e. they can be aligned with Middle English, Middle German and Middle Dutch periods. Due to this chronological ‘asymmetry’, it has been widely discussed whether Old Frisian should actually be classified as Middle Frisian [de Haan 2010, p. 25; Gukhman et al. 1963, p. 8]. In this paper, the oldest stage of Frisian is referred to as Old Frisian, in line with the tradition of tripartite classifications followed in Old Germanic studies.

2. The reason for the above-mentioned ‘asymmetry’ has to do with the initial orality of Frisian laws. Initially they existed only as part of an oral tradition and were written down at a later stage. Thus, the Old Frisian codices provisionally reflect an earlier stage of the language development as opposed to, e.g., Old Frisian charters that reflect the language as it was at the moment of fixation [Bremmer 2014].

3. Old Frisian manuscripts originate from various parts of *Frisia Magna*.

4. In terms of genres, the Old Frisian corpus includes legal codices from 1200–1550 [Bremmer

2014, p. 602–603], which amount to roughly half of the available sources, and charters and letters, mostly from later times.

The Old Frisian corpus is quite limited both in terms of its volume and the spectrum of genres. Swear words and mentions of insults, on the one hand, could have been expected in other types of texts, e.g., those documenting Medieval vulgar songs or popular tales. On the other hand, the legal domain is likely to list cases of insult as well: they are given as examples of appellative constructions deployed in order to insult another member of the Frisian society. Insults, as one of the honour offence categories, were conceptually similar to wounding, or property damage.

### INSULT AS HONOUR OFFENCE

The Medieval Frisian society was, first of all, autonomous and, secondly, saw continuous disputes between its members. As a result, blood vengeance was wide-spread in Frisia at that time [Nijdam 2008, p. 332–333]. In order to prevent an endless sequence of revenge killings it was necessary to stipulate compensation tariffs for any damage. The main concepts included body, honour, vengeance and compensation; yet – as one might consider due to the ‘body’ element being introduced – the spectrum of what could be damaged was not limited to the material world only: “<...> Medieval Frisia is an excellent case study, because it was an autonomous feuding society, where violence and revenge were an integral part of daily life. Medieval Frisia also produced the abundant genre of the compensation tariffs. In these texts, all kinds of injuries, assaults and *insults* are enumerated” [Nijdam 2008, p. 332–333].

The compensation volume was conditioned by a significant number of factors, therefore documentation of the smallest detail of the violation was of high importance. Most of the compensations comprised by the Old Frisian codices have to do with the injuries that could be detected through a visual examination, as the victim was to demonstrate their injuries before the judges. At the same time, proof of offence was possible as well.

### ANALYSIS

This paper treats several groups of insults: insults related to or addressed to females; social status understatement; intellectual abilities understatement; comparison with animals. Some of the lemmata are grouped together as they occur in a single quotation. Each lemma is followed by the source token in the brackets. The tokens are presented in line with the tradition of the Hofmann & Popkema’s Dictionary<sup>1</sup> [Hofmann & Popkema 2008].

#### 1. NIGHTMARE (ABOUT A FEMALE)

*nachtmerie* (SnR), *merie* (LwS) ‘nightmare; night ghost’

<sup>1</sup> The tokens are listed in the back annex of the Dictionary.

The compound word has cognates in Germanic and occurs in these languages texts roughly from the 13<sup>th</sup> century on. The exact meaning of the word in Germanic is ‘an evil female spirit afflicting sleepers with a feeling of suffocation’ (Middle Dutch *nachtmare*, German *Nachtmahr*) [etymonline].

The variety of Old Frisian designations of female persons, obviously, is not limited to offensive references [Pospelova 2018]. One of the most significant features of a woman’s position on the Medieval society is her unfree, dependent position [Algra 2001, p. 564–565]. Texts written in Western Europe in the Medieval times mention females mostly in relation to sexual abuse, compensations for abuse of pregnant women and various types of offence of women, which was considered to be an insult for the entire family [Nelson & Rio 2013, p. 105–115]. A female was believed to lack the intellectual capacities necessary for representing herself in the court, taking part in administrative affairs or taking the legal responsibility for herself [Shahar 2003, p. 11–21]. At the age of 12, which was the maturity age [Algra 2001, p. 565], a girl had the right to select a partner and from that time on was in his custody. Designations of female administrators appear only in later Frisian texts, mostly in charters [Hofmann & Popkema 2008]. Before that time, a female’s role outside her family could only have been played in a monastery or through being engaged in manual labour activities like wool brushing.

Calling a female person a ‘nightmare’ suggests parallels with the concept of a woman as a witch, which can be tracked in Old Germanic through analysis of legal terms, namely designations for ordeals [Hofmann & Popkema 2008].

## 2. SLAVE, WOLF, LANDLOPER

*dae Jniurie virden als landloper, schalck ende wolff* (SnR 5253, 1516)

‘Such offensive words as landloper, slave and wolf

*landloper* (SnR) ‘landloper, waderer’

*skalk* (Exc-A, GFr-A, JF-Ro, L<sub>24</sub>-DE<sub>1</sub>FHJR<sub>1</sub>U, LwS, SnR, We<sub>16</sub>-E<sub>1</sub>) ‘slave; evil person’

*wulf, wolf* (GFr-A, JF-Ro, SnR) ‘wolf’

The structure of the Frisian society in the High Middle Age included three strata: (1) *ethela*, the nobles, allodial land owners, who received income from their lands, as well as duties from peasants possessing their own hereditary lands (*ein* ‘own’ or *einervad* ‘own hereditary’); (2) free Frisian members not in possession of any land; (3) the half-free (*letar*) and unfree (*unein*) Frisians. The first two groups considered themselves *Free Frisians*, i.e. direct subordinates to the king, thus being exempt from feudal obligations [Bremmer 2009, p. 3–5]. Their independence, both within the society and at a national scale, was of great importance for the Frisians. Presumably, this is the reason for ‘slave’ and ‘landloper’ to be extremely offensive when applied to a free person.

The concept of ‘wolf’ is associated with the dark sides of the personality, e. g. Old English *wulf* had

both meaning attested ‘wolf; wolfish person, devil’ (from Proto-Germanic \**wulfaz*; Old Saxon *wulf*, Old Norse *ulfr*, Dutch, Old High German, German *wolf*, Gothic *wulfs*) [etymonline]. Taking into account aspects of the meaning of *skalk* ‘slave; evil person’ in the previous section, where calling someone an ‘evil person’ allows to be interpreted as an accusation of an illegal action, the ‘evilness’ of a *wolf* might well be analysed by analogy.

## 3. SON OF A WHORE, FOOL, DOG

*hōrbred* (LwS) ‘son of a whore’

*gek* (SnR) ‘fool’

*hund, hond* (BBr-D, BDg-U, BEm-E<sub>1</sub>E<sub>2</sub>E<sub>3</sub>, BFDg-J, BFW-U, BHm-J, BLw-JU, BrB-B, BW<sub>5</sub>D-J, BWb-JU, Cra, Dom-DFJU, Exc-A, HrFr, JF-Ro, L<sub>24</sub>-DE<sub>1</sub>FHJR<sub>1</sub>U, O, RgJ-J, SkRa-DRo, SnR) ‘dog’

The child’s birth status conditioned their entire life. One can see a number of cases reflected through lexis: from *hφr-bern*, *hφr-kind*, *hφrning* ‘whore child’ with no hereditary rights and *spil-kind* ‘premarital child’ and *jung-hēra* ‘young lord’.

‘Dog’, semantically, seems similar to ‘wolf’ in terms of its semantics. Yet it looks more plausible that it is not the aspect of ‘evilness’ emphasized in the offensive usage; the concept of a dog as a hunting animal lacking proper living conditions rather suggests that by calling someone a dog a Frisian would put the interlocutor into a socially inferior position.

Finally, there is one lemma with unclear meaning: *rikker* (SnR; or *wikker*? [Hofmann & Popkema 2008]), yet definitely offensive. Existence of words like *rike* ‘rich’ or *woka* ‘to soften’ do not provide any firm grounds for deducing the semantic pattern.

## CONCLUSION

The paper analyses eight Old Frisian swear words. Formally grouped into four categories, these words actually be connected with 2 insulting strategies: degrading the social status of the interlocutor, or their intellectual abilities. The only exception is (*nacht*)*merie* ‘nightmare’ used in relation to a woman and resonating with the concept of a woman as a witch. Overall, it seems that the social status played one of the most significant roles in the Medieval Frisian society, which makes perfect sense when considering the hereditary patterns.

## References

- Algra N.E. (2001). Outline of Frisian Law in the Middle Ages. In: *Handbuch des Friesischen = Handbook on Frisian Studies*. Tübingen: Niemeyer, pp. 555–570. DOI: <https://doi.org/10.1075/nowele.45.1lib> [in English].
- Bremmer R.H. Jr. (2014). The Orality of Old Frisian Law texts. In: *Directions for Old Frisian Philology. Amsterdamer Beiträge zur älteren Germanistik Band 73* edited by Bremmer R. H. Jr. & Laker S. & Vries O. Amsterdam; New York: Rodopi, pp. 1–48. ISBN 978-90-420-3909-4 [in English].

- Carr Ch.T. (1939). *Nominal Compounds in Germanic*. London: St. Andrews University. Publications. No. XVI. [in English].
- Fort M.E. (2001). The East Frisian Dialect of the Saterland. In: *Handbuch des Friesischen = Handbook on Frisian Studies*. Tübingen: Niemeyer, 2001, pp. 409–422. DOI: <https://doi.org/10.1075/nowele.45.11lib> [in English].
- Fulk R.D. (1998). The Chronology of Anglo-Frisian Sound Changes. In: *Amsterdamer Beiträge zur Älteren Germanistik*, Band 49. Estrikken: teksten en stúdzjes op it mêd fan de Fryske taal en skriftekennisse (72). Rodopi, pp. 139–154. ISBN: 904200651X, 9789042006515 [in English].
- Gorter D. (2001). Extent and Position of West Frisian. In: *Handbuch des Friesischen = Handbook on Frisian Studies*. Tübingen: Niemeyer, 2001, pp. 73–82. DOI: <https://doi.org/10.1075/nowele.45.11lib> [in English].
- Gukhman M. & Zhirmunsky V. & Makaev E. & Yartseva V. (1963). *A comparative grammar of the Germanic languages (SGGJA)*. In five volumes. V. 3: *Morphology*. M.: Academy of Sciences [in Russian].
- Haan G.J. de (2010). Why Old Frisian is really Middle Frisian. In: *Studies in West Frisian Grammar*. John Benjamins Publishing, 2010. Initially in: *Folia Linguistica Historica XXII/1-2* (2001), pp. 179–206. DOI: <https://doi.org/10.1075/la.161> [in English].
- Hofmann D. & Popkema, A. (2008). *Altfriesisches Handwörterbuch*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter. DOI: <https://doi.org/10.7767/zrgga.2010.127.1.512> [in English].
- Lieber R. & Štekauer P. (2009). *The Oxford handbook of compounding* Oxford; New York: Oxford University Press, 344 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199695720.001.0001>.
- Müller P.O. & Ohnheiser I. & Olsen S. & Rainer F. (2015). *Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe*. De Gruyter Mouton. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110375732> [in English].
- Munske H.H. (1979). *Die Frisistik – ein Mauerblümchen der germanischen Sprachwissenschaft*. In: *Us Wurk* 28, no 1–4. pp. 163–178 [in German].
- Munske H.H. (2001). *Handbuch des Friesischen = Handbook on Frisian Studies*. Tübingen: Niemeyer, 2001. DOI: <https://doi.org/10.1075/nowele.45.11lib> [in German].
- Nijdam H. (2008). *Lichaam, eer en recht in middeleeuws Friesland: een studie naar de oudfriese boeteregisters*. Hilversum. ISBN: 9789087040512 [in Dutch].
- Nelson J. & Rio A. (2013). Women and Laws in Early Medieval Europe. In: *The Oxford Handbook of Women and Gender in Medieval Europe*. Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199582174.001.0001> [in English].
- Pospelova K.V. (2018). *Oboznacheniiia lits zhenskogo pola v lits zhenskogo pola v drevnefrizskom iazyke [v pechati]* [Female designations in Old Frisian [accepted]]. [Vestnik TvGU. Series: Philology], 2018, no. 2, pp. 46–50. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35258649> [in Russian].
- Shahar S. (2003). *The Fourth Estate: A History of Women in the Middle Ages*. London: Routledge. ISBN: 1134394209, 9781134394203 [in English].
- Versloot A.P. (2004). Why Old Frisian is still quite old. In: *Folia Linguistica Historica XXV/1-2*, pp. 257–302. DOI: <https://doi.org/10.1515/flih.2001.22.1-2.0> [in English].
- Versloot A.P. (2008). *Mechanisms of Language Change. Vowel Reduction in 15<sup>th</sup> Century West Frisian*. Utrecht, LOT. DOI: <https://doi.org/10.1075/nowele.60-61.12lib> [in English].
- Walker A.G.H. (2001). Extent and Position of North Frisian. In: *Handbuch des Friesischen = Handbook on Frisian Studies*. Tübingen: Niemeyer, 2001, pp. 263–283. DOI: <https://doi.org/10.1075/nowele.45.11lib> [in English].
- Etymological dictionary of English. Available at: [www.etymonline.com](http://www.etymonline.com) (accessed 01.06.2017) [in English].

А.В. Сазонова

**ЯЗЫКОВЫЕ СИСТЕМЫ ТЕСТИРОВАНИЯ В ЕВРОПЕ И В РОССИИ:  
ПРИЧИНЫ СОЗДАНИЯ, ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ**

© Сазонова Анастасия Вячеславовна — аспирант, кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119234, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

E-mail: heekame49@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9076-3404>

**АННОТАЦИЯ**

Во все времена люди стремились к объективному контролю знаний. В этом отношении тестирование было одним из лучших решений: личное отношение экзаменатора не могло повлиять на выставление оценки. Поэтому идея тестирования как формы контроля знаний появилась еще в древние времена. Активно развивать тестирование продолжили в начале XX века.

Причины разработки языкового тестирования в Европе связаны прежде всего с появлением Европейского Союза. Единое экономическое пространство требовало от работников знания иностранных языков, подтвержденного соответствующими сертификатами. Благодаря распространению языкового тестирования и создания международных организаций, занимающихся развитием тестирования, в странах Европы стало возможным унифицировать языковые экзамены разных стран. В России сложилась другая ситуация. После распада Советского Союза русский язык стали воспринимать в зарубежных странах как еще один иностранный язык наряду с немецким, английским или французским. Следовательно, требовалось создать такую систему языкового тестирования, которая позволит русскому языку интегрироваться в систему европейского образовательного пространства. При создании системы языкового тестирования российские исследователи опирались на европейский опыт, однако учитывалась специфика русского языка и те разработки, которые уже имелись в отечественной методике. В скором времени российская система тестирования встретит свое двадцатилетие, и система ТРКИ продолжает развиваться.

В статье представлена история тестового контроля, этапы развития лингводидактического тестирования. Кроме этого, рассмотрены причины появления систем тестирования, цели и задачи, которые ставили перед собой европейские исследователи и их российские коллеги.

**Ключевые слова:** иностранные языки, русский язык как иностранный, европейская система тестирования, система ТРКИ, тестирование.

**Цитирование.** Сазонова А.В. Языковые системы тестирования в Европе и в России: причины создания, цели и задачи // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 127–134. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-127-134>.





A.V. Sazonova

**LANGUAGE TESTING SYSTEMS IN EUROPE AND IN RUSSIA:  
REASONS FOR CREATING, PURPOSES AND OBJECTIVES**

© *Sazonova Anastasia Vyacheslavovna* – postgraduate student, Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian Language as Foreign, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119234, Russian Federation.

**E-mail:** heekame49@gmail.com. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0001-9076-3404>

**ABSTRACT**

At all times, people have sought to objectively control knowledge. In this regard, testing was one of the best solutions: the personal attitude of the examiner cannot affect the grading. The idea of testing as a form of control of knowledge had already appeared in the ancient times. Active development of testing had already been started in the beginning of the XX century.

The reasons for elaboration of language testing in Europe are connected, first of all, with the foundation of the European Union. The united economic space required from workers knowledge of foreign languages confirmed by corresponding certificates. After the spread of language testing and the creation of international organizations involved in the development of testing in Europe, it has become possible to unify the language exams of different countries. In Russia there manifested another situation. After the breakdown of the Soviet Union, the Russian language began being perceived in foreign countries as one more foreign language together with German, English or French. Therefore, it was required to create a new system of language testing, which would allow Russian language to integrate into the system of European educational space. When Russian researchers created a language testing system, they used the European experience, but took into account the specifics of the Russian language and the developments that already existed in the Russian methodology. Now we can see, that their experiment has great results. Soon the Russian testing system will hold its twentieth anniversary, and the TORFI system will continue to evolve.

In the article the history of test control, the stages of development of linguistic-didactic testing are presented. The reasons of appearance of test systems, the purposes and aims assigned by European researchers and their Russian colleges are considered.

**Key words:** foreign languages, Russian as foreign language, European test system, Russian state test system of Russian as foreign language, testing.

**Citation.** Sazonova A.V. *Iazykovye sistemy testirovaniia v Evrope i v Rossii: prichiny sozdaniia, tseli i zadachi* [Language testing systems in Europe and in Russia: reasons for creating, purposes and objectives]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 127–134. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-127-134>.

**Введение**

В современном мире широко распространена идея лингводидактического тестирования. Сегодня уже трудно представить, что еще в недавнем прошлом в нашей стране даже не задумывались о создании и проведении языковых тестов, а в Европе разработка системы языкового тестирования только началась.

Российская государственная система тестирования по русскому языку как иностранному (далее – ТРКИ) появилась в конце XX – начале XXI века, и от момента создания до настоящего времени она активно развивается. Для успешного проведения дальнейших исследований в области лингводидактического тестирования необходимо проанализировать причины, цели и задачи создания языковых систем тестирования в Европе и в России.

**История тестирования**

Потребность в проверке знаний учащихся возникла одновременно с появлением процесса образования. И во многом система проверки (форма и содержание контроля, критерии оценки и др.) зависела от экзаменатора: ведь именно он, исходя из своего субъективного мнения, решал, какой оценки заслуживает учащийся.

Времена менялись, все чаще требовалась объективная система экзаменов. Первая подобная система появилась в Древнем Китае. Ее использовали при отборе будущих чиновников императорского двора. Объективность системы обеспечивалась ее ступенчатым характером (сначала проводили экзамен по каллиграфии, а в дальнейшем проверялись письменные коммуникативные умения), а также ее открытыми и равными условиями для всех

претендентов. Помимо Древнего Китая, тестирование проводилось в Древнем Вьетнаме, Древней Греции, а позже – и в средневековой Европе.

С развитием капиталистических производственных отношений актуализировалась проблема всеобщей грамотности. Ученые вновь обратились к проблемам объективного тестирования. Но из-за консервативности систем образования того времени некоторые разработки в области тестирования были упущены из виду. Настоящий тестовый бум случится только в 1915 году в США [Балыхина 2004, с. 4]. Тестов в то время создавали много. Особенно популярны были учительские тесты. Конечно, с научной и методической точек зрения оставалось все еще много неясного, но за рубежом уже началась активная работа в этой сфере.

Если говорить об опыте использования тестов в отечественном образовании, то первый печатный сборник тестов появился еще в Советском Союзе в 1928 году. Тесты из этого сборника использовали в начальной школе для проверки общих знаний. Новая форма учета и контроля считалась средством, которое позволяет «индивидуализировать процесс обучения», «облегчить проведение самоконтроля учащимися» и «облегчить педагогу проверку работ учащихся» [Балыхина 2004, с. 10]. Советские исследователи тестовых методов контроля получили признание в мире; в частности, их доклады с интересом были восприняты участниками парижского съезда по психотехнике, который состоялся в 1927 году.

Но, помимо достижений, проявились и минусы системы. Произошла абсолютизация тестового контроля, и материалы стали отправлять в учреждения без должной экспериментальной проверки. Известны случаи использования в школе тестов для определения интеллектуальных способностей учащихся с целью последующего разделения их на классы [Балыхина 2004, с. 11]. Это вызвало отрицательное отношение у учителей и детских психологов и побудило правительство практически на 40 лет остановить исследования в области тестирования.

Истинными же причинами запрета можно считать усиление в образовательных кругах субъективных методов контроля качества знаний и преувеличение теории о равенстве способностей людей и их одинаковой обучаемости.

К теме тестирования вернулись в 60-е годы, когда в СССР возникли идеи программного обучения. В рамках программирования обучения осуществлялись новые исследования возможностей тестовой методики программирования контроля: машинной и безмашинной проверки знаний с помощью технологий тестового характера. Началась разработка теоретической базы по созданию и применению тестов, но в то время еще не было необходимой корреляции между теорией и практикой. На практике тесты применялись локально и внедрялись неоправданно медленно.

### Три этапа развития лингводидактического тестирования

Лингводидактическое тестирование как научное направление появилось в XX веке. Согласно периодизации Бернарда Спольски, история развития лингводидактического тестирования делится на три этапа: начальный (донаучный), психометрически-структуралистский и психолингвистически-социолингвистический [Spolsky 1985, с. 10–11]. Проанализируем данные этапы.

#### Первый этап

Начальный период длился до середины 50-х годов XX века. Донаучным он назван по причине недостаточной разработанности теоретической базы лингводидактического тестирования. Первое исследование, специально посвященное проблемам лингводидактического тестирования в сфере иностранных языков, датируется 1925 годом. Бен Вуд провел массовое языковое тестирование по французскому и испанскому языкам, предварительно подвергнув тесты экспериментальной проверке и стандартизации. Это стало началом разработки теоретических описаний процедуры тестирования в области иностранных языков. Помимо этого, тестовый контроль начинает широко применяться в зарубежной школьной практике преподавания иностранных языков [Рапорт, Сельг 1987, с. 58].

Психометрически-структуралистский период продолжался с середины 50-х до конца 60-х годов прошлого века. Его суть ясна из названия: при создании тестов разработчики опирались на достижения в области психометрических теорий и структурный подход в лингвистике. Для этого периода были характерны «высокая степень объективности тестов, разработка статистических методов оценки как самих тестовых материалов, так и работ тестируемых, преимущественное использование в тестах заданий множественного выбора, опора на надежность как приоритетный критерий качества теста» [Цатурова 2001, с. 89].

Особо необходимо отметить значимость теоретических исследований в области тестирования американского ученого Роберта Ладо. Одним из первых в зарубежной лингводидактике он серьезно занялся вопросом о том, как следует проводить тестирование по иностранному языку. Многочисленными примерами из практики Ладо доказывает, что необходимо тестировать отдельные элементы языковой системы отдельно в зависимости от целей и условий тестирования [Lado 1961, p. 30]. Именно он предложил дискретный способ тестирования, в соответствии с которым в одном задании тестируется только одна языковая трудность.

Со временем изменилась цель обучения иностранному языку. Обучение стало практически направленным, и с конца 60-х – начала 70-х годов прошлого века начался современный этап развития лингводидактического тестирования, который характеризуется прагматико-коммуникативным подходом к этой форме контроля.

После распада Советского Союза в реалиях нашей страны многое изменилось. Некоторые бывшие республики СССР были признаны независимыми государствами, отдельные страны Восточной Европы сменили политический курс. Новая Россия широко открыла свои границы для иностранных граждан, желающих обучаться в российских вузах или вести бизнес на российском рынке.

Важным обстоятельством, повлиявшим на создание системы тестирования по русскому языку как иностранному, явилось и то, что русский язык утратил свое бесконкурентное положение в странах бывшего соцлагеря и стал одним из языков международного общения наряду с английским, немецким или французским.

### Второй этап

Это актуализировало задачу описать его подобно остальным европейским языкам, имеющим такой же статус. Внедрение в практику преподавания РКИ разноуровневого сертификационного тестирования позволяло «определять степень сформированности коммуникативной компетенции по русскому языку иностранных граждан независимо от времени и места их обучения, содействовало унификации требований к содержанию обучения в различных российских образовательных центрах, создавало предпосылки для интеграции российского образования в европейское образовательное пространство» [Клобукова, Степаненко 2014, с. 1].

Однако на процесс создания российской системы языкового тестирования повлияли не только социально-политические факторы. К концу XX века в методической среде назрел пересмотр ранее сформировавшихся методических стереотипов. Методисты того времени настойчиво стремились к формированию у учащихся способности к самообучению, а преподаватели-практики уделяли повышенное внимание созданию прочной мотивационной основы обучения. Помимо всего прочего, специалисты стали вести «более строгий учет целей обучения, ради достижения которых зарубежные граждане выбирают русский язык», подбирали адекватные этим целям учебно-методические материалы нового поколения, разрабатывали «гибкие модели обучения, позволяющие максимально индивидуализировать учебный процесс» [Клобукова 1998, с. 8].

Необходимо особо подчеркнуть, что создание Российской системы тестирования «явилось закономерным этапом развития отечественной лингводидактики» [Балыхина и др. 2003, с. 4]. Разработчики системы опирались на богатый опыт, накопленный отечественными специалистами за долгие годы практики. Надо отметить тот факт, что, несмотря на то что советская система образования не была рассчитана на тестовые формы проверки, имелись определенные методические разработки и в области тестологии. Так, в 1971 году в издательстве Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова был издан сборник контрольных работ, которые предназначались для про-

верки умений иностранных учащихся использовать полученные в ходе учебной работы языковые знания в неподготовленной, ситуативно обусловленной устной и письменной речи: в чтении, говорении, аудировании и письме [Зыкина, Нахабина, Шипицо 1971, с. 5]. Этот сборник задал направление современному комплексному тестированию, где обязательно есть субтесты по проверке умений в чтении, письме, аудировании и говорении. В то же время сборник еще не был ориентирован на тестовые технологии проверки, поэтому отсутствовал прозрачный и отчетливо описанный механизм оценивания уровня сформированности у иностранного учащегося речевых навыков и умений.

В конце 80-х – в начале 90-х годов XX века в России начали появляться преподавательские и локально стандартизированные тесты. Так, к локально стандартизированным тестам можно отнести «Абитуриент-тест», который являлся первым шагом на пути формирования системы единого унифицированного независимого контроля, на пути разработки стандартизированных тестов [Битехтина и др. 1994, с. 2]. Это был комплексный тест для иностранцев, желающих поступить в университеты России. Он состоял из пяти тестов, которые определяли сформированность грамматических и лексических навыков, умений понимания речи на слух, говорения, чтения и письма.

Теоретическая же разработка самой системы началась в 1992 году коллективами специалистов из ведущих российских вузов – МГУ имени М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета. Разработка велась в рамках министерской программы «Университеты России» [Балыхина 2003, с. 8]. Отсутствие подобных описаний русского языка на более ранних стадиях развития теории и методики преподавания РКИ объяснимо. Как уже упоминалось выше, в отечественной системе образования отсутствовала потребность такого научно-методического продукта, как система стандартизированных критериально ориентированных тестов общего владения РКИ. Отечественная система контроля была нацелена на формы и профили обучения в вузах СССР, а новая система языкового тестирования рассчитана на любого человека, желающего выявить и сертифицировать уровень своей коммуникативной компетенции в изучаемом языке [Клобукова 1998, с. 6].

**Цели создания общеевропейской системы тестирования.** Задачи организации единого языкового тестирования в разных странах Европы актуализировались в Европе в конце XX века в связи с началом процессов интеграции: 1 ноября 1993 года был создан Европейский Союз (ЕС). Помимо многих политических и экономических преимуществ, которые получили входящие в него страны, появились и некоторые проблемы, связанные, в частности, с национальными языками и языковой политикой. Коммуникация между представителями стран – участниц ЕС должна была осуществляться свободно, но при этом на территории ЕС необходимо было сохранить языковое многообразие.

В соответствии с этими социально значимыми целями и задачами в 1989 году Совет Европы начал реализацию проекта «Изучение языков для европейского гражданства», который в целом был завершен к 1996 году. Курирующим органом был назначен Совет по культурному сотрудничеству. Проект преследовал следующие цели:

- преодолеть трудности, которые возникают при общении профессионалов в области преподавания и изучения иностранных языков, вызванные различиями в образовательных системах Европы;

- дать возможность преподавателям и разработчикам тестов осмыслить свою работу и объединить усилия, направленные на удовлетворение реальных потребностей учащихся;

- способствовать прозрачности учебных курсов;

- создать условия для международного сотрудничества в сфере современных языков;

- обеспечивать признание квалификационных характеристик, невзирая на то, в каких учебных контекстах они были получены, что, в свою очередь, должно было способствовать свободе передвижения в Европе;

- поощрять методики преподавания современных языков, развивающих независимость мышления, суждений и действий [Общеввропейские компетенции... 2005, с. 20–21].

Очевидно, что деятельность Совета по культурному сотрудничеству была направлена на стимулирование, поддержку и координацию усилий правительственных и неправительственных институтов стран – участниц ЕС с целью совершенствования процесса изучения иностранных языков. Все это необходимо было реализовать в соответствии с фундаментальными принципами, определенными Советом Европы в Приложениях к документу «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка» (далее «Общеввропейские компетенции»). Встречи на высшем политическом уровне определили и **главную цель процесса обучения**: подготовку граждан к жизни в демократическом сообществе.

Большое влияние на формирование целей системы языкового тестирования в Европе оказала концепция многоязычия. Многоязычие – это не многообразие языков, а знание индивидуумом нескольких языков или сосуществование нескольких языков в данном сообществе. Явление многоязычия возникает по мере расширения в культурном аспекте языковых потребностей индивидуума – от языка семьи до языка общества, в котором он живет. Ведь языки и культуры не существуют в сознании индивидуума обособленно друг от друга, а формируют коммуникативную компетенцию на основе всех знаний и языкового опыта, где эти языки взаимодействуют. Многоязычие можно рассматривать только в поликультурном контексте [Общеввропейские компетенции... 2005, с. 24].

С учетом явления многоязычия расширяется и цель языкового образования. Целью становится развитие такого лингвистического репертуара, в котором есть место широкому спектру лингвистических умений.

Учащемуся необходимо предоставить возможность развивать многоязычную компетенцию. Другими словами, достижение какого-либо уровня владения иностранным языком является целью только на определенном этапе обучения, но не конечной целью обучения.

**Принципы и задачи общеввропейской системы языкового тестирования.** Согласно документу «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка», деятельность Совета по культурному сотрудничеству Совета Европы в области современных языков основывается на согласованности и преемственности действий в соответствии со следующими основными принципами:

- богатое языковое и культурное наследие Европы является ценнейшим ресурсом, который необходимо оберегать и развивать. Образование призвано преодолеть положение, когда языковое многообразие препятствует общению, многообразие языков должно превратиться в инструмент взаимобогащения и понимания;

- совершенствуя изучение современных языков, можно содействовать коммуникации и взаимному общению европейцев, повышению свободы передвижения населения, развитию взаимопонимания и сотрудничества, преодолению предрассудков и дискриминации;

- страны – участницы ЕС могут согласовывать свои действия на европейском уровне [Общеввропейские компетенции... 2005, с. 13].

Для достижения целей, установленных разработчиками системы тестирования, был определен ряд задач, связанных с современными языками. Среди них важнейшими являлись следующие:

- подготовить европейцев к решению задач, возникающих в связи с возрастающей свободой передвижения населения, более тесного сотрудничества в разных областях, в том числе в области науки, культуры и образования;

- способствовать развитию взаимопонимания, терпимости, уважения личности и культурного многообразия;

- поддерживать и развивать богатство и многообразие культур в Европе, стимулируя изучение иностранных языков, включая малоизучаемые языки;

- содействовать удовлетворению потребностей в межкультурном общении европейцев, живущих в поликультурной и многоязычной Европе;

- предотвратить возможные проблемы тех граждан, которые не владеют умениями, необходимыми для общения в интерактивной Европе [Общеввропейские компетенции... 2005, с. 14–15].

Идея многоязычия оказала влияние и на задачи, стоящие перед системой тестирования по иностранному языку. Была поставлена новая задача: стимулировать мотивацию и уверенность молодых учащихся при встрече с новым языком, развивая их умение продолжать изучение языков вне школы.

Как уже упоминалось ранее, в России также работали над системой тестирования. Хотя разработчики ориентировались на опыт европейских коллег, система тестирования по русскому языку

как иностранному по-своему отличались от других национально-ориентированных систем. Поэтому стоит отдельно рассмотреть цели, принципы и задачи системы ТРКИ [Андрюшина и др. 2013].

**Цели создания системы ТРКИ.** Создание системы ТРКИ преследовало ряд целей

- помогать продвижению русского языка как языка международного общения, повышать его авторитет в мире;

- способствовать расширению позиций русского образования, повышать качество подготовки в российских вузах зарубежных специалистов;

- содействовать признанию российских документов об образовании на международном уровне, интеграции российской высшей школы в европейскую и мировую систему образования;

- объединять усилия и координировать работу научно-методических коллективов и специалистов в области теории и методики преподавания РКИ и лингводидактического тестирования;

- осуществлять государственный контроль за уровнем подготовленности иностранных граждан к активной речевой деятельности на русском языке согласно образовательным стандартам;

- постепенно внедрять в практику преподавания тестовые формы и методики контроля;

- налаживать сотрудничество с различными национальными системами тестирования по родному языку и с международными организациями, занимающимися вопросами лингводидактического тестирования [Балыхина 2006, с. 6].

ТРКИ обеспечила стандартизацию целей овладения русским языком как иностранным в условиях вариативности и многообразия способов изучения языка. Система давала возможность соотносить цели, содержание и приемы обучения русскому как иностранному с представлениями учащихся о перспективах использования ими языка в реальной действительности.

### Третий этап

Для достижения поставленных разработчиками целей Системе ТРКИ необходимо было решить ряд задач. Первоочередной являлось выделение уровней общего владения РКИ. К каждому из выделенных уровней необходимо было разработать и издать стандарты, программы и лексические минимумы. Помимо всего прочего, разработчикам предстояло создать и опубликовать систему типовых тестов-образцов по каждому уровню, а также систему тренировочных тестов для каждой группы пользователей. А для проведения сертификационного тестирования разработчики должны были подготовить систему контрольных вариантов типовых тестов [Клобукова, Степаненко 2014, с. 10].

**Принципы создания системы ТРКИ.** Принципы, положенные в основу разработки Российской системы тестирования по русскому языку как иностранному, наиболее полно описаны в монографии «Что такое русский тест?» [Балыхина 2006, с. 6–7]. Автор выделяет 9 наиболее важных принципов. Так, в соответствии с *принципом легитимности* деятельность в системе ТРКИ не должна нарушать права человека, законы Российской Фе-

дерации; она подчиняется законам и подзаконным актам Министерства образования и науки Российской Федерации. *Принцип равных прав и возможностей* означает, что все граждане зарубежных стран имеют равные права и возможности при прохождении тестирования по системе ТРКИ. Деятельность системы тестирования может обсуждаться также в средствах массовой информации. Это гарантирует *принцип гласности*. В соответствии с *принципом конфиденциальности* все организации и исполнители, входящие в систему, обязаны соблюдать в отношении закрытых материалов тестирования режим секретности. Индивидуальные результаты тестирования не могут быть разглашены без согласия тестируемого.

Конечно, система ТРКИ создавалась с учетом *принципа преемственности, научной обоснованности и развития*. Разработка всех тестовых материалов происходит на солидной научно-методической основе с учетом требований лингводидактического тестирования. Система тестирования предусматривает непрерывное совершенствование нормативно-методических документов, обеспечивающих ее функционирование («Требования», «Лексические минимумы» и т. д.), контрольных тестовых материалов, удовлетворяющих потребности общества. При совершенствовании и развитии системы ТРКИ применяется *принцип системного и последовательного учета динамики формирования языковых, речевых и собственно-коммуникативных навыков и умений* от низших уровней владения языком к высшим. Это позволяет системе оставаться действенной и гибкой. Важным также является *принцип комплексности*: помимо тестов общего владения русским языком как иностранным, в систему входят тесты, выявляющие уровень владения РКИ в специальных целях. В соответствии с *принципом регулирования связи между обучением и общественными потребностями* система ТРКИ учитывает актуальные тенденции развития общества и теории обучения РКИ, служит надежным средством измерения уровня коммуникативных возможностей иностранных граждан. Отметим также, что для управления работой по организации тестирования, а также для реализации объективной и быстрой проверки результатов тестирования активно используются современные технические средства, что отвечает такому принципу, как *принцип эффективности*.

**Управление работой системы ТРКИ.** До 2012 года общее руководство системой осуществляло Министерство образования Российской Федерации. В качестве совещательных органов функционировали Координационный Совет и Научно-методический совет по лингводидактическому тестированию [Балыхина и др. 2003, с. 5]. Независимая Экспертная комиссия, входящая в систему тестирования, проводила экспертизу тестов и давала заключение об их пригодности для использования в государственной системе тестирования.

В 1998 году был создан Головной Центр тестирования, который являлся основным исполнительным органом системы. Он же осуществлял регулирование международной деятельности, заключая

контракты с зарубежными партнерами и обеспечивая тем самым скоординированное функционирование российской системы тестирования за рубежом. Особыми структурными единицами системы тестирования являлись Региональные центры тестирования, которые действовали на базе одного из ведущих вузов региона [Балыхина и др. 2003, с. 8]. Перечень вузов, получивших статус Регионального центра тестирования, определял Головной центр. Региональный центр, в свою очередь, формировал группы тестирования на базе вузов региона.

Структура органов контроля российской системы тестирования по РКИ постепенно менялась. В 2012 году Головной центр тестирования был ликвидирован. Функции контролирующего органа перешли к Российскому тестовому консорциуму. Он представляет собой научно-методическое объединение головных вузов, призванное укреплять и систематизировать многолетний опыт, накопленный ведущими специалистами в области системы тестирования иностранных граждан. Учредителями тестового консорциума являются шесть российских вузов: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский университет дружбы народов, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Тихоокеанский государственный университет, Российская академия образования. Каждый головной вуз контролирует процесс проведения тестирования, обеспечивает качество тестирования и следит за своевременной подачей отчетности в контролирующие органы. Общее руководство системой тестирования по русскому как иностранному осуществляет заместитель министра образования и науки.

Российский тестовый консорциум координирует работу головных вузов, организует и проводит конференции по проблемам, связанным с системой ТРКИ, и способствует развитию системы языкового тестирования в России. Российский тестовый консорциум выпускает журнал «Русский тест: теория и практика», в котором публикуются статьи, посвященные как актуальным теоретическим проблемам лингводидактического тестирования, так и практическим вопросам функционирования системы ТРКИ. Об актуальных новостях Российского тестового консорциума можно узнать также на официальном сайте объединения (<http://testcons.ru>). Кроме того на сайте размещена информация о действующих центрах тестирования, о курсах подготовки к экзамену, а также о системе автоматизированного учета и обработки результатов тестирования.

### Выводы

Отношение к тестированию как к форме контроля на протяжении долгого времени было неоднозначным. По этой причине процесс развития тестирования и внедрения его в образовательную систему Европы и Советского Союза проходил неравномерно, иногда с большими перерывами. Создание систем языкового тестирования, как в Европе, так и в России, стимулировалось различными внешними факторами, не всегда напрямую связанными с методикой преподавания иностранных языков.

Европейская система тестирования полно представлена в документе «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка», разработанном Советом Европы. Основной задачей «Общеввропейских компетенций» является представление единых стандартов тестирования с распределением компетенций по разным уровням владения языком. Впоследствии каждая страна разрабатывает собственную систему уровней владения иностранным языком, основываясь на особенностях языка, с которым работает.

Усилиями отечественных методистов и разработчиков системы тестирования удалось достичь целей, поставленных в начале работы над системой ТРКИ. К 2002 году функционирование российской государственной системы тестирования по русскому как иностранному было признано успешным на международном уровне. Система ТРКИ была включена в международное образовательное пространство, что, безусловно, способствовало укреплению положения русского языка как языка международного общения и повышению его авторитета в мировом сообществе.

### Библиографический список

- Lado R. Language Testing: the Construction and Use of Foreign Language Tests. Longmans, 1961, 130 p.
- Spolsky V. What Does It Mean to Know How to Use a Language? An Essay on the theoretical Basis of Language Testing // Language Testing. 1985. Vol. 2. No. 2. 212 p.
- Андрюшина Н.П., Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И. Структура Лексического минимума компонента Российской государственной системы тестирования // Язык. Культура. Человек: сб. науч. ст. к юбилею М.В. Всеволодовой. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 1–20.
- Афанасьева И.Н., Дунаева Л.А., Клобукова Л.П., Красильникова Л.В., Яценко И.И. Градуальная серия Лексических минимумов как компонент Российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному (общее владение) // Русский тест: теория и практика. 2016. № 3. С. 5–18.
- Балыхина Т.М., Клобукова Л.П., Корчагина Е.Л., Юрков Е.Е. Российская система тестирования по РКИ: современное состояние и перспективы развития // Русское слово в мировой культуре. Пленарные заседания / X конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы: сб. докладов. Т. 2. СПб., 2003. С. 4–20.
- Балыхина Т.М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного) М.: МГУП, 2004. 120 с.
- Балыхина Т.М. Что такое русский тест? Российская государственная система тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку (ТРКИ — TORFL). М.: Русский язык. Курсы, 2006. 86 с.
- Битехтина Г.А., Добровольская В.В., Клобукова Л.П. [и др.]. Типовой тест по русскому языку для иностранцев, поступающих в вузы России: Абитуриент-тест. М., 1994. 25 с.
- Зыкина М.И., Нахабина М.М., Шипицо Л.В. Сборник контрольных работ по проверке речевых навыков и умений: для студентов-иностранцев, изучающих русский язык на подготовительных факультетах. М.: Изд-во Московского университета, 1971. С. 2–13.

Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике. Страсбург, 2001 / пер. под общ. ред. проф. К.М. Ирисхановой. М.: МГЛУ, 2005. 341 с.

Клобукова Л.П., Степаненко В.А. Российская государственная система тестирования по русскому языку как иностранному: история создания и современное состояние // *Русский тест: теория и практика*. 2014. № 1. С. 7–21.

Клобукова Л.П. История создания и современное состояние российской государственной системы тестирования по русскому языку как иностранному // *Преподаватель*. 1998. Вып. 4(6). С. 1–12.

Рапопорт И.А., Сельг Р., Соттер И. Тесты в обучении иностранным языкам в средней школе. Таллин, 1987. 120 с.

Цатурова Н.А. Из истории развития тестов в СССР и за рубежом. Таганрог, 1969. 157 с.

Цатурова Н.А. Тестирование устной коммуникации. Таганрог, 2001. 70 с.

## References

Lado R. Language Testing: the Construction and Use of Foreign Language Tests. Longmans, 1961, 130 p. [in English].

Spolsky B. What Does It Mean to Know How to Use a Language? An Essay on the theoretical Basis of Language Testing. *Language Testing*, 1985, vol. 2, no. 2, 212 p. [in English].

Andryshina N. P., Afanasieva I.N., Dunaeva L.A., Klobukova L.P., Krasil'nikova L.V., Yatsenko I.I. *Struktura Leksicheskogo minimuma komponenta Rossiiskoi gosudarstvennoi sistemy testirovaniia* [Structure of Lexical minimum of Russian state testing system]. In: *Iazyk. Kul'tura. Chelovek: sbornik nauchnykh statei k iubileiu M. V. Vsevolodovi* [Language. Culture. Human: collection of research articles for the jubilee of M.V. Vsevolodova]. M.: MAKS Press, 2013, pp. 1–20 [in Russian].

Afanaseva I.N., Dunaeva L.A., Klobukova L.P., Krasilnikova L.V., Yatsenko I.I. *Gradual'naia seriia Leksicheskikh minimumov kak komponent Rossiiskoi gosudarstvennoi sistemy testirovaniia po russkomu iazyku kak inostrannomu (obshchee vladenie)* [Gradual series of Lexical minima as a component of the Russian state system of testing in Russian as a foreign language (common proficiency)]. *Zhurnal Rossiiskogo testovogo konsortsiiuma «Russkii test: teoriia i praktika»* [Journal of the Russian Test Consortium “Russian Test: Theory and Practice”], 2016, no. 3, pp. 5–18 [in Russian].

Balykhina T.M., Klobukova L.P., Korchagina E.L., Yurkov E.E. *Rossiiskaia sistema testirovaniia po RKI: sovremennoe sostoiianie i perspektivy razvitiia* [Russian testing system: current status and development prospects]. In: *X kongress Mezhdunarodnoi assotsiatsii prepodavatelei russkogo iazyka i literatury. Russkoe slovo v mirovoi kul'ture. Plenarnye zasedaniia. Sbornik dokladov. T. 2.* [X Congress of the International Association of Teachers

of the Russian Language and Literature. Russian word in the world culture. Plenary sessions. Collection of reports. Vol. 2]. SPb., 2003, pp. 4–20 [in Russian].

Balykhina T.M. *Osnovy teorii testov i praktika testirovaniia (v aspekte russkogo iazyka kak inostrannogo)* [Fundamentals of the theory of tests and testing practice (in the aspect of Russian as a foreign language)]. M.: MGUP, 2004, 120 p. [in Russian].

Balykhina T.M. *Chto takoe russkii test? Rossiiskaia gosudarstvennaia sistema testirovaniia grazhdan zarubezhnykh stran po russkomu iazyku (TRKI – TORFL)* [What is the Russian test? Russian state system of testing foreign citizens in the Russian language as a foreign language (TORFL)]. M.: Russkii iazyk. Kursy, 2006, 86 p. [in Russian].

Bitekhtina G.A., Dobrovolskaya V.V., Klobukova L.P. et al. *Tipovoi test po russkomu iazyku dlia inostrantsev, postupaiushchikh v vuzy Rossii: Abiturient-test* [Typical Russian language test for foreigners enrolling in Russian universities: Applicant-test]. M., 1994, 25 p. [in Russian].

Zykina M.I., Nakhabina M.M., Shipitso L.V. *Sbornik kontrol'nykh rabot po proverke rechevykh navykov i umenii: dlia studentov-inostrantsev, izuchaiushchikh russkii iazyk na podgotovitel'nykh fakul'tetakh* [Collection of tests on verification of speech skills: for foreign students studying Russian on preparatory faculties]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1971, pp. 2–13 [in Russian].

*Obshcheevropeiskie kompetentsii vladeniia inostrannym iazykom: izuchenie, obuchenie, otsenka. Departament po iazykovoii politike. Strasburg, 2001. Per. pod obshch. red. prof. K. M. Iriskhanovoi* [A Common European Framework of Reference for Languages Learning, Teaching, Assessment. Department of Language Policy in Strasbourg, 2001. Translation into Russian under the general editorship of K.M. Iriskhanova]. M.: MGLU, 2005, 341 p. [in Russian].

Klobukova L.P., Stepanenko V.A. *Rossiiskaia gosudarstvennaia sistema testirovaniia po russkomu iazyku kak inostrannomu: istoriia sozdaniia i sovremennoe sostoiianie* [Russian state system of testing of Russian as a foreign language: history of creation and modern state]. *Zhurnal Rossiiskogo testovogo konsortsiiuma «Russkii test: teoriia i praktika»* [Journal of the Russian Test Consortium “Russian Test: Theory and Practice”], 2014, no. 1, pp. 7–21 [in Russian].

Klobukova L.P. *Istoriia sozdaniia i sovremennogo sostoiianiia rossiiskoi gosudarstvennoi sistemy testirovaniia po russkomu iazyku kak inostrannomu* [History of creation and current state of the Russian state testing system in Russian as a foreign language]. *Prepodavatel' Teacher*, 1998, Issue (4)6. pp. 1–12 [in Russian].

Rapoport I.A., Selg R., Sotter I. *Testy v obuchenii inostrannym iazykam v srednei shkole* [Tests in teaching foreign languages in middle school], Tallin, 1987, 120 p. [in Russian].

Tsaturova N.A. *Iz istorii razvitiia testov v SSSR i za rubezhom* [From the history of test's development in the USSR and abroad]. Taganrog, 1969, 157 p. [in Russian].

Tsaturova N.A. *Testirovanie ustnoi kommunikatsii* [Testing of oral communication]. Taganrog, 2001, 70 p. [in Russian].

**О.В. Пономарева, Н.А. Илюхина****ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЛИЦА В ИЗМЕНЕННОМ  
СОСТОЯНИИ ЕГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ)**

© Пономарева Олеся Владимировна – магистрант кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

**E-mail:** [lisenok\\_100\\_90@mail.ru](mailto:lisenok_100_90@mail.ru). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3924-4825>.

© Илюхина Надежда Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

**E-mail:** [ilnadezhda@rambler.ru](mailto:ilnadezhda@rambler.ru). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-3368-2725>

**АННОТАЦИЯ**

В представленной статье на материале художественных текстов рассматриваются языковые способы отражения внутреннего мира лица, находящегося в состоянии наркотического опьянения, и восприятия им окружающей действительности с целью оценки этих способов с точки зрения специфики по сравнению со способами отражения разных типов внутреннего состояния лица в норме в русской языковой картине мира. Особое внимание уделяется рассмотрению способов текстового отражения отдельных явлений, характерных для состояния наркотического опьянения: «раздвоения личности», «удвоения пространства», галлюцинаций.

По итогам исследования делается вывод об отсутствии специфических приемов изображения состояния наркотического опьянения и восприятия лицом окружающего мира в этом состоянии: в одних случаях используются метафорические образы, типичные для отображения различных вариантов эмоционального, ментального, физиологического состояния в русской языковой картине мира; в других задействованы типичные способы описания различных форм измененного состояния сознания, известных каждому человеку и широко представленных в разных видах дискурса, в том числе в художественных текстах: сновидений, воспоминаний, фантазий, плохого самочувствия и т. д.

Проведенный анализ выявил различие в оценке некоторых изображаемых аспектов восприятия действительности с позиций человека, переживающего их, и с позиций читателя. В определенных случаях (при описании галлюцинаций и др.) средства, воспринимаемые читателем как образные (метафорические), отражают впечатления, реальные для субъекта этого состояния, воспринимаемые им сенсорно, в этом случае соответствующие средства неодинаково оцениваются говорящим (повествователем) и читателем.

**Ключевые слова:** языковая картина мира, концептуализация, метафора, олицетворение, измененное состояние сознания, внутренний мир.

**Цитирование.** Пономарева О.В., Илюхина Н.А. Отражение внутреннего мира лица в измененном состоянии его сознания (на материале художественных текстов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 135–142. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-135-142>.





DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-135-142  
UDC 811.161.1

Submitted: 12/VIII/2018  
Accepted: 14/IX/2018

O.V. Ponomareva, N.A. Ilyukhina

## REFLECTION OF THE INNER WORLD OF A PERSON IN A CHANGED CONDITION OF HIS CONSCIOUSNESS (ON THE MATERIAL OF ARTISTIC TEXTS)

© Ponomareva Olesya Vladimirovna – Master's degree student of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: lisenok\_100\_90@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3924-4825>

© Ilyukhina Nadezhda Alexeevna – Doctor of Philological Sciences, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: ilnadezhda@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3368-2725>

### ABSTRACT

The article presents, on the material of artistic texts, linguistic ways of reflecting the inner world of a person in a state of narcotic intoxication and his perception of the surrounding reality with a view to evaluating these methods from the point of view of specifics compared to methods of reflecting different types of internal state of a person which is normal in the Russian linguistic view of the world. Special attention is paid to the ways of textual reflection of certain phenomena characteristic of the state of drug intoxication: «personality split-up», «space duplication», hallucinations.

According to the results of the study, a conclusion is made that there are no specific methods of depicting the state of drug intoxication and the person's perception of the surrounding world in this state: in some cases, metaphorical images are used that are typical for displaying different variants of the emotional, mental, and physiological state in the Russian language world picture in others, typical ways of describing various forms of an altered state of consciousness, known to each person and widely represented in various types of discourse, are involved, including in literary texts: dreams, memories, fantasies, poor health, etc.

The analysis revealed differences in the assessment of some of the depicted aspects of perception of reality from the standpoint of the person experiencing them, and from the standpoint of the reader. In certain cases (when describing hallucinations, etc.), the means perceived by the reader as figurative (metaphorical) reflect the impressions that are real for the subject of this state, perceived by him sentimentally, in this case the corresponding means are not assessed equally by the speaker (narrator) and by the reader.

**Key words:** linguistic view of the world, conceptualization, metaphor, personification, altered state of consciousness, inner peace.

**Citation.** Ponomareva O.V., Ilyukhina N.A. *Otazhenie vnutrennego mira litsa v izmenennom sostoianii ego soznaniia (na materiale khudozhestvennykh tekstov)* [Reflection of the inner world of a person in a changed condition of his consciousness (on the material of artistic texts)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 135–142. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-135-142>.

### Введение

Отображение внутреннего мира человека в системе языка, в русской языковой картине мира представляет собой объект, интересный и показательный с точки зрения особенностей его моделирования как недоступного непосредственному наблюдению. Отдельного внимания заслуживает феномен измененного состояния сознания человека, и прежде всего с целью обнаружения специфики его языкового отображения.

**Предметом анализа** в статье является состояние наркотического опьянения с точки зрения его отображения в текстах художественных произведений. В качестве материала для анализа использованы тексты произведений М. Агеева («Роман с кокаином»), Ч. Айтматова («Плаха»), М. Булгакова («Записки юного врача. Морфий»), М. Гиголашвили

(«Чертово колесо»), Н. Гумилева («Путешествие в страну эфира»), С. Соколовского («Ужасная новость»), В. Сорокина («Тридцатая любовь Марины»), В. Пелевина («Generation “П”», «Чапаев и Пустота», «Хрустальный мир», «Тайм-аут, или Вечерняя Москва»).

**Цель статьи** – выявить способы отображения измененного состояния сознания лица и восприятия им действительности в этом состоянии и оценить их с точки зрения специфики на фоне отображения других состояний лица.

### Измененные состояния сознания и их отражение в языке

Как отмечает Н.Н. Болдырев, «язык отражает и интерпретирует процесс и результаты познания мира и самого языка, то есть служит средством отраже-

ния и реализации гносеологической функции, средством осмысления онтологии мира, его концептуализации и концептуализации выделяемых в нем категорий в том числе» [Болдырев 2000, с. 9].

Наркотическое опьянение относится к измененным состояниям сознания. В широком смысле любые измененные состояния сознания — это виртуальные реальности: «...психотический или шизофренический паранойяльный бред, наркотическое или алкогольное опьянение, гипнотическое состояние, изменение восприятия мира под действием наркоза» [Руднев 1997, с. 58]. В широком понимании к измененным состояниям сознания относят также сновидения, воспоминания, мечты, фантазии.

В научной литературе наркотическое опьянение характеризуется как изменения психического состояния индивида, связанные преимущественно с резкой переменой эмоционального фона; изменения в области познавательных процессов, связанных с восприятием, формированием субъективной картины мира; изменения в области мыслительных процессов; соматические нарушения. Ученые отмечают, что на фоне наркотического опьянения мышление становится яснее и образнее, восприятие глубже и чувственнее, пробуждаются психические ощущения с невероятно широкой амплитудой переживаний — от восторга и экстаза до парализующего волю ужаса. Происходит освобождение глубинного «Я» от смысловой обусловленности обыденного сознания и становление этого «Я» в центр виртуального мира [Петросян 1998, с. 5]. При расстройствах восприятия отмечают возникновение галлюцинаций (зрительных, осязательных, звуковых). При действии большинства наркотических веществ местом локализации галлюцинаций является сам индивид, все представления разворачиваются как бы внутри самого человека [Шабанов 2002; Тарт 2003]. Расстройства мышления также отличаются многообразием. Наблюдается нарушение темпа движения мыслей, их ускорение или замедление до персевераций (навязчивого повторения одних и тех же движений, мыслей, представлений). Становится возможным наблюдение за своими переживаниями, их оценка со стороны, возникает ощущение разделения «тела» и «души», «душа» со стороны наблюдает за «телом» [Шабанов 2002; Тарт 2003].

В художественных текстах при изображении лица, находящегося в состоянии наркотического опьянения, находим развернутое описание этого состояния. При этом в материалах представлены практически все описанные в наркологической литературе проявления этого состояния: изменения в восприятии окружающего мира, нарушения ощущения собственного тела, нарушения координации движений и т. д. Вместе с тем в художественных текстах преобладает изображение двух аспектов измененного состояния сознания: самоощущений индивида, связанных с изменением психики и физиологии, и изменений в восприятии действительности. Приведем примеры описания самоощу-

щения лица: «От радости (я слегка задыхаюсь) мне становится невозможно, я уже должен **отплеснуть от нее хоть немножко...**» (М. Агеев); «И тут наступил какой-то момент удивительного состояния легкости, **парения** то ли наяву, то ли в воображении» (Ч. Айтматов); «Крохотная щепотка кокаина **могуче и в единый миг возбуждает в моем организме это ощущение счастья в никогда не испытанной раньше огромности**» (М. Агеев). Сходным образом это состояние описывается в специальной научной литературе, например: «**Постепенно по всему телу разливается ощущение тепла**»; «К диссоциативным **следует отнести наплыв мыслей**»; «**Ум постоянно заполняют идеи**»; «**В груди распирает от радости**» (П. Шабанов); «**Легкий озноб, покалывание в руках и ногах; по телу прокатывается “волна”, иногда “волн” бывает несколько**» (Наркология: национальное руководство).

Анализ этих проявлений на материале художественных текстов, в которых изображению наркотического опьянения персонажей уделено существенное внимание, показал отсутствие специфических языковых средств отражения этого состояния. При отображении эйфории, галлюцинаций, абстинентного синдрома и др. используются те же способы моделирования, которые отражают обычные эмоциональные, ментальные, физиологические процессы либо другие, известные каждому человеку измененные состояния сознания: сильные чувства, сновидения, воспоминания, мысли о будущем.

Среди средств, используемых в этой функции, отмечены олицетворение, метафора, сравнение и гиперболы. При этом во многих случаях их воспроизведение в функции отражения состояния наркотического опьянения практически не отличается от их использования при отражении состояний лица вообще, в том числе других названных выше измененных состояний сознания: сновидений, фантазий, воспоминаний, ухудшения физического самочувствия и т. д. См. примеры выше, а также следующие фрагменты, в которых очевидно сходство с состоянием головокружения: «Он покачнулся, почувствовав, как **земля под ним плавно закружилась**. На ногах он удержался только потому, что ось вращения земли проходила точно сквозь его макушку» (В. Пелевин); «Он бежал, а голову мутило, тело **отяжелело, и земля качалась под его заплетавшимися ногами...**» (Ч. Айтматов).

Обратим внимание на использование приема, похожего на гиперболу в ее восприятии читателем. В тексте произведения В. Сорокина «Тридцатая любовь Марины» героиня после курения сигареты с марихуаной ощущает изменение в восприятии окружающих вещей: расширение и удлинение пространства комнаты, увеличение предметов и людей, изменение формы, цвета предметов, расстояния до них. При описании звукового и зрительного гиперболизма используется соответствующая лексика: «**огромная голубовато-белая женщина**», «**громоподобный хохот**», «**в толстых губах плясало тлеющее бревно**» [о сигарете], *на тумбочке зияла*

...*лохань* [пепельница] с горкой грязных *поленьев* [о сигаретах], «что-то массивное пронеслось у нее рядом с виском и громким треском расплющило тлеющее бревно о дно лохани» [о сигарете и пепельнице], «загрохотало» [о голосе], «яркий многометровый Будда» [о статуэтке], «большие губы громко раскрылись».

Однако в этих и других случаях гиперболами, метафорами и олицетворениями они могут казаться лишь читателю, поскольку воспроизводят впечатления, реальные для переживающего их лица. Ср. примеры описания нарушений в восприятии пространства, предметов с использованием средств, казущихся метафорическими: «Мик еще раз берет аккорд, потом повторяет его совсем тихо: мне кажется, он уплывает вместе с комнатой» (М. Агеев); «Когда папироса почти кончилась, Марина почувствовала первый “приход”: комната мягко качнулась, расширяясь, голые Маринины ноги потянулись к удаляющемуся окну» (В. Сорокин); «В страшной, в никогда еще небывалой тоске, я закрываю глаза. И медленно и плавно комната начинает поворачиваться и падать одним углом. Угол опускается глубже, проползает подо мной, лезет подо мной, лезет позади меня вверх, появляется надо мной и снова, но уже стремительно падает. Я раскрываю глаза, комната вонзается на место, сохранив свое кружение в моей голове» (М. Агеев).

Прежде всего отметим, что при отражении эмоционального и физического состояния используются те же образные (в том числе собственно метафорические) модели, которые характерны для описания этих денотатов в русском языке — пространственная (в том числе вместилище, перемещение в разных средах), водная, температурная, биоморфная, предметная и нек. др. Например: «Закрыв глаза, испытывая невыразимое томленье, я пролетел уже миллионы миль, но странно пролетел их внутрь себя» (Н. Гумилев); «На меня смотрели. Господа и товарищи, думал я, медленно шагая по странно разбинувшемуся залу, сегодня я тоже имел честь перешагнуть через свою старуху <...>» (В. Пелевин); «Чем дальше стою, тем шибче каменею, тем труднее мне сдернуть себя с места. В эту кокаиновую ночь все мое тело то каменеет в неподвижности, и мне трудно сдернуться, то устремляется к дергающемуся движению, и тогда мне трудно остановиться...» (М. Агеев).

Особую роль в таких описаниях играет биоморфная модель, объединяющая метафору и олицетворение, которая является универсальным средством образного моделирования в языковой картине мира в целом и чрезвычайно востребована при описании измененного состояния сознания. Чаще всего она встречается при описании эмоциональных и ментальных ощущений. Например: «А мне становится все лучше, все радостнее. Я уже чувствую, как радость моя своей нежной головкой вползает в мое горло, щекочет его» (М. Агеев); «Мысли стали расплзаться. Пилюля не пытался ловить их, отдавшись во власть кодеина, который,

игриво покусывая изнутри, начал привычно щекотать живот, перетекать в ноги, завихряться в ступнях и проникать во все тело» (М. Гиголашвили). При этом олицетворяются чувства, мысли, а в последнем примере и мысли, и кодеин.

При абстинентном синдроме биоморфная модель используется для описания изменения в восприятии: окружающие предметы в сознании наркомана в буквальном смысле оживают. Например: «Юнкера медленно поехали по Шпалерной в сторону Смольного. Улица уже давно казалась мертвой — но только в том смысле, что с каждой новой мигнутой все сложнее было представить себе живого человека в одном из черных окон или на склизком тротуаре. В другом, нечеловеческом смысле она, наоборот, оживала: совершенно неприметные днем кариатиды сейчас только притворялись оцепеневшими — на самом деле они провожали друзей внимательными закрашенными глазами. Орлы на фронтонах в любой миг готовы были взлететь и обрушиться с высоты на двух всадников, а бородатые лица воинов в гипсовых картушах, наоборот, виновато ухмылялись и отводили взгляды. Опять завывало в водосточных трубах — это притом, что никакого ветра на самой улице не чувствовалось» (В. Пелевин).

Рассмотрим способы описания галлюцинаций как одного из проявлений наркотического состояния. Как показали наблюдения, они отражаются с использованием тех же средств, что и при описании сновидений (в сновидениях, как известно, человек переживает свою включенность в события, реальные для него в этот момент), ср.:

А) изображение сновидения персонажа в романе М. Булгакова «Белая гвардия»: «Уставшему, разбитому человеку спать нужно, и уже одиннадцать часов, а все спится и спится... Оригинально спится, я вам доложу! Сапоги мешают, пояс впился под ребра, ворот душит, и кошмар уселся лапками на груди.

Николка завалился головой навзничь, лицо побаврело, из горла свист... свист!.. Снег и паутина какая-то... Ну, кругом паутина, черт ее деру! Самое главное — пробраться сквозь эту паутину, а то она, проклятая, нарастает, нарастает и подбирается к самому лицу. И, чего доброго, окутает так, что и не выберешься! Так и задохнешься. За сетью паутины — чистейший снег, сколько угодно, целые равнины. Вот на этот снег нужно выбраться, и поскорее, потому что чей-то голос как будто где-то ахнул: «Никол!» И тут, вообразите, поймалась в эту паутину какая-то бойкая птица и застучала... <...>

— Эх! — крикнул Николка, разодрал паутину и разом сел, всклокоченный, растерзанный, с бляхой на боку. Светлые волосы стали дыбом, словно кто-то Николку долго трепал.

Б) описание галлюцинации в повести М. Булгакова «Записки юного врача»: «И вот вижу, от речки по склону летит ко мне быстро и ножками не перебирает под своей пестрой юбкой колоколом

*старушонка с желтыми волосами... В первую минуту я ее не понял и даже не испугался. Странно — почему на холоде старушонка простоволосая, в одной кофточке?.. А потом, откуда старушонка, какая? Кончится у нас прием в Левкове, разведутся последние мужицкие сани, и на десять верст кругом — никого. Туманцы, болотца, леса! А потом вдруг пот холодный потек у меня по спине — понял! Старушонка не бежит, а именно летит, не касаясь земли. Хорошо? Но не это вырвало у меня крик, а то, что в руках у старушонки вилы. Почему я так испугался? Почему? Я упал на одно колено, протирая руки, закрываясь, чтобы не видеть ее, потом повернулся и, ковляя, побежал к дому, как к месту спасения, ничего не желая, кроме того, чтобы у меня не разрывалось сердце, чтобы я скорее вбежал в теплые комнаты, увидел живую Анну... и морфию... И я прибежал. Вздор. Пустая галлюцинация. Случайная галлюцинация» (М. Булгаков).*

При описании галлюцинаций нередко фигурируют образы животных, изображаемые также посредством биоморфной модели. Например: «Он сел в оцепенении на землю, не в силах совладать с собой. Поле вызывало беспокойство. Захотелось поскорее вырваться отсюда, бежать. Ладо попытался внушить себе, что это просто паника, которая накатывает, когда переберешь анаши, но волнение не проходило. Внезапно в просветах мелькнуло что-то яркое, блестящее. Он выглянул: на поляне как-то странно, по-собачьи, сидел теленок и внимательно смотрел на него. Он испугался: «Откуда тут теленок?» Махнул на него рукой, шикнул. Теленок повел головой. А это вовсе не теленок, а огромная, худая и бурая, словно живьем копченная свинья, которая приветливо кивает ему, перекатывая в пасти розовую редиску...» (М. Гиголашвили).

Графически выделенные средства могут производить впечатление метафорических, поскольку передают не существующие в реальной действительности события, однако в сознании переживающего их лица эти иллюзорные образы и события являются реальными и потому живописуются языковыми средствами, отнюдь не являющимися для использующего их лица метафорами. Ср. в этой функции аналог предметной метафоры, изображающий мыслительную деятельность лица в его искаженном восприятии: «Татарский <...> заметил, что думать стало сложно и даже опасно, потому что его мысли обрели такую свободу и силу, что он больше не мог их контролировать. Ответ сразу же появился перед ним в виде трехмерной геометрической фигуры. Татарский увидел свой ум — это была ярко-белая сфера, похожая на солнце, но абсолютно спокойная и неподвижная. Из центра сферы к ее границе тянулись темные скрученные ниточки-волоконца. Татарский понял, что это и есть его пять чувств. Волоконце чуть потолще было зрением, потоньше — слухом, а остальные были почти невидимы. Вокруг этих неподвижных волокон плясала извивающаяся спираль, похожая на нить электрической лампы, которая то совпадала на миг с

одним из них, то завивалась сама вокруг себя светящимся клубком вроде того, что оставляет в темноте огонек быстро вращаемой сигареты. Это была мысль, которой был занят его ум. «Значит, никакой смерти нет, — с радостью подумал Татарский. — Почему? Да потому, что ниточки исчезают, но шарик-то остается!» То, что ему удалось сформулировать ответ на вопрос, терзавший человечество последние несколько тысяч лет, в таких простых и всякому понятных терминах, наполнило его счастьем» (В. Пелевин).

Обратимся к еще одному фрагменту описания галлюцинаций, в котором, в частности, используется модель полета как формы перемещения в пространстве: «Закрыв глаза, испытывая невыразимое томление, я пролетел уже миллионы миль, но странно пролетел их внутрь себя. Та бесконечность, которая прежде окружала меня, отошла, потемнела, а взамен ее открылась другая, сияющая во мне. <...> как жаворонок, сложив крылья, падает на землю, так золотая точка сознания падает вглубь и вглубь, и нет падению конца, и конец невозможен. Открываются неведомые страны. Словно китайские тени, проплывают силуэты, на земле их называли бы единорогами, храмами и травами. Порою, когда от сладкого удушья спирается дух, мягкий толчок опрокидывает меня на спину, и я мерно качаюсь на зеленых и красных, волокнистых облаках. Дивные такие облака! Надо мной они, подо мной, и густые, и пространства видишь сквозь них, белые, белые пространства. Снова нарастает удушье, снова толчок, но теперь уже паришь безмерно ниже, ближе к сияющему центру. Облака меняют очертания, взвиваются, как одежда танцующих, это безумие красных и зеленых облаков. Море вокруг, рыжее, плещущее яро. <...> Я поплыл на запад. Кругом плескались дельфины, чайки резали крыльями волну, а меня захлестывала горькая вода, и я был готов потерять сознание» (Н. Гумилев).

Показательно, что эта модель широко используется в русском языке для описания интеллектуального состояния вообще, фантазий, мечтаний, но используется в качестве когнитивной метафоры, например, в выражениях *в мыслях она улетает в прошлое; мечта уносит его далеко; на крыльях фантазии* и под. Однако при описании состояния галлюцинаций эта модель, как и другие, имеет функцией буквальное изображение состояния лица, его впечатлений, происходящих с ним событий.

При описании наркотического состояния последовательно наблюдаются два сходных эффекта (и приема их описания): так называемое **раздвоение** (либо удвоение) личности и удвоение пространства. Нередко эти эффекты и отражающие их приемы описания совмещаются.

Рассмотрим описание эффекта удвоения (раздвоения) личности. Как уже говорилось, при характеристике состояния наркотического опьянения ученые-наркологи отмечают явление «раздвоения личности», когда лицо ощущает присутствие части своего «Я» в виде живого существа, которое описывается с использованием биоморфной модели.

Так, при описании абстинентного синдрома противопоставляются чувства тоски и здравого смысла (нормального сознания). В одних случаях лицо с измененным сознанием ассоциирует себя со страдающим субъектом, а рациональное начало воплощается в образе иного живого существа – в произведении Агеева в образе хитрого бесенка, в романе В. Пелевина в образе мифологического существа сирруфа. В других случаях субъекту противопоставлено живое существо, воплощающее чувство, доминирующее в данный момент в его сознании – радость, или надежда, или отчаяние. Например: «В страшной, в никогда еще небывалой тоске, я закрываю глаза. <...> Но уже хитрый бесенок, тот самый, который (если только к нему прислушаться) – даже самые радостные чувства отравляет сомнением, – а самое ужасное отчаяние облегчает надеждой, этот хитрый, ни во что не верящий бесенок мне говорил: – все твои слова – это театр, все это только театр; пропасть ты не пропал, а ежели тебе худо, так одевайся, иди на воздух: здесь тебе сидеть нечего» (М. Агеев).

Однако эффект «раздвоения личности» органичен также для русской языковой картины мира при отражении соотношения разных начал внутренней жизни человека вообще. Он чаще всего реализуется в виде стертой когнитивной метафоры: «признался себе, спорил сам с собой, борьба долга и чувства» (см., в частности, статьи [Илюхина 2003а; Илюхина 2003б]). В рамках этого приема одно из начал, особенно в художественных текстах, нередко предстает также в образе живого существа, например: «Живут во мне воспоминания (Р. Рождественский); Во всяком человеке, конечно, таится зверь, – зверь гневливости...» (Ф. Достоевский). При описании состояния человека такие средства расцениваются как метафоры, моделирующие абстрактные феномены. Однако по отношению к измененному состоянию сознания функция данных средств бывает иной: они не моделируют образным способом состояние лица, а передают реально для него существующие, сенсорно воспринимаемые существа (представляющие одну из ипостасей лица) и связанные с ними события. Приведем развернутый пример, в котором детализированно показано реальное для переживающего лица раздвоение личности:

«Наевшись вместе с Гиреевым мухоморов, он постиг нечто невыразимо важное <...>.

– Господи, – пробормотал он, – как все-таки трудно протащить сюда хоть что-то...

– Вот именно, – сказал тихий голосок. – Откровение любой глубины и ширины неизбежно упрется в слова. А слова неизбежно упрутся в себя.

Голос показался Татарскому знакомым.

– Кто здесь? – спросил он, оглядывая комнату.

– Сирруф прибыл, – ответил голос.

– Это что, имя?

– This gate has no name, – ответил голос. – Скорее, это должность...

На этот раз он увидел говорящего, или, скорее, мгновенно и без всяких усилий представил его себе.

Сначала ему показалось, что перед ним подобие собаки – вроде гончей, но с мощными когтистыми лапами и длинной вертикальной шеей. У зверя была продолговатая голова с коническими ушами и очень милая, хотя немного хитрая мордочка, над которой завивался кокетливый гребешок. Кажется, к его бокам были прижаты крылья. Приглядевшись, Татарский понял, что зверь был таких размеров и такой странный, что лучше к нему подходило слово «дракон», тем более что он был покрыт радужно переливающейся чешуей (впрочем, к этому моменту радужно переливались почти все предметы в комнате). Несмотря на отчетливые рептильные черты, существо излучало такое добродушие, что Татарский не испугался.

«Зачем надо было эту дрянь есть?» – подумал он с тоской.

– Совершенно незачем, – сказал сирруф, опять появляясь в неизвестном измерении его сознания. – Вообще никаких наркотиков человеку принимать не стоит. А особенно психоделиков» (В. Пелевин).

Наряду с «раздвоением личности» в описаниях наркотического опьянения наблюдается своеобразное удвоение реальности, представленное в описании как удвоение пространства. В появляющемся втором пространстве разворачиваются иллюзорные, но не менее реальные для лица события. В его сознании эти пространства вместе с происходящими в них событиями совмещаются – лицо ощущает себя одновременно в двух пространствах. Такое совмещение пространств наблюдаем и в произведении М. Булгакова «Записки юного врача»; при этом оба событийных ряда (реальный и иллюзорный) герой-повествователь именуется снами, которые разворачиваются в разных пространствах. На передний план выходят события иллюзорного сна, а на заднем плане разворачиваются реальные события:

«Таких снов на рассвете я еще никогда не видел. Это двойные сны.

Причем основной из них, я бы сказал, стеклянный. Он прозрачен.

<...> я вижу жутко освещенную лампу, из нее пышет разноцветная лента огней. Амнерис, колыша зеленым пером, поет. Оркестр, совершенно неземной, необыкновенно полнозвучен. Впрочем, я не могу передать это словами. Одним словом, в нормальном сне музыка беззвучна...<...>, а в моем сне она слышна совершенно небесно. И главное, что я по своей воле могу усилить или ослабить музыку. <...> сквозь переливающиеся краски Аиды выступает совершенно реально край моего письменного стола, видный из двери кабинета, лампа, лоснящийся пол и слышны, прорывшись сквозь волну оркестра Большого театра, ясные шаги, ступающие приятно, как глухие кастаньеты.

Значит, – восемь часов, – это Анна К., идет ко мне будить меня и сообщить, что делается в приемной. <...>

Анна. – Сергей Васильевич...

*Я. — Я слышу... (тихо музыке «сильнее»).*  
*Музыка — великий аккорд.*  
*Ре-диез...*

*Анна. — Записано двадцать человек.*  
*Амнерис (поет)» (М. Булгаков).*

Для лица в обычном состоянии характерно восприятие мира как находящегося вне его и воспринимаемого как *внешняя действительность*. В языковой картине мира внешнему миру противопоставлен так называемый *внутренний мир* — мир чувств, мыслей, воспоминаний, фантазий и т. п. (*глубоко задумался, ушел в себя; вышел из себя; живут во мне воспоминания*). При переходе от воспоминаний к реальной ситуации (из одного измерения в другое) человек разделяет два событийных ряда, вполне осознавая «виртуальный характер» пространства воображаемых событий.

В состоянии наркотического опьянения внимание лица обращено преимущественно «внутрь себя», в мир собственных ощущений и фантазий. Приведем примеры, в которых для изображения этого состояния используется модель «себя-вместилища»:

«— А. Понял. Слушай, а почему так говорят — придут, приход? Откуда они вообще приходят?

— Я бы сказал, что изнутри приходят, — ответил Володин.

— То есть что, они там все время и сидят?

— У нас внутри — весь кайф в мире. Когда ты что-нибудь глотаешь или колешь, ты просто высвобождаешь какую-то его часть. В наркотике-то кайфа нет, это же просто порошок или вот грибочки... Это как ключик от сейфа. Понимаешь? (В. Пелевин); *Вокруг меня люди, много, очень много людей. Но это не галлюцинация: я вижу этих людей не вне, а внутри себя. Здесь студенты, учащиеся, женщины и другие <...>*.

— Ах, профессор, — восторженно кричит курсистка (профессор — это я) — ах, профессор, пожалуйста, сегодня о спорте. <...> Я небрежно улыбаюсь и кривые, косые, бородатые, волосатые круто стихают.

— Спорт, господа, это есть затрата физической энергии в непрерывных условиях взаимного соревнования и совершенной непроизводительности. Безрукие, кривые, косые дико орут — «дальше» — «еще-еще» — «дальше». <...> Я поднимаю руку. Тишина.

— Для нас, господа, — шепчу я, — важен не спорт, не его сущность, а степень его воздействия, его влияние на общество, и даже, если угодно, на государство» (М. Агеев).

При этом одновременно лицо ощущает себя и в реальном мире, связи с которым оно не теряет, и в мире иллюзорном. При описании внутреннего пространства, в котором локализовано наркотическое переживание, используются пространственные модели — как стереотипные для описания внутреннего состояния (образ вместилища), так и индивидуальные, представляющие собой конкретные формы вместилища, подчеркивающие необычность, странность мироощущения и самоощущения (образы стеклянного сна, призрачного колпака,

мыльного пузыря и др.). Характерно, что большинство образов имеют развернутое описание — как раз потому, что вместилище выступает не стереотипным (стертым и не ощущаемым) образом, а сенсорно воспринимаемым феноменом.

В этой функции отмечены образы *призрачного колпака, мыльного пузыря* (Гиголашвили), *стеклянного сна* (Булгаков), *хрустального шара, брони* (Пелевин), *оболочки, одеяла* (Агеев), очерчивающие ограниченное пространство, в котором разворачиваются иллюзорные события. Эпитеты *призрачный, мыльный, стеклянный, хрустальный* указывают на просвечиваемость иллюзорного мира, в котором лицо ощущает себя: *сквозь иллюзорный мир проступает мир реальный*. Например: *«Когда появился тот проклятый призрачный колпак кайфа, который кто-то упорно напяливал на Коку?.. Колпак покрывал с головой, отрезал от мира, отделял от людей: вот тут он, Кока, а там — все остальное... Кайф проходил, колпак съезжал, лопался, оставляя наедине с пробоинами в душе и теле, когда ломка крутит колени, сводит кости, а ребра становятся резиновыми. И было отвратно холодно без колпака. Мозг и тело просились назад, под спасительную пленку, хотя известно, что жизнь под этим мыльным пузырем коротка, он неизбежно получит пробоину, лопнет, сгинет, оставив после себя страх смерти, и трупный холод одиночества, и горестные мысли <...>»* (М. Гиголашвили).

## Выводы

По итогам анализа выявленной картины становится очевидно, что принципиально разные измененные состояния сознания (с одной стороны, наркотическое опьянение, с другой — сновидения, мечты, воспоминания и т. п.) имеют определенное сходство не только в своих проявлениях, но и в языковых способах их описания. Последнее не приходится считать случайным. Есть основания полагать, что метафорические образы, типичные для описания состояния лица вообще, эмоциональных, ментальных, физиологических процессов в языковой картине мира (особенно решительно преобладающие пространственный и биоморфный образы), одним из своих истоков могут иметь буквальные впечатления, переживаемые любым человеком в состоянии сна, воспоминаний и других проявлений измененного состояния сознания. Это один из путей трансформации буквальных, сенсорно переживаемых впечатлений, которые человек тем не менее оценивает как иллюзорные, «виртуальные», в собственно метафорические образы, обслуживающие ту же сферу «внутренних» переживаний и состояний. Второй путь, связанный с метонимическим переносом способов описания состояний и действий человека на состояния любой «части» концептосферы «человек» (*человек требует — организм требует, желудок требует, душа требует* и т. п.) рассматривается, в частности, в статье [Илюхина 2003б].

### Библиографический список

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000. 250 с.

Илюхина Н.А. О взаимодействии ментальных моделей при языковом отражении концептосферы «человек» // Семасиологический и когнитивный аспекты анализа языка и дискурса: межвуз. сб. науч. тр. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003а. С. 9–17.

Илюхина Н.А. О метонимическом механизме олицетворения (на материале концептосферы «человек») // Наука в высшей школе: Проблемы интеграции: материалы III международной (VI межрегиональной) науч. конф. М.: Изд-во УРАО, 2003б. С. 36–43.

Наркология: национальное руководство / под ред. Н.Н. Иванца, И.П. Анохиной, М.А. Винниковой. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. 720 с.

Петросян С.Р. Культура безумия. Проблема популярности психоактивных веществ. 1998 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.fidelkastro.ru/psihology/kult\\_bez.htm](http://www.fidelkastro.ru/psihology/kult_bez.htm).

Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.

Тарт Ч. Измененные состояния сознания. М.: ЭКСМО, 2003. 385 с.

Шабанов П.Д. Наркология: практическое руководство для врачей. СПб.: Лань, 2002. 506 с.

### References

Boldyrev N.N. *Kognitivnaia semantika* [Cognitive semantics]. Tambov: Izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2000, 250 p. [in Russian].

Ilyukhina N.A. *O vzaimodeistvii mental'nykh modelei pri iazykovom otrazhenii kontseptosfery «chelovek»* [On the interaction of mental models in the language reflection of the conceptual sphere «man»]. In: *Semasiologicheskii i kognitivnyi aspekty analiza iazyka i diskursa: Mezhvuz. sbornik nauchnykh trudov* [Semasiological and cognitive aspects of the analysis of language and discourse: Interuniversity collection of research papers]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2003a, pp. 9–17 [in Russian].

Ilyukhina N.A. *O metonimicheskom mekhanizme oлитsetvoreniia (na materiale kontseptosfery «chelovek»)* [On the metonymic mechanism of impersonation (based on the conceptual sphere «man»)]. In: *Nauka v vysshei shkole: Problemy integratsii. Materialy III mezhdunarodnoi (VI mezhregional'noi) nauchnoi konferentsii* [Higher School Science: Integration Problems. Proceedings of the III International (VI Interregional) Research Conference]. M.: Izd-vo URAO, 2003 b, pp. 36–43 [in Russian].

*Narkologiya: natsional'noe rukovodstvo. Pod red. N.N. Ivantsa, I.P. Anokhinoi, M.A. Vinnikovo* [Narcology: national textbook. N.N. Ivanets, I.P. Anokhina, M.A. Vinnikova (Eds.)]. M.: GEOTAR-Media, 2008, 720 p. [in Russian].

Petrosyan S.R. *Kul'tura bezumiia. Problema populiarnosti psikhoaktivnykh veshchestv* [Elektronnyi resurs] [Culture of madness. The problem of the popularity of psychoactive substances [Electronic resource]. 1998. Available at: [http://www.fidelkastro.ru/psihology/kult\\_bez.htm](http://www.fidelkastro.ru/psihology/kult_bez.htm) [in Russian].

Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of the culture of XX century]. M.: Agraf, 1997, 384 p. [in Russian].

Tart Ch. *Izmenennye sostoiianiia soznaniia* [Altered states of consciousness]. M.: EKSMO, 2003, 385 p. [in Russian].

Shabanov P.D. *Narkologiya: prakticheskoe rukovodstvo dlia vrachei* [Narcology: a practical guide for doctors]. SPb.: Lan', 2002, 506 p. [in Russian].

**Е.А. Пашкова**

## РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В ТЕКСТАХ РОК-КОМПОЗИЦИЙ

---

© Пашкова Елена Александровна – преподаватель кафедры иностранных языков, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 234.  
E-mail: virginia457@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0433-5943>

---

### АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию языковых средств реализации концепта «ЛЮБОВЬ» на материале текстов рок-композиций группы Aerosmith. В статье рассматриваются определения концепта, данные в трудах отечественных ученых – Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова и др., а также анализируются языковые средства реализации концепта «ЛЮБОВЬ» в текстах рок-композиций.

Автор детально рассматривает эксплицитные и имплицитные средства реализации данного концепта. Анализ показывает, что элементы разговорного стиля в текстах рок-композиций способствуют сближению исполнителя со своими слушателями, делают тексты песен более понятными для реципиентов, облегчая реализацию их концептуального содержания. Сленговые единицы в составе текстов рок-композиций помогают исполнителю экспрессивно выразить свое отношение к реализуемому концепту «ЛЮБОВЬ», поскольку являются динамичными и экспрессивными средствами выражения авторских идей, а также делают текст песни более понятным для современного поколения слушателей.

В результате проведенного исследования было выявлено, что в текстах рок-композиций с целью экспрессивной передачи концепта «ЛЮБОВЬ» также используются и фразеологические единицы. Анализ показал, что наиболее частотными стилистическими средствами реализации концепта «ЛЮБОВЬ» в текстах рок-композиций являются такие приемы, как метафора, риторический вопрос, а также повтор. Языковые и стилистические средства используются для передачи основной идеи о том, что любовь оказывает значительное влияние на внутренний мир человека.

**Ключевые слова:** концепт «ЛЮБОВЬ», языковые средства реализации концепта «ЛЮБОВЬ», рок-композиции.

**Цитирование.** Пашкова Е.А. Реализация концепта «ЛЮБОВЬ» в текстах рок-композиций // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 143–146. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-143-146>.





DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-143-146  
UDC 821.161.1

Submitted: 11/VIII/2018  
Accepted: 22/IX/2018

E.A. Pashkova

## REALIZATION OF «LOVE» CONCEPT IN THE TEXTS OF ROCK SONGS

© Pashkova Elena Aleksandrovna – lecturer of the Department of Foreign Languages, Samara State Technical University, 234, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.  
E-mail: virginia457@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0433-5943>

### ABSTRACT

This article is devoted to the research of linguistic means of realization of «LOVE» concept on the basis of texts of rock songs by Aerosmith band. The article deals with the definition of the concept given in the works of Russian scholars – E. S. Kubryakova, D. S. Likhachev, U.S. Stepanov and others, and analysis of the language means of «LOVE» concept realization in the texts of rock songs.

The author examines in detail the explicit and implicit means of this concept realization. The analysis shows that the elements of conversational style in the texts of rock songs contribute to the closer communication of the singer with his fans, make the lyrics more understandable to the recipients, facilitating the implementation of their conceptual content. Slang units in the texts of rock songs help the performer express his attitude to the concept realized; they are dynamic and expressive means of rendering the author's ideas; they make the lyrics more understandable to the modern generation.

The analysis has demonstrated that the most frequent stylistic means of the «LOVE» concept realization in the texts of rock songs are such means as metaphor, rhetorical question and repetition. The language and stylistic means are used to render the basic idea that love has a significant impact on the inner world of a human being.

**Key words:** «LOVE» concept, language means of the concept «LOVE» realization, rock songs.

**Citation.** Pashkova E.A. *Realizatsiia kontsepta «LIUBOV'» v tekstakh rok-kompozitsii* [Realization of «LOVE» concept in the texts of rock songs]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 143–146. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-143-146>.

### Введение

Песенный дискурс привлекает внимание множества исследователей из различных областей гуманитарного знания, что обусловлено богатством и разнообразием используемых в нем языковых и экстралингвистических средств. Тексты песен посвящены различной тематике, что приводит к реализации разных концептов. **Целью** данного исследования является анализ средств реализации концепта «ЛЮБОВЬ» в текстах рок-композиций американской группы Aerosmith.

### Особенности песенного дискурса

Рассмотрим особенности песенного дискурса, одним из основных участников которого является исполнитель. Образ музыканта в рок-музыке почти всегда приобретает мифологический характер, потому что он, как правило, основывается на культурном отношении поклонников. Рок-дискурс, как особый вид песенного дискурса, является символом определенной веры. Одной из черт песенного рок-дискурса является амбициозность, т. е. осознание собственной значимости и культурной роли. Это приводит к претенциозности, которая заложена в творениях и особенно ярко отражена в поведении музыкантов. Рассматривая рок-культуру как самостоятельный социокультурный феномен, мы можем считать ее субкультурой с контркультур-

ным содержанием, обладающим лингвистически манифестациями на разных уровнях – от фонетического до синтаксического. В роке представлен феномен, отражающий умонастроения и мировоззрение конкретной части общества в аспекте «молодежного культурного восстания» [Зенкин 2000, с. 51].

Англоязычный песенный дискурс является доминирующим в глобальном масштабе. Исполнители обречены на неудачу, если не владеют английским языком, как бы ни был велик дар их таланта, и поэтому их творчество может остаться незамеченным. Д. Кристал говорит о том, что более 90 % групп и сольных исполнителей современной музыки поют на английском языке, причем их родной язык не имеет значения [Кристал 1997, с. 46].

В песенном дискурсе реализуются значимые для определенного лингвокультурного сообщества концепты. В качестве наиболее значимых и распространенных выступают концепты «ЛЮБОВЬ», «СМЕРТЬ», «НЕНАВИСТЬ». Детальная реализация данных концептов наблюдается в рок-композициях, что свидетельствует об их значимости для исполнителя.

По мнению Е.С. Кубряковой, концепт можно обозначить как единицу ментальных или психических ресурсов той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; как опе-

ративную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова 1986, с. 39]. Д.С. Лихачев указывает на то, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом [Лихачев 2007, с. 67]. Потенции концепта тем шире и богаче, чем шире и богаче культурный опыт человека. Важно отметить, что концепт существует для каждого отдельного словарного значения слова, причем актуализация конкретного значения в концепте зависит прежде всего от контекста. Таким образом, в концепте сконцентрированы многовековой опыт, культура и идеология каждого народа, которая формируется в языке. Д.С. Лихачев определяет концепты не только как мыслительные образования, как «алгебраическое» выражение значений, но и в их совокупности как «своего рода концентрации духовного богатства, культуры в целом» [Лихачев 2007, с. 43].

Определение концепта, данное Ю.С. Степановым, указывает на сложность его структуры. Он полагает, что ей принадлежит все, что принадлежит структуре понятия. Однако в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология), сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д. [Степанов 1997, с. 54].

### Результаты и дискуссия

Анализ текстов рок-композиций показал, что в рамках песенного дискурса наблюдается как имплицитная, так и эксплицитная реализация концепта «ЛЮБОВЬ». Рок-культура всегда будоражила умы слушателей своей непохожестью на другие культуры, выходила за рамки обыденности. Представителей рок-культуры можно причислить к отдельной касте, рассматривающей культуру и человеческие отношения как бы через призму любви, ненависти, боли, страха. Мы можем проследить всю гамму эмоций в их композициях, клипах и концертах. Для авторов рок-композиций главным является то, что они в своих текстах пытаются найти ответы на глобальные вопросы человечества.

Обратимся к текстам рок-композиций группы Aerosmith «Falling in Love (Is Hard on the Knees)». Использование сленгизмов к текстам рок-композиций делает содержание песни понятнее и яснее для современного поколения, что приближает исполнителя к слушателю:

*You think you're in love  
Like it's a real sure thing  
But every time you fall  
You get your ass in a sling*

В данном примере также используется прямая речь, что является характерной особенностью рок-композиций. Выделенные языковые особенности демонстрируют, что автор песни является обыч-

ным человеком, использующим разнообразные элементы разговорного стиля для выражения своих чувств.

В тексте рок-композиции «Amazing» любовь ассоциируются с болью, грехом и восхищением. Проведенный анализ показывает, что концепт «ЛЮБОВЬ» реализуется при помощи лексических единиц *sick, tired, pain, sin*, обозначающих отношение, эмоциональные переживания и физическую боль. Данные единицы доминируют в тексте рок-композиции и позволяют воспринять авторское видение данного концепта.

Автор также репрезентирует концепт «ЛЮБОВЬ» как нечто возвышенное и удивительное, потрясающее его до глубины души:

*It's amazing  
With the blink of an eye  
You finally see the light*

В данном примере концепт «ЛЮБОВЬ» реализуется имплицитно посредством метафоры. Период времени, предшествующий влюбленности, ассоциируется с темнотой; состояние лирического героя в период влюбленности метафорически представляется в виде процесса зрительного восприятия света (*You finally see the light*). Единицы, обозначающие период до наступления состояния любви, не эксплицитированы в тексте рок-композиции, однако использование наречия *finally* имплицитирует смысл «*you haven't seen the light before*».

В примере «*Tryin' to walk through the pain*» концепт «ЛЮБОВЬ» реализуется посредством концептуальной метафоры PAIN CAUSED BY LOVE IS A ROAD, используемой для имплицитной передачи концепта «ЛЮБОВЬ». Само чувство не номинируется; автор упоминает о душевных последствиях, которые пытается преодолеть герой. Процесс преодоления последствий любви выражается посредством глагола, обозначающего движение. Таким образом, преодоление душевных травм, вызванных любовью, ассоциируется в сознании героя с движением через определенное пространство, заполненное душевными переживаниями.

С целью имплицитного выражения концепта «ЛЮБОВЬ» автор также использует метафорическое сравнение. Эмоциональное состояние лирического героя сравнивается с физическим состоянием человека после наезда грузовика:

*My old libido has been blowing a transistor  
I feel like I have been hit by a truck  
Yeah*

Такой прием, как персонификация, также используется для имплицитной реализации концепта «ЛЮБОВЬ». Начало состояния влюбленности номинируется посредством единиц, обозначающих действия бога любви Купидона из римской мифологии:

*We was making love  
When you told me that you loved me  
I thought ol' cupid  
He was taking aim  
I was believer when you told me  
That you loved me*

В данном отрывке автор также противопоставляет физическую и духовную любовь (*We was making love when you told me that you loved me*). Фонетические особенности разговорного стиля, передаваемые посредством графонов, прямая речь и другие языковые особенности также делают текст песни понятнее и ближе для реципиента:

*There ain't gonna be no more beggin' you please  
You know what I want  
And it ain't one of these*

Имплицитный способ передачи концепта «ЛЮБОВЬ» также включает использование перифразы, в котором чувство любви ассоциируется с гипнотическим трансом:

*This is your only chance  
Or some hypnotic trance  
Let's get you on a tighter leash*

В рок-композиции «Falling in Love» концепт «ЛЮБОВЬ» в основном выражен эксплицитно посредством таких словосочетаний с лексемой *love*, как *falling in love*, *major in love*, *be in love*:

*I'm Jones' in' on love  
Yeah I got the DT's  
You say that we will  
But there ain't no guarantees  
I'm major in love  
But in all minor key  
'Cause falling in love is so hard on the knees*

### Выводы

В рамках песенного рок-дискурса разговорные элементы речи используются для передачи сложного поэтического содержания, обусловленного целью автора дать эстетическое описание объектов и явлений окружающей действительности. Сложное поэтическое содержание передается простым языком, но эта простота видимая. Простота формы нужна для создания атмосферы доверительности между исполнителем и слушателями, поскольку разговорный стиль снимает коммуникативные барьеры, сближает коммуникантов, способствуя установлению близкого, неформального контакта. Такой контраст простоты и сложности способствует более эффективному восприятию содержания песенного дискурса, включающего, помимо передаваемого текста, голосовое, музыкальное сопровождение, сценическое оформление (освещение, пиротехнические эффекты), визуальные знаки в клипе и т. д. Посредством сленгизмов автор эф-

фективно доносит содержание до молодого поколения. В рок-композициях реализуются различные концепты, один из самых значимых среди них — «ЛЮБОВЬ». Данный концепт является центральным и общечеловеческим понятием, которое находит отражение в любом языке. Тематика любви стала центральной в творчестве множества музыкантов. В текстах песен используются языковые средства имплицитной и эксплицитной репрезентации данного концепта. С целью имплицитной передачи концепта «ЛЮБОВЬ» автор часто использует метафору. Метафора помогает имплицитно выразить внутренние переживания, связанные с чувством любви. Следует отметить, что в текстах песен данный концепт выражен в основном посредством имплицитных средств, обозначающих различные действия, эмоции, желания, которые сопровождают субъекта, находящегося в состоянии любви.

### Библиографический список

- Зенкин С.Н. Введение в литературоведение: Теория литературы. М., 2000. 248 с.  
Кристал Д. Английский язык как глобальный. М.: Весь мир, 1997. 240 с.  
Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 156 с.  
Лихачев Д.С. Русская культура. СПб.: Искусство-СПб., 2007. 436 с.  
Степанов Ю.С. Концепты-константы в культуре. М., 1997. 287 с.

### References

- Zenkin S.N. *Vvedenie v literaturovedenie: Teoriia literature* [Introduction to Literary Studies: Theory of Literature]. M., 2000, 248 p. [in Russian].  
Kristal D. *Angliiskii iazyk kak global'nyi* [English as a global language]. M.: Ves' mir, 1997, 240 p. [in Russian].  
Kubryakova E.S. *Nominativnyi aspekt rechevoi deiatel'nosti* [Nominative aspect of speech activity]. M.: Nauka, 1986, 156 p. [in Russian].  
Lihachev D.S. *Russkaia kul'tura* [Russian culture]. SPb.: Iskusstvo-SPb., 2007, 436 p. [in Russian].  
Stepanov Yu.S. *Kontsepty-konstanty v kul'ture* [Constant Concepts in Culture]. M., 1997, 287 p. [in Russian].

О.Д. Вишнякова, М.В. Климанова

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ «KNOWLEDGE» И «EDUCATION»  
КАК БАЗОВЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА  
И ДИНАМИКА ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

© Вишнякова Ольга Дмитриевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

E-mail: ol-vish@mail.ru. ORCID: <https://doi.org/0000-0002-1617-051X>

© Климанова Мария Викторовна – учитель, государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Школа с углубленным изучением английского языка № 1375», 115533, Российская Федерация, г. Москва, Нагатинская набережная, 24.

E-mail: maria.climanova2011@yandex.ru. ORCID 0000-0002-9074-282x

**АННОТАЦИЯ**

Статья посвящена изучению англоязычного лингводидактического дискурса, который выступает как специфическая разновидность педагогического дискурса, обладающего своими особенностями, обусловленными его принадлежностью к соответствующей предметной области. Знание и образование рассматриваются в качестве ключевых сущностей данного типа дискурсивной деятельности людей. В лингводидактическом дискурсе знание (knowledge) может быть представлено на уровне различных форматов, особое место среди которых принадлежит лингвистическому знанию, включающему как теоретические основы овладения языком и соответствующей культурой, так и практические навыки в изучаемой области. Рассмотрение особенностей лингводидактического дискурса как части педагогического дискурса вызывает необходимость обращения к его изучению в терминах образовательной деятельности, что обуславливает обращение к анализу концепта «образование» (education).

В англоязычном дискурсе анализируемые концептуальные сущности представлены различными терминологическими единицами, среди которых данные концептуальные содержания и выражающие их языковые значения наиболее емко репрезентируются посредством таких словосочетаний, как, например, general knowledge, knowledge of the world, sociocultural knowledge, с одной стороны, и linguistic knowledge, language knowledge, knowledge of language, knowledge of the language – с другой, а также linguistic education, language education соответственно.

Семантическая специфика данных лингвистических единиц является обусловленной особенностями соответствующего контекста, играющего определяющую роль в ходе смыслового становления языковых значений в речевой действительности.

В процессе анализа лингвистического материала выявляется динамический характер данных концептуальных сущностей, что позволяет рассматривать их как гибкие концептуальные структуры, демонстрирующие диалектическую основу взаимоотношений концепта и понятия, а также специфику взаимодействия языка и речи в их неразрывном единстве.

Наблюдаемая динамика в значительной степени обусловлена особенностями реализации анализируемых концептуальных структур как обладающих культурной ценностью и эпистемологической значимостью образований.

**Ключевые слова:** знание, образование, лингводидактический дискурс, концептуальная структура, динамический характер, контекст, эпистемологическая значимость.

**Цитирование.** Вишнякова О.Д., Климанова М.В. Концептуальные структуры «knowledge» и «education» как базовые составляющие лингводидактического дискурса и динамика их реализации в современном английском языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 147–155. DOI: <https://doi.org/10.12287/2542-0445-2018-24-3-147-155>.



DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-147-155  
UDC 811.111:26

Submitted: 10/VIII/2018  
Accepted: 15/IX/2018

O.D. Vishnyakova, M.V. Klimanova

**CONCEPTUAL STRUCTURES «KNOWLEDGE» AND «EDUCATION» AS THE BASIC ELEMENTS OF LINGUODIDACTIC DISCOURSE AND THE DYNAMIC CHARACTER OF THEIR REALIZATION IN MODERN ENGLISH**

© Vishnyakova Olga Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: ol-vish@mail.ru. ORCID: <https://doi.org/0000-0002-1617-051X>

© Klimanova Maria Viktorovna – teacher, School with intensive study of English № 1375, 24, Nagatinskaya embankment, Moscow, 115533, Russian Federation.

E-mail: maria.klimanova2011@yandex.ru. ORCID: <https://doi.org/0000-0002-9074-282x>

**ABSTRACT**

The article concerns the study of the English linguodidactic discourse that can be regarded as the specific kind of pedagogical discourse, which possesses peculiarities of its own, determined by its belonging to the certain subject area. Knowledge and education are analyzed as the key concepts of the discursive sphere in question. In linguodidactic discourse the concept of knowledge can be represented at the level of different formats, among which linguistic knowledge is of particular importance. The issue concerns with both theoretical basics of language and the corresponding culture learning as well as practical language skills acquisition. The study of linguodidactic discourse as part of pedagogical discourse seeks its investigation in terms of the concept of education, which is of vital importance within these lines. The conceptual formations under analysis can be represented in the English discourse by various terminological units, among which the most significant are «general knowledge», «knowledge of the world», «sociocultural knowledge», as well as «linguistic knowledge», «language knowledge», «knowledge of language», «knowledge of the language», and «linguistic education», «language education», respectively.

The semantic peculiarities of linguistic units in question are closely connected with the peculiarities of certain contexts that play an important role in the process of the linguistic meanings representation. In the course of investigation the dynamic character of the concepts under analysis is being manifested, which enables the researcher to analyze them as flexible conceptual structures, demonstrating dialectical unity between concept and notion as closely connected mental formations that tend to find representation on the level of language and speech in their close interaction. The dynamic character of the phenomena is to a great extent determined by the qualities of cultural value and epistemological significance of the units under investigation.

**Key words:** knowledge, education, linguodidactic discourse, conceptual structure, dynamic character, context, epistemological significance.

**Citation.** Vishnyakova O.D., Klimanova M.V. *Kontseptual'nye struktury «knowledge» i «education» kak bazovye sostavliaiushchie lingvodidakticheskogo diskursa i dinamika ikh realizatsii v sovremennom angliiskom iazyke* [Conceptual structures «knowledge» and «education» as the basic elements of linguodidactic discourse and the dynamic character of their realization in modern English]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 147–155. DOI: <https://doi.org/10.12287/2542-0445-2018-24-3-147-155>.

**Введение**

Современные лингвистические исследования включают рассмотрение целого спектра явлений и процессов действительности, находящихся воплощение на уровне естественного человеческого языка, на основе применения различных языковедческих исследовательских методик. Все более тщательно проникновению в сущность данных феноменов способствует развитие и появление новых подходов и методов анализа. Бесспорной актуальностью обладают исследования, осуществляемые на основе концептуального анализа, предполагающего

изучение языка в теснейшей взаимосвязи с ментальными процессами. Характеризуя положение дел в данной области отечественной научной сферы, Е.С. Кубрякова отмечает, что «в установки когнитивной науки и когнитивной лингвистики вошло прежде всего изучение процессов концептуализации и категоризации мира, которые сами строились на новом понимании концептов и категорий» [Кубрякова 2009, с. 16]. Исследователь подчеркивает тот факт, что концептуальный анализ представляет собой аналитическую область, существующую в рамках когнитивно-дискурсивной пара-

дигмы знания, с учетом разных уровней обобщения (абстракции), и отмечает, что «если когнитивный анализ направлен прежде всего на определение тех конкретных структур знания, которые стоят за той или иной языковой формой, то КА направлен буквально на установление концептуальной структуры, которая стоит за рассматриваемой языковой формой» [Кубрякова 2009, с. 16].

Концепт, по мнению современных ученых, играет основную роль в процессе познания человеком окружающего мира. Так, Р.И. Павилёнис пишет, что развитие конвенциональных способностей человека, т. е. его умения ориентироваться в мире, обусловлено процессом образования смыслов, или концептов, возможностью формирования информации об объектах познания, лежащей в основе конструирования концептуальной системы в человеческом сознании [Павилёнис 1983, с. 101–102]. Концепты как элементы концептуальной системы сознания индивида, которая представляет собой «непрерывно конструируемую систему информации (мнений и знаний), которой располагает индивид, о действительном или возможном мире» [Павилёнис 1983, с. 280], характеризуются возможностью своего бытования в виде вербализованных либо невербализованных смысловых образований, способных к материальному воплощению в виде языковых форм. В этой связи следует подчеркнуть тот факт, что концептуальный анализ в современных языковедческих разысканиях принимает во внимание данное различие и допускает возможность структурного описания и реконструкции концепта в исследовательских целях только на основе его лингвистического выражения, т. е. того вербального имени, которое связано с его референциальными отношениями с определенным доменом знания [Кубрякова 2009, с. 17]. Отмечая динамический характер когнитивных процессов, Е.С. Кубрякова указывает на тот факт, что «порождаются же и заново вербализуются складывающиеся в сознании **концептуальные структуры**» [Кубрякова 2009, с. 17].

### Концептуальные структуры

Рассмотрение концептов «knowledge» (знание) и «education» (образование), содержательные области которых могут быть представлены в языке в первую очередь единицами абстрактной семантики, требует обращения к установлению их природы в терминах кодирования (репрезентации) концептов посредством вербального выражения на уровне концептуальных структур открытого типа, приобретающих новые свойства в процессе своей актуализации посредством различных языковых средств. Опираясь на тезис о взаимосвязанности концептуальных сущностей в концептуальной системе человека, исследователи пишут: «Кодирование концептов системы вербальными выражениями является не только предпосылку вербальной социальной коммуникации. Естественный язык, символически фиксируя определенные концепты концептуальной системы мира, дает возможность, *манипулируя* ...

*вербальными символами, манипулировать концептами системы.* Это значит – строить в ней в соответствии с фундаментальным принципом интерпретации новые концептуальные структуры, которые континуально, но опосредованно – через другие концепты и их структуры – соотнесены с концептами, отражающими актуальный познавательный опыт индивида» [Павилёнис 1983, с. 113–114].

Социальная функция языка является одним из условий его существования в определенных дискурсивных разновидностях его речевых реализаций. Понятие дискурса, выступающего как единство языковой формы, значения и действия, трактуется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; *речь*, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990, с. 136–137]. В этом плане следует особо подчеркнуть тот факт, что дискурс предполагает возможность разных видов своей актуализации с учетом экстралингвистических феноменов, непосредственно участвующих в осуществлении коммуникативных процессов. Типологический подход к анализу дискурса в терминах институциональности обусловлен его репрезентативной спецификой на уровне характеризующихся специализированным социально-профессиональным статусным кодом текстов. Для данного исследования актуальным является выделение лингводидактического дискурса, выступающего в качестве типологической разновидности педагогического дискурса, связанного с процессами передачи и усвоения лингвистических знаний, а также знаний о соответствующих лингвокультурных феноменах [Вишнякова, Климанова 2017, с. 51]. Важнейшей функциональной особенностью лингводидактического дискурса является его роль в формировании картины мира каждого из участников данного взаимодействия в рамках его актуализации. Представляется необходимым отметить факт единства и взаимообусловленности концептуальной и языковой картин мира – С.Г. Тер-Минасова отмечает теснейшую взаимосвязь языка, мышления и культуры: «**Язык, мышление и культура** взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать (а следовательно, и существовать) без двух других. Все вместе они соотносятся с **реальным миром**, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его» [Тер-Минасова 2004, с. 47]. Языковая картина мира может быть соотнесена с понятием знания, зафиксированного в значении языковых форм, а также в конвенциональных способах их выражения, что отражает специфику членения мира и обобщения соответствующих представлений, отраженных на различных уровнях языковой репрезентации [Александрова 2014, с. 19–24].

Знание как социально-философская категория в широком смысле квалифицируется как проверенный опытным путем результат познания действительности, входящий в систему речевой деятельности в качестве неотъемлемого когнитивного компонента, обладающего истинностью, достоверностью и верифицируемостью [Шаламов, Гладкая 2013]. Рассматривая данный феномен с позиций когнитивной лингвистики, ученые обращают пристальное внимание на роль структур знания в процессе образования и функционирования языковых форм с точки зрения оснований для формирования языкового значения, о чем пишет Е.С. Кубрякова, подчеркивая тот факт, что «знанием могут быть названы те и только те фрагменты сведений о мире, которые по своему содержанию обобщают наиболее важные черты этих самых сведений и представляют их в виде определенных закономерностей, регулярностей, правил и т. д., но и которые оказываются облеченными в специально создаваемую для них языковую форму» [Кубрякова 2008, с. 16].

Лингводидактический дискурс, представленный в виде текстов различных функционально-стилистических разновидностей, объединенных общей социально и профессионально обусловленной коммуникативно-прагматической задачей, является языковедческой областью, непосредственно связанной с процессами трансляции, переработки и порождения знаний определенного типа, в которой важнейшее место занимает концепт «знание», структурированный посредством целого ряда языковых репрезентаций. В этом отношении особая роль принадлежит вопросу смысловой организации дискурсивного пространства, теснейшим образом взаимодействующей с процессами реализации его функционального потенциала в соответствии с определенными закономерностями своих проявлений [Пономаренко 2013, с. 81].

Обращение к англоязычному лингводидактическому дискурсу с точки зрения возможностей представления концепта «knowledge» в первую очередь вызывает необходимость рассмотрения универсальных аспектов отражения специфики данной сущности в предметном поле лингводидактики. Языковые реализации концепта knowledge демонстрируют особенности его бытования в данной предметной области, — что находит воплощение в соответствующих синтаксических контекстах, представляющих собой единство морфосинтаксического и лексико-фразеологического аспектов построения речи [Александрова, Комова 2007, с. 138–153, 197]. Учитывая тот факт, что концепт как ментально-лингвальное образование может быть представлен на уровне целого ряда языковых значений, следует тем не менее подчеркнуть, что центральное место принадлежит «имени концепта», которое выступает в качестве репрезентанта того понятийного ядра, той «сердцевины», в которой в оптимальном виде концентрируются вещественно-образные характеристики, нашедшие отражение в мыслительной (а также в языковой) сфере как результат чувствен-

ного познания действительности и ментальной обработки полученной о ней информации. В рассматриваемом материале языковое представление концептуальной области knowledge отражает специфику его реализации как в виде концепта с широким спектром ассоциаций, регулярно вербально репрезентируемого в том числе и в обыденной речи, так и соответствующего понятия в собственном смысле слова, например в составе обладающих устойчивостью в плане воспроизведения сочетаний терминологического характера: I consider knowledge as an evolving and non-static action. As we learn we are constantly changing our understanding of the world (Goldberg 1997, p. 2); However, the exponential growth of knowledge in the modern period, with the increasing specialization that it involves has made it more and more difficult to maintain links between humanistic scholarship, scientific research and creative arts (Trim 1990, p. 35); Even the knowledge of what makes one different from another, and what combination of features is dangerous, can make all the difference between a simulation which is used successfully for language purposes, and one which is a flop (Jones 1992, p. 64); The distinction between technical proficiency and practical know-how (*techne*) on one side and fundamental knowledge and insight, theoretical understanding (*episteme*) on the other can no longer be sustained (Trim 1990, p. 35); One sometimes finds questions that require general knowledge rather than an understanding of the text (Nuttall 2008, p. 184); Use your global knowledge (of your hometown or country, cultures and languages) to identify a topic that is not in the English edition of Wikipedia (Tardy 2010, p. 19); Linked to this system are other areas of cognition, such as world knowledge (like an encyclopedia) and memory (like a personal diary or autobiography), so that activation of a word like *tangi* or *mango* or *tango* also triggers general knowledge and personal experiences that extend beyond the simple 'dictionary' meanings of these words (Thornbury 2007, p.17); To think that a course of a teacher can give the learners adequate schematic knowledge for understanding the L2 discourse is unrealistic (Alptekin 1992, p. 230); Visitors do not need specialized qualifications to contribute. Wikipedia's intent is to have articles that cover existing knowledge, not create new knowledge (original research). This means that people of all ages and cultural and social backgrounds can write Wikipedia articles (Tardy 2010, p. 13); Finally, we need to distinguish between receptive knowledge and productive knowledge (Thornbury 2007, p. 15); We can rely on the student's competence and on his background knowledge (Favretti 1989, p. 156).

Таким образом, концепт «knowledge» может рассматриваться как ментально-лингвальная структура, репрезентирующая широкую область человеческого знания, обладающего междисциплинарным характером, что отражено в вышеприведенных высказываниях, где соответствующая языковая единица реализуется в составе различных словосочетаний. Сущностной характеристикой данной содержательной области является ее смысловая корре-

ляция с такими областями, репрезентируемыми посредством языковых значений, как *skills* и *experience*, которые выступают в качестве составных элементов словосочетаний, отражая процесс смыслового становления семантической структуры *knowledge* в качестве репрезентанта данного концепта в дискурсивном пространстве интеллектуально-деятельностной направленности (к нему можно отнести научный, педагогический, лингводидактический типы дискурса): Through their participation in a scaffolded interaction, students of lesser proficiency can extend their current *skills and knowledge* to higher competence [Larsen-Freeman 2003, p. 88]; We have discussed the skills and kinds of knowledge involved in achieving fluency as if these were absolute qualities that all speakers share (Thornbury 2007, p. 27); Although one of the participants usually is more *skilled and knowledgeable* than the others, mentoring is not meant to be used to critique or evaluate (Murray 2010, p. 6); However, in our experience, what students frequently lack is not only a knowledge of study skills, but, more fundamentally, the underlying competence necessary for successful study – self-confidence, self-awareness, the ability to think critically and creatively, independence of mind, and so on (Waters M. and Waters A. 1992, p. 264); Linked to this system are other areas of *cognition*, such as *world knowledge* (like an encyclopedia) and memory (like a personal diary or autobiography), so that activation of a word like *tangi* or *mango* or *tango* also triggers *general knowledge* and *personal experiences* that extend beyond the simple ‘dictionary’ meanings of these words (Thornbury 2007, p. 17); Think about what you have learnt, and organize the information in your mind, consider its implications for other things you know, assess its importance and so on. The aim is to integrate it into your *previous knowledge and experience* (Nuttall 2008, p.129);

Динамический аспект взаимодействия коррелирующих между собой концептуальных структур *knowledge* и *experience* может быть представлен следующими двумя примерами, в которых реализуются отражающие тесную взаимосвязь данных значений лексико-семантическое единство *experience/knowledge*, а также атрибутивное словосочетание *experiential knowledge*: Each kind of text, and each individual text, requires different treatment. The work to be done at this stage may include some of the following: ... linking the content with the readers’ *experience/knowledge* (Nuttall 2008, p. 167); Rather than locating *experience and knowledge* in the researcher, this mode accords value to the *knowledge and experience* which trainees bring to the training/development process, and which constitutes their mental constructs or conceptual ‘schemata’... Chapter 6 exploits the potential of micro-teaching as a means of developing ‘*experiential knowledge*’ of professional action in a controlled and progressive way (Wallace 1992, p. 381).

Лингводидактический дискурс характеризуется целым рядом языковых реализаций, в которых единица *knowledge* выступает как ключевой, онтологически значимый элемент данного типа дискурса, представленного соответствующими контекстами

профессиональной направленности, например: In chapter 4, she discusses some limitations of the information-processing model in understanding teacher expertise, and she presents a number of alternatives, which emphasize teachers’ pedagogical content knowledge (i.e., their subject matter *knowledge and their ability* to represent that knowledge to their students) as well as their *practical, context-situated knowledge* (Vasquez 2004, p. 167); From the alternative perspective, assessment results affect the different knowledge and understanding that different raters bring to the assessment process and the different tasks that the students complete, each of which reveals a different aspect of the student’s knowledge and abilities (Lynch and Shaw 2004, p. 277); So, although the successful application of *descriptive knowledge* to pedagogical procedures is far from straightforward, a number of research developments in the identification of voice quality features and their possible role in the perception of accent are of interest to report (Morley 1994, p. 52); Authors stress that ESL/EFL teachers who work on pronunciation in the classroom must have a thorough knowledge of assessment tools and strategies and the ability to apply them appropriately in placing students, analyzing their needs, designing curriculum, giving feedback, and measuring achievement (Morley 1994, p. 4); I have witnessed students as they work toward making sense of their surroundings. Writing poetry gives them a structure through which to apply their observations. In doing this they are actively working with a *knowledge base and constructing understandings* of nature through an art form (Goldberg 1997, p. 2); I put the case that the ‘de-caffinated’ nature of these texts is possible only because the writer/speaker and reader/listener share a great deal of common knowledge. This *shared knowledge* makes the fine-tuning associated with grammatical meaning fairly redundant. *Knowledge is shared* if it can be retrieved from the immediate context (both in space and in time), or if it can be retrieved by reference to common experience (Thornbury 2007, p. 14); *Sociocultural knowledge* can be both extralinguistic and linguistic. Knowing whether people in a given culture shake hands on meeting, or embrace, or, bow, is extralinguistic; knowing what they say when they greet each other is clearly linguistic (Thornbury 2007, p. 12); The international quality of *specialized knowledge* in terms of content and methods of analysis and evaluation is a well-known phenomenon, and so is the internationalization of special languages as a consequence of that (Merlini Barbaresi 1990, p. 88); In addition, foundation programs provide *discipline-specific knowledge* (Singh and Doherty 2004, p. 13).

Особое внимание уделяется тем случаям, в которых представлена концепция языкового (лингвистического) знания, вызывающая у специалистов ряд методологических вопросов с точки зрения репрезентации данных терминологических образований в английском языке. Современные языковеды отмечают необходимость дифференцировать знание энциклопедического характера (знание о мире) и языковое знание с точки зрения их содержания, разграничивая в то же время знания язы-



кового и метаязыкового плана. Отметим в этой связи, что указанные типы знаний, как и стоящие за ними процессы объективной действительности, теснейшим образом взаимосвязаны и представлены в языке: Consider, too, how meeting the objectives might be useful when the knowledge obtained is applied to language learning, to intercultural communication, and to common, everyday class issues, materials development, language testing, or in applied linguistics research (Hatch 2001, p. 5).

Обращаясь к терминологической проблематике в данной области, А.А. Залевская указывает на неоднозначность русского коррелята «лингвистические знания» с англоязычной единицей «linguistic knowledge», которая, по мнению исследователя, соотносима «со знанием языка у индивида» [Залевская 2000, с. 67). Анализ материала лингводидактического дискурса позволил выявить факт терминологической неоднозначности в плане реализации таких терминов, как *linguistic knowledge*, *language knowledge*, *knowledge of language*, *knowledge of a language*, в современном английском языке [Larsen-Freeman 2003, p. 85]. Так, например, при рассмотрении словосочетания *linguistic knowledge*, выяснилось, что в следующем случае имеется в виду знание собственно лингвистических аспектов употребления языка, реализуемых в качестве теоретических оснований для его изучения: *Knowledge that is relevant to speaking can be categorized either as knowledge of features of language (linguistic knowledge) or knowledge that is independent of language (extralinguistic knowledge)...* The kinds of extralinguistic knowledge that affect speaking include such things as topic and cultural knowledge, knowledge of the context, and familiarity with the other speakers [Thornbury 2007, p. 11). Смысловому становлению значения единицы *linguistic knowledge* способствует контекстуальная контактность с семантически противопоставляемой ей единицей *extralinguistic knowledge*, а также уточняющие пояснительные конструкции, реализуемые в целях экспликации обоих словосочетаний: *can be categorized either as knowledge of features of language and knowledge that is independent of language*. Отметим, что большинство случаев реализации словосочетания *linguistic knowledge* в текстах, репрезентирующих лингводидактический дискурс, сопровождаются соответствующим контекстом, так или иначе проясняющим особенности семантического характера данной языковой единицы.

В следующем далее примере указанное словосочетание реализуется как номинация, соотносимая в плане своего значения со смысловыми характеристиками, относящимися к обозначению практического навыка владения языком, что также находит в данном случае контекстуальное подтверждение, выраженное фразой *their own ability to converse in any given foreign language: Generally speaking, for the majority of our generation and of previous ones, learning French or German was just the same as learning Latin. The language was studied structurally or grammatically and indeed, there were those who*

*succeeded quite well in writing it. However, any attempt to make language a living and spontaneous communication tool was shunned. Those who had occasion to travel abroad relied more on the linguistic knowledge of friends than on their own ability to converse in any given foreign language. However, during the last fifteen or twenty years this situation has been changing, slowly but surely. This is partially because young people are travelling more, both for pleasure and business. Thus, they are making foreign friends with whom they want to communicate better* [Guerin 1989, p. 176).

Иными словами, рассмотренные реализации очевидно отражают факт многослойности и широты содержательной и ассоциативной сфер концепта «knowledge» с учетом специфики его вербального воплощения в речевой действительности, в частности, посредством языковых значений, репрезентируемых языковой реализацией *linguistic knowledge*. Подвижный характер границ между знанием теоретического характера и знанием как основой актуализации языкового потенциала в речевой действительности на уровне практического владения языком отражает гибкий характер данной концептуальной структуры, обладающей культурной значимостью и эпистемологической ценностью.

Другим важным элементом онтологической базы лингводидактического дискурса является концепт «education», характеризуемый целым конгломератом различных способов лингвистической репрезентации в английском языке. В сфере лингводидактического дискурса концепт «education» может рассматриваться как репрезентирующее данную область человеческой деятельности научное понятие, с одной стороны, и как важнейший элемент ценностной шкалы социума, концепт, обладающий сложной содержательной структурой и в том числе – эмоционально-ценностными характеристиками, тесно связанными с его культурной значимостью, определяющей его статусность по отношению к ценностной шкале социума, – с другой.

Обратимся к материалу. In Malaysia, new regulations for each type and level of education, have substituted English for the official national language, Bahasa Malaysian, in science teaching (Carli, Ammon 2007, p. 3). In a multilingual and multicultural country such as Malaysia, where various ethnic groups ... have got used to living together, such a language policy threatens to bring to an end the socio-political balance which finally has been achieved through mother-tongue education [Carli, Ammon 2007, p. 3]. This is a challenge that takes place over time but this is the reality of one of the main reasons underpinning the change in language of education [Gill 2007, p. 120]. The aim of this program is to give a contribution to the continuing education of teachers of English as critical professionals (Celani and Collins 2004, p. 400). В приведенных высказываниях языковая единица *education* может рассматриваться как обладающая терминологическим значением и репрезентирующая соответствующее лингводидактическое понятие, находящее актуализацию в соответствующих

специальных контекстах. В то же время обращение к реализации данного значения в следующих случаях представляет интерес в плане реализации концептуальной структуры education, обладающей динамическим характером вследствие ее актуализации в качестве концепта, содержательная область которого включает целый ряд ассоциативных и эмоционально-оценочных характеристик, в первую очередь связанных с проявлением особенностей социокультурного плана и вхождения в структуру общественных ценностей, например: *Of course, the private/public divide in education exists in many countries, and at all levels from kindergarten to university* (Wallace 1999, p. 15). *Since 1945, education in the West has been subject to sweeping innovation consonant with social change. It transpires that democracy gave Europe two conflicting legacies: on the one hand, the ideal of equality, and on the other the notion of personal rights and liberties* (Shennan 1991, p. 15–16).

В следующих примерах диапазон ценностных характеристик единицы education расширяется непосредственно в направлении содержательной области, связанной с репрезентацией концептуальной сферы «языковое образование» – language education [Phillips 2007, p. 266–268], играющей важную роль в познании мира в целом и положившее начало новой области знания, получившей название educational linguistics [Hult 2008; Spolsky 2008], где языковое образование рассматривается как эпистемологически значимая структура, репрезентируемая на вербальном уровне посредством создаваемых носителями языка социально обусловленных номинаций, т. е. различных языковых выражений (имен собственных, назывных предложений, лексико-синтаксических конструкций, обладающих стилистической окрашенностью и т. д.), функционирующих в специфических контекстах, например: *The third broad development to emerge from the 1980s is the recognition by educators that Modern Languages Education has extended learning horizons* (Shennan 1991, p. 110); ... the official German view is that ‘No media education can exist without language education’ (Shennan 1991, p. 118). Эпистемологическая и культурная значимость концепта «education» может быть проиллюстрирована и следующим примером, где данная концептуальная структура репрезентирована посредством словосочетания educational innovation, реализуемого в контексте, обладающем особой тональностью повествования (tone of expression) [Гвишиани 2007, с. 57–59] вследствие своей содержательной специфики (информирование адресата о значимости образовательных инноваций и оценка существующей ситуации в данной области человеческой деятельности). Используемый репертуар языковых средств направлен на осуществление в первую очередь риторической функции и достижение соответствующего эффекта при помощи использования различных способов эмоционального воздействия [Харьковская 2000, с. 81–89], например: *Educational innovation can be*

*characterized as creative problem solving, but in an increasingly complex and dangerous world, what is acquired of educators is the realization that we cannot solve problems single-handedly* [Clarke 1999, p. 34].

Иначе говоря, рассмотренный материал позволяет охарактеризовать особенности реализации концепта «education» в лингводидактическом дискурсе как представление функционально и содержательно гибкой концептуальной структуры, обладающей культурной и эпистемологической ценностью, способной выступать как в качестве логически стройного, не отягощенного дополнительными содержательными характеристиками специального понятия, так и обладающего мощными содержательными возможностями концепта в собственном смысле слова [Вишнякова, Климанова 2007, с. 58–59].

### Заключение

Таким образом, на основе анализа языковых реализаций осуществлена попытка продемонстрировать такие характеристики концептов «knowledge» и «education», находящих свою актуализацию в области лингводидактического дискурса в качестве ключевых, онтологически значимых сущностей, как подвижный характер границ концепта и понятия, маркированность в культурном и ценностном отношении, особая эпистемологическая значимость, что позволяет рассматривать данные сущности как гибкие концептуальные структуры динамического характера, обладающие высоким потенциалом в плане расширения и развития своих концептуальных областей в различных направлениях, что, с одной стороны, находит отражение на уровне их языковой репрезентации, а с другой – является в определенной степени обусловленным функционально-семантической спецификой содержащих данные языковые единицы контекстов, способствующих смысловому становлению коррелирующих с ними языковых значений.

### Источники фактического материала

- Alptekin Cem. Culture and the Language Classroom / Reviews // *ELT Journal*. April 1992. Vol. 46/2. P. 229–231.
- Carli A. and Ammon U. Introduction // *AILA Review*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 20. P. 1–3.
- Clarke Mark A. Plenary: Improving practice: Problems. Perspectives and partnerships // *IATEFL*. 33rd International Annual Conference. Edinburgh, 28 March 2000 – 1 April 1999 / Grundy Peter (Ed.) / Edinburgh, 1999. P. 31–40.
- Favretti R.R. Language Teaching as a Curricular Subject // *Proceedings of the symposium on THE TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES IN EUROPEAN UNIVERSITIES*. Florence, 14–16 December 1989. Firenze, 1989. P. 149–159.
- Gill S.K. Shift in Language Policy in Malaysia // *AILA Review*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 20. P. 106–122.

Goldberg M.R. Arts and Learning: An Integrated Approach to Teaching and Learning in Multicultural and Multilingual Settings. Longman, 1997.

Guerin E. The Interdependence of Technology and Language in an Integrated Europe // Proceedings of the Symposium on The Teaching of Foreign Languages in European Universities. Florence, 14–16 December 1989. Edito nel 1990 dal Centro Linguistico di Ateneo dell'Università degli Studi di Firenze. P. 176–183.

Hatch E. Discourse and Language Education. Cambridge University press, 2001.

Jones Ken. Simulations in Language Teaching // New Directions in Language Teaching. Ed.: Howard B. Altman and Peter Strevens. Cambridge university press, 1992.

Lynch B., Shaw P. Portfolios, Power, and Ethics // TESOL QUARTERLY, Vol. 38, № 1. Spring 2004. P. 263–297.

Merlini Barbaresi L. ESP: Educational vs Instrumental Aims // Proceedings of the Symposium on the Teaching of Foreign Languages in European Universities. Florence, 14–16 December 1989/Ed. G. Csioni and Catherine Cheselka. Università degli Studi di Firenze, 1990. P. 83–96.

Morley Joan (ed.). Pronunciation Pedagogy and Theory. New Views, New Directions. TESOL Inc., 1994.

Murray Alice. Empowering Teachers through Professional Development // English Teaching Forum. 2010. Vol. 48. № 1. P. 2–11.

Nuttall Christine. Teaching Reading Skills in a foreign language. Macmillan – Heinemann, 2008.

Shennan Margaret. Teaching about Europe // Cassel Council of Europe series. London: Cassel, 1991.

Singh P. and Doherty C. Global Cultural flows and Pedagogic Dilemmas: Teaching in the Global University Contact Zone // TESOL QUARTERLY. Vol. 38. № 1. Spring 2004. P. 9–42.

Tardy Cristine M. Writing for the World: Wikipedia as an Introduction to Academic Writing // English teaching Forum. 2010. Vol. 48. № 1. P. 12–19.

Thornbury, Scott. How to Teach Vocabulary. Pearson Education Limited, 2007.

Trim J.L.M. What Should the University Provide for the Future Language Teacher? // Proceedings of the Symposium on the Teaching of Foreign Languages in European Universities. Florence, 14–16 December 1989 / Ed. G. Csioni and Catherine Cheselka. Università degli Studi di Firenze, 1990. P. 35–41.

Vasquez Camilla. Understanding Expertise in Teaching: Case Studies of ESL Teachers / Review // TESOL QUARTERLY. Vol. 38. № 1. Spring 2004. P. 167–169.

Wallace Michael. Training Foreign Language Teachers: A Reflective Approach // ELT Journal. Vol. 46/4. October 1992. P. 380–382.

Wallace Mike. Plenary: The end of methodology? Reflections on the notion of progress in TESOL // IATEFL. 33<sup>rd</sup> International Annual Conference. Edinburgh, 28 March – 1 April 1999 / Grundy. Peter (Ed.). Edinburgh, 1999. P. 10–18.

Waters M. and Waters A. Study skills and study competence: getting the priorities right // ELT Journal. July 1992. Vol. 46/3. P. 264–273.

## Библиографический список

Hult F.M. The History and Development of Educational Linguistics // The Handbook of Educational Linguistics / ed. by Bernard Spolsky and Francis M. Hult. Blackwell Publishing Ltd, 2008. P. 10–24.

Larsen-Freeman Diane. Teaching Language: From Grammar to Gramaring. Thomson; Heinle, 2003.

Phillips J.K. Foreign Language Education: Whose Definition? // The Modern Language Journal. Summer 2007. Vol. 91 (2). P. 266–268.

Spolsky B. Introduction: What is Educational Linguistics? // The Handbook of Educational Linguistics / ed. by Bernard Spolsky and Francis M. Hult. Blackwell Publishing Ltd, 2008. P. 1–9.

Александрова О.В. Формирование концептуальной картины мира на основе изучения лексико-грамматической системы языка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 3. С. 19–27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21918252>.

Александрова О.В., Комова Т.А. Современный английский язык: морфология и синтаксис. М.: Издательский центр «Академия», 2007.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.

Вишнякова О.Д., Климанова М.В. Лингводидактический дискурс как область реализации культурно значимых концептов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 50–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30102135>.

Гвишиани Н.Б. Современный английский язык: лексикология. М.: Академия, 2007.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000.

Кубрякова Е.С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Тамбов. гос. ун-т, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов; [гл. ред. Е. С. Кубрякова]. М.; Тамбов, 2008. Вып. 3: Типы знаний и проблемы их классификации. С. 11–24.

Кубрякова Е.С. Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. 1. Концептуальный анализ языка. М.: Тамбов, 2009. С. 11–21.

Павилёнис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Пономаренко Е.В. О функциональной самоорганизации речевых средств в английском деловом дискурсе // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 5 (106). С. 80–84.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета, 2004.

Харьковская А.А. Коммуникативные стратегии в современном межкультурном пространстве // Когнитивные аспекты изучения языковых явлений в германских языках: межвузовский сб. науч. ст. / под ред. А.А. Харьковской. Самара: Самарский университет, 2000. С. 81–90.

Шаламов В.Д., Гладкая Т.Г. Категория знания: ее содержание, функции и языковое выражение // Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 3. С. 5–11. URL: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/7444>.

## References

- Hult F.M. The History and Development of Educational Linguistics. In: *The Handbook of Educational Linguistics*. Ed. by Bernard Spolsky and Francis M. Hult. Blackwell Publishing Ltd, 2008, pp. 10–24 [in English].
- Larsen-Freeman Diane. Teaching Language: From Grammar to Gramming. Thomson; Heinle, 2003 [in English].
- Phillips J.K. Foreign Language Education: Whose Definition? *The Modern Language Journal*, Summer 2007, Vol. 91 (2), pp. 266–268 [in English].
- Spolsky B. Introduction: What is Educational Linguistics? In: *The Handbook of Educational Linguistics*. Ed. by Bernard Spolsky and Francis M. Hult. Blackwell Publishing Ltd, 2008, pp. 1–9 [in English].
- Aleksandrova O.V. *Formirovanie kontseptual'noi kartiny mira na osnove izucheniia leksiko-grammaticheskoi sistemy iazyka* [Forming of Conceptual World-view on the Basis of Lexical and Grammatical System of Language Study]. *Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [The Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2014, no. 3, pp. 19–27. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21918252> [in Russian].
- Aleksandrova O.V., Komova T.A. *Sovremennyi angliiskii iazyk: morfologiya i sintaksis* [Modern English Language: Morphology and Syntax]. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademii», 2007 [in Russian].
- Arutyunova N.D. *Diskurs* [Discourse]. In: *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. M., 1990, pp. 136–137 [in Russian].
- Vishnyakova O.D., Klimanova M.V. *Lingvodidakticheskii diskurs kak oblast' realizatsii kul'turno znachimykh kontseptov* [Linguodidactical Discourse as an Area of Realization of Culturally Significant Concepts]. *Vestn. Mosk. un-ta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [The Bulletin of Moscow University. Series 19: Linguistics and Cross-Cultural Communication], 2017, no. 3, pp. 50–61. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30102135> [in Russian].
- Gvishiani N.B. *Sovremennyi angliiskii iazyk: leksikologiya* [Modern English language: lexicology]. M.: Akademiia, 2007 [in Russian].
- Zalevskaya A.A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction into psycholinguistics]. M.: Rossiisk. Gos. Gumanit. Un-t, 2000 [in Russian].
- Kubryakova E.S. *O sootnoshenii iazyka i deistvitel'nosti i svyazi etoi problemy s traktovkoi poniatii znaniia* [On the Correlation of Language and Reality and the Connection of This Problem with the Notion of Knowledge Explication]. In: *Kognitivnye issledovaniia iazyka: sb. nauch. tr. Ros. akad. nauk, In-t iazykoznanii, Tambov. gos. un-t, Ros. assots. lingvistov-kognitologov; [gl. red. E.S. Kubriakova]* [Cognitive Studies of Language: Collection of research works. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics, Tambov State University, Russian Association of Linguists-Knowledge Engineers; [E.S. Kubryakova (Ed.)]. M.; Tambov, 2008. Issue 3: Types of Knowledge and Problems of Their Classification, pp. 11–24 [in Russian].
- Kubryakova E.S. *Osnovnye napravleniia kontseptual'nogo analiza: vmesto vvedeniia* [Basic Directions of Conceptual Analysis: Instead of Introduction]. In: *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. 1. Kontseptual'nyi analiz iazyka* [Cognitive Research of Language. Issue 1. Conceptual Analysis of Language]. M.: Tambov, 2009, pp. 11–21 [in Russian].
- Pavilenis R.I. *Problema smysla: Sovremennyi logiko-filosofskii analiz iazyka* [Problem of Meaning: Modern Logical and Philosophical Analysis of Language]. M.: Mysl', 1983 [in Russian].
- Ponomarenko E.V. *O funktsional'noi samoorganizatsii rechevykh sredstv v angliiskom delovom diskurse* [About Functional Self-Organization of Verbal Means in English Business Discourse]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2013, no. 5 (106), pp. 80–84 [in Russian].
- Ter-Minasova S.G. *Iazyk i mezhkul'turnaia kommunikatsiia* [Language and Cross-cultural Communication]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004 [in Russian].
- Kharkovskaya A.A. *Kommunikativnye strategii v sovremennom mezhkul'turnom prostranstve* [Communicative Strategies in Modern Cross-cultural Space]. In: *Kognitivnye aspekty izucheniia iazykovykh iavlenii v germanskikh iazykakh: mezhvuzovskii sb. nauch. st. Pod red. A.A. Khar'kovskoi* [Cognitive Aspects of Study of Linguistic Phenomena in Germanic Languages: interacademic collection of research works. A.A. Kharkovskaya (Ed.)]. Samara: Samarskii universitet, 2000, pp. 81–90 [in Russian].
- Shalamov V.D., Gladkaya T.G. *Kategoriia znaniia: ee sodержanie, funktsii i iazykovoie vyrazhenie* [Category of Knowledge: Its Content, Functions and Linguistic Representation]. *Vestnik RUDN. Seriya Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2013, no. 3, pp. 5–11. Available at: <http://journals.rudn.ru/semiotics-semantics/article/view/7444> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-3-156-160  
УДК 811.111

Дата поступления статьи: 5/VIII/2018  
Дата принятия статьи: 21/VIII/2018

**Е.В. Пономаренко, Г.А. Паршутина**

## **НЕЛИНЕЙНОСТЬ КАК СИСТЕМНОЕ СВОЙСТВО ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА АНГЛИЙСКОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА**

---

© Пономаренко Евгения Витальевна – д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка № 4, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

**E-mail:** [engl4mgimo@gmail.com](mailto:engl4mgimo@gmail.com). **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0003-3725-4461>

© Паршутина Галина Алексеевна – старший преподаватель кафедры английского языка № 4, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

**E-mail:** [engl4mgimo@gmail.com](mailto:engl4mgimo@gmail.com). **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-3662-2990>

---

### **АННОТАЦИЯ**

В статье раскрывается понятие нелинейности в ракурсе функциональных (прагма-семантических) характеристик английского делового дискурса. Авторы поддерживают традиционное представление о линейности структурной организации речи, однако наряду с этим отмечают, что формирование смысловой системы представляет собой гораздо более многогранный процесс, чем последовательное присоединение компонентов в тексте.

Во-первых, в речевой цепи образуется множество связей не только между следующими друг за другом единицами, но и между дистантно расположенными частями текста. Во-вторых, даже последовательно соединенные фразы приобретают дополнительные коннотации и смысловые приращения, так как в процессе развертывания дискурса накапливаются прагматические и семантические компоненты, которые реализуются именно в данном контексте и отсутствуют или преобразуются в ином окружении. В-третьих, в результате подобного взаимодействия всех компонентов текста в прагматике и семантике дискурса порождаются «новые смыслы», которые академик Л.В. Щерба считал важнее синтаксиса текста. Таким образом, многосторонние и разнообразные связи дискурса в совокупности создают его нелинейное функциональное пространство, в котором смысловые приращения актуализируются по принципу синергизма (условно говоря, « $2 + 2 = 5$ »).

На примере англоязычного материала авторы анализируют данное явление в разных регистрах деловой коммуникации и приходят к выводу, что вне зависимости от жанра, стиля, национального варианта английского языка свойство функциональной нелинейности всегда реализуется в живом общении коммуникантов. Это свойство необходимо осознанно использовать для повышения эффективности риторического воздействия и гармонизации взаимодействия партнеров, особенно в межнациональном общении.

**Ключевые слова:** английский деловой дискурс, функциональная нелинейность, системность, семантика, прагматика.

**Цитирование.** Пономаренко Е.В., Паршутина Г.А. Нелинейность как системное свойство функционального пространства английского делового дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 156–160. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-156-160>.

**Благодарность.** Публикация подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках VII конкурса молодых ученых.



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

E.V. Ponomarenko, G.A. Parshutina

NON-LINEARITY AS SYSTEMIC PROPERTY OF FUNCTIONAL SPACE  
OF BUSINESS ENGLISH DISCOURSE

© Ponomarenko Evgeniya Vitalievna – Doctor of Philological Sciences, professor of English Language Department N 4, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

E-mail: [engl4mgimo@gmail.com](mailto:engl4mgimo@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3725-4461>

© Parshutina Galina Alexeevna – senior lecturer of English Language Department N 4, MGIMO University, 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

E-mail: [engl4mgimo@gmail.com](mailto:engl4mgimo@gmail.com). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3662-2990>

## ABSTRACT

The article discloses the notion of non-linearity in terms of functional (pragmasemantic) characteristics of business English discourse. The authors support the traditional concept of linearity in reference to speech structural organisation; but at the same time they note that the formation of the sense system makes a much more multifaceted process than a successive addition of text components.

Firstly, numerous links are established in a speech chain not only between adjacent units, but also between distant parts of the text. Secondly, even successive phrases acquire additional connotations and sense accretions, as in the course of speech build-up pragmatic and semantic components accrue as specific properties peculiar to this very context and disappear or transform in a different medium. Thirdly, such interaction of all the text elements results in generating «new senses» which the famous linguist, academician L.V. Shcherba, considered even more important than the text syntax. Thus, multisided and diverse discourse links and relations create its aggregate non-linear functional space, which actualises sense accretions on the principle of synergism (figuratively speaking, « $2 + 2 = 5$ »).

The authors analyse this phenomenon based on the examples of different business English registers. The authors come to the conclusion that irrespective of the genre, style, national variant of English the property of non-linearity is always realised in communicants' actual interaction. This property must be used intentionally and appropriately for enhancing the efficiency of rhetoric impacts and harmonising partners' interaction, especially in international communication.

**Key words:** Business English discourse, functional non-linearity, systemacy, semantics, pragmatics.

**Citation.** Ponomarenko E.V., Parshutina G.A. *Nelineinost' kak sistemnoe svoystvo funktsional'nogo prostranstva angliiskogo delovogo diskursa* [Non-linearity as systemic property of functional space of business English discourse]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 3, pp. 156–160. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-3-156-160>.

**Acknowledgements.** Publication is prepared with the support of MGIMO within the framework of VII competition of young scientists.

## Введение

На современном этапе развития языкознания целесообразность изучения системных свойств дискурса уже не требует обоснований. В науке твердо закрепилось понимание того, что речь/дискурс при всем разнообразии и спонтанности форм не может существовать как полностью асистемное образование, противопоставляемое системе языка (как считалось в прошлом). Стало очевидным, что, хотя некоторая степень асистемности присутствует в речи, в целом это явление подчиняется определенным закономерностям и неизбежно систематизируется, а функциональные связи между компонентами речи регламентируются естественными логическими операциями мозга, что и делает возможным взаимопонимание между людьми. Поэтому сегодня речь/дискурс сопоставляется с языком не столько как асистемное явление, сколько как динамико-системное явление, которому, с одной стороны, присущи системные, стабилизирующие, свойства, а с другой – подвижные, вариативные свойства, так как любое произведение речи каждый раз создается заново (даже если повторяет уже существующее) из элементов, входящих в систему языка. Причем и те и

другие характеристики неотрывны друг от друга и актуализируются в дискурсе одновременно (М.Н. Кожина, З.И. Комарова, Е.С. Кубрякова, Н.А. Купина, В.Л. Малахова, Е.Н. Малуго, Т.В. Матвеева, Е.В. Пономаренко, А.В. Радюк, А.А. Харьковская, Д.С. Храмченко и др.) (см., например, [Малахова 2011; Пономаренко 2017; Храмченко 2009]).

## Нелинейные свойства английского дискурса

Для нас представляет интерес одно из базовых речевых свойств, благодаря которому текст как целостный конструкт приобретает качества дискурса – речи, погруженной в жизнь (по известному определению Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 2000, с. 137]). «Погруженность в жизнь» предполагает зависимость смыслового пространства дискурса от множества ситуативных (как лингвистических, так и экстралингвистических) параметров, которые в процессе реализации текста порождают различные семантические и прагматические приращения [Dijk 1990; Khrumchenko, Radyuk 2014]. Эти приращения определяются в первую очередь сознанием и психикой коммуникантов, конкретной речевой ситуацией, а также общим «состоянием умов» в соци-

уме, которое формирует предрасположенность к тому или иному мировосприятию. Очевидно, что один и тот же текст несет разную смысловую нагрузку для разных авторов и реципиентов в разных условиях общения. Например, фраза *Our customers' satisfaction is priority number one*, несомненно, приобретает специфические приращения при продаже услуг в автосалоне или в похоронном бюро, в банке или в платном туалете и т.п. И дело не только в характере предлагаемых услуг, но и в их качестве и количестве, значимости для конкретного продавца и/или клиента в конкретный момент его жизни, восприятию уровня цен и т. д., то есть в целом множестве сопутствующих обстоятельств заданной ситуации общения, которые обуславливают смысловые особенности дискурса.

При этом неизбежно возникает вопрос, что лежит в основе механизма порождения одним и тем же текстом разных смысловых приращений. Ответ — свойство *функциональной нелинейности*, анализ которого и составляет цель данной статьи.

Изучение нелинейных свойств дискурса помогает раскрыть систему прагма-семантических связей речевых средств, которые совокупно создают смысловое пространство текста [Малахова 2015; Пономаренко, Паршутина]. Это пространство образуется в полном соответствии с системной природой дискурса.

*Система* определяется как целостное образование, состоящее из определенного *множества элементов* и *взаимосвязей между ними* и обладающее особыми *интегративными* качествами, не свойственными образующим его элементам в отдельности, вне системы [Садковский 2010]. Раскрытие тех или иных особенностей системы дискурса возможно при анализе не только инвентаря элементов и частей этой системы, но и отношений между ними, то есть тех функций, которые ее компоненты «коллективно» осуществляют в общем процессе функционирования речи. Соответственно, оптимальной методологической основой изучения интересующих нас вопросов является функциональный анализ дискурса.

Материалом исследования служат образцы английского делового дискурса, который выбран неслучайно. В силу специфики сферы его использования деловой дискурс представляет весьма наглядную иллюстрацию двух фундаментальных оснований изучаемого явления:

- системности (как достаточно конвенциональный тип коммуникации),
- динамичности (как коммуникация, максимально сориентированная на оказание воздействия на партнера, требующая гибкого выстраивания речевых тактик и стратегий и высокой реактивности в зависимости от развития ситуации общения) [Леденева 2017; Малюга 2007; Харьковская 2012].

На современном этапе развития науки, который называют постнеклассическим, проблемы системности развиваются по линии изучения динамических систем (в том числе языка и речи) в состоянии незамкнутости, неравновесности и нелинейности [Кныазева, Kurdyumov 2018].

Незамкнутость системы подразумевает открытость к взаимодействию с внешней средой. В отношении дискурса — это открытость к воздействию протекающей ситуации и восприятия речи участниками общения (информационный обмен, эмоциональный отклик и т. п.).

Неравновесность определяется как неустойчивое состояние открытой системы, в котором воздействие извне может вызвать необычную реакцию системы и дать толчок к движению в новом направлении, в на-

шем случае — к формированию новых речемыслительных структур при появлении в дискурсе каких-то стимулирующих к этому сигналов, изменение направления смыслового развития дискурса в процессе коммуникации.

Наконец, нелинейность означает такое взаимное влияние различных элементов и частей системы друг на друга, когда общий результат деятельности системы не равен сумме результатов деятельности компонентов; то есть, явление, которое академик Л.В. Щерба описал как «правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы» [Щерба 2004, с. 24]. В современном переложении это выглядит как формула синергизма: « $2 + 2 = 5$ ».

Важно отметить, что приведенное понимание нелинейности не относится к структурному развертыванию дискурса, поскольку линейность его структурной организации никем не оспаривается: речевая «ткань» дискурса образуется путем последовательного присоединения элементов текста друг за другом. Однако создание смысловой системы дискурса представляет собой гораздо более многогранный процесс и именно нелинейный. Классический постулат о том, что язык отражает менталитет этноса (так же, как и отдельного носителя языка), ведет к пониманию следующего положения: поскольку менталитет человека формируется и функционирует по принципу нелинейности [Хакен Г., Хакен-Крелль М. 2002], вербальные образования, отражающие мозговые и психические процессы, также нелинейны. Иными словами, смысловое пространство дискурса — это не механическое сложение семантики последовательно связанных единиц текста, а «стереоскопическое» — комплексное и разнонаправленное — сочетание всех смысловых компонентов, которое в результате превосходит простую сумму сем языковых единиц текста или высказывания. Например:

*Abe's remarks struck me as total disorder of time and space* [Przystup 2014].

Если бы мыслительные процессы в сознании человека носили только линейный характер, то простое последовательное восприятие приведенного высказывания создавало бы тупиковую ситуацию бессмысленности: механическое сложение семантического потенциала компонентов текста дает нелепый результат — сообщение о том, что высказанные человеком замечания «ударили» говорящего как «полный беспорядок во времени и пространстве». В таком виде это речевое образование не может служить нормальным коммуникативным актом, ибо оно противоречит здравому смыслу: слова не могут физически ударить, а полный беспорядок во времени и пространстве вообще недоступен человеческому восприятию. Возможность создания адекватного смыслового поля проистекает именно из функциональной нелинейности речемыслительного процесса, благодаря чему в сознании человека включаются невербализованные ассоциативные связи: во-первых, ассоциации между физическим эффектом от удара и аналогичным по эмоциональному впечатлению психологическим эффектом от услышанных слов, а во-вторых, — между ощущением полного дискомфорта в процессе описываемого общения и фоновым представлением о том, насколько глубоким может быть дискомфорт в ситуации «полного беспорядка во времени и пространстве». Тогда множество прагма-семантических компонентов приведенного высказывания сплетается в общий комплекс смысловых взаимосвязей, дополняющих друг друга, и реципиент воспринимает фразу вполне осмысленно: «Замечания Эйба поразили меня полным несоответствием месту и времени происходящего». На примере данно-

го высказывания видно, что упоминавшиеся выше «новые смыслы» являются результатом комплексного, когерентного, взаимоусиливающего функционирования компонентов речи и актуализации системных ассоциативных связей в сознании человека и в соответствующих вербальных структурах. В этом смысле и шла речь о нелинейности функционального (а не структурного) плана дискурса, который охватывает семантику и прагматику дискурса в их неразрывном единстве и в процессе реализации речи, то есть в динамике.

Аналогичный механизм функциональной нелинейности срабатывает на уровне сверхфразовых единств. В этом случае нелинейные процессы проявляются еще более демонстративно по ряду причин. Во-первых, в более протяженной речевой цепи образуется множество связей не только между следующими друг за другом единицами, но и между дистантно расположенными частями текста. Во-вторых, даже последовательно соединенные фразы приобретают дополнительные коннотации и смысловые приращения, так как в процессе развертывания дискурса накапливаются прагматические и семантические компоненты, которые реализуются именно в данном контексте и отсутствуют или преобразуются в ином окружении. В-третьих, в результате подобного взаимодействия всех компонентов текста функциональное пространство дискурса по понятным причинам формирует более многочисленные новые смыслы.

Рассмотрим фрагмент одного из выступлений Дэвида Липтона, первого заместителя управляющего директора Международного валютного фонда, о ситуации в мировой экономике (Вашингтон, 2014 г.):

*First. The global economy was in a crisis 3 years ago. It's now not in a crisis. That's good news. We have seen a slowdown from what we expected this year, but we're projecting a recovery to 3.8 % growth next year. That's good news.*

*And for perspective, if you look at the 25 years before the global financial crisis, the average growth in the global economy was 3.8 %. So, we're projecting that growth will be more or less at the global average now.*

*Now, why do we worry that there's a new mediocre setting in? That's because we think that the world could do better, and we're worried that the world might actually do worse. And so, we're calling for efforts, strong efforts, to make sure that we invigorate global growth and take steps to prevent some of the downside risks that we're concerned about.*

*So, I wouldn't say that we're gloomy. I would say that we're cautious at a time now, where the global economy is recovering, to try to solidify the gains that are possible [David Lipton].*

Коммуникативная цель говорящего очевидна — создать у слушателей впечатление улучшения положения дел в мире, хотя при внимательном взгляде на приводимые Д. Липтоном аргументы становится понятно, что на момент этого выступления фактических данных об улучшении практически не было, и при сугубо линейном восприятии текста его смысловое пространство создавало бы неутешительную картину. Тем не менее, следует отдать должное умению оратора целенаправленно выстраивать функциональную перспективу дискурса к заданной цели — приукрасить действительность и внушить более оптимистические ожидания. В приведенном отрывке взаимодействуют и взаимоусиливают друг друга плотно распределенные в тексте разноуровневые средства, такие как:

1) прием антитезы, фокусирующий внимание слушателей на противопоставлении:

— временных глагольных форм в сочетании с опозицией утвердительных/отрицательных форм: *was in a crisis — it's not in a crisis; I wouldn't say — I would say;*

— модальных глаголов в сочетании с антонимичными оценочными прилагательными: *could do better — might do worse;*

— лексических значений глаголов: *invigorate — prevent;*

— лексических значений существительных: *slowdown — recovery - growth;*

— лексических значений прилагательных: *gloomy — cautious; worried — concerned;*

— дейксиса времени: *three years ago — now; this year — next year;*

2) повторы (дословные либо с некоторыми вариациями) единиц, выражающих ключевые прагма-семантические компоненты: *that's good news; we're projecting; we worry/we're worried; we're calling for efforts, strong efforts; recovery/recovering; growth;*

3) риторический вопрос: *Now, why do we worry that there's a new mediocre setting in?*

4) насыщенность текста лексикой благоприятных перспектив: *recovery; growth; good; more or less at the global average; do better; strong efforts; to make sure; invigorate; to prevent; is recovering; to solidify; the gains;*

5) компоненты четкой структурной сегментации, подкрепляющие впечатление упорядоченности ситуации: *First; And for perspective; Now; So.*

## Выводы

Таким образом, несмотря на то, что заявленные положительные тенденции еще только ожидаются в будущем и реально пока мало проявляются, функционер МВФ непринужденно создает риторически эффективный дискурс, который оставляет довольно благоприятное впечатление и дает некоторую надежду на «выздоровление» экономики. Приходится признать, что это общее впечатление — результат комплексного нелинейного взаимодействия разноуровневых речевых средств в функциональном пространстве данного дискурса.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что вне зависимости от жанра, стиля, национального варианта английского языка свойство функциональной нелинейности всегда реализуется в живом общении коммуникантов. Это свойство необходимо осознанно использовать для повышения эффективности риторического воздействия и гармонизации взаимодействия партнеров, особенно в межнациональном общении.

## Библиографический список

David Lipton on energizing global growth [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SmGHrb9S8xc>.

Dijk T.A. van Issues in Functional Discourse Analysis, H. Pinkster (Ed.), Liber Amicorum for Simon Dik. Dordrecht: Foris, Netherlands, 1990, pp. 27–46.

Khranchenko D., Radyuk A. The Synergy of Modern Business English Discourse: Holistic Approach to Teaching Unconventional Rhetoric. Proceedings of INTED2014 Conference 10th–12th March 2014, Valencia, Spain. Pp. 6779–6783.

Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P., Foundations of Synergetics: Blow-up Regimes, Self-Organisation, Tempoworlds, Russian Federation, Retrieved from URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/foundations-of-synergetic> (accessed: 25.01.2018).

Maluyga E.N., Orlova S.N. The Art of Business Interviewing in ESP Training // EDULEARN16 Proceedings, Barcelona. Spain, 2016. P. 7231–7235.



- Przystup J.J. Japan-China Relations: Past as Prologue // Comparative Connections. A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations. 2014. Vol. 16 (1). URL: [http://csis.org/files/publication/1401qjapan\\_china.pdf](http://csis.org/files/publication/1401qjapan_china.pdf) (accessed: 26.04.2017).
- Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
- Леденева С.Н. О дискурсивных свойствах рекламных текстов // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 4 (12). С. 36–42. URL: <http://filnauki.mgimo.ru/vnomere/o-diskursivnyh-svoystvah-reklamnyh-tekstov>.
- Малахова В.Л. Влияние дискурсивного пространства на формирование притяжательного смысла // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (44). Ч. 1. С. 138–140. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/37.html>.
- Малахова В.Л. Функциональные свойства категории притяжательности в английском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 187 с.
- Малюга Е.Н. Функционально-прагматические особенности речевого поведения британских и американских участников междукультурной деловой коммуникации: монография. М.: РУДН, 2007. 194 с.
- Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bbce481b4406a90ced7?p.s=TextQuery>.
- Пономаренко Е.В. О функциональной нелинейности английского языка и дискурса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2 (32). С. 248–254.
- Пономаренко Е.В., Паршутина Г.А. Динамико-системные свойства глаголов коммуникации в английском деловом дискурсе // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 1 (123). С. 98–103.
- Садовский В.Н. Система // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН. 2-е изд. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about>.
- Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу. М.: Ин-т компьютерных исследований, 2002. 272 с.
- Харьковская А.А. Виртуальные «визитные карточки» современных американских и британских школ: опыт дискурсанализа // Актуальные проблемы английского языкознания: сб. науч. ст. к юбилею профессора О.В. Александровой / под ред. Т.А. Комовой, Д.С. Мухортова. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 383–391.
- Храмченко Д.С. Ирония как средство активизации синергических процессов прагма-семантической самоорганизации английского делового дискурса // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 175–180.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 428 с.
- References**
- David Lipton on energizing global growth [Electronic resource]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=SmGHRb9S8xc> [in English].
- Dijk T.A. van. Issues in Functional Discourse Analysis, H. Pinkster (Ed.), Liber Amicorum for Simon Dik. Dordrecht: Foris, Netherlands, 1990, pp. 27-46 [in English].
- Khranchenko D., Radyuk A. The Synergy of Modern Business English Discourse: Holistic Approach to Teaching Unconventional Rhetoric. In: *Proceedings of INTED2014 Conference 10<sup>th</sup> - 12<sup>th</sup> March, 2014*. Valencia, Spain, pp. 6779-6783 [in English].
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Foundations of Synergetics: Blow-up Regimes, Self-Organisation, Tempoworlds, Russian Federation. Available at: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/foundations-of-synergetic/> [in English].
- Malyuga E.N., Orlova S.N. The Art of Business Interviewing in ESP Training. *EDULEARN16 Proceedings*. Barcelona, Spain, 2016, pp. 7231–7235 [in English].
- Przystup J.J. Japan-China Relations: Past as Prologue. *Comparative Connections. A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*, 2014, Vol. 16 (1). [Electronic resource]. Available at: [http://csis.org/files/publication/1401qjapan\\_china.pdf](http://csis.org/files/publication/1401qjapan_china.pdf) [in English].
- Arutyunova N.D. *Diskurs* [Discourse]. In: *Iazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar'. Gl. red. V.N. Iartseva. 2-e izd.* [Linguistics. Large encyclopedic dictionary. V.N. Yartseva (Ed.). 2<sup>nd</sup> edition]. M.: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 2000, 688 p. [in Russian].
- Ledeneva S.N. *O diskursivnykh svoystvakh reklamnykh tekstov* [On discursive features of advertisements]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philology at MGIMO], 2017, no. 4 (12), pp. 36–42. Available at: <http://filnauki.mgimo.ru/vnomere/o-diskursivnyh-svoystvah-reklamnyh-tekstov> [in Russian].
- Malakhova V.L. *Vliianie diskursivnogo prostranstva na formirovanie pritiyazhatel'nogo smysla* [Influence of discursive space on formation of possessive meaning]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 2015, no. 2 (44), Part 1, pp. 138–140. Available at: <http://www.gramota.net/materials/2/2015/2-1/37.html> [in Russian].
- Malakhova V.L. *Funktsional'nye svoystva kategorii pritiyazhatel'nosti v angliiskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk* [Functional properties of the category of possessiveness in English discourse: Candidate's of Philological Sciences thesis]. Samara, 2011, 187 p. [in Russian].
- Malyuga E.N. *Funktsional'no-pragmaticheskie osobennosti rechevogo povedeniia britanskikh i amerikanskikh uchastnikov mezhdkul'turnoi delovoi kommunikatsii: Monografiia* [Functional features of verbal behaviour of British and American participants in intercultural business communication: monograph]. M.: RUDN, 2007, 194 p. [in Russian].
- Novaia filosofskaia entsiklopediia* [New encyclopedia of philosophy]. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bbce481b4406a90ced7?p.s=TextQuery> [in Russian].
- Ponomarenko E.V. *O funktsional'noi nelineinosti angliiskogo iazyka i diskursa* [On functional non-linearity of English language and discourse]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bryansk State University Herald], 2017, no. 2 (32), pp. 248–254. Available at: [http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2017\\_2.pdf](http://vestnik-brgu.ru/wp-content/numbers/v2017_2.pdf) [in Russian].
- Ponomarenko E.V., Parshutina G.A. *Dinamiko-sistemnye svoystva glagolov kommunikatsii v angliiskom delovom diskurse* [Dynamic and systems properties of verbs of communication in English business discourse]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University]. 2015, no. 1 (123), pp. 98–103 [in Russian].
- Sadovskiy V.N. *Sistema* [System]. In: *Novaia filosofskaia entsiklopediia: v 4 t. Institut filosofii RAN. 2-e izd.* [New Encyclopedia of Philosophy. RAS Institute of philosophy. 2<sup>nd</sup> edition]. M.: Mysl', 2010. [Electronic resource]. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/page/about> [in Russian].
- Haken H., Haken-Krell M. *Tainy vospriiatiia. Sinergetika kak kluch k mozgu* [The mystery of perception. Synergetics as a key to the mind]. M.: In-t komp'uternykh issledovani, 2002, 272 p. [in Russian].
- Kharkovskaya A.A. *Virtual'nye «vizitnye kartochki» sovremennykh amerikanskikh i britanskikh shkol: opyt diskursanaliza* [Virtual «calling cards» of modern American and British schools: experience of discourse analysis]. In: *Aktual'nye problemy angliiskogo iazykoznanii: sb. nauch. statei k iubileiu professora O.V. Aleksandrovoi. Pod red. T.A. Komovoi, D.S. Mukhortova* [Topical issues of English linguistics: collection of research articles on the jubilee of the professor O.V. Aleksandrova. T.A. Komova, D.S. Mukhorotov (Eds.)]. M.: MAKS Press, 2012, pp. 383–391 [in Russian].
- Khranchenko D.S. *Ironiia kak sredstvo aktivizatsii sinergiinykh protsessov pragma-semanticheskoi samoorganizatsii angliiskogo delovogo diskursa* [Irony as a means of activation of synergetic processes of pragma-semantic self-organisation in English business discourse]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2009, no. 1 (67), pp. 175–180 [in Russian].
- Shcherba L.V. *Iazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'* [Language system and speech activity]. M.: Editorial URSS, 2004, 428 p. [in Russian].

